

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ВОСТОЧНЫЕ ВЕТВИ РОССИЙСКОЙ ДИАСПОРЫ

Том 2

СКВОЗЬ ВЕКА И СТРАНЫ

Коллективная монография

Москва
ИВ РАН
2020

УДК 93/94

ББК 63.3(0)6-284.6 + 63.3(2)6-362

Ответственный редактор, составитель:

к.культурол.н. Д. С. Панарина

Рецензенты:

к.и.н. Ю. В. Любимов, к.филол. н. А. А. Соколов

Руководитель проекта:

к.и.н. В. П. Николаев

Восточные ветви российской диаспоры. Том 2.
Сквозь века и страны: (Коллективная монография) /
отв. ред. и сост. Д. С. Панарина; Ин-т востоковедения
РАН. – М.: ИВ РАН, 2020. – 452 с.

ISBN 978-5-89282-961-8

В книге рассмотрены актуальные и малоизвестные факты по истории и современному состоянию российских диаспор в странах Востока: от Северной Африки и Ближнего Востока до Китая и Юго-Восточной Азии, а также Австралии и Новой Зеландии. Уделено внимание странам Средней (Центральной) Азии, бывшим республикам Советского Союза. В книге представлены материалы по появлению и формированию диаспор россиян, вкладу россиян в политические, экономические, научные и культурные сферы жизни стран Востока.

ББК 63.3(0)6-284.6 + 63.3(2)6-362

ISBN 978-5-89282-961-8

© ФГБУН ИВ РАН, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	7
--------------------------	---

Китай – центр научной и культурной жизни россиян на Востоке

Глава 1. Выпускники Восточного института в зарубежье (к 120-летию основания вуза)	17
Глава 2. Вильям Оскарович фон Клемм (1861-1938). Письма русского дипломата-восточника	28
Глава 3. Художник Макарий Федорович Домрачев – "советский эмигрант" в Китае	54
Глава 4. Материалы Токийского процесса как источник по истории российской эмиграции в Китае, 1931-1945	93

Ближний Восток – перекресток судеб

Глава 5. Славяне и институт элитных войск в странах мусульманского востока: история и современность	154
Глава 6. Наши соотечественники в Израиле – кто они?	161
Глава 7. Механика бегства от коммунизма: община русских беженцев в Иране и ее переселение в Австралию, 1930-1955 гг.	189

Среднеазиатская мозаика

Глава 8. Казачество России и Казахстана: история и современность	218
Глава 9. Эпизоды русской миграции в Среднюю Азию: на материале прозы Николая Каразина	244

Глава 10. Становление русской языковой личности в ситуации трехъязычия в Казахстане: синхронный аспект	272
---	-----

***Северная Африка:
думы и настроения русских эмигрантов***

Глава 11. Специфика журнальной периодики русских эмигрантов в Северной Африке начала 1920-х гг.: отечественная историография проблемы	300
--	-----

Глава 12. Дни русской культуры в Александрии	314
---	-----

***Индонезия, Австралия и Новая Зеландия:
берега обетованные***

Глава 13. Россияне в Индонезии: открытия историка Е.И. Гневушевой	319
---	-----

Глава 14. Российские анзаки Первой мировой: просопография и электронные ресурсы	342
---	-----

Глава 15. История России в поэзии Гали Плисовской ...	361
--	-----

Глава 16. Еврейские эмигранты из Российской империи в ранней истории Новой Зеландии	395
---	-----

<i>Abstract</i>	411
------------------------------	-----

<i>Библиография</i>	423
----------------------------------	-----

CONTENTS

<i>Introduction</i>	<i>7</i>
---------------------------	----------

China as the Centre of the Russians' Scientific and Cultural Life in the East

Chapter 1. Graduates from the Eastern Institute Who Were Abroad (to the 120th Anniversary of the Institute Foundation)	17
---	----

Chapter 2. William Oskarovich von Klemm (1861–1938): Letters of a Russian Eastern Diplomat	28
--	----

Chapter 3. Artist Makary Fedorovich Domrachev – "a Soviet emigrant" in China	54
--	----

Chapter 4. Materials of the Tokyo Process as a Source on the History of Russian Emigration in China, 1931–1945.....	93
--	----

The Middle East – Crossroad of Fates

Chapter 5. Representatives of Slavonic Peoples and Guardian Troops in Countries of Moslem East: History and Modern time.....	154
---	-----

Chapter 6. Our Compatriots in Israel – Who Are They?	161
---	-----

Chapter 7. Mechanics Fleeing Communism: Russian Refugees in Iran and their Resettlement in Australia, 1930–1955	189
--	-----

Central Asia's Mosaic

Chapter 8. Cossacks of Russia and Kazakhstan: History and Modern Time	218
---	-----

Chapter 9. Episodes of Russian Migration to Central Asia: Based on the Prose of Nicholas Karazin	244
--	-----

Chapter 10. The Formation of the Russian Language Personality in the Situation of Trilingualism in Kazakhstan: A Synchronous Aspect.....	272
---	-----

*North Africa: Thoughts and Sentiments
of the Russian Emigrants*

Chapter 11. Specifics of the Journal Periodicals of Russian Émigré in North Africa in the Beginning of the 1920s: Russian Historiography of the Problem.....	300
---	-----

Chapter 12. Days of Russian Culture in Alexandria	314
--	-----

*Indonesia, Australia and the New Zealand:
A Land of Milk and Honey*

Chapter 13. Russians in Indonesia: The Discoveries of the Historian E.I. Gnevusheva	319
---	-----

Chapter 14. Russian Anzacs of the First World War: Prosopography and Electronic Resources.....	342
--	-----

Chapter 15. History of Russia in the Poetry of Gali Plisovskaya	361
---	-----

Chapter 16. Jewish Immigrants from the Russian Empire in the Early History of New Zealand	395
---	-----

<i>Abstract</i>	411
-----------------------	-----

<i>Bibliography</i>	423
---------------------------	-----

Предисловие

Коллективная монография «Восточные ветви российской диаспоры: сквозь века и страны» стала второй книгой в серии «Восточные ветви российской диаспоры», вышедшей из печати в 2019 г. В подготовке предлагаемой читателю монографии приняли участие ученые-специалисты из Института востоковедения РАН, Дальневосточного федерального университета, Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН, Уральского федерального университета, Санкт-Петербургского государственного университета, Московского государственного педагогического университета, Дипломатической академии МИД РФ, Алма-Атинского университета энергетики и связи (Казахстан), Австралийского национального университета (Канберра).

Книгу отличает многообразие тем исследований, что обусловлено значительным количеством стран, где ныне проживают как потомки выходцев из Российской империи, так и эмигранты из Советского Союза. Временной диапазон исследований так же широк – от XVII века до современности. Большое внимание уделено судьбам отдельных личностей – ученых, деятелей культуры и другим людям, что позволяет охарактеризовать российские диаспоры в общегуманитарном измерении. Особо стоит отметить те разделы, где авторы обратились к истории создания российских диаспор в Средней Азии, их современному бытованию, в частности в языковом аспекте.

Монография включает в себя пять разделов, в которых главы объединены определенной тематикой, нумерация глав сквозная. Открывает книгу раздел «Китай - центр научной и культурной жизни россиян на Востоке», в него вошли четыре главы, первая из которых – «Выпускники Восточного института в зарубежье (к 120-летию основания вуза)» (Каневская Г.И.) рассказывает о создании Дальнево-

сточного университета и его значении для России. Историю свою ДВФУ ведет от основания в 1899 г. Восточного института (ВИ), выпускников которого с самого начала готовили для работы за пределами России. В послереволюционный период многие из них стали эмигрантами. В главе дан анализ основных направлений и результатов деятельности питомцев Восточного института, оказавшихся в зарубежье.

Вторая глава «Вильям Оскарович фон Клемм (1861–1938). Письма русского дипломата-восточника» (*Загородникова Т.Н.*) посвящена личности русского дипломата-восточника. Автор приводит интересные факты о жизни Вильяма (Василия) Оскаровича фон Клемма, который всю жизнь прослужил на разных должностях в российских дипломатических представительствах на Востоке, а также в министерстве иностранных дел в департаментах, связанных с Востоком, став одним из самых высокопоставленных чиновников МИД. В эмиграции после событий 1917 г. он оказался в Китае, где занимался переводами, репетиторством, устроился бухгалтером в одну из международных благотворительных организаций.

Глава третья «Художник Макарий Федорович Домрачев – "советский эмигрант" в Китае» (*Кротова М.В.*) рассказывает об известном театральном художнике М.Ф. Домрачеве (1887–1958), проживавшем в Китае с 1924 по 1945 гг. Он, сохранив свое советское гражданство, принадлежал к особой категории русской диаспоры в Китае – так называемым «советским эмигрантам», чья жизнь оказалась тесно связана с драматичными событиями российской и китайской истории. Уехав ненадолго из Ленинграда в Харбин в 1924 г. для работы в театре Железнодорожного собрания КВЖД, М.Ф. Домрачев «задержался» в Китае на 20 лет, полных плодотворной работы – несколько десятков оформленных спектаклей известных режиссеров в Харбине и Шанхае, гастроли в Японию и другие страны, преподавание в Институте национальных искусств в

Ханьчжоу. Вернувшись в феврале 1945 г. в СССР, М.Ф. Домрачев продолжил работу в качестве театрального художника. Исследование основано на архивных материалах из фондов ЦГАЛИ СПб и ЦГИА СПб, при изучении которых обнаружились подробности жизни и деятельности художника в Китае, обстоятельства его возвращения в СССР и попытки «встроиться» в советскую жизнь.

Четвертая и заключительная глава первого раздела – «Материалы Токийского процесса как источник по истории российской эмиграции в Китае (1931–1945)» (*Черникова Л.П.*) знакомит читателя с материалами Международного военного трибунала для Дальнего Востока (МВТДВ, иначе назывался «Второй или Дальневосточный Нюрнберг»), который работал в Токио с 1946 по 1948 г. В работе трибунала приняли участие представители СССР, США, Великобритании, Китая, Франции, Австралии, Канады, Новой Зеландии и Нидерландов. Затем к соглашению присоединились Индия и Филиппины. Материалы процесса стали одним из источников при работе над темой по истории российской эмиграции в Китае.

Второй раздел «Ближний Восток – перекресток судеб» включает в себя три главы, одна из которых публикуется на английском языке. Глава пятая «Славяне и институт элитных войск в странах мусульманского востока: история и современность» (*Кадырбаев А.Ш.*) посвящена истории создания элитных войск (гвардий), сформированных из славян, известных в мусульманском мире как «сакалиба», в том числе и русских, в империях и государствах средневекового мусульманского Востока, а также Нового времени, когда представители славянских народов, сыграли заметную роль в истории мусульманских стран от страны Андалус на Пиренейском полуострове до Индии и Центральной Азии. Хотя гвардии мусульманских правителей формировались из воинов-рабов сакалиба, выходцы из них иногда достигали вершин власти в странах ислама

и от их деяний зависели судьбы этих стран. Эту роль представители славянских стран не утратили и в Новое время вплоть до настоящего времени, хотя их социальный статус изменился, но в ряде стран, причем не только мусульманских, они продолжают оставаться компонентом элитных войск.

Шестая глава называется «Наши соотечественники в Израиле – кто они?» (*Семенченко Н.А.*). Автор отмечает, что на территории такой небольшой страны как Израиль, проживает немало представителей наших соотечественников, к которым можно отнести уехавших в Израиль в 90-е годы из СССР/СНГ евреев, а также русских и представителей других народов, эмигрировавших в составе смешанных семей. К соотечественникам автор также относит азербайджанскую, грузинскую, татарскую общины, а также черкесскую, чеченскую, армянскую общины, которые проживают на этой территории ещё с XIX века.

Завершает второй раздел глава седьмая «Механика бегства от коммунизма: община русских беженцев в Иране и ее переселение в Австралию, 1930–1955 гг.» австралийского исследователя *Маркуса Джеймса*. Глава публикуется на английском языке. В отличие от других волн русской эмиграции после революции (осевших в Европе и на Дальнем Востоке), эта группа русских не являлась предметом научного внимания. Большинство из этих беженцев прибыли в Иран в период между 1928 и 1932 гг., спасаясь от потрясений, связанных с коллективизацией и раскулачиванием в Советском Союзе. Эти «русские без гражданства» жили в Иране в течение двух десятилетий, достаточно долго, чтобы вырастить поколение детей, говорящих на русском и фарси, и во время Второй мировой войны внести ценный вклад в оказание помощи России по ленд-лизу через «персидский коридор». После войны, в свете растущего иранского национализма, кризиса национализации нефтяных богатств и зарождающегося соперничества в холодной войне между Великобританией/США и Совет-

ским Союзом, эти беженцы и другие европейцы без гражданства становились все более нежелательными. К 1955 г. с помощью Верховного комиссара ООН по делам беженцев, правительств западных стран и агентств по оказанию помощи беженцам, в том числе Фонда Толстого, большинство этих россиян смогли покинуть Иран, чтобы переселиться в Австралию и Соединенные Штаты.

В третий раздел под названием «Среднеазиатская мозаика» вошли три главы. Восьмая глава «Казачество России и Казахстана: история и современность» (*Кадырбаев А.Ш.*) посвящена актуальной и поныне проблеме, касающейся истории бывшего военного сословия Российской империи – казачьих войск на территории современных России, в основном на Дону и на Северном Кавказе, и Казахстана, а именно, донцов, кубанцев, терцев и семиречков. Казачество сыграло противоречивую роль в истории России и Казахстана, с одной стороны, они были защитниками рубежей Государства Российского, а с другой, являлись беспокойным элементом, часто ставя Россию на грань войны с ее соседями своими набегам и потрясая бунтами основы российской имперской государственности. В Новое время казаки стали орудием властей Российской империи в проведении колониальной политики на национальных окраинах. Возрождение казачества в наши дни выявило вопрос, казаки этнос или этнографическая группа в составе русского народа?

Продолжает третий раздел глава девятая «Эпизоды русской миграции в Среднюю Азию: на материале прозы Николая Каразина» (*Шафранская Э.Ф.*). На материале прозы русского писателя XIX века Николая Николаевича Каразина в данной главе воссоздана картина внедрения русских в Среднюю Азию: солдат, крестьян, предпринимателей, среди которых были не только авантюристы, «господа ташкентцы», но и подвижники. Каразин, участник военного завоевания Туркестанского края, был предан ему,

полюбил его, оставил много интересных наблюдений, которые сегодня имеют не только этнографическую, но и историческую ценность.

В десятой главе «Становление русской языковой личности в ситуации трехязычия в Казахстане: синхронный аспект» (*Смирнова Ю.Г.*), автор указывает, что в Казахстане в течение последних 25 лет менялась парадигма, определяющая роль того или иного языка в жизни общества и страны. Соответственно менялась и языковая ситуация, менялись факторы влияния на языковую ситуацию и носителей языка. В последние три года обозначились новые интересные тенденции в этой области, чему посвящен материал данной работы.

Четвертый раздел монографии «Северная Африка: думы и настроения русских эмигрантов» включает в себя две главы. Глава одиннадцатая «Специфика журнальной периодики русских эмигрантов в Северной Африке начала 1920-х гг.: отечественная историография проблемы» (*Антошин А.В.*) повествует об истории русской эмигрантской прессы в Северной Африке в начале 1920-х гг. В центре внимания – журналы, публиковавшиеся русскими беженцами в Тунисе и Египте. Особое внимание уделено «Морскому сборнику», который издавался русскими морскими офицерами в Бизерте. Автор показывает эволюцию содержания данного журнала в 1921–1922 гг., связанную с постепенным изменением ситуации в русской колонии в Тунисе. Отмечено сильное влияние позиции Франции на положение русских эмигрантов в Тунисе. Значительное внимание уделено тем издательским проектам, которые осуществлялись в Тунисе представителями русской эмигрантской молодежи. Показано, что журнал «Жили-были», как и некоторые другие издания, носили литературно-художественный характер, их авторами были начинающие поэты, публицисты, художники. В главе проанализированы также издательские проекты, возникавшие в среде русской эмигрантской колонии Египта. Показано,

что они также возникали, прежде всего, в среде молодой русской военной эмиграции, а также связанной с ними русской интеллигенции. Автор доказывает, что данные проекты имели определенный общественный резонанс и привлекли даже внимание русских эмигрантских органов печати в Париже.

Двенадцатая глава «Дни русской культуры в Александрии» (*Беляков В.В.*) посвящена теме досуга русских эмигрантов в Египте, осевших там в начале 1920-х годов. Они устраивали Дни русской культуры, которые проходили и в Каире, и в Александрии. В северной столице Египта их устраивали дважды – в 1928 и 1929 гг. Проводил их П.Я. Добрыня-Конюхов, уникальный представитель русской эмиграции в Египте. В кратком обзоре рассказывается о его пребывании в Египте и проведении им Дней русской культуры в Александрии.

Пятый, заключительный раздел монографии «Индонезия, Австралия и Новая Зеландия: берега обетованные» содержит три главы, описывающие жизнь русской диаспоры в Австралии и Новой Зеландии. Глава тринадцатая называется «Россияне в Индонезии: открытия историка Е.И. Гневушевой» (*Погадаев В.А.*). Историк Елизавета Ивановна Гневушева (1916–1994), являвшаяся ученицей и биографом академика А.А. Губера, более 30 лет проработала доцентом кафедры истории стран ЮВА и Дальнего Востока Института восточных языков при МГУ им. М.В. Ломоносова (ныне ИСАА). Она читала курс новой истории Индонезии, была автором многочисленных статей и разделов по Индонезии в учебниках истории стран Азии и Африки, статей и книг об А.А. Губере. Однако, ее главные интересы были связаны с поиском россиян, посетивших Индонезию в XIX – начале XX вв. с научной целью, или по воле случая оказавшихся и проживавших там некоторое время. Среди них как известные ученые и путешественники (Н.Н. Миклухо-Маклай, А.Н. Краснов, К.Н. Да-

выдов, В.Н. Арнольди и др.), так и россияне, информацию о пребывании которых в Индонезии ей удалось впервые обнаружить в ходе ее кропотливой работы в российских и советских архивах (В.П. Малыгин, участвовавший в 1894 г. в антиколониальном восстании на о. Ломбок; И.Т. Благов, строивший в 1920-х гг. порт в Сурабае и др.). Нередко за находками в архивах следовали ее полевые исследования. Значительное внимание уделила Е.И. Гневушева судьбе А.С. Эстрина и его этнографическим коллекциям, которые он привез из Индонезии. Часть ее находок описана в ее работах, в том числе в книге «В стране трех тысяч островов» (1962) и многочисленных статьях, опубликованных также на иностранных языках. Часть же остались неопубликованными и хранятся в ее архиве. Значение работ Е.И. Гневушевой бесспорно: они позволяют выявить роль россиян, которые внесли весомый вклад в развитие далекой страны и способствовали созданию там положительного имиджа России, а также заложили основы будущих дружественных связей между Россией и Индонезией.

Четырнадцатая глава «Российские анзаки Первой мировой: просопография и электронные ресурсы» (*Говор Е.В.*) посвящена участию россиян в Австрало-Новозеландском армейском корпусе (АНЗАК) в годы Первой мировой войны и подводит итоги исследованию автора продолжавшегося на протяжении 19 лет. Исследование было основано на комплексном использовании первичных источников – документов австралийских архивов, воспоминаний, интервью с потомками, газетных публикаций. Рассматривается также роль созданного автором вебсайта «Российские анзаки», который содержит биографическую и служебную информацию о каждом военнослужащем и ссылки на оцифрованные архивные документы и другие прижизненные материалы. Такой подход представляет собой попытку продолжающегося просопографического исследования, проводимого в современных условиях массовой оцифровки первичных источников и делающую до-

ступной лабораторию историка для широкого круга пользователей.

Глава пятнадцатая «История России в поэзии Гали Плисовской» (*Скоробогатых Н.С.*) рассказывает о непростой судьбе одной из представительниц русской диаспоры в Австралии. Автор анализирует творчество практически неизвестной в России, но очень талантливой поэтессы Галины Евгеньевны Плисовской. Ее биография – плоть от плоти истории России в XX в., и, как и судьба нашей страны, её жизнь очень сложна и трагична. Родилась она в 1922 г. в г. Демидов Смоленской области в семье священника, расстрелянного в годы репрессий. Во время Второй мировой войны Галина и ее мать попали на работу в Германию, а в 1949 г. с матерью, мужем и маленьким сыном она эмигрировала в Австралийский Союз, где прожила большую часть своей жизни. Стихи стала писать в ранней юности, и никогда она не забывала того, что с ней происходило. Ее стихотворное наследие обширно и отражает все события, свидетелем которых она стала.

Завершается книга главой шестнадцатой «Еврейские эмигранты из Российской империи в ранней истории Новой Зеландии» (*Рудникова Е. В.*). Первая волна российской эмиграции в Новую Зеландию по своему этническому составу была преимущественно еврейской и польской. Во второй половине XVIII в., после трех разделов Польши Пруссией, Россией и Австрией, Российская империя стала страной с самым большим еврейским населением в мире. Через столетие борьба поляков за независимость и внутренние притеснения еврейского населения в России привели к массовому выезду за рубеж представителей этих народов. Заметное число таких эмигрантов из России появилось и в новых британских колониях в южных морях – Австралии и Новой Зеландии. Этот сюжет в истории дореволюционной эмиграции из России является слабоизученным как в отечественной, так и в зарубежной историо-

графии. Целью исследования является восполнение данного пробела. Для ее достижения используются различные статистические данные, мемуарная, справочная литература, архивные данные, материалы и выводы зарубежных (англоязычных) и российских исследований.

Монография дополнена кратким содержанием глав и сведениями об авторах на английском языке.

В обстановке нарастающей русофобии в странах Запада крайне важно восстановить историческую правду и выявить роль россиян в политической, экономической, научной и культурной сферах жизни государств, принявших русскую эмиграцию. Этой задаче посвятили свою работу авторы данной монографии.

Д.С. Панарина

Китай: центр научной и культурной жизни россиян на Востоке

Глава 1. ВЫПУСКНИКИ ВОСТОЧНОГО ИНСТИТУТА В ЗАРУБЕЖЬЕ (к 120-летию основания вуза)¹

Восточный институт во Владивостоке (1899–1920) был основан 21 октября 1899 г. по Указу императора Николая II. По словам ректора ДВГУ (1990–2010 гг.) В.И. Курилова: «Восточный институт был более чем вузом – он возник как звено государственной политики, нацеленной на создание Тихоокеанской России»². Институт готовил специалистов-востоковедов для работы в Китае, Корее, Монголии, Японии, потребность в которых была продиктована расширением контактов с этими странами и осложнением международной обстановки на Дальнем Востоке в конце XIX века. ВИ стал первым высшим учебным заведением Дальнего Востока и заложил основы практического востоковедения в России.

Срок обучения в институте был четырехгодичным, и после первого курса студентов распределяли по отделениям: китайско-маньчжурское, японо-китайское, корейско-китайское и монголо-китайское. Статистика свидетельствует, что наибольший процент выпускников ВИ служил

¹ **Сведения об авторе:** *Каневская Галина Ивановна* – доктор исторических наук, старший научный сотрудник научной лаборатории Международные институты многостороннего сотрудничества стран АТР. Восточный институт – Школа региональных и международных исследований ДВФУ.
E-mail: g.i.kanevskaya@gmail.com

² Выставка к 120-летию Восточного института открыта в музее ДВФУ. URL: https://www.dvfu.ru/news/fefu-news/exhibition_dedicated_to_the_120th_anniversary_of_the_oriental_institute_opened_in_the_museum_of_the_university/ (дата обращения 02.06.2019).

в Министерстве иностранных дел: из 64 студентов первых пяти выпусков – 20 %; в Центральном управлении – 4, в дипломатических и консульских учреждениях на Востоке – 7 чел.; в Русско-Китайском Банке – 6 чел.; на КВЖД – 19 чел.; чиновниками в административных центрах Восточной Сибири – 17 чел.; преподавателями – 7 чел.; представителями дальневосточной прессы – 4 чел. Таким образом, 85 % выпускников были заняты в сферах деятельности, которые давали возможность применить полученные знания³.

В сопредельных странах после окончания вуза оказались, прежде всего, те, кому довелось служить на дипломатическом поприще. В Китае и Монголии в 1909–1921 гг. на различных постах, начиная от драгомана до управляющего российским генеральным консульством в Урге, работал А.П. Хионин. С 1914 г. в Монголии на дипломатической службе находился и еще один выпускник В.Г. Габрик – российский генконсул в Кобдо и Урге. П.Г. Васкевич начал свою дипломатическую карьеру в генеральном консульстве России в Сеуле, затем шесть лет (1911–1917) служил драгоманом при российском посольстве в Токио. В 1917 он был назначен консулом в город Дайрен и оставался на этом посту до официального закрытия консульств в начале 1925 г. В 1907–1912 гг. в Дайрене секретарем в генеральном консульстве Российской империи работал другой японист, окончивший ВИ, Е.Ф. Лебедев, ставший позднее вице-консулом в Хакодате (1913–1925). В 1915 г. назначение на должность вице-консула российского генерального консульства в Австралии получил Л.А. Богословский, который после Октябрьской революции некоторое время работал в российском консульстве в Сеуле. Офицер-дипломат полковник К.А. Кременецкий служил помощ-

³ Дальневосточный государственный университет. История и современность. 1899–1999. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1999. С. 35–36.

ником военного агента в российском консульстве в Шанхае (1914–1921). Должность нештатного вице-консула в Яньцзисяне исполнял в 1911–1920 гг. В.И. Надаров. Драгоманами работали: кореевед Н.С. Сенько-Буланый в российской миссии в Сеуле (1906–1917) и японовед и китаист Г.И. Доль (Дуля, Доля) в Мукдене (1912–1917)⁴.

Особая потребность в востоковедах в начале XX века ощущалась в русском Харбине, который рос и развивался одновременно с Восточным институтом. Этому способствовали геополитический фактор и практические нужды КВЖД и других русских учреждений и предприятий в полосе отчуждения дороги, рост общественного интереса к событиям, происходящим в Китае в начале века. В результате уже в дореволюционный период здесь оказались востребованными первые выпускники ВИ: И.Г. Баранов, А.П. Болобан, И.Н. Веревкин, Е.Ф. Даниэль, И.А. Добролюбовский, П.Н. Меньшиков, Н.К. Новиков, И.И. Петелин, Г.А. Софоклов, А.В. Спицин, П.И. Тищенко, П.В. Шкуркин и др. Они проявили себя, прежде всего, на практическом поприще, работая переводчиками в государственных и частных торговых и промышленных фирмах. Кроме того, преподавали в учебных заведениях, активно занимались научной и общественной деятельностью.

Так, И.Г. Баранов, окончив в 1911 г. китайско-маньчжурское отделение ВИ по 1-му разряду, в этом же году поступил работать переводчиком китайского языка при

⁴ Каневская Г.И. Один из первых российских японоведов (выпускник Восточного института Л.А. Богословский) // Вестник ДВО РАН. 2014. № 6. С. 160-169; Подалко П.Э. Япония в судьбах россиян: Очерки истории царской дипломатии и российской дипломатии в Японии в конце XIX – начале XX века. М.: ИВ РАН. Крафт+, 2004. С. 210-213; Предварительный поисковый список востоковедов, покинувших Россию в XIX вв. URL: http://www.bfrz.ru/data/rus_nayk_zar_slovar_sorokina/rus_nayk_zar_slovar_sorokina_vostokovedu.pdf (дата обращения 12.06.2019).

главной бухгалтерии Управления КВЖД в Харбине. Позднее, прожив в Китае до 1958 г., он проявил себя в педагогической и научной сферах⁵.

Говоря о деятельности выпускников ВИ в дореволюционный период, следует подчеркнуть их роль в развитии контактов и взаимопонимания между Россией и Китаем. В этом плане показательны заслуги А.В. Спицина и И.А. Добролювского на постах редактора и помощника редактора газеты «Юаньдун бао» («Вестник Дальнего Востока»), издававшейся с марта 1906 г. Газета являлась органом КВЖД и выходила на китайском языке ежедневно на восьми полосах тиражом свыше 3 тыс. экземпляров. На ее страницах размещался разнообразный материал о русских и китайских достижениях в области технического прогресса, о промышленном и сельскохозяйственном развитии русского Дальнего Востока и Китая, о сотрудничестве двух стран в экономической и политической областях. Газета способствовала углублению торгово-экономических отношений и культурного обмена между Россией и Китаем и пользовалась большим авторитетом в Маньчжурии, Китае, Японии и Монголии, где она выходила на монгольском языке. В 1913 г. А.В. Спицин и И.А. Добролювский были награждены китайским правительством орденом 3-го класса Республики за «выдающиеся заслуги газеты в деле сближения Китая и России на почве культурно-экономического взаимообщения»⁶.

В результате революции и Гражданской войны в России число выпускников ВИ, оказавшихся в зарубежье, за-

⁵ Лю Лицзю. Выпускник Восточного института (г. Владивосток) И.Г. Баранов: Вехи биографии. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vypusknik-vostochnogo-instituta-g-vladivostok-i-g-baranov-vehi-biografii> (дата обращения 12.06.2019).

⁶ Каневская Г.И., Павловская М.А. Деятельность выпускников Восточного института в Харбине // Известия Восточного института ДВГУ. 1994. № 1. С. 72-77.

метно увеличилось, и все они стали эмигрантами. Всего автору удалось выявить 38 имен (из них: 26 китаистов, 9 японистов и 3 кореиста). К именам питомцев ВИ, указанным в «Предварительном поисковом списке востоковедов, покинувших Россию в XIX-XX вв.»⁷, следует добавить фамилии: И.Н. Веревкин, С.Г. Вологодский, Е.Г. Даниэль, П.Н. Меньшиков, Н.К. Новиков, П.С. Тищенко.

В эмигрантский период главным центром сосредоточения выпускников ВИ, оказавшихся в зарубежье, по-прежнему оставался Китай. Здесь сложилась блестящая плеяда русских ориенталистов, заложивших предпосылки для создания научной школы российского востоковедения, чему способствовало погружение их в изучаемую среду⁸. Востоковедение развивалось через создание ряда научных организаций, главными из которых были: Общество русских ориенталистов (ОРО), Экономическое бюро КВЖД (1920–1834), Центральная библиотека КВЖД (1925–1934), Общество изучения Маньчжурского края (1922–1929), Национальная организация исследователей-пржевальцев (1929–1945), Клуб естествознания и географии (1929–1945) и др. Первым и одним из наиболее значимых ориентальных объединений стало ОРО (1909–1927), созданное еще в дореволюционный период непосредственно выпускниками ВИ: А.В. Спициным, И.А. Добролювским и П.С. Тищенко. В 1911 г. организация насчитывала 144 человека. Цель ОРО определялась как служение государственным интересам России на Дальнем Востоке и

⁷ См.: Предварительный поисковый список востоковедов, покинувших Россию в XIX-XX вв.

⁸ Подробнее см.: Павловская М.А. Харбинская ветвь российского востоковедения (начало XX в. – 1945 г.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Специальность отечественная история 07.00.02 – Отечественная история. Владивосток, 1999. URL: <http://cheloveknauka.com/v/11088/d#?page=1> (дата обращения: 12.16.2019).

в Средней Азии путем изучения этих регионов и содействия сближению России с их народами.

Одним из главных достижений ОРО явилось издание первого в Северной Маньчжурии научного журнала «Вестник Азии», который выходил с июля 1909 г. до закрытия Общества в 1927 г. Всего за этот период были напечатаны 54 номера журнала. Выпускники ВИ (И.Г. Баранов, И.А. Доброловский, А.П. Хионин, П.В. Шкуркин) не только были в разные годы редакторами этого журнала, но и внесли весомый вклад в изучение Маньчжурии и Китая. Именно они лидируют среди других авторов «Вестника Азии» по числу опубликованных статей: у И.Г. Баранова их 17, у И.А. Доброловского – 7. Печатались в журнале также Г.И. Петелин, А.В. Спицин, А.П. Хионин и другие бывшие студенты ВИ, но наибольшее число публикаций принадлежит перу П.В. Шкуркина – 32.

Питомцы ВИ были активными членами и других научно-просветительских объединений ориентальной направленности, часто входили в состав их руководства. Ими были изданы научные труды и словари, не утратившие научной значимости и сегодня.

Роль выпускников ВИ в развитии востоковедения не ограничивается только их научной деятельностью, их заслуга еще и в том, что они положили начало подготовке специалистов-востоковедов в зарубежье. Это выразилось в открытии в Харбине Института ориентальных и коммерческих наук (ИОКН, 1925–1941). Одним из инициаторов создания института и его директором был выпускник ВИ 1903 г. А.П. Хионин.⁹ Цель института заключалась в подготовке востоковедов-практиков, ответственных сотрудников для правительственных и частных учреждений или преподавателей ориентальных дисциплин.

⁹ О нем подробнее см.: *Jernakov V.N. Aleksei Pavlovich Hionin* // Monograph series under the general editorship of Nina Christesen. Russians in Australia. - University of Melbourne, 1973. No. 4. 5 p.

ИОКН имел два факультета: ориентальный (или восточно-экономический) и коммерческий. Первый из них придерживался программы Восточного института во Владивостоке, доминирующее значение здесь имело изучение восточных языков, географии, истории, социального и политического строя, культуры изучаемых стран (Китая, Японии, Кореи, Монголии, Тибета). На коммерческом факультете преобладали торгово-экономические дисциплины с необходимым математическим обоснованием¹⁰.

Институт располагал сильным профессорско-преподавательским составом, который за весь период существования ИОКН насчитывал 25 человек. Среди них ведущее место по праву занимал А.П. Хионин, который наконец-то мог вернуться к академической деятельности. Он преподавал китайский язык и экономику стран Дальнего Востока. Для того, чтобы помочь студентам овладеть тонкостями китайского языка, А.П. Хионин подготовил подборку текстов, знакомящих с юридическими, административными и коммерческими терминами, с газетным стилем и с различными течениями общественной мысли дальневосточных стран. По воспоминаниям его бывших учеников, А.П. Хионин был «прекрасным администратором, широко образованным человеком с обширными знаниями Дальнего Востока и его языков»¹¹. В ИОКН работали и другие выпускники ВИ: Л.А. Богословский, Н.Д. Глебов, Ф.Ф. Даниленко и А.П. Тищенко. В других учебных заведениях Харбина китайский язык преподавали И.Г. Баранов, И.И. Петелин, Г.А. Софоклов и др., П.В. Шкуркин и др.

В течение всего периода существования русской эмиграции в Поднебесной в силу политических и экономических причин русским часто приходилось покидать насиженные места. Изменение ситуации здесь после

¹⁰ Г.К. Институт ориентальных и коммерческих наук // Политехник. Сидней, 1979. №10. С. А-6.

¹¹ Там же. С. А-7.

окончания Второй мировой войны привело к 1960 годам к окончательному исходу русских эмигрантов из Китая, среди них были и выпускники ВИ. В результате бывшие однокашники оказались рассеянными по разным странам.

Двум из них довелось оказаться на пятом континенте. А.П. Хионин перебрался в Сидней в 1960 г. Другой выпускник Восточного института С.Г. Вологодский прибыл в Австралию из Харбина еще в 1927 г. Остановимся на его биографии подробнее, так как она типична для многих послереволюционных русских эмигрантов.

Сергей Георгиевич Вологодский родился в 1878 г. в семье диакона Погорельской Николаевской церкви Погорельской волости Красноярского уезда¹². Сергей окончил Иркутскую духовную семинарию и поступил в Восточный институт в 1900 г. на корейско-китайское отделение. С началом войны с Японией, будучи студентом третьего курса, он в апреле 1904 г. был откомандирован в распоряжение генерала А.Д. Анисимова в Раздольное и, вероятно, как и большинство других студентов – восточников, был использован в разведывательном отделе¹³. Институт Сергей Георгиевич окончил только в 1907 г. и поступил на службу в Переселенческое управление Приморской области.

Через десять лет к 1917 г. бывший студент ВИ занимал пост председателя Областного Забайкальского земельного комитета в Чите¹⁴. Сергей Георгиевич женился на забайкальской сибирячке Августе Викторовне, которая была моложе его на 11 лет, и имел сына.¹⁵ Казалось, что

¹² Государственный архив Приморского края (ГАПК). Ф.115. Оп. 1. Д. 201. Л. 4.

¹³ Там же. Л. 14.

¹⁴ Там же. Л. 1, 2.

¹⁵ Сведения о семье С.Г. Вологодского взяты из его анкеты для натурализации за 1935 г., которая хранится в Австралийском национальном архиве в Канберре: National Archives of Australia

жизнь его благополучно устоялась. Но через пять лет, после завершения Гражданской войны в России, подобно тысячам других русских эмигрантов, С.Г. Вологодский с семьей оказался в Китае, где вполне мог встретиться со многими выпускниками Восточного института. В Харбине, по данным А.Н. Хохлова, Сергей Георгиевич занимался журналистской деятельностью¹⁶. В Китае Вологодские прожили четыре года и в 1927 г. приехали в Австралию.

Автору посчастливилось обнаружить в ГА РФ письмо С.Г. Вологодского от 21 октября 1927 г. священнику И. Серышеву, живущему в Сиднее, которое дает представление о начальном периоде пребывания Вологодских на пятом континенте. «Устраиваюсь я с семьей плохо», – жаловался Сергей Георгиевич, – «Я только при содействии своих русских друзей получил место «сподручного» при католическом священнике, и руками и ногами держусь за это место (7 ф. в месяц; получка еще впереди). Жена и сын еще в поисках работы»¹⁷.

В скромном багаже эмигранта Сергей Георгиевич привез в Австралию книги, о которых писал: «Сейчас у меня на руках имеется 6–8 книжек (серьезного научного характера), уцелели от переездов и ликвидаций разного рода». Он просил О.И. Серышева: «Вот пока (в форме обмена книгами) прошу принять меня в Ваше книжное общество. Позже я присоединюсь и с (денежным) взносом. Сейчас сделать взнос, значит «снять с книжки» (банков-

(Australian Capital Territory): Series No.: A1/15. Item No: 1935/7255. Item Title: S.G. Vologodsky. – Naturalization Certificate.

¹⁶ Хохлов А.Н. Иннокентий Серышев в Австралии. (Из истории востоковедения Русского зарубежья) // Страны Южных морей: прошлое и современность. Тезисы докладов XXIII научной конференции по изучению Австралии и Океании. М., 1997. С. 52.

¹⁷ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 6964. Оп. 1. Д. 22. Л. 1.

ской), т.е. начать брать из скромных сбережений на черный день»¹⁸.

Первые два года Вологодские жили в Сиднее, но с наступлением мирового экономического кризиса, как и многие другие русские иммигранты, вынуждены были перебраться в сельскую местность и стали разводить домашнюю птицу. В 1935 г., когда материальное положение семьи стабилизировалось С.Г. Вологодский начал принимать активное участие в издании журнала «Путь эмигранта», который выходил в Сиднее с 1935 по 1941 гг. под редакцией О.И. Серышева. Он стремился к тому, чтобы журнал был не только источником информации о жизни русской диаспоры в Австралии, но и мог дать практические советы для лучшей адаптации в этой стране. В январе 1940 г. в издательстве «Ориенто» под редакцией С.Г. Вологодского вышел первый номер неперiodического органа – «Записки Русского кружка изучения Австралии в Сиднее». В «Записках» была опубликована большая статья редактора «Иммиграция и земельный вопрос в Австралии»¹⁹. Автор дал глубокий анализ особенностей развития австралийской экономики и обобщил опыт работы русских иммигрантов в различных областях сельского хозяйства и промышленности. Он высказывал мысль о возможности для России деловых контактов с Австралией и полезности для нее узнать «опыт других стран».

Таким образом, в Австралии выпускник ВИ смог реализовать свой опыт, накопленный во время службы в Забайкальском земельном комитете и в период журналистской деятельности в Харбине.

¹⁸ ГА РФ. Ф. 6964. Оп. 1. Д. 22. Л. 2.

¹⁹ С.В. Иммиграция и земельный вопрос в Австралии // Записки Русского кружка изучения Австралии в Сиднее. Сидней, 1940. № 1. С. I–VII. Сергей Георгиевич Вологодский опубликовал свою работу под другими инициалами.

Несмотря на все тяготы эмигрантской жизни, С.Г. Вологодского не оставляла мечта о научной деятельности. «У меня также имеются планы на научные работы. **Я тоже восточник** (выделено автором)... По всей вероятности, в Сиднее, да и вообще в Австралии, имеются уголки и учреждения, где можно порыться, навести справки и так или иначе достать что-нибудь интересное, может быть, не в отношении одной только страны, но и востока вообще» – писал выпускник ВИ²⁰.

С.Г. Вологодский скончался в 1943 г., а Августа Викторовна в 1974 г. Похоронены они на кладбище Ботани в Сиднее. Могила его и его супруги без памятника. Сын Вадим Сергеевич во время Второй мировой войны служил в австралийской армии и погиб на фронте в 1945 г.²¹

Итак, краткий обзор полувековой (начало – середина XX в.) профессиональной деятельности выпускников ВИ в зарубежье свидетельствует, что они внесли заметный вклад в развитие российского востоковедения и в научной сфере, и в области педагогики, что делает честь вузу, питомцами которого они были. Достижения их заслуживают более пристального внимания со стороны современных исследователей.

²⁰ ГА РФ. Ф. 6964. Оп. 1. Д. 22. Л. 1.

²¹ Эти данные были любезно предоставлены автору русским австралийцем А.П. Ивачевым, проживающим в Сиднее.

Глава 2. ВИЛЬЯМ ОСКАРОВИЧ ФОН КЛЕММ (1861-1938). ПИСЬМА РУССКОГО ДИПЛОМАТА-ВОСТОЧНИКА¹

Автор публикуемых писем, Вильям Оскарович фон Клемм, был «...русским дипломатом, первым российским консулом на территории Индии». Так определяют в Интернете этого человека на многих сайтах, но это далеко не полное описание его дипломатической карьеры, связанной с Востоком.

Он родился в 1861 г., в курортном местечке Меррекул недалеко от Нарвы на побережье Финского залива в семье коменданта Ковенской крепости, впоследствии генерала от инфантерии. Отец, Оскар Карлович, был выходцем из Южной Германии, и, хотя в жилах Вильяма слились еще и датская, и английская кровь (отсюда и имя на английский манер) по материнской линии, германская составляющая превалировала. По-видимому, интерес к Востоку определился рано, и Вильям поступил сначала в гимназические классы Лазаревского института восточных языков, потом окончил «при отличном поведении полный курс наук» Лазаревского института, а затем и Учебное отделение восточных языков при Азиатском департаменте МИД.

Летом 1885 г. он был зачислен в штат этого департамента, а на следующий год получил свое первое назначение за границу – драгоманом (переводчиком) недавно учрежденного Политического агентства в Бухаре. Это была прекрасная практика для молодого дипломата-восточника: надо было собирать информацию обо всем, что происходило в ханстве, классифицировать ее и вместе с агентом составлять донесения в столицу. При отсутствии агента, драгоман сам управлял агентством: принимал жа-

¹ **Сведения об авторе:** *Загородникова Татьяна Николаевна* – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра индийских исследований ИВ РАН. E-mail: TNZAG@mail.ru

лобы и прошения, присутствовал на аудиенциях у эмира Абдулахада ибн Музаффаруддина и многое другое. Следующее назначение было тоже связано с этим регионом: он стал чиновником Министерства иностранных дел для пограничных сношений при начальнике Закаспийской области генерале А.Н. Куропаткине. Почти 15 лет службы в Центральной Азии сделали из него опытного дипломата-восточника, специалиста по проблемам этой части света. В 33-м выпуске за 1888 г. «Сборника географических, топографических и статистических материалов по Азии»² под грифом «Секретно» был опубликован его обзор «Современное состояние торговли в Бухарском ханстве». В Архиве внешней политики Российской империи сохранилось несколько Записок за его подписью, которые он направлял в департамент по самым разным вопросам от самых общих до частных. Так, сохранилась его «Записка о положении в Бухарском ханстве» от декабря 1891 г. Это был ответ на многочисленные жалобы на возросшие злоупотребления самого эмира и чиновников на местах, порожденные угрозой захвата ханства Российской империей. Это создавало неустойчивое, тревожное положение в Бухаре и желание чиновников накопить побольше на черный день. Рекомендации В.О. Клемма сводились к тому, что России не выгодно аннексировать ханство, поэтому надо твердо заверить эмира, что у императора нет намерений присоединять Бухару к своим владениям. Это способствовало бы укреплению власти правящей династии и дало бы возможность Абдулахад ибн Музаффаруддину пресекать злоупотребления на местах³. Вторая Записка от 8 января 1893 г. В.О. Клемма касалась более частного во-

² Издание Военно-учёного комитета Главного штаба. Санкт-Петербург, 1888. С. 1-7. URL: http://stariyeknigi.info/Zhurnaly/SMA/SMA_33.pdf (дата обращения: 31.07.2019).

³ Архив внешней политики Российской империи (АВП РИ). Ф. 147. Оп. 485. Д. 539. Л. 208-213 и об.

проса – замены саксаульного угля каким-либо иным топливом в связи с хищнической вырубкой саксаула⁴, что в значительной степени было связано, по мнению автора, с колонизацией Россией Бухары и привнесением европейского образа жизни. Эта вырубка приводила к опустыниванию и засолению почвы. Документ показывает, насколько глубоко В.О. Клемм узнал насущные проблемы региона, насколько серьезно он подходил к проблеме, не разрешенной и до сих пор.

Следующим назначением Клемма была Индия. Впервые Российская империя открывала свое дипломатическое представительство в этой части света. Еще в Туркестане Василий Оскарович почувствовал, что такое Большая игра, но здесь, в Бомбее, он оказался в ее центре. То ли по недосмотру российского МИДа, то ли по ошибке, но переговоры с Лондоном с самого начала, с середины XIX в., велись об открытии консульства, а не генерального консульства, поэтому его должность – Генеральный консул Российской империи в Бомбее – была принята в штаты. Потребовалось 5 лет переговоров, уступок и т.п., чтобы утвердить за российским дипломатическим представителем этот ранг и основным требованием британцев был отзыв Клемма. Он был слишком активен: ездил по стране, встречался с князьями, заводил знакомства в разных группах индийского общества, у него было много хороших знакомых и среди служилых англичан самого высокого положения. Так, перед отъездом на родину вся семья Клеммов гостила в доме адмирала Поэ, поскольку они очень дружили семьями⁵.

Перлюстрация писем была обычным делом, слежка велась самым наглым образом. Однажды, видя, что следовавший за ним полицейский сел в его же повозку рядом с

⁴ АВР РИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 541. Л. 4-7.

⁵ Чиркин С.В. Двадцать лет службы на Востоке. Записки царского дипломата. М.: Русский путь. 2006. С. 135.

возницей, Вильям Оскарович отлупил его тростью и сигнал, таким образом, на мостовую. А сколько небылиц печаталось в индийской прессе о России! Клемм считал своей обязанностью распространять правду о своей стране и предложил издавать газету на английском языке, даже нашел местного издателя, который согласился поспособствовать в этом вопросе, но все упиралось в финансы, а это была уже непреодолимая проблема...⁶

Жена Василия Оскаровича, Мария Николаевна Клемм, и дети плохо переносили влажный душливый климат Бомбея, и семья почти все время жила в Пуне, более 100 км от моря и несколько выше в горы. Несмотря на это они потеряли ребенка, и на местном христианском кладбище появилась могила с надписью на кириллице. Здесь, в Пуне, произошла встреча Клемма с Локаманией Тилаком, националистом и социальным реформатором. Тилак в то время хотел устроить одного-двух индийцев в русские военные училища, поскольку в Индии подобных учебных заведений не существовало, а посылать в Англию, во враждебную страну, было недостойно. Другой мечтой Тилака было наладить экспорт индийских тканей и пряжи в Россию. Переговоры затянулись до отъезда Клемма из Индии, потом, в 1907 г., были подписаны соглашения о разграничении сфер влияния в Азии и всякие контакты с Тилаком были прерваны⁷.

Работы было мало. Торговли с Россией не было, регулярного мореходства тоже не существовало, время от времени по крайней надобности суда под российским флагом заходили в гавань Бомбея. Соотечественники редко заходили в консульство – путешественники не часто здесь появлялись. Но Василий Оскарович нашел себе за-

⁶ Русско-индийские отношения в 1900-1917 гг. Сборник архивных документов и материалов. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. С. 161-168.

⁷ Русско-индийские отношения... С. 168-187.

нятие – он изучал Индию, русско-индийские отношения; и в издаваемом МИД Сборнике консульских донесений было опубликовано несколько его очерков: «Денежное обращение в Индии», «Торговля сахаром в Индии», «Торговля керосином в Индии»⁸.

В конце 1905 г. Клемм получил новое назначение, на сей раз в Персию, в столицу Хорасана Мешхед. Его ждал пост генерального консула. Там он пробыл около двух лет, с 24 апреля 1908 г. состоял чиновником особых поручений V класса при министре иностранных дел, а с 23 мая 1911 г. – непременным членом совета МИД. Несмотря на свое происхождение и когда-то явное, когда-то скрытое германофильство Клемм был назначен заведовать отделом Среднего Востока (в июле 1914 г. он был переименован в Третий политический или Среднеазиатский отдел), которым продолжал заведовать и во время первой мировой войны.

Георгий Николаевич Михайловский, сын писателя Н.Г. Гарина-Михайловского, служивший в юрисконсультской части МИДа, вспоминал о нем:

«С наружностью более чиновничьей, чем дипломатической, Клемм, однако, был несомненным знатоком своего дела. На мировую войну он смотрел пессимистически. Помню, когда я ему представлялся, он как-то очень искренне жаловался на оптимизм своих коллег, надеявшихся, что при счастливом исходе войны удастся разрешить все исторические задачи русской внешней политики. В частности, в отношении Средней Азии и в особенности Персии он не ждал коренных изменений. Эти слова звучали вразрез с бодрым и уверенным тоном других руково-

⁸ Клемм В., *фон*. Денежное обращение в Индии // Сборник консульских донесений [Министерства иностранных дел России]. Год 5-й. Вып. 6. СПб., 1902. С. 431-472; Торговля сахаром в Индии // Там же. Год 5-й. Вып. 4. СПб., 1902. С. 311-334; Торговля керосином в Индии // Там же. Год 7-й. Вып. 2. СПб., 1904. С. 87-108.

дителей ведомства и произвели на меня тогда сильное впечатление. Позже я узнал, что под простодушной внешностью вполне обрусевшего немца-чиновника крылись дипломатические дерзания... Дело в том, что Клемм принадлежал к той группе дипломатов-германофилов, которые считали возможным, несмотря на политику тройственного согласия с Англией и Францией, "перестраховаться" и на Германию. В 1911 г. Клемм вместе с Сазоновым был автором так называемого Потсдамского соглашения, по которому Россия обязывалась пустить Германию в Северную Персию и разрешить постройку ветки Багдадской железной дороги к Тегерану. Тогда это вызвало крайне неблагоприятное для России впечатление в Англии и Франции»⁹.

Опыт его зарубежной службы сформировал его как яркого противника Великобритании, но первая мировая война заставила его действовать более завуалировано, хотя он продолжал вести «свою линию, заключавшуюся в том, чтобы не увлекаться союзными отношениями с Англией, а воспользоваться затруднениями последней, мешавшими ей поддерживать прежнюю интенсивную связь через Индию с Южной Персией»¹⁰. Эта политика не могла остаться незамеченной, но он входил в число самых высокопоставленных чиновников МИД, с 1910 г. был председателем Общества русских ориенталистов и до поры до времени Клемм оставался в своем кресле. Однако после Февральской революции его «попросили» уйти в отставку, поскольку имелся готовый кандидат на его место – В.И. Некрасов. Это, по мнению самого Клемма, спасло ему жизнь (см. ниже письмо № 1).

⁹ Цит. по *Генис В.Л.* Вступление к публикации: Вильям фон Клемм. Очерк революционных событий в русской Средней Азии // Вопросы истории, 2004. № 12. С. 4.

¹⁰ Там же.

В 1886 г. Клемм женился на Марии Николаевне Апехтиной (1860–1911), ко времени написания писем (1926–1927 гг.) он был женат на Ядвиге Александровне (Hedwig Johanna Georgine, девичья фамилия неизвестна), от первого брака у него было пятеро детей, в живых осталось четверо и от второго брака – сын Николай. После отставки Клемм отправился вслед за своей семьей в Сеул, где служил генеральным консулом Я.Я. Лютш, родственник его второй жены. После большевистского переворота В.О. Клемм служил на разных должностях по дипломатической части в правительствах, которые формировались на Дальнем Востоке и в Сибири, работал в администрации КВЖД, сначала в Харбине, потом в Пекине. В 1924 г., после передачи дороги в совместное советско-китайское управление, его уволили. Первое время он «бегал день деньской по урокам»: преподавал русский, французский, немецкий и английский языки, потом устроился бухгалтером в одну из международных благотворительных организаций, подрабатывал переводами. В.О. Клемм скончался в 1938 г. в Берлине, куда он переехал, чтобы дать возможность младшему сыну получить образование.

В.О. Клемм имел все российские награды до Ордена Святого Владимира III степени включительно, а также прусский Орден Короны I степени и французский Орден Почетного легиона (офицерский крест).

Личные бумаги В.О. фон Клемма хранятся в архиве Гуверовского института войны, революции и мира Стэнфордского университета (США) и они нам недоступны, за исключением цитировавшейся публикации В.С. Гениса¹¹ но в Российском государственном архиве литературы и искусства обнаружены три письма В.О. Клемма к Ивану Александровичу Персиани.

Иван Александрович Персиани (1871–1930) происходил из валашского дворянского рода, сын известного ди-

¹¹ Генис В.Л. Указ соч. С. 4.

пломата, тайного советника, служившего в Сербии. Он окончил юридический факультет Петербургского университета, но служить пошел по стопам отца. Вот, какое впечатление он произвел на С.В. Чиркина, выпускника учебного отделения восточных языков при МИД, только что (1902 г.) принятого «...в симпатичный Персидский стол, начальником которого (официально – делопроизводителем VII класса) был И.А. Персиани, впоследствии – советник посольства в Риме. Персиани был красивый, очень высокий шатен с небольшой бородкой клинышком. По коридорам Первого департамента он ходил большими неслышными шагами и, вопреки ритуалу департаментских модников, носил исключительно темное платье, мягкую обувь и не признавал никакого галстука, кроме черного. Карьера его была исключительно департаментская, связанная со Средним Востоком. Будучи, вероятно, человеком независимых средств, он не стремился за границу на небольшие должности, терпеливо ожидая более или менее крупный пост в Рим, его особенно привлекавший. Это был чрезвычайно симпатичный человек ровного, приветливого характера, общий любимец. По отзывам интимно знавших его людей, он был незаурядный пианист, и большим ударом для него была какая-то странная болезнь правой руки, препятствовавшая игре. При моем поступлении в Министерство он уже научился довольно бегло писать левой рукой, дабы не утруждать правой, которую он берег для игры»¹².

После реорганизации МИД Персиани служил старшим секретарем среднеазиатского отдела, где имел возможность близко познакомиться с Клеммом. В 1916 г. осуществилась его мечта – он стал советником посольства в Риме, замещал М.Н. Гирса, посла Российской империи в

¹² Чиркин С.В. Указ. соч. С. 47-48.

Италии, в 1927 г. приехал в Белград и устроился работать в местный МИД переводчиком.

Страстью Ивана Александровича была музыка, он был учеником А.К. Лядова. В Сербии он был одним из основателей Русского музыкального общества в Белграде, входил в состав его правления, сочинял музыку, был автором музыки к гимну Русских соколов – одной из эмигрантских молодежных организаций. Еще одной стороной его деятельности было преподавание: вел класс композиции, а также давал частные уроки¹³. Так, вернувшийся в Россию в 1956 г. композитор Олег Сергеевич Гребенщиков вспоминал, что брал у него уроки гармонии¹⁴.

Видимо, из-за музыкальной составляющей деятельности И.А. Персиани его архив был передан в РГАЛИ.

Публикуемые три письма охватывают очень небольшой период времени – чуть больше года (11 сентября 1927 – 26 ноября 1928), в них много повторений (человек пишет о том, что его волнует, и за год ничего кардинально не меняется), но, как это часто бывает в письмах, описаны и предшествовавшие события. Они интересны описанием отношений между бывшими сослуживцами-чиновниками МИД, попавшими в большинстве случаев в очень непростые обстоятельства; их взаимовыручка, даже просто желание знать друг о друге и о своих бывших коллегах, не терять старые связи. Жизнь русской эмиграции в Китае представлена яркими примерами из жизни старших Клеммов, а истории их детей, рассеянных по всему свету, дают представление о положении той части русской диас-

¹³ Kononova, Margarita. The Participation of Russian Pre-Revolutionary Diplomats in the Cultural life of the Russian Emigration // Russian Emigré Culture: Conservatism or Evolution? New-castle. Cambridge Scholars Publishing, 2013. P. 28-29.

¹⁴ Краткая автобиография О.С. Гребенщикова (как композитора-музыканта). URL: <http://www.kajuta.net/node/1069> (дата обращения: 20.01.2019).

поры за рубежом, которая вышла из среды служилой интеллигенции и пробивала себе путь, не имея крупных счетов в иностранных банках.

№ 1

Пекин, 11 сентября 1927 г.

Карандашом: Белград 12/25 X 27.

Дорогой Иван Александрович!

Ваше письмо от 30-го июля, полученное мною лишь дней десять тому назад, меня чрезвычайно порадовало. Я часто вспоминаю Вас и спрашивал себя, что то с Вами случилось; а не писал я Вам потому, что Ваше последнее письмо, давнишнее, в котором, кажется, мне был дан Ваш адрес после переезда из посольства, куда-то запропастилось, вероятно, во время одной из уборок, которая моя аккуратная Ядвига Александровна периодически производит в моей – как она это называет – помойной яме, т.е. на моем всегда заваленном письменами столе.

Я рад был узнать, что Вы, хоть и далеко неблестяще, все же пристроены, что по нынешним временам надо уже считать большим счастьем. Как Вы усмотрите из бланка, на котором я пишу¹⁵, и мне, слава Богу, удалось пристроиться, более или менее прочно, исправляющим должность бухгалтера в вышепоименованном благотворительном учреждении. Если уже Вы жалуетесь на то, что «в Ваших летах» не легко приниматься за новое дело, то что же дол-

¹⁵ Письмо написано на бланке China International Famine Relief Commission, Accounting Department Wm Klemm *Acting Accountant*. Китайская международная комиссия помощи голодающим была основана европейцами в 1921 г., она занималась финансированием и организацией разного рода строительства, в том числе дорог, ирригационных сооружений и сооружений по защите от наводнений, организацией деревенских кооперативов в северо-восточном Китае. Это пример сотрудничества европейцев с китайцами.

жен я сказать, когда в 66 лет (да-с, в шестьдесят шесть лет!) пришлось засесть за бухгалтерию? Но, хотя по началу и трудновато было, я все же, в конце концов, осилил эту премудрость и теперь справляюсь с нею довольно успешно. Все же это много лучше, чем бегать день деньской по урокам и вколачивать русский, французский, немецкий и английский языки в большей частью деревянные башки учеников разных национальностей, как я это делал до середины января сего года. Кроме этой, так сказать, казенной работы я имею еще частную в виде трех учеников, которых я еще сохранил и, главным образом, в виде переводов, которыми я в последнее время был и по сей час еще продолжаю быть заваленным. Я могу сказать, что у меня буквально почти нет свободной минуты с 7½ утра и до 11½ – 12 ночи. Все это не мешает мне, однако – *alhamdu lillahi*¹⁶ – быть физически и морально живым, здоровым и бодрым (*capable de faire encore une demi-douzaine d'enfants si ma femme pouvait ça dire autant*¹⁷). Никто не хочет верить, что я уже достиг такого почтенного возраста. В виде иллюстрации того, что я теперь собою представляю, прилагаю при сем одну довольно удачную фотографию, снятую всего месяц тому назад нашим зятем на нашей роскошной веранде. Я должен еще отметить, что на карточке борода вышла несколько более седою, чем она есть в действительности.

Вас м.б. поинтересует узнать, какие переводы я делаю, так вот: Вы наверно знаете, что китайцы произвели внезапный обыск и захватили массу секретных документов в здешнем большевистском посольстве¹⁸ или, вернее

¹⁶ Слава Богу (арабск.).

¹⁷ Способный сделать еще полдюжины детей, если жена могла бы сказать так же (на это согласиться) (франц.).

¹⁸ 31 мая 1924 г. был подписано Советско-китайское соглашение об установлении дипломатических отношений. Первым

говоря, у Военного Агента¹⁹. Большую часть этих документов мне поручено было американцами, англичанами и французами перевести на английский язык, что я и сделал в течение почти трех месяцев. Перед тем я перевел книгу проф. Рязановского²⁰ о китайском гражданском праве²¹ и разные мелкие вещицы, а сейчас работаю над переводом книги, которую написал один русский журналист, под заглавием Преступная деятельность Советского правительства. Это сплошная компиляция и, к тому же, довольно бесталанная, но имеется много интересных цитат из тех же захваченных документов, нигде еще не опубликованных. В будущем предвидятся еще переводы одной новой книги Рязановского и одной книги о Монголии И.Я. Коростовца²², который недавно писал мне об этом из

советским дипломатическим представителем в Китае был Л.М. Карахан.

¹⁹ В современной дипломатической терминологии «военный атташе».

²⁰ Рязановский (Резановский) Валентин Александрович (1884-1968), востоковед-правовед, специалист по китайскому и монгольскому праву. Преподавал на юридическом факультете в Харбине в 1922-1934 гг., декан в 1924-29. В 1923-1935 гг. работал на КВЖД, получил советское гражданство. В 1938 переехал в США, профессор ряда университетов. Почетный и действительный член многих научных обществ (в том числе Royal Asiatic Society и др.).

²¹ Рязановский В.А. Современное гражданское право Китая. Заря. Вып. 1. Харбин, 1926. 197 с. (Английский перевод: The modern Civil Law of China. Part 1, 2. Harbin, 1927-1928).

²² Коростовец Иван Яковлевич (1862-1933), российский дипломат, востоковед. Поступил на службу в Азиатский департамент МИД, служил на разных должностях в русских зарубежных миссиях, главным образом в Восточной Азии. Так, 9 мая 1908 г. он был назначен чрезвычайным и полномочным министром в Пекине, а в 1912 г. возглавил русскую дипломатическую миссию в Урге (Улан-Батор) и подписал русско-монгольское соглашение,

Парижа. Итак, مللاءاش ن²³ работа сыпется, как из рога изобилия, только поспевай.

Благодаря всему сказанному, мы можем жить, хоть и не роскошно, все же сравнительно хорошо. Это относится, конечно, к физической стороне жизни, что касается духовной, то она оставляет желать много лучшего. В смысле духовной пищи здесь можно сказать почти полное отсутствие всякого присутствия: два кинематографа, большей частью с дурацкими американскими фильмами, концерты оркестра в 5 человек в Grand Hotel de Paris (на которые мы очень редко ходим) и dancings²⁴ там же, на которые мы совсем не ходим, un point – c'est tant²⁵. В общественной жизни мы почти никого участия не принимаем. Она сводится почти исключительно к dinner parties, garden parties²⁶ и т.п., а наши средства не позволяют нам задавать таковые. Среди иностранцев здесь имеются милые и интеллигентные люди, но в близкие отношения с ними мы по той же причине вступать не можем. Неудивительно поэтому, что Дальний Восток нам надоел хуже горькой редьки и что нас тянет назад в родную Европу. Но к тому есть и более веские причины и, прежде всего, та, что все наши близкие там. На втором месте я ставлю внутреннее положение дел в Китае, которое с каждым днем ухудшается.

Как Вы, верно, знаете из газет, здесь раннюю весною было такое положение²⁷, что началось форменное бегство иностранцев из Пекина и даже шла речь о всеобщей эва-

признававшее автономию Внешней Монголии. В октябре 1913 г. он был назначен посланником в Персию, в 1915–1917 был членом Совета Министерства иностранных дел. Эмигрировал в Финляндию, затем жил в Берлине.

²³ Если будет угодно Богу, дай Бог (арабск.)

²⁴ Танцы (англ.).

²⁵ Одно место – вот так (франц.).

²⁶ Званые обеды, пикники (англ.).

²⁷ Имеются в виду события Северного похода Национально-революционной армии Китая под руководством Чан Кайши.

куации, не исключая всех Миссий. Являлся вопрос: что же будет с нами, белыми русскими? Неужели нас оставляют на съедение большевикам, не столько китайским, сколько русским, которые здесь во всем являются *deus ex machina*²⁸? Так как кроме всех прочих моих занятий я состою еще и почетным секретарем, и казначеем здешнего Русского Благотворит. Об-ва²⁹, я составил список всех русских беженцев, которых оказалось всего 160, и пошел к Декану Диплом. Корпуса, «Пэнбацкому» посланнику Одендейку³⁰ для выяснения этих вопросов. Он отнесся к делу очень сочувственно, но тут же заметил, что вряд ли какая-либо из Держав пожелает одна заняться судьбою русских беженцев и что единственное средство – обратиться с этим к Лиге Наций. Он обещал переговорить со своими коллегами и телеграфировать в Женеву от всего Корпуса. Так он и сделал, но через некоторое, довольно долгое время он получил ответ, что Лига не имеет средств, что, в крайнем случае, она может взять на себя эвакуацию из Китая не свыше 100 человек земледельцев. На это Одендейк послал разъяснение, что речь вовсе не идет о земледельцах, а большей частью об интеллигенции, женщинах, детях и инвалидах к физическому труду неспособных. На это он до сего дня ответа не получил. Тем временем прибыл в Шанхай представитель отдела труда Лиги Наций, швейцарец <...>³¹, с которым я еще года два тому назад познакомился в Пекине, куда он был командирован. Он написал мне, что ему поручили собрать справки о русских беженцах и просил сообщить ему список таковых в Пекине, со всеми подробностями, и разъяснить ему положение вещей. Все это я ис-

²⁸ Бог из машины (лат.), близкие по значению выражения русского языка: «Черт из табакерки» и «Рояль в кустах».

²⁹ Возможно, имеется в виду Русское благотворительное общество, основанное в 1913 г. в Тяньцзине.

³⁰ Лицо не установлено.

³¹ Лицо не установлено.

полнил и послал ему письмо, которое должно было тронуть даже каменные сердца. С тех пор прошло около 6 месяцев и ... полный молчок. Впрочем, ничего другого от этого Вильсоновского³² ублюдка – the pompous League of Nations³³ – нельзя было и ожидать. Какое это жалкое всемирное позорище! К счастью, опасность здесь вскоре миновала благодаря успехам северян, и все успокоились, но за прочность этого спокойствия отнюдь поручиться нельзя: настолько стали обычными здесь измены каких-нибудь китайских генералов, которые, как птицы, перелетают из лагеря в лагерь, и картина может сразу же измениться к худшему. Жить на таком вулкане, конечно, неприятно, но выбраться отсюда, к сожалению, нет никакой возможности. Даже если бы удалось как-нибудь скопить крупную сумму на переезд в Европу, что стали бы мы там делать? При общей тамошней безработице найти себе там применение было бы для меня, я уверен, прямо невозможно. Даже молодые люди, как оба моих сына в Париже (старший тоже уже давно перебрался туда из Чухляндии³⁴) только что с голода не помирают. Остается одно: сидеть здесь и ждать у моря погоды – авось настанут опять лучшие времена.

Семья моя разбросана по всему белу свету. Старшие сыновья, как сказано, в Париже, одна дочь с мужем (2-я) в Петрограде, и старшая, Маня, с мужем Николаем Павловичем Гердт находится в ваших краях, т.е. в Сербии. Последнее письмо от них я имел из местечка Жевжемия, где-то на границе Македонии, где Гердт производит какие-то топографические работы. Раньше они жили в Смедереве,

³² Вудро Вильсон (1856-1924), 28-й президент США (1913-1921), его предложения были положены в основу Версальского договора. Вильсон был одним из инициаторов создания Лиги Наций, однако Сенат США отказал во вступлении в эту организацию.

³³ Высокопарная Лига Наций (англ.).

³⁴ По-видимому, имеется в виду Финляндия.

где он был одно время помощником городского архитектора. Когда пошли сокращения штатов, он был уволен, и с тех пор перебивается разными случайными работами – подрядами, съемками и т.п. Живется им, конечно, далеко не сладко. Гердт чрезвычайно дельный инженер-механик и чрезвычайно усердный и энергичный работник. Я писал о нем однажды А.К. Беляеву³⁵, но он, к сожалению, ничего не мог для него сделать. Если б у Вас явилась возможность помочь Гердту пристроиться где-нибудь по его специальности, на жел. дороге или на заводе каком-нибудь, я был бы Вам бесконечно признателен. Их адрес сейчас: Жевжемия, Стара Школа, но они, по-видимому, не собирались долго там оставаться. Однако, уезжая оттуда, они, наверное, оставят там на почте свой новый адрес.

Моя младшая дочь, Нелли, в прошлом году вышла здесь замуж за некоего Максимова, и месяц тому назад у нее родилась дочь. Почти одновременно у 2-го сына в Париже родился сын, так что у меня сразу прибавились внук и внучка. У Гердтовых уже года два тому назад тоже родилась дочка да у старшего моего сына, Николая, имеется уже 15-летний сын – семья разрастается. Ядвига Александровна плохо переносит здешний климат. Раннею весною она чуть-чуть не отправилась на тот свет из-за аппендицита. Запоздай операция часа на два, и уже не было бы спасения. Теперь она туго поправляется и очень похудела. Младший мой сынишка, которому уже минуло 14 лет, учится здесь в немецкой школе. Он очень способный и смысленный парень, только немного избалованный, как все единственные дети своих матерей. – Вот Вам все, что я могу сказать о себе и своей семье.

³⁵ Беляев Алексей Константинович (ок. 1870–1934) дипломат, служил на разных консульских должностях в Турции, Греции и на Балканах, в 1914–1916 гг. был политическим агентом в Бухаре, затем в аппарате МИД. В эмиграции жил в Сербии.

Очень рад был узнать, что Вы продолжаете заниматься музыкой и имеете возможность исполнять свои произведения в Белграде. Как я соскучился по хорошей музыке, я и сказать не могу! Но оценят ли братушки хорошие произведения? Впрочем, как славяне они должны бы быть музыкальны. Не забудьте сообщить мне, как была принята там Ваша симфония.

Очень печально, что Екатерина Николаевна³⁶ так сдала в смысле здоровья, но, даст Бог, спокойное житье и здоровый климат Сербии вполне восстановят ей силы. Передайте ей, пожалуйста, сердечный привет, мой и Ядвиги Александровны. Кланяйтесь тоже от меня бывшим сослуживцам Беляеву и Чекмареву³⁷; что касается Петряева³⁸, то (не знаю, известно ли это Вам) я ему был обязан тем, что мне дано было понять в августе 1927³⁹, что Министерство в моих услугах больше не нуждается, благодаря чему я в сентябре того же года покинул Петроград и тем избежал большевистских неприятностей. При случае передайте ему мою благодарность за это, конечно, невольное с его стороны благодеяние. Удивительно, как судьбы иногда злой умысел превращается в благодеяние! А бедный

³⁶ Екатерина Николаевна Персиани (урожд. Николаева) (1874–1940), жена Ивана Александровича Персиани, незаконнорожденная дочь великого князя Николая Николаевича Романова.

³⁷ Чекмарев Михаил Николаевич (ск. 1947), дипломат и журналист. Служил по МИД в Персии и Греции. В эмиграции служил в МИД Югославии.

³⁸ Петряев Александр Михайлович (ок. 1874–1933), дипломат, востоковед, специалист по Ближнему Востоку. С 1916 г. служил в МИД, при Временном правительстве – товарищ министра иностранных дел, в 1919–1920 русский представитель в Софии. С 1932 в Югославии, служил в МИД.

³⁹ Ошибка автора, имеется в виду 1917 г.

Некрасов⁴⁰, которого он посадил на мое место, давно на том свете – мир праху его!

Однако и пора заткнуть мой фонтан! Писал я урывками, не взыщите, что письмо вышло нескладно.

Крепко обнимаю

Искренне Ваш В. Клемм.

Надпись поперек текста на полях: Если сербам понадобится представитель в Пекине, то я к их услугам. Правда, за все 6 лет пребывания моего здесь я видел всего несколько бродяг-сербов, которые пришли просить пособия от нашего Благотв. Обществ.

*Российский государственный архив
литературы и искусства (РГАЛИ),
ф. 2294, оп. 1, д. 42, л. 1-3 и об. Автограф.*

№ 2

Пекин 13 апреля 1928 г.

Карандашом: Белград 18/31 V 28.

Дорогой Иван Александрович!

Ваше письмо от 17 февраля и 14 марта со вложением письма на имя Граве⁴¹ только на днях (8 апреля) дошло до меня. Спасибо, что не забываете меня. Письмо Граве я отправил по принадлежности. С большевиками он решительно ничего общего не имеет и такой же определенный анти-большевик, как мы с вами. То, на что я намекал, касаясь его деятельности в бытность *Chargé d'Affaires*⁴² после

⁴⁰ Некрасов Владимир Иванович (1873–1923), дипломат, на службе по МИД с 1898: драгоман генерального консульства в Тавризе (1901); секретарь генерального консульства в Бомбее (1903); консул в Реште (1910-1913). В эмиграции в Турции.

⁴¹ Граве Владимир Владимирович (1880–1930), дипломат, с 1912 г. – первый секретарь русской миссии в Пекине, потом – политический советник Русско-Азиатского банка, управляющий отделением в Мукдене американского страхового общества.

⁴² Поверенный в делах (франц.).

отъезда покойного Кудашева⁴³ из Пекина, когда он делал некоторые ошибки, попросту говоря, по недомыслию. Он ведь никогда не был человеком высокого ума. Многое могло бы быть лучше, если б он не сдал всех позиций почти без боя. Впрочем, это началось уже при его покойном шефе, не тем будь он помянут.

Я вполне согласен с Вами, что по нынешним временам всякий должен зубами держаться за то, что он имеет, будь это самое маленькое и паршивое местечко, и не рассчитывать на авось да небось. Я это часто доказываю Ядвиге Александровне, которая еще значительно больше меня рвется отсюда. При этом она ссылается, главным образом, на действительно весьма важный вопрос о дальнейшем образовании нашего сына, который в будущем году кончает здешнюю очень хорошую, но, к сожалению, только пятиклассную немецкую школу. Юноша – ему минуло 15 лет – очень способный и особенно увлекается астрономией, электротехникой, физикой вообще и т.п. Оставлять его без высшего образования было бы просто грешно. Но расстаться с ним – ее единственным ребенком Я.А. ни за что не согласится, а, с другой стороны, бросить меня здесь одного она тоже не хочет – inde⁴⁴ ее мечта о переселении нашем всем вместе в какую-нибудь культурную страну. Но кроме того есть и другая веская причина стремиться вон отсюда, а именно бесконечная здешняя гражданская война и опасность, сопряженная с нею для всех иностранцев и в особенности для нас, русских, которые находятся здесь в состоянии полного бесправия и полной зависимо-

⁴³ Кудашев Николай Александрович, князь (1868–1925), русский дипломат. В 1914–1916 гг. директор Дипломатической канцелярии в Ставке Верховного Главнокомандующего, осуществлявшей координацию деятельности Ставки и МИД. В 1916–1917 – посланник в Китае. Продолжал занимать пост посланника до 1920 г., когда китайские власти закрыли русские дипломатические представительства.

⁴⁴ Отсюда (лат.).

сти от произвола китайцев. В прошлом году тут уже возникало такое положение, что всем иностранцам было предложено отправить свои семьи в приморские города и самим быть готовыми к эвакуации по первому сигналу, и тогда же многие американцы и англичане, в особенности, последовали этому совету. Я обратился тогда к Декану Дип. Корпуса Оудендейку от имени всех русских беженцев с просьбой подумать и позаботиться также о нас в случае наступления опасности. Он отнесся к моему заявлению очень благожелательно, но тут же заметил, что какое-либо одно правительство едва ли примет на себя заботу о белых русских и что можно действовать только через Лигу Наций. Переговорив со своими коллегами, он телеграфировал от имени всего Дип. Кор. в Женеву, но, как и следовало ожидать, получил от этого прелестного учреждения идиотский ответ (и то лишь чуть ли не месяц спустя), что оно может принять на себя лишь переселение в Южную Америку около сотни хлебопашцев – *un point c'est tout*⁴⁵! На счастье наш кризис тогда разрешился благополучно и с прибытием сюда нынешнего диктатора Северного Китая Джанзолина⁴⁶, здесь наступило затишье. Но ручаться ни за что нельзя и можно всегда ожидать, что с приходом южан, которые на днях собираются опять перейти в наступле-

⁴⁵ Это все (франц.).

⁴⁶ Имеется в виду Чжан Цзолинь (1875-1928), военный и политический деятель Китая. В 1902 г. встал на сторону правительства и оставался верен династии Цин, сражаясь против революционных сил. После смерти Юань Шикая новое пекинское правительство назначило Чжан Цзолиня фэнтяньским генерал-губернатором и управителем, а также инспектором Трёх Провинций Северо-востока и маршалом. В 1926 г. он получил титул главнокомандующего Армии Умиротворения Страны, в июне того же года стал фактически президентом. В июне 1928 г. его войска были разбиты войсками Чан Кайши, и Чжан Цзолинь отступил от Пекина к Шэньяню. Погиб при взрыве поезда.

ние, прошлогоднее положение может вновь наступить. Вы, наверное, знаете по газетам, какие ужасы переживали в южных городах Китая (Нанкин, Ханькоу, Чаньша и т.д.) иностранцы. Не дай Бог нам испытать что-либо подобное. Вот это и заставляет меня, главным образом, подумывать о переселении. Но, как говорил Саркис Менаич⁴⁷: «Куда пойдем, кому скажем?» Недавно в здешних газетах промелькнуло известие, что в Америке, якобы, отменена квота для профессоров, учителей и ученых. Это внушило мне мысль записаться в разряд учителей и попытаться проникнуть в страну долларов. Я давал и даю здесь уроки очень многим американцам и американкам, вколачивая в их довольно плохо восприимчивые башки языки французский, немецкий и русский, и некоторые из них уверяли меня, что я легко мог бы получить место учителя в С.Ш. или, по крайней мере, очень недурно зарабатывать там приватными урокам, т.к. интерес к иностранным языкам со времени войны очень возрос в их стране. Я теперь на всякий случай собираю удостоверения от своих учеников, что я давал им успешно уроки, и, когда наберу их достаточно, попрошу Америк. Миссию выдать мне официальное свидетельство, что я действительно учитель и имею право на льготный въезд в Штаты. Вместе с тем я вхожу в сношения с некоторыми знакомыми влиятельными лицами, прося их подыскать мне вперед место преподавателя там где-нибудь. Если все это увенчается успехом, то мы можем со временем стать Вашими антиподами⁴⁸. Но, откровенно говоря, меня совершенно не влечет в эту архидемократическую и вместе с тем плутократическую страну и я, конечно, во сто раз охотнее переселился бы в родную

⁴⁷ Лицо не установлено.

⁴⁸ Антиподы – обитатели двух противоположных пунктов земли, двух противоположных концов одного из диаметров земного шара.

культурную Европу; но что поделаешь, когда она так негостеприимна!

Большое спасибо Вам за готовность сделать для моих детей в Сербии, что будет в Вашей возможности. Я сам знаю, как трудно там где-либо пристроиться, но многое зависит от счастливого случая и также как везде ... от протекции. Почти одновременно с Вашим письмом я получил, наконец, также письмо от Мани, из которого узнал, что они перебрались из провинции в Белград по случаю болезни их дочурки. Живут они на Албанской улице № 31. Маня говорит, что она занялась изучением парикмахерского искусства, которое в провинции может давать некоторый доход. Кроме того, она практикуется на пишущей машинке в надежде, что при знании французского и английского языков ей удастся, может быть, найти работу и по этой части. Я вместе с тем пишу ей, чтобы она непременно зашла к Вам, и добавил, чтобы она не стеснялась отсутствием приличных туалетов, будучи вперед уверен, что добрейшая Екатерина Николаевна не посетует на то, если та явится к вам и в непрезентабельном виде.

Воспоминания С.Д. Сазонова⁴⁹ я тоже прочел с величайшим наслаждением, мысленно переживая все то время, которое протекло на моих глазах. Мир праху этого действительно очаровательного, как Вы говорите, человека, о

⁴⁹ Сазонов Сергей Дмитриевич (1860–1927), русский дипломат, в 1883 поступил на службу в МИД, где занимал различные должности в зарубежных миссиях Российской империи. В 1909 назначен товарищем (заместителем) министра иностранных дел, в 1910–1914 – министр иностранных дел, принадлежал к либералам. После увольнения – гофмейстер и член Государственного Совета, после 1917 г. – активный участник Белого движения. В 1919 – министр иностранных дел правительства А.В. Колчака и А.И. Деникина, затем – в эмиграции. Здесь имеется в виду книга: *Сазоновъ С.Д. Воспоминанія. Парижъ-Берлинъ: книгоиздательство Е.Сіяльской, 1927. 400 с.*

котором я храню самое светлое воспоминание. Воспоминаний Ламздорфа⁵⁰ я не читал, они до нас еще не дошли, но, как только к тому будет возможность, я их непременно прочту. Мне очень любопытно знать, что он говорит там про Японию и наши сношения с нею в то время.

Про себя я ничего нового сказать Вам не могу. Продолжаю работать как вол, но чувствую себя при этом, слава Богу, недурно. Теперь такая напряженная работа особенно нужна ввиду полученного мною из Парижа ужасно печального известия, что мой старший сын там, Николай, заболел туберкулезом обоих легких. Надо дать ему возможность как можно лучше питаться и лечиться, а это значит, что надо и возможно больше зарабатывать – «гнать монету», как выражается один мой приятель. Второй мой сын, Орест, тоже в Париже, где ему живется лучше, чем его старшему брату, благодаря тому, что у его тещи, у которой они живут, имеются кое-какие средства. Сам же он до сих пор никак не может прочно устроиться, несмотря на энергию, которой у него хоть отбавляй. Я непременно напишу ему, что летучка ⁵¹

⁵⁰ Ламздорф Владимир Николаевич (1844–1907), русский дипломат, поступил на службу в МИД в 1866 г. В 1882–1896 директор канцелярии министерства; придерживался прогерманской ориентации, но после 1890 г. стал приверженцем франко-русского союза. В 1897 был назначен товарищем (заместителем) министра иностранных дел, а в декабре 1900 г. назначен министром иностранных дел. На Дальнем Востоке Ламздорф вёл политику постепенного расширения владений России, выступал за умеренный курс дальневосточной политики. Его отставка в мае 1906 г. была связана с переходом к конституционному строю после революции 1905 г. Здесь имеется в виду *Ламздорф В.Н. Дневник. 1886–1890.* М.: ГИЗ, 1926. URL: <http://library6.com/index.php/9523/item/782111> (дата обращения: 31.07.2019).

⁵¹ Летучка – печатный листок, экстренно выпущенный, с кратким сообщением о каком-нибудь выдающемся событии, происшествии; небольшая прокламация.

«keep smiling»⁵², вывешенная им, еще все красуется на том же месте и Вам понравилась.

Однако пора заткнуть фонтан. Целую ручки милой Екатерине Николаевне, которой, как и Вам, Ядвига Алекс. шлет горячий привет.

Крепко Вас обнимаю.

Сердечно Ваш В. Клемм.

РГАЛИ, ф. 2294, оп. 1, д. 42, л. 4-5 и об. Автограф.

№ 3

Пекин, 26 ноября 1928 г.

Карандашом: Белград 2/15 XII 28.

Дорогой Иван Александрович!

Из только что полученного письма моей дочери Мани я усмотрел, что Вы были так добры переслать ей мое письмо, которое я, не зная ее нового адреса, послал Вам с просьбой переотправить его по принадлежности. Сердечно благодарю Вас за это. Из того же письма я не без огорчения узнал, что Маня так-таки у Вас не побывала: она, как говорит «постеснялась показаться Вам навязчивой». Я подозреваю, что, кроме того, была еще и другая причина – отсутствие приличного туалета, хотя я ей и писал, что уверен, что ни Вы, ни добрейшая Екатерина Николаевна ее за это не осудите. Теперь она раскаивается в своей глупости и говорит, что обязательно побывает у Вас, как только судьба занесет ее опять в Белград. Сейчас, как Вы знаете, они находятся в Македонии, в местечке Veles, где ее муж, Николай Павлович Гердт, получил хорошее по местным условиям место городского архитектора и где им живет сравнительно недурно.

По этому случаю у меня к Вам опять большущая просьба. Мне хотелось бы к наступающему рождеству сде-

⁵² Улыбайтесь (англ.).

лать небольшой подарок моей внучке Ирочке, но я уверен, что в этой дыре, где они теперь живут, не может быть приличного игрушечного магазина. Поэтому и в расчете на Вашу безграничную любезность, я позволяю себе приложить при сем небольшой чек с просьбой купить на эту сумму какой-нибудь подходящий подарок для 4-летней девочки и послать его в Veles на имя Мани. Их адрес: Општина Велес, S.H.S. (не знаю, что эти буквы означают, но вероятно они нужны). Мне очень совестно обременять Вас такой необычайной просьбой, но я положительно не знаю, как быть иначе. Вперед сердечно благодарю Вас за эту услугу и был бы рад в свою очередь быть Вам полезным, если б Вам понадобились иметь что-либо из далекого Китая.

О себе я ничего нового сказать Вам не могу. Я продолжаю бухгалтерствовать в China International Famine Relief Commission, давать уроки и делать переводы с разных языков на разные. Дни мои буквально рассчитаны по минутам с 7 утра до 12 и более ночи. Но несмотря на такую интенсивную деятельность я жаловаться на свое здоровье не могу, слава Богу. Никто верить не хочет, что мне идет уже 68-й год. Эта усиленная работа только и дает мне возможность не только существовать сносно, но и немного помогать моим детям и сестрам, которым всем живется более или менее тяжело. У моего старшего сына в Париже, Николая, объявился туберкулез легких, от которого он лишь недавно после продолжительного лечения более или менее вылечился. Он служит швейцаром в кинематографе, т.к. ничего лучшего найти не может. Второй сын, Орест, которого Вы знаете, также бьется как рыба об лед и никак не может выкарабкаться на ровную дорогу, несмотря на всю его энергию, работоспособность и смекалку. Особенно тревожит меня теперь участь второй моей дочери, Оли, в Петербурге, ввиду новой большой голодовки в несчастной нашей России, тем более, что и помогать ей очень трудно и рискованно, т.к. легко навлечь на них по-

дозрение в сношениях с таким notorious counter-revolutionary⁵³, как я.

Что касается местной политической обстановки, то сейчас у нас тут сравнительно тихо, но уже предрекают, что с весны китавасия (т.е. междоусобицы китайских генералов) возобновится. Как все это нам надоело, Вы и представить себе не можете, а между тем выбраться из этой паршивой страны нет пока никакой надежды.

Сейчас мы очень озабочены вопросом, как быть с младшим нашим сыном Вильямом, который весною кончает здешнюю очень хорошую, но, к сожалению, только шестиклассную немецкую школу. Придется отправить его в Германию для дальнейшего образования и по всей вероятности Ядви́ге Александровне придется переселиться туда с ним, а я останусь здесь зарабатывать на всю братию – перспектива печальная, но другого выхода нет, т.к. о том, чтобы мне найти в Германии какую-либо работу, и думать нечего.

Что поделяваете Вы и как живется Вам? Как идут Ваши музыкальные успехи? Не думает ли Сербия заключить договор с Китаем и создать здесь представительство? Я мог бы предложить свои услуги, хотя бы в качестве <...>.

Поцелуйте от меня ручку милой Екатерине Николаевне и передайте ей сердечный привет Ядви́ги Александровны.

Крепко Вас обнимаю

Ваш В. Клемм.

NB. Пекин переименован в Пейпинг (Peiping). Это идиотство националистов, но ничего не поделаешь.

РГАЛИ, ф. 2294, оп. 1, д. 42, л. 6-7 и об. Автограф.

⁵³ Отъявленный контрреволюционер (англ.).

Глава 3. ХУДОЖНИК МАКАРИЙ ФЕДОРОВИЧ ДОМРАЧЕВ – «СОВЕТСКИЙ ЭМИГРАНТ» В КИТАЕ¹

Среди русской диаспоры в Китае была категория людей, о которой говорится нечасто – это советские граждане, проживающие в Китае (Харбине, Пекине, Шанхае, Тяньцзине и других городах). В некоторых китайских документах о них говорится как о «советских эмигрантах». Большинство из них приняли (восстановили) советское гражданство уже в Китае, другие прибыли в Китай из СССР и по разным причинам остались там. Советская колония в Китае была значительной и неоднородной, это был сложный и изменчивый мир, переплетение самых разных судеб.

С 1924 г., когда были заключены советско-китайские соглашения, во многих городах Китая открылись дипломатические представительства СССР, многие бывшие подданные Российской империи получили возможность принять советское гражданство. В Маньчжурии число советских граждан было особенно велико благодаря КВЖД, которая с 1924 г. управлялась на паритетных началах СССР и Китаем. Здесь кроме «новосоветских» граждан – старожилов и беженцев, принявших советское гражданство, было много «командированных из СССР». Особенно тесные контакты с Советской Россией, обусловленные наличием КВЖД и близостью советско-китайской границы. В Харбин приезжали ученые, артисты, врачи, писатели, музыканты и художники из Советской России, поступала советская пресса и книги, возможны были научные контакты, поддержание

¹ Сведения об авторе: *Кротова Мария Владимировна* – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений, медиалогии, политологии и истории Санкт-Петербургского государственного экономического университета (СПбГЭУ). E-mail: mary_krot@mail.ru.

связей с родственниками из СССР. К 1929 г., по данным полицейского управления ОРВП, в Харбине насчитывалось 26 759 советских граждан (все население Харбина составляло 160 670 чел., из них русских эмигрантов – 30 362, китайцев – 97 776, японцев – 2 683, европейцев – 2 022)².

Харбин и Маньчжурия в 1920-х гг. не воспринимались как «заграничная» территория, хотя для въезда сюда требовались специальные документы – заграничный паспорт и виза. Для жителей Советской России Харбин представлялся неким «островком благополучия». Сюда приезжали из-за безработицы, возможности заработать деньги, чтобы «отъестся» и «одеться», помочь родственникам в СССР. В 1920-х гг. в Китай ехали представители нэпманской Советской России для устройства коммерческих дел, часто весьма сомнительных, здесь же можно было скрыться должникам, многие из советских граждан становились «невозвращенцами», отказывались от гражданства, оставались в Китае или использовали его как транзитный путь в Японию, США, Австралию, Европу. Тех, кто по разным причинам остался советским гражданином, но и не возвращался в СССР, называли иногда «советскими эмигрантами».

В статусе «советского эмигранта» оказался и Макарий Федорович Домрачев (1887–1958) – известный театральный художник, проживший в Китае с 1924 по 1945 гг. Он выехал с женой в Харбин осенью 1924 г. для работы в театре Железнодорожного собрания КВЖД вместе с группой ленинградских артистов. Уехав ненадолго, М.Ф. Домрачев «задержался» в Китае на 20 лет.

Макарий Федорович приехал в Китай уже состоявшимся художником. Художник В.А. Милашевский, хорошо знавший Домрачева по совместной работе в Петрограде в начале 1920-х гг., сообщал о нем как о «персоне» в те-

² Кормазов В.А. Рост населения в Харбине и Фуцзядяне // Вестник Маньчжурии. Харбин, 1930. №7. С. 25.

атральном мире Петрограда того времени благодаря его работам для спектаклей в Народном доме, в Музыкальной драме, в летних театрах³. Историю становления Домрачева как театрального художника затронул в своих работах В.Л. Фомин⁴. С.С. Лёвошко проанализировала в своих статьях вклад Домрачева в исследование китайской архитектуры⁵. Однако в работах, посвященных М.Ф. Домрачеву, закрались неточности, в том числе в информации о нем на известном интернет-сайте «Искусство и архитектура Русского Зарубежья», посвященном художественной культуре российской эмиграции первой половины XX века⁶. В каталоге к выставке «Русский Китай» 2011 г., где были представлены работы М.Ф. Домрачева, о нем говорится, как о театральном художнике, оформившем «ряд спектаклей в Китае, Индии, Индонезии, Австралии и Японии»⁷. Одна-

³ Милашевский В.А. Вчера, позавчера...: Воспоминания художника. М.: Книга, 1989. 2-е изд., испр. и доп. С. 141.

⁴ Фомин В.Л. Книга и мечта о книге // Невский библиофил. СПб.: Изд-во «Сударыня», 2000. С. 161-171; Фомин В.Л. Макарий Домрачев – русский театральный художник в Китае // Культурное наследие российского государства. Вып. V. Ч. I. Ученые, политики, журналисты и церковные деятели об историческом и культурном достоянии: Сб. статей. СПб: ИПК «Вести», 2010. С. 315-324.

⁵ Лёвошко С.С. Русский художник М.Ф. Домрачев в Китае и его опыт исследований китайской национальной архитектуры // Вопросы всеобщей истории архитектуры. М., 2012. Вып. 4. С. 385-399; Лёвошко С.С. Деятельность русского художника Макария Домрачева в Китае в 1920-1940-е гг. и его культурное наследие // Русский Харбин, запечатленный в слове. Благовещенск, 2012. Вып. 5. С. 216-225.

⁶ Домрачев Макарий Федорович. Искусство и архитектура Русского зарубежья. 20.06.2011. URL: <http://artrz.ru/1804783564.html> (дата обращения: 15.02.2019).

⁷ Кузьменко Л.В. Жизнь русских в Китае // Русский Китай. Из коллекции Александра Васильева и Государственного музея Востока. Каталог выставки. М.: ГМВ, 2011. С. 84-133. В биографиче-

ко, надо заметить, что художник никогда не был в Индии, Индонезии и Австралии.

Задача настоящей статьи – исправить неточности в биографии М.Ф. Домрачева и дополнить сведения о его жизни из архивных источников, материалов фондов Центрального государственного архива литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб) и Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб).

Сохранилась автобиография М.Ф. Домрачева, которую он составил 23 января 1956 г. при вступлении в Ленинградское отделение Союза советских художников (ЛОССХ)⁸. В ней он указал, что родился в Минске 30 апреля / 13 мая 1887 г. Отец его был техником путей сообщения, служил на железной дороге Москва – Брест, мать была из семьи служащего одного из Брянских заводов. Там же он сообщил, что образование получил среднее – окончил в 1905 г. Смоленское реальное училище. В 1906 г. Домрачев поступил в институт гражданских инженеров императора Николая I в Санкт-Петербурге, несколько раз увольнялся из института «по семейным обстоятельствам», на втором курсе не смог сдать всех зачетов из-за болезни и был оставлен на второй год на втором курсе, но в конце концов ушел из института, и в 1910 г. уже «не состоял в числе студентов»⁹.

В автобиографии Макарий Федорович не указывает причин ухода из института, только сообщает, что до 1918 г. работал у разных архитекторов как чертежник, и, главным образом, как рисовальщик: «Познакомился с раз-

ской справке о М.Ф. Домрачеве также содержится масса неточностей (Там же. С. 90).

⁸ Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб). Ф. 78. Оп. 3. Д. 149. Л. 6-16.

⁹ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 184. Оп. 3. Д. 1183. Л. 1, 16, 19, 26.

личными архитектурными стилями, много работал в библиотеке Академии художеств и других, параллельно занимался в частных художественных студиях – Я.С. Гольдבלата, С.М. Зейденберга, М.Д. Гагариной. В студии Гагариной преподавали Е.Е. Лансере, Б.М. Кустодиев (очень немного – болел), М.В. Добужинский, особенно много дал А.Е. Яковлев как руководитель рисунка»¹⁰. В.А. Милашевский в своих воспоминаниях о гагаринской студии отмечал высокий интеллектуальный уровень ее участников, здесь работали также три сестры Бенуа – дочери Александра Николаевича и Леонтия Николаевича¹¹.

Вместе с Домрачевым в студии Гагариной учился Н.П. Акимов, будущий знаменитый режиссер. 24 января 1956 г. он дал Домрачеву рекомендацию, необходимую для вступления в ЛОССХ: «Художника Макария Федоровича Домрачева я знаю в течение сорока лет. С 1915 по 1918 гг. мы учились с ним вместе в «художественной мастерской» под руководством художников В.И. Шухаева, А.Е. Яковлева и М.В. Добужинского. Макарий Федорович был одним из сильнейших учеников. С тех пор он стал крупным театральным художником, много лет проработал в театрах Ленинграда и Дальнего Востока, оформил около двухсот постановок»¹².

В автобиографии Домрачев указал, что первую мировую войну и начало революции он провел на «Рыбинстройке» – военно-срочном строительстве железной дороги Петроград – Рыбинск, хотя практически во всех работах, посвященных М.Ф. Домрачеву указывалось, что он служил в действующей армии, ссылаясь на его снимок 1915 г. в военной форме. Однако в его личном деле в фонде Управления по постройке железнодорожной линии Гостинополье – Чудово (этот участок был частью «Рыбин-

¹⁰ ЦГАЛИ СПб. Ф. 78. Оп. 3. Д. 149. Л. 6.

¹¹ Милашевский В.А. Указ. соч. С. 122-125.

¹² ЦГАЛИ СПб. Ф. 78. Оп. 3. Д. 149. Л. 19.

стройки)), он сам указал в прошении на имя начальника работ от 5 февраля 1916 г. об отсрочке по отбыванию воинской повинности до 1 января 1917 г., что он «белобилетник призыва 1908 г., уволенный от службы при явке к отбыванию в 1911 г.»¹³. Судя по документам, Домрачев служил в Управлении по постройке железнодорожной линии Гостинополе – Чудово (оно находилось в Петрограде) в качестве техника Технического отдела с 18 января 1916 по 15 августа 1919 г. (после революции Управление вошло в состав Управления по сооружению железных дорог Главкомгосоора ВСНХ).

С 1918 г. М.Ф. Домрачев активно включился в художественную работу Петрограда: «В первую годовщину революции писали плакаты для площади Льва Толстого по эскизам Б. Кустодиева – бригадой из учеников студии Гегариной». Тогда же началась его работа как театрального художника: «Помогал художнику Б. Попову писать декорации второй картины оперы «Далила», а также делал эскизы костюмов пьесы «Северный богатырь» для петербургского театра оперетты (в здании «Палас-театра» на Итальянской ул. – сейчас там находится Театр музыкальной комедии – М.К.) и другие мелкие работы»¹⁴.

Начиная с лета 1919 г., Домрачев создавал эскизы декораций для Государственного театра комической оперы, организованного режиссером К.А. Марджановым в помещении бывшего театра «Буфф» и «Палас-театра» («Тайный брак», «Малабарская вдова», «Птички певчие», «Виндзорские проказницы», «Сорочинская ярмарка»). Когда режиссером стал А.Н. Феон, театр вернулся к классической оперетте, и в репертуар театра вошли спектакли «Принцесса долларов», «Сильва», «Идеальная жена», «Ночь любви», «Жрица огня», «Пупсик», «Веселая вдова», «Прекрасная Елена». Декорации к этим пьесам Домрачев

¹³ ЦГИА СПб. Ф. 1280. Оп. 4. Д. 462. Л. 1.

¹⁴ ЦГАЛИ СПб. Ф. 78. Оп. 3. Д. 149. Л. 6.

писал вместе с Н.Я. Яковлевым – художником этого театра, работавшим здесь еще до революции.

В.А. Милашевский вспоминал об особой атмосфере художественного мира Петрограда начала 1920-х гг., когда «все жили интересами искусства»¹⁵. М.Ф. Домрачева привлекали новые формы, эксперименты, поиск нетрадиционных решений для оформления сцены. В автобиографии 1956 г. он сделал обширное поэтическое отступление, которое не вписывалось в бюрократический анкетный формат: «Если говорить о реакции зрителя на нашу (художников) работу, надо сказать, что и в среде работников театра, и артистов, и публики – той, новой, что пришла в театр, часто впервые на оперетту, – большой интерес вызывало не старое, добротное, богатое, а новое, часто неумелое, не совсем понятное и даже чудаковатое, но в этом было что-то такое, на что откликалась душа человека того времени, сидевшего дома с коптилкой, питавшегося горстью картошки и четверкой хлеба, из которого сыпалось пшено. Что же имело положительную реакцию у зрителя? Может, этим поощряли формалистический уклон? Конечно, нет. Думается, что это было только потому, что все, что не перекликалось так или иначе с прошлым, воспринималось уже как что-то свое, наше»¹⁶.

Весной 1923 г. в «Палас-театр» был приглашен режиссер Н.В. Смолич, с которым Макарий Федорович сделал четыре оперетты – «Мадам Помпадур», «Баядерку», «Голландочку», «Куколку», в оформлении которых, по его словам, «акцентировали стилевое начало и отчасти подняли цветное и световое»¹⁷. Осенью 1923 г. он вместе с художником М.И. Курилко подготовил оформление оперы Р. Штрауса «Саломея» для Государственного академического театра оперы и балета (ГАТОБ) – бывшего Мариин-

¹⁵ Милашевский В.А. Указ. соч. С. 238.

¹⁶ ЦГАЛИ СПб. Ф. 78. Оп. 3. Д. 149. Л. 7-8.

¹⁷ Там же. Л. 8.

ского оперного театра, а также создал эскизы костюмов для балета «Ночь на Лысой горе» (балетмейстер Ф. Лопухов). Зимний сезон 1923–1924 гг. М.Ф. Домрачев работал художником в г. Курске в театре им. Щепкина в составе коллектива ленинградских драматических артистов, организованного А.И. Новиковым. Он оформлял спектакли режиссеров Д.К. Пашковского и П. Терского «Власть тьмы», «Газ», «Турандот», «Дама с камелиями», «На бойком месте», «Гроза», «На дне», «Нора» и др. Летом 1924 г. Домрачев работал в Москве над оперой «Севильский цирюльник» (постановка режиссера И.М. Лапицкого), которая была поставлена в экспериментальном театре на ул. Кузнецкий мост (сейчас там размещается Московский театр оперетты – М.К.)¹⁸.

О напряженном графике и темпах работы Домрачева в этот период в Петрограде свидетельствуют документы фонда Управления Ленинградских государственных театров, где сохранились договоры и акты приемки от Домрачева заказанных работ. Так, 11 января 1924 г. Домрачев представил 58 эскизов костюмов для оперы «Сказки Гофмана» Ф. Оффенбаха¹⁹, а уже 1 февраля 1924 г. Управление государственных Академических театров заключило с Домрачевым договор о написании эскизов костюмов к балету «Ночь на Лысой горе» на следующих условиях: «1. Вы обязуетесь написать 10 эскизов костюмов и сделать полный подбор по ним и вообще по костюмным монтировкам к названному балету. 2. За всю перечисленную работу Вы получаете от Управления 4 червонца, каковая сумма уплачивается Вам по представлении Вами эскизов и по утверждении их балетмейстером Ф.В. Лопуховым. 3. Срок представления эскизов – 10 февраля 1924 г.»²⁰. В феврале 1924 г. он также заключил договор о создании декораций и ко-

¹⁸ ЦГАЛИ СПб. Ф. 78. Оп. 3. Д. 149. Л. 8-9.

¹⁹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 260. Оп. 1. Д. 342. Л. 108.

²⁰ Там же. Л. 113.

стюмов к опере «Саломея»: необходимо было «написать один эскиз декораций (общий), два эскиза (занавес), 1 эскиз боковой кулисы, 40 эскизов костюмов и один черновой план планшета (по представлении эскизов и утверждении их управляющим оперной труппой И.М. Лапицким)»²¹. Судя по подписанным актам о приемке, все работы Домрачев выполнил в срок.

Осенью 1924 г. в судьбе художника произошло судьбоносное событие: Макарий Федорович с группой ленинградских артистов во главе с режиссером Малого оперного театра Николаем Васильевичем Смоличем выехал в Харбин. Перед отъездом из Ленинграда 24 октября 1924 г. он зарегистрировал официально свой брак с Екатериной Михайловной Ванчесовой (1898–1964)²².

Причины для отъезда ленинградских артистов в Маньчжурию были различными: кто-то хотел отдохнуть и подзаработать, кого-то не устраивали несправедливая оплата труда в Советской России, напряженный график работы, сложные отношения с художественными руководителями. Так, например, известный актер Аркадий Владимирович Зилоти уволился из ГАТЕДРа (Государственного академического театра драмы – бывшего Александринского театра), «считая невозможным оставаться в составе труппы, в которой художественное руководство вверено Ю.М. Юркову» – заведующему художественной частью театра²³. В.М. Афромеева – солистка ГАТОБа, бывшего Мариинского театра – была недовольна тяжелыми условиями работы и низкой ставкой, просила дирекцию театров «справедливой оценки моей работы и моих вокальных данных»²⁴. Однако ее и еще нескольких солистов – Дранишникова, Каренину, Купер, Легкова,

²¹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 260. Оп. 1. Д. 342. Л. 114.

²² ЦГАЛИ СПб. Ф. 410. Оп. 1. Д. 51. Л. 21.

²³ ЦГАЛИ СПб. Ф. 260. Оп. 3. Д. 1239. Л. 7.

²⁴ ЦГАЛИ СПб. Ф. 260. Оп. 3. Д. 200. Л. 18.

Павлову, Сердюкова и Шушлина уволили из театра с 19 августа 1924 г. за то, что они «не явились в назначенный срок из отпуска»²⁵. Впоследствии А.В. Зилоти, В.М. Афромеева, В.Л. Легков, В.Г. Шушлин и др. осенью 1924 г. приняли предложение о работе в Харбине. Домрачев в своей автобиографии указывал свою причину отъезда в Харбин: «отсутствие в этот момент других предложений. Да и город Харбин не воспринимался как заграница»²⁶.

Домрачев был приглашен в качестве художника – декоратора оперы. Труппа рассчитывала провести один сезон «оперетты и драмы» 1924 / 1925 гг., который открыли в Харбине двумя пьесами: опереттой «Там, где жаворонок поет» и исторической драмой «Царь Федор Иоаннович». Декорации к спектаклям создал М.Ф. Домрачев по эскизам художника Бобышева. Однако после окончания театрального сезона весной 1925 г. труппа приняла предложение о летних гастролях во Владивостоке. Е.М. Домрачева в письме сестре в Ленинград 23 мая 1925 г. пояснила причину их «задержки»: «Здесь слухи о жизни у вас самые разнообразные – одни получают письма, где вопиют о ужасе и безработице и о том, что они почти голодают, другие наоборот – что жизнь легче и все дешевле, так что иметь какое-нибудь представление просто трудно». Здесь же Екатерина Михайловна объясняла, почему они не могут сейчас вернуться: «Не на что, нам вдвоем нужно 300 рублей, а откуда их взять! ... А если вернуться сейчас из Харбина, то можно только жалеть, что поехали – здесь ничего не видали, и людей тоже не встречали»²⁷.

Летом 1925 г. труппа ленинградских артистов работала во Владивостоке в театре «Золотой рог» и в летних театрах по взморью на станциях 19 и 25 верста. В репертуаре труппы были оперетты «Баядерка», «Танец стрекоз»,

²⁵ ЦГАЛИ СПб. Ф. 260. Оп. 3. Д. 200. Л. 21.

²⁶ ЦГАЛИ СПб. Ф. 78. Оп. 3. Д. 149. Л.15.

²⁷ ЦГАЛИ СПб. Ф. 410. Оп. 1. Д. 53. Л. 27-28.

«Коломбина», «Марица», «Голландочка» и др., причем оформление всех спектаклей готовил М.Ф. Домрачев, по его словам, «в несколько сокращенном виде, с учетом примитивного оснащения летних театральных сцен»²⁸.

Осенью 1925 г. труппа вернулась в театр Желсоба, который многие исследователи ошибочно называют то «харбинским оперным театром», то «театром оперетты», «театром Музыкальной комедии и драмы» и т.п. Железнодорожное собрание (Желсоб) было образовано в Харбине в 1907 г. и долгие годы оставалось главной культурной площадкой Харбина. По уставу, действительными членами собрания могли быть служащие КВЖД, которые вносили ежегодную небольшую плату (за исключением почетных членов). Комитет старшин Желсоба, состоявший из 10 членов, управлял всеми делами собрания. Он избирался общим собранием членов на 3 года и утверждался Управляющим КВЖД. Как правило, в комитет старшин входили высшие чины КВЖД, а председателем комитета старшин был помощник Управляющего дорогой. Кроме разных «увеселений» – балов, спектаклей, лекций, в Желсобе играли в карточные игры, за исключением азартных (банковая игра, рулетка и т.п.)²⁹.

В 1923 г. число членов Желсоба достигало 2 494 чел., субсидия от Правления КВЖД составляла 12 тыс. руб. При Желсобе в 1923 г. было создано оперное товарищество, которое представило в 1923 г. 13 постановок, а содержание оперы обошлось Желсобу в 18 669 руб.³⁰.

Смена власти на КВЖД – т.н. «октябрьский переворот» 1924 г., когда в администрацию дороги вошли советские представители, повлек за собой перемены в судьбе Желсоба, по общему мнению, весьма позитивные. «Совет-

²⁸ ЦГАЛИ СПб. Ф. 78. Оп. 3. Д. 149. Л. 9.

²⁹ Устав Харбинского железнодорожного собрания. Харбин: электро-типография «Трудовое товарищество», 1921.

³⁰ Отчет Харбинского Желсоба за 1923 г. Харбин, 1923.

ское» Управление КВЖД не жалело средств на привлечение в Харбин лучших артистических сил Москвы и Ленинграда. В Харбин «выписывались из СССР» музыканты, актеры, солисты под конкретные спектакли и роли, причем оклады актеров в несколько раз превышали существующие ставки в СССР. Во главе театрально-музыкального отделения Желсоба встал И.О. Яцунский – Правитель дел КВЖД, по слухам, представитель ОГПУ. Он слыл покровителем искусств, и занимал пост «почетного директора» оперы Желсоба. Осенью 1925 г. Правление Желсоба решило организовать постоянный оперный коллектив.

Набор артистов происходил через Центрпосредрабис (Центральное посредническое бюро по найму работников искусств), через него же шла выплата гонораров артистам. По постановлению НКТ СССР от 17 сентября 1925 г. №24/346 определенный процент за посреднические услуги с каждой выплаты шел Центрпосредрабису. В фондах ЦГАЛИ СПб находится переписка между Ленинградским отделом Центрпосредрабиса и директором Желсоба И.П. Варфоломеевым-Петровским об условиях работы ленинградских артистов – Бригиневич, Любченко, Афрамеевой, Ельциной³¹ и др. в оперной труппе в Харбине. По этим условиям Желсоб оплачивал проезд, провоз багажа, стоимость паспорта и визы³².

Для набора людей в столицы от КВЖД отправлялись доверенные лица. В ноябре 1925 г. Управление КВЖД командировало в Ленинград и Москву артиста Савелия Анатольевича Малявина для пополнения оперной труппы Харбинского Железнодорожного Собрания, снабдив его следующим письмом: «Управление дороги просит Академический центр пойти навстречу проведению художественно-музыкальных принципов на территории Мань-

³¹ В тексте цитаты допущена ошибка, должно быть – Ельцова.

³² ЦГАЛИ СПб. Ф.110. Оп. 1. Д. 157. Л.4-17.

чжурии и не чинить препятствий артистам Академических театров, кои пожелают принять предложение Харбинского Желсоба для временного их использования». Письмо было подписано помощником Управляющего дорогой А.А. Эйсымонтом и Правителем дел КВЖД И.О. Яцунским³³.

О своей работе в Харбине Макарий Федорович в автобиографии 1956 г. писал очень сдержанно и осторожно: «Наша работа в этих далеких местах была первой ласточкой из Советской России после только затихшей гражданской войны. Отступавшие части белых растворились в русском населении Маньчжурии. Отношение к нам – советским не могло быть очень дружелюбным. Но постепенно все стало нормальным, правда, не за один сезон»³⁴. Его супруга в письмах сестре Елене в Ленинград была более эмоциональна: «Первое впечатление от Харбина – город большой... Автобусов и автомобилей тьма. В автобусе, например, с одного человека чуть ли не с одного конца до другого [проезд] стоит 10 коп. ...Извозчики тоже недорого. Есть рикши. Город очень чистый. Мостовые каменные... Здесь масса ресторанов, фокстротных залов, театров – нужны и соответствующие костюмы... Масса магазинов – все есть – стоит все, конечно, очень недорого и покупать очень много бы чего хотелось. Одеваться можно очень хорошо... Прекрасный мужской костюм здесь стоит 170-180 рублей... Очень долго искали комнату – адски дорого, хотя и очень много. ...Я считаю, что Россия на 1000 голов выше этой заграницы во всех отношениях, а в театральном отношении еще выше, дальше тупого фокстрота не скоро они сдвинутся. Интересов никаких, и привыкли они жевать или сибирскую жвачку, или чтобы им клали все в рот в разжеванном виде, а они бы только глотали. ... Не нра-

³³ ЦГАЛИ СПб. Ф. 260. Оп. 1. Д. 560. Л. 43.

³⁴ ЦГАЛИ СПб. Ф. 78. Оп. 3. Д. 149. Л. 9.

вится мне здесь очень много и нудно, нудно адски. Харбин в переводе – могила, и это действительно правда»³⁵.

М.Ф. Домрачев даже сочинил поэму о начале их жизни за границей:

«Скажи-ка, дядя, ведь недаром
В Харбин нас звали с юным жаром
И красноречья пылким даром
Мы были сражены.
Нам с глазо-блеском говорили,
Что мы в Совдепии загнили,
Что в эти годы износили
Последние штаны.
Что жизнь советского актера
Полна тревоги и позора,
Что исхалтурились мы, скоро
И сразу нам капут.
А там, на грани океана,
За цепью дивного Хингана
Средь сунгарийского тумана
Таинственный Харбин.
Ведь там Европа, там культура,
Дышать не может там халтура,
И угнетенная натура
Советский сбросит сплин.
Все там полно чудес различных,
Людей там масса, и приличных,
Одетых в гетрах заграничных
И в новые штаны.
Там европейцы, не китайцы,
Там ничего не стоят яйца,
Там на спектакль не ходят зайцы,
Карманы всех полны.
Театр там любят до забвенья,

³⁵ ЦГАЛИ СПб. Ф. 410. Оп. 1. Д. 53. ЛЛ. 17-19.

Там в оперетте ценят пенье,
А в драме тонкое уменье ...
Там водки море разливное,
Паштет, настойка, заливное,
И рядом прочее такое,
Чего глаза хотят...
Живет здесь каждый без забот,
Всегда набит его живот,
К тому же мы ведем расчет
Ведь золотым рублем.
Харбин! Ура, ура – несется,
От нетерпенья всяк трясется,
И лезут все к окну...
Ура! В Европе мы, в Европе,
Обед директорский в Желсобе,
Директора за стол особый
Уселись вчетвером.
Фокстрот несется над столами,
Полны мы смелыми мечтами...
Увы, мы одного не знали,
Что тверже камня, тверже стали
Харбинский медный лоб»³⁶.

Позже в письмах сестре Е.М. Домрачева неоднократно «бранила» Харбин: «здесь все неопределенно, ведь это город аферы»; «здесь все затхло и однообразно – интересы тряпки и жратва». Однако к одному из писем Екатерины Михайловны от 9 апреля 1925 г. в дополнение к жалобам на «безлюдье» сохранилась приписка Макария Федоровича: «Мы хотя и на разбитом корабле, но не на необитаемом острове»³⁷.

Действительно, круг общения Домрачевых в этот период был очень широк: это были не только прибывшие из Ленинграда артисты, но и эмигранты, принявшие со-

³⁶ ЦГАЛИ СПб. Ф. 410. Оп. 1. Д. 54. Л. 22 – 22об.

³⁷ ЦГАЛИ СПб. Ф. 410. Оп. 1. Д. 53. Л. 23, 27, 37а об.

ветское гражданство, и старожилы Харбина, с которыми сложились прекрасные отношения. Домрачевы снимали комнату в доме железнодорожного служащего И. Степанова («хозяева замечательные люди, очень милые, простые»)³⁸, с семьей которых они остались дружны до конца жизни.

В Харбине М.Ф. Домрачев много работал, создавая эскизы и оформление для спектаклей Желсоба. Необходимо отметить, что работа Домрачева совпала с расцветом Желсоба во второй половине 1920-х гг., когда соединилось несколько счастливых моментов – творческие силы Москвы и Ленинграда, деньги КВЖД, дух времени, надежды на будущее, возможности Харбина. Опера, как известно, требует значительных расходов, так что траты на театральные постановки существенно возросли. Так, расходы на театр Желсоба в 1927 г. (оркестр, балет, хор и т.п.) составили 73 384 руб., при том, что число членов Желсоба было 2 157, а субсидии КВЖД Желсобу в 1927 г. увеличились до 40 тыс. руб.³⁹.

Опера стала одним из любимых развлечений харбинцев. Спектакли ставились со столичным размахом, с большим хором и оркестром, в прекрасных, специально созданных для них декорациях. Зал Желсоба вмещал 800 человек. Он был прекрасно отделан: лепные потолки, хрустальные люстры, панели из красного дерева, тяжелый голубой занавес с вышитой на нем эмблемой КВЖД. По воспоминаниям Елизаветы Рачинской, посещение оперы было настоящим праздником – зал, «весь белый, залитый светом люстр, нарядный, оживленный, создавал припод-

³⁸ ЦГАЛИ СПб. Ф. 410. Оп. 1. Д. 53. Л. 23.

³⁹ Отчет Желсоба за 1927 год. Харбин: Тип. Л.М. Абрамовича, 1928. С. 15.

нятое настроение»⁴⁰. Была сформирована постоянная оперная труппа с классическим репертуаром. Только за 1927 г., который считался расцветом оперы, было поставлено 68 спектаклей (22 постановки) в весенний сезон (до апреля), а с октября по декабрь, в зимний сезон – 12 опер (67 спектаклей), 11 пьес (44 спектакля) и 4 музыкальных концерта (17 спектаклей), причем количество зрителей на всех постановках составило 35 830 чел.⁴¹

В спектаклях участвовали актеры и солисты, приглашенные из СССР, и местная труппа. На местной оперной сцене выступали Альперт-Розанова, Зелинская, Афромеева, Спришевская, Липковская, Семизорова, Гаврилова, Силинская, Батурина, Данилова, Кравченко, Кнорре, Крылова, Ельцова, Григорьева-Хмельницкая, Луканин, Бригиневиц, Лемешев, Книжников, Алексашин, Витинг, Вительс, Ухов, Матусович, Шеманский, Саяпин и др., опереточные артисты Волкова, Христофорова, Орловская, Битнер, Бравин, Райский, Валин, Розен и др.⁴² Дирижерами оркестра были А.Ю. Слущкий, В. Каплун-Владимирский, Н.А. Шиферблат, Я.А. Позен, А.М. Пазовский. Режиссерами оперы Желсоба были П.Ф. Григорьев, С.А. Мальявин, И.П. Варфоломеев⁴³, Петровский (оперетта). Балет-

⁴⁰ Рачинская Е. Перелетные птицы. Воспоминания. Посвящается Харбину и харбинцам. San Francisco: Globus Publishers, 1982. С. 28.

⁴¹ РГИА. Ф. 323. Оп. 3. Д. 37. Л. 132.

⁴² Музыкальный Харбин поздравляет «Зарю» с 20-летним юбилеем // Заря. 1940. 6 октября. С. 30.

⁴³ Иван Поликарпович Варфоломеев был в 1910-х годах тенором Дягилевских сезонов в Лондоне, жена его – пианистка Ольга Петровна Васильева (1886 г.р.) приходилась двоюродной бабушкой известному историку искусства и коллекционеру Александру Васильеву – тот факт, что она в 1920-е гг. жила в Харбине, когда ее муж работал режиссером в оперном театре при Желсобе, объяснял интерес А. Васильева к Русскому Китаю. В коллекции А. Васильева сохранились театральные эскизы М.Ф. Домр-

мейстерами были Э.И. Элиров и Н.М. Сокольский. Именно в Харбине началась карьера будущего знаменитого певца Сергея Лемешева (он пел в сезон 1927–1928 гг., в том числе в «Евгении Онегине»), а также знаменитого актера Бориса Андреевича Бабочкина, игравшего в качестве артиста драмы в харбинском Желсобе в 1928–1929 гг. (его зарплата составляла 225 зол. руб. в месяц)⁴⁴.

А.Ю. Слуцкому 17 февраля 1927 г. в Желсобе был устроен юбилейный торжественный спектакль, посвященный 30-летию его музыкальной деятельности. Почетным председателем юбилейной комиссии стал председатель ЦК Всерабиса Ю.М. Славинский, председателем – Е.А. Трупп – заведующий театральным отделом Желсоба. В числе членов комиссии были М.Ф. Домрачев, М.З. Грицай – председатель профсоюза работников искусств, артисты оперы и драмы В.М. Афромеева, В.А. Войтенко, М.И. Данилова, В.В. Туров, Г.С. Саяпин, артисты оркестра В.Д. Трахтенберг, А.И. Спиридонов, балетмейстер Э.И. Элиров, режиссер С.А. Малявин, отрук (ответственный руководитель) оперы Л.Я. Патушинский, дирижер оперы Н.А. Шиферблат и др.⁴⁵.

Для оформления спектаклей оперетты был выписан из Новосибирского театра художник А.Н. Фокин, но большинство оперных и драматических спектаклей оформлял М.Ф. Домрачев, причем он не только делал эскизы, но и сам писал декорации с помощниками, из которых только один Г.А. Валентинов был профессионалом, остальные, по словам Домрачева, были «неопытная, но способная молодежь, трое из них стали художниками». За

ачева этого периода. См.: Васильев А.А. Русский Китай // Русский Китай. Из коллекции Александра Васильева и Государственного музея Востока. Каталог выставки. М.: ГМВ, 2011. 172 с. С. 135-169.

⁴⁴ РГАЛИ. Ф. 2655. Оп. 1. Д. 487. Л. 4

⁴⁵ ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-283. Д. 1458. Л. 71-72.

четыре театральных сезона на сцене Желсоба М.Ф. Домрачев оформил огромное количество спектаклей. В своей автобиографии он отметил декорации сделанные к операм «Аида», «Садко», «Фауст», «Сказки Гофмана», «Кармен», «Руслан и Людмила» (для этих спектаклей декорации были написаны по два раза), «Лакме», «Борис Годунов», «Дни нашей жизни», «Нерон», «Самсон и Далила», «Чио-Чио-сан» («Мадам Баттерфляй»), «Князь Игорь», «Тангейзер», «Сказка о царе Салтане», «Золотой петушок», «Хованщина», «Пиковая дама», «Снегурочка», «Дочь кардинала» («Иудейка»), «Евгений Онегин», «Сказание о граде Китеже», «Севильский цирюльник», «Царская невеста», «Каморра», «Галька», «Фра-Дьяволо», а также балетам «Шахерезада», «Шопениана», «Коппелия»⁴⁶. Им были написаны также декорации для оперетт «Цыганский барон», «Боккаччо», «Марица», «Баядерка», «Катя-танцовщица», «Фраскита», «Голубая мазурка», «Сильва», «Голландочка», «Мадам Помпадур», «Жирофля – Жирофле». Из драмы были выполнены декорации к пьесам «Певец своей печали», «Мадам Сан-Жен», «Преступление и наказание», «Дама с камелиями», «Ревизор», «Стакан воды», «Тот, кто получает пощечины» (пьеса была поставлена на арене цирка), «Горе от ума» и др.⁴⁷.

За это же время театр совершил две поездки в Японию, в города Токио и Такарадзука (в работах о М.Ф. Домрачеве неверно указан токийский театр Такарадзука, который был открыт только в 1934 г.). В первую поездку осенью 1926 г. Домрачев с помощниками – японскими художниками – написал декорации для опер «Аида», «Кармен» и «Риголетто», используя вращающийся планшет сцены. Для опер «Демон» и «Фауст» декорации были созданы японскими художниками в городе Нагоя по эскизам М.Ф. Домрачева. Для второй поездки в Японию

⁴⁶ ЦГАЛИ СПб. Ф. 78. Оп. 3. Д. 149. Л. 11.

⁴⁷ Там же. Л. 9-10.

весной 1928 г. все декорации были написаны Домрачевым с помощниками в Харбине уже по размерам, соответствовавшим японским сценам. В репертуаре были «Гугеноты», «Лакме», «Кармен», «Самсон и Далила», «Борис Годунов», «Садко», «Аида», «Хованщина»⁴⁸.

Екатерина Михайловна поделилась впечатлениями о поездке в Японию в письме сестре 4 июня 1928 г.: «Поездка была очень любопытным сном – были в Киото, Иокогаме, Камакуре, Осаке, Такарадзуке, Кобе. Самые замечательные места – это Камакура, стоящая на берегу Тихого океана, с узенькими улочками, настоящими японскими домиками, с массой цветов, озеро Бива, о котором существует масса легенд очень поэтичных и очень сентиментальных, так чудесно идущих к самой Японии... Надо сознаться, что мы ее (Японию) изъездили на рикше»⁴⁹.

М.Ф. Домрачев в эти годы был очень популярен в Маньчжурии и Японии, спектакли с его оформлением шли с большим успехом. По словам его жены, в Харбине его «буквально носили на руках»⁵⁰. Профессор Г.К. Гинс в юбилейном выпуске газеты «Заря» в 1938 г. отмечал вклад Домрачева в создании культурных учреждений и богатств Харбина: «Музыкальное искусство и театр привлекали в Харбин любителей культурных развлечений со всего Дальнего Востока. Здесь формировались труппы оперных, драматических и балетных артистов, которые затем совершали турне в Ниппон и Китай. ...Харбин стал очень требовательным. Его не удивишь рядовыми гастролерами. Его вкусы утончены и художественны. Он имел оперу, которой мог позавидовать любой крупный центр. Декорации Домрачева и Степанова превзошли декорации рус-

⁴⁸ ЦГАЛИ СПб. Ф. 78. Оп. 3. Д. 149. Л. 11.

⁴⁹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 410. Оп. 1. Д. 54. Л. 27.

⁵⁰ ЦГАЛИ СПб. Ф. 410. Оп. 1. Д. 55. Л. 43.

ского театра в Париже. Все носило в Харбине отпечаток большого вкуса и большой требовательности»⁵¹.

Домрачев и в Харбине продолжал эксперименты с оформлением спектаклей, используя световые эффекты, диапозитивы, когда с помощью нарисованных на дисках декорациях создавался эффект движущегося неба, реки, леса. Об этом вспоминал позже в письмах 1957 г. работавший с Домрачевым в Харбине художник-осветитель Б.Д. Попов⁵². Екатерина Михайловна тоже иногда участвовала в постановках Желсоба. При получении пенсии в 1957 г. в Ленинграде она предоставила свидетельские подтверждения Б.Г. Бодростина, что в период с 1924 по 1929 г. была «актрисой на вторые роли в Желсобе», а также договор с Желсобом на сезон 1927/1928, с 1 октября по 31 марта, что она получала «100 местных долларов в месяц, имея один день выходной»⁵³.

О бурной театральной жизни Харбина второй половины 1920-х гг. сохранилось немало мемуаров, а также свидетельств в виде программ, фотографий, отзывов в газетах. В рижской газете «Сегодня» от 16 марта 1929 г. была опубликована беседа с Евгением Эдуардовичем Витингом, оперным певцом из Советской России, который также работал в опере Желсоба в 1927–1929 гг. О Харбине он сообщал: «Там, где не нуждаются в Лиге Наций, где много денег и едят обеды из 64 блюд. ...Обилие денег в городе приводит к тому, что все жизнерадостны и веселы, опера, театры и балы переполнены. ...Репертуар русской драмы, главным образом, классический. Большевики пытались ввести «революционный репертуар», но китайские власти скоро положили этому конец. ... В Харбине очень много русских. Среди них есть и коммунисты, и белогвардейцы –

⁵¹ Гинс Г. Харбин, эмиграция и культура // Заря. 1938. 10 июля. № 180. С. 2.

⁵² ЦГАЛИ СПб. Ф. 410. Оп. 1. Д. 41. Л. 2.

⁵³ ЦГАЛИ СПб. Ф. 410. Оп. 1. Д. 51. Л. 27.

бывшие офицеры, дворяне, инженеры... Много в Харбине также евреев, в руках которых находится значительная часть торговли. Из последних главным образом рекрутируется контингент зрителей или, вернее, слушателей оперы»⁵⁴.

Многие из прибывших из Ленинграда и Москвы артистов после окончания контракта возвращались в СССР. Для этого у каждого были свои мотивы. Вместе с Домрачевыми в 1924 г. в Харбин выехал оперный артист Валентин Львович Легков (1894–1954), однако после двух сезонов, проведенных в Желсобе, он решил вернуться в Ленинград. В своем письме в Управление Ленинградских государственных театров от 28 марта 1926 г. он сообщал: «После почти двухлетнего отсутствия из Ленинграда после скитания по Дальнему Востоку я возвращаюсь наконец в родные края. За два сезона «провинциально-заграничной службы» многому пришлось научиться и много перестрадать. Начало с Н.В. Смоличем – как Вы знаете, было для всех нас, уехавших «заграницу», неудачным, но постепенно мы освоились и все существуем кто как-нибудь, а некоторые даже хорошо, что могу сказать и о себе лично. Мне здесь неплохо: в материальном отношении я вполне обеспечен. Есть возможность ехать и дальше и хорошо зарабатывать, но надо уклоняться от своего прямого назначения и конечно лет через 5–6 сойти к нулю. Вот это обстоятельство и заставляет задуматься – я хочу, пока не поздно, вернуться назад. Я не знаю, поймете ли Вы меня и будет ли у Вас возможность отнестись к моей просьбе так, чтобы она достигла благоприятных для меня результатов... Я бы хотел, вернувшись в Ленинград, вновь поступить в Академические театры»⁵⁵.

⁵⁴ Вырезка из газеты «Сегодня» (Рига). // ГАРФ. Ф. 5758. Оп. 1. Д. 2. Л. 32.

⁵⁵ ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-260. Оп. 1. Д. 816. Л. 139.

По возвращении в СССР В.Л. Легков служил в Ленинградском театре музыкальной комедии и Кировском театре.

Вернувшиеся в СССР артисты продолжали поддерживать контакты с оставшимися в Харбине. В харбинской газете «Заря» от 4 января 1931 г. была помещена информация от П.Ф. Григорьева, который переписывался с артистом Скитальцевым, работавшем в Нижне-Волжском театральном объединении, через которого узнавал все новости об оперных певцах, певших в Желсобе. Так, вместе со Скитальцевым в этом объединении работали Данилова, Альперт-Рузанова, Оржельский. Скитальцев также сообщал о других артистах, работавших в 1920-х гг. в Желсобе: «Лемешев – в Тифлисе, Каратов – в Ташкенте, Афромеева, Лерма, Позен, Алексашин, Зубов – в Саратове. Варфоломеев, Пазовский, Книжников – в Баку, Любченко, Сердюков, Зелинская, Бригиневиц – в Московском Большом театре»⁵⁶.

В 1920-е гг. еще можно было выезжать в СССР и возвращаться обратно в Харбин. Так, летом 1927 г. дирижер оркестра Желсоба В. Каплун-Владимирский уезжал в Москву за партитурами новых опер⁵⁷. В письме сестре 24 ноября 1928 г. Екатерина Михайловна сообщала: «Вот уже 4 года как мы здесь, а ведь ехали только на сезон. Уехало – полный вагон, а сейчас нас только 8 человек здесь (в Желсобе – М.К.)»⁵⁸. По словам Е.М. Домрачевой, вопрос с возвращением на родину упирался в деньги, хотя, возможно, причиной были доходившие из Советской России сведения о начавшихся репрессиях, о чем она «проговаривалась» иногда в письмах: «О вас здесь говорят сплошные ужасы»⁵⁹. 16 февраля 1929 г. Екатерина Михайловна сооб-

⁵⁶ Заря (Харбин). 1931. 4 января. С. 4.

⁵⁷ Молва (Харбин). 1927. 15 июля. С. 3.

⁵⁸ ЦГАЛИ СПб. Ф. 410. Оп. 1. Д. 54. Л. 19.

⁵⁹ Там же. Л. 19об.

щала в письме сестре из Харбина: «Возможно, мы скоро увидимся. Сезон кончился так же странно, как странен он был весь год. ...Возможно, будет поездка в Японию (один месяц, с 10 марта по 10 апреля), а по возвращении, возможно, и двинемся в путь до дому»⁶⁰.

Поездка в Японию не состоялась, но у Макария Федоровича возникла идея нового проекта – театра миниатюр «Петрушка». Летом 1929 г. были написаны декорации для этого театра, и начались представления. Спектакли шли с большим успехом, и даже начавшийся в июле советско-китайский конфликт 1929 г. не помешал выступлению. Екатерина Михайловна писала в письме домой 14 июля 1929 г. из Харбина: «У нас наши события очень паршивые, ... но я верю в хороший конец. Мы сейчас очень много работаем с нашим театром... Публики было полно. Принимали замечательно... Сейчас готовим вторую программу, но что из этого выйдет, не знаем, сейчас события подорвали. С сентября наш театр приглашают в Тяньцзинь, Пекин, Шанхай и также в Японию». Здесь же в письме она добавила: «Мечтаем об островах – Маниле, Яве»⁶¹. Макарий Федорович в письме от 31 августа 1929 г. в Ленинград на бланке театра «Петрушка», как мог, успокаивал родственников: «Мы живы и здоровы, работаем с нашим театром – создали вторую программу и ей отработали все наши долги... (каждый из нас получил по 40 руб.) В воскресенье будут последние 3 спектакля. ...Одним спектаклем отработали 25 раз и собрали очень хорошие сборы. Дальше, что будет – неизвестно. ... Возможно, что мы повернем оглобли и прибудем к вам к зиме. Выехать сможем только в том случае, если удастся пристать к партии отъезжающих»⁶².

⁶⁰ ЦГАЛИ СПб. Ф. 410. Оп. 1. Д. 55. Л. 5-6.

⁶¹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 410. Оп. 1. Д. 54. Л. 51-52.

⁶² Там же. Л. 24.

1929 год был переломным не только для внутрисоветской политической жизни СССР, но и для жизни русской колонии в Маньчжурии. Советско-китайский конфликт 1929 г. высветил много проблем как в советско-китайских отношениях, так и внутри КВЖД. Во время советско-китайского конфликта Желсоб также продолжал работать, ставились спектакли, в которых участвовали и советские артисты. Газета «Заря» писала в заметке от 31 октября 1929 г. об опере «Демон», в которой пели Ельцова, Смирнова, Тедориди, Зайбеда, Орловский, Саяпин; а также об опере «Евгений Онегин» с Вительсом в роли Онегина, Зайбеда в роли Ленского; дирижировал В. Каплун-Владимирский⁶³. Но ситуация в Харбине в корне изменилась. После конфликта контакты СССР с Маньчжурией резко сократились: даже те, кто был эвакуирован из Маньчжурии в СССР во время конфликта, не могли вернуться обратно. Из СССР теперь приглашались только проверенные люди. После введения закона о т.н. «перебежчиках», принятого ЦИК СССР 21 ноября 1929 г., отказ граждан СССР на предложение вернуться в пределы СССР рассматривался теперь как «перебежка в лагерь врагов рабочего класса и крестьянства» и квалифицировался как измена Родине. После этого ряд советских чиновников и дипломатов, находившихся за границей, решили остаться там и получили клеймо «невозвращенца». Часть советских граждан во время конфликта решили перебраться в другие города Китая. Те же, кто вернулся, избегали упоминать в своих биографиях харбинский период, и до сих пор в многочисленных театральных справочниках и энциклопедиях нет информации о работе в Харбине Н.В. Смолыча, С.А. Малявина, А.М. Пазовского и др.

Многие из советских артистов как, например, дирижер В.М. Каплун-Владимирский, концертмейстер В.В. Великанов и его жена С.А. Батурина, пианистка Л.Б. Апте-

⁶³ Заря (Харбин). 1929. 31 октября. № 293. С. 3.

карева остались в Харбине и выехали в СССР вместе со служащими КВЖД в 1933–1935 гг. в связи с продажей КВЖД. Но были и те, кто перебрался из Харбина в другие города Китая, в частности, в Шанхай: певицы В.И. Ельцова, Е.А. Орловская, С.А. Реджи, певцы В.Е. Валин, В.Г. Шушлин, Л.И. Розен, Г.С. Саяпин, пианистка и режиссер З.А. Прибыткова, балетмейстеры Э.И. Элиров, Н.А. Сокольский, дирижер А.Ю. Слуцкий, который управлял в Шанхае оркестром. У каждого, в том числе и у четы Домрачевых, была своя история и свои основания для т.н. «невозвращения»⁶⁴.

В харбинский период жизни Домрачев начал интересоваться китайской архитектурой – в материалах его фонда есть немало вырезок изображений китайских сооружений пригорода Харбина Фуцзядяня, зарисовок храмов, сценок из жизни китайцев. В автобиографии он подчеркнул: «Художнику, живущему в Китае, трудно остаться равнодушным к своеобразной красоте китайской архитектуры. Это искусство очень оригинальное, и по мере знакомства с ним интерес к нему увеличивается. Но познакомиться с китайской архитектурой – это значит видеть центральный и южный Китай. Театральный художник может иметь эту возможность, разъезжая с театром. Так возникла мысль о театре миниатюр «Петрушка». ... С этим театром проработали в Харбине осень, к зиме уехали в Шанхай, где проработали два месяца и уехали в Манилу, где также работали два месяца. Ехать дальше на острова было нельзя по двум причинам: труппа была сконструирована неправильно и заговорило кино. Интерес к театру нашего типа

⁶⁴ О причинах миграций внутри Китая и атмосфере в среде русской колонии в Харбине и Шанхае см.: Черникова Л.П. Мост в прошлое везунчика-барона: (штрихи к портрету русского писателя Павла Северного. – Уфа: Вагант, 2011.

упал. Пришлось вернуться в Шанхай (1930), где вскоре коллектив театра «Петрушка» распался»⁶⁵.

В Шанхае пришлось все начинать заново. Екатерина Михайловна Домрачева в письме родным 27 марта 1930 г. из Шанхая описывала поездку в Манилу (Филиппины) и Гонконг, где они выступали с театром «Петрушка», заметив: «Приехали с театром, коллектив загнил... Кроме того, мы советские, к нам весьма чувствительно относятся. На меня массу собак вешают, хотя я очень далека от всех наших. Здесь больше, пожалуй, чем где, люди кривят душой и политиканствуют... Я нахожусь в весьма гнилой атмосфере»⁶⁶. В письмах из Шанхая в Ленинград весной и летом 1930 г. Е.М. Домрачева постоянно затрагивала тему возвращения домой и обстоятельств, которые заставляют их остаться. Так, в письме от 18 мая 1930 г. она заметила, что «тут у нас ходят о вас очень неважные слухи», а также сообщила родным о мечтах увидеть Индию⁶⁷. 15 августа 1930 г. она писала в Ленинград, что «Моричке (так она называла Макария Федоровича – М.К.) было предложение на Новосибирск – сразу не могли ответить (денег не было). Потом предложили оплатить аванс в Чите (но как добраться до Читы?). Были бы деньги – то в этом году уже увиделись бы»⁶⁸. Тема денег рефреном звучит практически во всех письмах этого периода – Екатерина Михайловна жаловалась на то, что они едва сводят концы с концами, хотя Макарий Федорович много работал, ругала «капиталистические порядки». 18 апреля 1931 г. она писала в Ленинград: «Я не люблю Шанхай. Мертвый он город – нет театров, нет музеев, – ничего, кроме кино и контор. ... Как мне надоело жить по комнатам, да еще когда живешь без

⁶⁵ ЦГАЛИ СПб. Ф. 78. Оп. 3. Д. 149. Л. 12-13.

⁶⁶ ЦГАЛИ СПб. Ф. 410. Оп. 1. Д. 54. Л. 69.

⁶⁷ Там же. Л. 47.

⁶⁸ Там же. Л. 63.

пансиона»⁶⁹. 26 июля 1931 г. Е.М. Домрачева сообщила сестре, что они переехали в квартиру: «Будет ли работы достаточно, чтобы платить за нее – хотя рента и недорогая, но со светом, с газом, с водой, с боем – нужно минимум 100 долларов каждый месяц»⁷⁰.

Об этом периоде жизни в Шанхае с 1930 по 1932 гг. Макарий Федорович сообщал в автобиографии 1956 г.: «До 1932 г. имел различную случайную работу. Писал немного декорации для спектаклей, обычно возникающих в тех местах, где оседает, хотя бы временно, русское население. Так я написал один или два раза «Фауст», «Борис Годунов» и балет «Леда» и «Танец машин» (балетмейстером был Э.И. Элиров). Работал в артели «Декора-Студио» – оконная реклама, отделка магазинов, небольших кабаре, работал в английской рекламной фирме»⁷¹. Екатерина Михайловна 17 февраля 1931 г. в письме в Ленинград писала: «Макарий устает, работает ночами – ставят спектакль «Фауста» – что заплатят? У нас долги (не заплатили денег за работу, пришлось занять). Службу здесь получить невозможно – много людей, много желающих, и конечно, нужны знакомства, но их очень мало»⁷².

В конце осени 1932 г. Домрачевы переехали из Шанхая в Ханчжоу, где Макарию Федоровичу предложили постоянную работу на декоративном факультете Национального института искусств преподавать «театральную декорацию и архитектурные чертежи». В автобиографии он указал: «Это в местных условиях вызвало необходимость добавить к курсу теорию теней, перспективу, европейские архитектурные ордера и даже анатомию. Последнее – как реакция против формалистических тенденций всего школьного преподавания. Почти все преподаватели

⁶⁹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 410. Оп. 1. Д. 55. Л. 21.

⁷⁰ Там же. Л. 3.

⁷¹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 78. Оп. 3. Д. 149. Л. 13.

⁷² ЦГАЛИ СПб. Ф. 410. Оп. 1. Д. 55. Л. 18.

института учились во Франции (Париж, Лион) и были последователями постимпрессионизма в его крайних проявлениях, что вызывало неблагоприятную психологическую реакцию для дисциплин, которые преподавал я. Почему я просил дирекцию позволить мне вести наброски с модели, где, опираясь на анатомию, подтягивал студентов к реалистической традиции формы, не боясь прослыть отсталым реакционером»⁷³.

Ханчжоу очаровал Домрачевых. Екатерина Михайловна в письмах с восторгом писала о местных красотах: «местность чудная, окружена горами и озерами, европейцев совсем почти не видно – может быть, человек 20»⁷⁴. В ответ на вопросы родственников о городе она сообщала о Ханчжоу: «Население около миллиона человек, много фабрик, магазинов, учебных заведений, высших и низших школ. В Китае дети учатся с пятилетнего возраста, для того, чтобы читать простые вещи, надо знать не меньше 1500 иероглифов, а вообще их, по одним сведениям, 34 тысячи, по другим – 45 тысяч. Культурный китаец знает от 12 до 20 тысяч и очень редко, кто знает все. Наречий у них такое количество, что в одной нашей провинции 72 – как же можно изучать китайский язык, если вы сплось и рядом можете наблюдать такую картину, когда переводчиком между двух китайцев является европеец... Я, конечно, не умею никак говорить, но все же с амой (так русские называли няню или прислугу в Китае – М.К.) договариваюсь обо всем, что нам нужно, понимаю больше, чем могу сама сказать»⁷⁵.

Макарий Федорович вел занятия на английском языке, на работе он был занят до обеда, в свободное от занятий время, а также во время летних каникул много работал – писал картины, готовил курсы, собирал этногра-

⁷³ ЦГАЛИ СПб. Ф. 78. Оп. 3. Д. 149. Л. 13.

⁷⁴ ЦГАЛИ СПб. Ф. 410. Оп. 1. Д. 55. Л. 28.

⁷⁵ Там же. Л. 38.

фический материал по искусству и архитектуре Китая. Весной 1934 г. он был со студентами на экскурсии в Пекине. Екатерина Михайловна писала об этой поездке:

«Очень доволен, говорит, что после Пекина не стоит больше осматривать Китай – все повторение и очень слабое»⁷⁶. В 1935 г. Макарий Федорович создал декорации для китайского балета, музыку к которому написал российский эмигрант Арон Авшалумов. Это был балет-пантомима с китайскими актерами и под руководством китайского балетного режиссера. Е.М. Домрачева сообщала о постановке: «Рецензии хорошие – газеты писали про Морькины декорации, что «уника», написаны по-европейски, но китайский характер. Оба акта принимались публикой при открытии занавеса дружными аплодисментами, аудитория была из китайцев и иностранцев, которые очень скупы на аплодисменты. Мое сердце радуется, но Морька, как всегда, ... недоволен и опять: «если бы не надо было торопиться, то то и то он сделал бы по-другому». Задача была нелегкая: надо было сделать буддийский храм и отнюдь не в реалистическом виде, но в то же время, чтобы всякий понял, что это внутренность храма, этот храм превращается в подземное царство злых духов, и следующее – это чистилище и рай – т.е. заоблачное царство. Но ведь это Макарий, и был ли он хоть когда-нибудь доволен собой»⁷⁷.

Екатерина Михайловна занялась рисованием, учила китайский язык, занималась режиссурой со студентами. В Китае Домрачевы ощущали себя не эмигрантами, а советскими гражданами, внимательно следили за событиями, происходившими на родине, слушали радио из Хабаровска и Москвы, смотрели советские фильмы, радовались успехам СССР. Е.М. Домрачева писала 3 июня 1934 г. из Ханчжоу: «Как бы вырваться к вам – новая жизнь, новые

⁷⁶ ЦГАЛИ СПб. Ф. 410. Оп. 1. Д. 55. Л. 35.

⁷⁷ Там же. Л. 53.

люди, все кипит, миллион интересов, здесь же только и смотрят, как бы съесть одному другого»⁷⁸. В письме от 19 мая 1936 г. она поделилась впечатлениями от просмотра советских фильмов «Чапаев» и «Счастливая юность»: «ушли из кино, как зачарованные». Макарий Федорович сделал приписку к письму карандашом: «Чапаев идет под сплошные аплодисменты китайцев в тех местах, где победу одерживают красные партизаны. «Счастливая юность» – парад спортсменов в Москве – оставляет неизгладимое впечатление не только у китайской аудитории, но и у местных иностранцев, которые глядели, разинув рот и могли говорить только: *It's sport – so strong, so beautiful bodies* и проч. (Это спорт – такие сильные, прекрасные тела)»⁷⁹.

Летом 1936 г. Домрачевы провели 5 дней в столице Китая Нанкине – Екатерина Михайловна выступила в роли режиссера пьесы «Сирано де Бержерак», которую поставила с китайскими студентами института, а Макарий Федорович был руководителем декоративной части. Она сообщала в письме: «Успех был очень большой – костюмы, декорации, грим, парики и европейская игра – все произвело большое впечатление»⁸⁰. В эти годы Макарий Федорович лечился от малярии, болезнь в автобиографии указана как причина переезда в Шанхай: «В институте я проработал до осени 1937 г., когда для лечения малярии пришлось уехать в Шанхай, откуда благодаря начавшейся японской оккупации я уже не мог вернуться в институт»⁸¹.

С осени 1937 г. и до отъезда в СССР в феврале 1945 г. Домрачевы жили в Шанхае, где находилась довольно большая советская колония. Макарий Федорович работал в Шанхайском клубе советских граждан, где ставились

⁷⁸ ЦГАЛИ СПб. Ф. 410. Оп. 1. Д. 55. Л. 34.

⁷⁹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 410. Оп. 1. Д. 56. Л. 16.

⁸⁰ Там же. Л. 19-20.

⁸¹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 78. Оп. 3. Д. 149. Л. 14.

спектакли как профессиональной труппой, так и силами самодеятельности. В автобиографии он отметил, что для самодеятельной труппы он оформил пьесы «Шестеро любимых», «Банкир», «Знатная жена», «Глубокая разведка» и др. С профессиональными актерами сделал оформление к пьесам «Русские люди», «Разлом», «Нашествие» и ряд оперетт – «Коломбина», «Марица», «Свадьба Марион» и др.⁸² Макарий Федорович работал также в Шанхае с коллективом «Русский балет» («Le Ballet Russe») ⁸³, где оформил балеты «Эсмеральда», «Спящая красавица», «Дон-Кихот», «Конек-Горбунок», «Лебединое озеро», «Щелкунчик», «Le Spectre de la Rose», «Раймонда», «Presage», «La Boutique Fantastique», «Light and Shadows», «Франческа да Римини», «Времена года», «Шопениана», «Половецкие пляски», «Стенька Разин», «Арлекинада», «Клеопатра» и др. Балетмейстерами балетов были Н. Сокольский, Audry King, Н. Князев. Кроме того, Макарием Федоровичем в «шанхайский» период были написаны декорации для спектаклей театра «Новый Лайсеум»⁸⁴ – «Лакме», «Богема», «The cost» на музыку de Luc, пьесы «В облаках фимиама» на музыку А. Авшалумова (европеизированная китайская музыка)⁸⁵.

⁸² ЦГАЛИ СПб. Ф. 78. Оп. 3. Д. 149. Л. 14.

⁸³ «Русский балет» был создан в Шанхае в 1934 г. исключительно из русских эмигрантов.

⁸⁴ На сцене шанхайского театра «Лайсеум» выступала Русская оперетта. На протяжении 6 сезонов с 1934 по 1940 гг. было организовано 237 представлений, общее число зрителей составило 120 тыс. чел. Кроме М.Ф. Домрачева художниками-декораторами спектаклей были В. Засыпкин, М. Кичигин, В. Кузнецова, Д. Сафронов, К. Покровский // Ван Чжичэн А. Карта русской культуры в Шанхае / под ред. Л.П. Черниковой. Шанхай: Изд-во «Бриллиант», 2010. С. 95.

⁸⁵ ЦГАЛИ СПб. Ф. 78. Оп. 3. Д. 149. Л. 14.

В эти же годы Домрачев занимался преподавательской работой в школе изобразительных искусств в Шанхае, основанной художником Лю Кайчи, преподавал рисование голов и фигур с гипсов и модели, давал уроки рисования «для не китайских учеников – имел свою студию»⁸⁶. Позже уже в СССР художник М.Я. Щировский писал Домрачеву 27 декабря 1954 г. из Ташкента, предлагая заняться преподавательской работой: «Знаю, как тобой дорожили в колледже в Шанхае»⁸⁷.

Во время Второй мировой войны в Шанхае начал выходить просоветский журнал «Эпоха» на русском и китайском языках, с которым начал сотрудничать Домрачев. Как заметил сам М.Ф. Домрачев, «мною было сделано свыше 20 рисунков на темы фашистских зверств в оккупированной части Союза. Один рисунок был напечатан в журнале «Эпоха». ...По протесту германского консула китайские власти запретили печатать такие рисунки». ...Также приходилось делать всякие оформительские работы для клуба в дни праздников»⁸⁸. Екатерина Михайловна также работала в клубе советских граждан в Шанхае, ставила спектакли, в течение пяти лет вела и организовывала при клубе детский сад, о чем сообщала в письмах в Ленинград: «режиссировала детские спектакли, даже малыши от 5 лет играли в пьесах»⁸⁹.

В начале 1945 г. Домрачевым и еще группе советских граждан было разрешено вернуться в СССР. В автобиографии Макарий Федорович указал дату возвращения: 5 февраля 1945 г. Из письма Е.М. Домрачевой, написанного

⁸⁶ ЦГАЛИ СПб. Ф. 78. Оп. 3. Д. 149. Л. 15. В биографической справке Л.И. Кузьменко указано: «был профессором рисунка в Академии художеств в Шанхае» // *Кузьменко Л.И. Указ. соч.* С. 90.

⁸⁷ ЦГАЛИ СПб. Ф. 410. Оп. 1. Д. 43. Л. 11об.

⁸⁸ ЦГАЛИ СПб. Ф. 78. Оп. 3. Д. 149. Л. 15.

⁸⁹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 410. Оп. 1 Д. 56. Л. 41.

сестре в апреле 1945 г. из Читы, известно, что они прибыли из Шанхая в составе группы из 15 человек советских граждан. Первоначально Домрачевы получили назначение в г. Бирск Башкирской АССР в 93 км от Уфы. Екатерина Михайловна с горечью писала: «Но театров там нет... Не имея назначения, мы обязаны ему подчиниться и ехать... Сначала мы должны будем, конечно, как-то хорошо себя проявить, а потом и все будет хорошо»⁹⁰, однако позже 2 мая 1945 г. Макарий Федорович получил назначение в Новосибирский оперный театр, который открылся 12 мая 1945 г. Е.М. Домрачева сообщила в письме: «Ему дали место художника 1 категории, предложили комнату, литературный паек, 1500 руб. в месяц и 2-3 постановки в год, а за остальное – отдельно»⁹¹. Жена также стала работать в Новосибирском театре оперы и балета как заведующая балетной труппой.

В письмах Екатерины Михайловны сестре в Ленинград из Новосибирска в мае 1945 г. постоянно звучит тема недовольства жильем, питанием, отношением к ним со стороны администрации. На одном из писем есть приписка Макария Федоровича: «Мы, вероятно, отвыкли от отечественного темпа работы и все это нам кажется слишком медленным и неделовым... Может быть, администрации просто не до нас... Я вижу, что дело требует незамедлительной и очень напряженной работы, а тут бесконечные разговоры... Но думаю, все «образуется!»»⁹².

Одной из первых работ М.Ф. Домрачева в Новосибирском театре была опера «Кармен» в постановке Н.Г. Фрида. В рецензии на спектакль в газете «Советская Сибирь» его работа была отмечена: «На высоте декоративная часть спектакля. Его оформление (худ. М.А. Петровский), осуществленное художником М.Ф. Домрачевым,

⁹⁰ ЦГАЛИ СПб. Ф. 410. Оп. 1 Д. 56. Л. 39, 45.

⁹¹ Там же. Л. 41.

⁹² Там же. Л. 42 об.

как нельзя лучше соответствует настроению, музыке оперы... Трудно сказать, что удачнее – таверна в полумраке с виднеющейся вдали панорамой Севильи, или мрачные скалы в третьем акте, или наполненная рабочим людом оживленная улица»⁹³.

В 1947 г. Домрачев стал главным художником Новосибирского театра оперы и балета. С 1947 по 1952 гг. он оформил здесь множество спектаклей: «Травиата», «Севильский цирюльник», «Фауст», «Чио-Чио-сан», «Демон», «Риголетто», «Великая дружба», «Аида», «Царская невеста», «Снегурочка», «Фадетта», «Бахчисарайский фонтан», «От всего сердца» (вместе с художником Белоголовым), «Мазепа», «Красный мак», «Кармен», «Проданная невеста», «Лакме», «Медный всадник», «Тихий Дон». Для других театров за это время были сделаны эскизы балета «Красный мак» (для свердловского оперного театра), «Пионер Павлик Морозов» для Новосибирского ТЮЗа, для театра «Красный факел» – драма «Персональное дело», для театра кукол – «Волшебная лампа Алладина», «Пятак и Пятачок» и «Путешествие в сказочную страну»⁹⁴.

Домрачевы жили в комнате при театре, но, судя по письмам, условия работы, ситуация с продовольствием в городе, атмосфера в театре их не устраивала. Екатерина Михайловна писала 23 февраля 1950 г. сестре в Ленинград об интригах и разговорах за спиной: «Мне говорят – везде так. Не верю! Страна наша «широка и обильна», а стало быть, и люди разные, и обстановка». Здесь же она писала о своей мечте: «Поближе к вам, иметь свой угол и работать, работать без политиканства, подхалимства и с нормальной, хорошей, здоровой дисциплиной»⁹⁵.

Видимо, Макарий Федорович с трудом «встраивался» в советскую реальность, был человеком старых привы-

⁹³ Телегина Р. Кармен // Советская Сибирь. 1945. 4 августа. С. 3.

⁹⁴ ЦГАЛИ СПб. Ф. 78. Оп. 3. Д. 149. Л. 15-16.

⁹⁵ ЦГАЛИ СПб. Ф. 410. Оп. 1. Д 57. Л 13.

чек, старомодным и наивным, покладистым и неконфликтным. В письмах харбинцев и шанхайцев к нему в Новосибирск неизменно присутствует какая-то особая теплота. В.А. Милашевский в своих воспоминаниях называл его «милый, ласковый добряк»⁹⁶. Однако в работе Макарий Федорович был очень требовательным, практически всегда был недоволен собой, пытался все время что-то улучшать – и не встречал понимания у администрации Новосибирского театра.

Домрачевы хотели выбраться в Ленинград, но туда можно было попасть только по вызову. В 1953 г. после смерти Сталина замаячили неясные перспективы. В письме Макария Федоровича от 21 декабря 1953 г. он сообщал о своем желании уйти с работы и перебраться в Ленинград: «Но как быть с пропиской? ...Свыше подана тенденция – «дорогу молодежи»! ... Необходимо заставлять целую кучу народа выполнять полученное задание наилучшим образом. Это трудно для меня, особенно в нашем молодом театре, не имеющем квалифицированных кадров... Остаться в Новосибирске не хочется, потому что очень тяжелый климат и очень дурно с жильем. Возникает мысль о Ленинграде. Думаю, что какую-нибудь работу в Художественном фонде получить смогу. Можно ли найти комнату в пригороде?»⁹⁷.

По совету М.Я. Щиrowsкого, он решил переехать в Ташкент (там осело много харбинцев и шанхайцев) и отправился туда на разведку, но и там работы не нашлось, а главное – везде были «затруднения с квартирами».

В этот период Макарий Федорович начал писать книгу о китайской архитектуре. Вместе с харбинским знакомым А.И. Степановым, осевшим в Свердловске, он подготовил проект Пантеона «Памятник вечной славы» для конкурса, объявленного сразу после смерти И.В. Сталина –

⁹⁶ Милашевский В.А. Указ. соч. С. 141.

⁹⁷ ЦГАЛИ СПб. Ф. 410. Оп. 1. Д 57. Л. 39.

в этот Пантеон предполагалось перенести саркофаг с телом Сталина и останки выдающихся советских деятелей, захороненных у Кремлевской стены. В конкурсе участвовало несколько десятков работ, их работа была отобрана и демонстрировалась в апреле 1955 г. в Доме архитектора в Москве, но проект так и не был никак отмечен.

Судя по переписке с друзьями и родственниками, Макарий Федорович в последние годы был в угнетенном состоянии. В.А. Милашевский в одном из ответных писем от 24 января 1955 г. призывал его: «Не сдавать позиций без боя. Советский человек должен бороться за свои права. Не скупись писать повыше и жаловаться!!! У нас это любят и даже за это уважают. Тебя пригласили и назначили выше!!! Туда же ты и пиши, т.е. в Москву! Мало ли кому захотелось тебя спихнуть!». В этом же письме Милашевский посоветовал Домрачеву продать свои картины и наброски, а также коллекции в музей, причем предупредил его: «Если они не захотят купить, то хитрым маневром их надо подарить туда! Так как в другие места вряд ли их можно продать. Покупают только с выставок и члены художественной закупочной комиссии покупают главным образом у себя»⁹⁸.

По совету Милашевского часть своих работ – зарисовки по архитектуре Китая, бытовые наброски и др. – Домрачев передал в музей восточных культур в Москве (сейчас это Государственный музей Востока). Долгое время работы Домрачева находились в фондах музея, и в 2011 г. они были представлены на выставке «Русский Китай». В каталоге выставки Домрачев назван художником-эмигрантом⁹⁹. В этом каталоге приведены несколько работ Домрачева китайского периода: «Даос» (1926), «Ночной

⁹⁸ ЦГАЛИ СПб. Ф. 410. Оп. 1. Д. 40. Л. 7-7об.

⁹⁹ Русский Китай. Из коллекции Александра Васильева и Государственного музея Востока. Каталог выставки. М.: ГМВ, 2011. С. 14.

клуб в Шанхае» (начало 1930-х гг.), «Портик храма бога войны», «Крыши Шанхая» (1930-е гг.) и др.

В 1956 г. Домрачевым все-таки удалось переехать в Ленинград. Макарий Федорович подал документы на вступление в ЛОССХ, но не мог устроиться на работу. Он пытался оформить себе пенсию, но для этого необходимо было подтверждение трудового стажа документами. Так, чтобы подтвердить работу в Клубе граждан СССР в Шанхае, нужны были два свидетеля, которые работали бы в Клубе в этот период и имели бы об этом справку. Книгу о китайской архитектуре он так и не завершил. Уже после его смерти в июле 1958 г. А.И. Степанов – инженер-проектировщик, знакомый по Харбину, живший после репатриации из Китая в Свердловске, пытался закончить его работу, договаривался с издательствами, хотел издать книгу хотя бы в виде статей, но из этого так ничего и не вышло.

В.А. Милашевский в своих воспоминаниях написал о М.Ф. Домрачеве: «Его судьба сложилась печально и коряво»¹⁰⁰, видимо, намекая на то, что, пробыв в Китае почти 20 лет, по возвращении Домрачев получил печать так называемой «анкетной неполноценности», так и не смог реализоваться, будучи очень талантливым человеком. М.Ф. Домрачев не был «своим» ни в среде эмиграции, ни в СССР. Годы работы в Китае в качестве «советского эмигранта» все же были очень плодотворными – несколько десятков оформленных спектаклей известных режиссеров, преподавание, изучение восточной архитектуры, погружение в китайскую художественную традицию. Необходимо отметить его роль в сохранении русского театра, оперы, оперетты, живописной традиции за рубежом, а также передаче своего художественного опыта. Судьба Макария Федоровича Домрачева является частью общей

¹⁰⁰ Милашевский В.А. Указ. соч. С. 122.

судьбы российской творческой интеллигенции на рубеже эпох, чья жизнь оказалась связана и с российской, и с китайской культурой. Его наследие еще нуждается в осмыслении, и хочется надеяться, что творчество М.Ф. Домрачева и в дальнейшем будет предметом изучения искусствоведов и историков.

Глава 4. МАТЕРИАЛЫ ТОКИЙСКОГО ПРОЦЕССА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ В КИТАЕ (1931-1945)¹

Историография темы. В свое время, при обращении к вопросу о причинах продажи КВЖД, вышла книга О. Лешко (советского гражданина), изданная в Шанхае в 1937 г.² Факты, изложенные в этой книге, в некоторых аспектах перекликаются с обвинениями советской стороны к японским военным преступникам, и главное здесь – подборка фактов о японской политике в Маньчжурии, о целенаправленном «разорении» КВЖД и полосы отчуждения в пользу ЮМЖД и явно выраженных приоритетах японской экономической политики в ущерб интересам России и СССР в этом крае. Сравним: «Политическая цель захвата Маньчжурии... – “установить руководящее положение и гегемонию Японии в Маньчжурии...” Лишь потом стали считать, что Маньчжурию удобно использовать в качестве базы для вторжения в Советский Союз и Китай”»³. В этом отношении книжечку О. Лешко можно вписать в историографический список литературы по теме.

Первая советская профессиональная историческая публикация по теме Токийского процесса относится к 1977 г., т.е. после 30 лет с момента самого события⁴. Дальневосточным процессом, прежде всего, интересуются и до сих пор его изучают разного ранга юристы и военные историки⁵. Поскольку их исследования, как правило, каса-

¹ Сведения об авторе: *Черникова Лариса Петровна* – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела Китая ИВ РАН. E-mail: larisa-che@mail.ru

² Лешко О. Русские в Маньчжуге. Шанхай, 1937. С. 93-94.

³ АВП РФ. Ф. 146. 1946 г. Оп. 35-А. Пап. 117. Д. 3. Л. 100-101.

⁴ Смирнов Л.Н., Зайцев Е.Б. Указ. соч.

⁵ Катасонова Е. Токийский Нюрнберг. Депонированная рукопись: 01.09.2016. // Материалы интернет-портала Минобороны

ются различных юридических и процессуальных тонкостей, вырабатываемых в ходе процесса и устанавливаемых принципов открытого военного суда, международного права и т.д., материалы этих публикаций интересуют нас лишь в виду различного рода статистики и датировки тех или иных решений и процедур, а также возникших в ходе работы Трибунала разногласий и голосований ввиду отличающейся практики разных стран, разнobia в видении подхода и результатов процесса; проведения разной стратегии и, по сути, отсутствия коммуникационных площадок между судьями и представителями стран-участников, а также важными бюрократическими процедурами. Так, например, в ходе Процесса, представителям США, Великобритании понадобились для допросов депортированные в СССР в августе–сентябре 1945 г. японские преступники, содержащиеся в различных лагерях советской страны. Вместо выдачи советские органы и Кремль несколько месяцев решали вопрос – что можно потребовать взамен от американцев и британцев, чтобы выдача военных преступников не произошла «запросто так»⁶. И это касалось недавних союзников в войне, что говорить об участниках «второго» и «третьего» порядка.

Исследования такого рода развивают историю уголовного права и криминологии, уточняют теорию квалификации военных преступлений. Авторы, как правило, подчеркивают, что законодательные и судебные решения по делам о военных преступлениях, совершенных на тер-

России. URL: http://mil.ru/winner_may/history/more.htm?id=12101798@cmsArticle; *Степанов П.П.* Военные преступления, совершенные на территории СССР // Союз криминалистов и криминологов, №№ 1-4. М.: Изд-во ООО «НБ-Медиа», 2016. С. 133-143.; *Мартынов В.Е.* Итоги войны // Электронный научно-образовательный журнал «История», № 52. М.: Изд-во: ООО «Интеграция: Образование и Наука», 2015. 18 с.

⁶ АВП РФ. Ф. 146. 1947 г. Оп. 31. Пап. 292. Д. 37. Л. 1, 124, 184.

ритории СССР, оказали большое влияние на послевоенное международное уголовное право.

Не обошли эту тему и зарубежные исследователи, которые изучают самые разные аспекты темы, большая часть из которых посвящена японским военнопленным в СССР, список насчитывает несколько сотен публикаций. Но есть и другие «близкие к теме» исследования. Японский автор Мариико Асано Таманои обратился к теме японских переселенцев в Маньчжурии. Автор показывает, насколько бывшие поселенцы мобилизуют свое прошлое для осмысления современности, для «согласования» и «установления» своего места как жертв и одновременно адептов японского империализма⁷. Сравните: Документ № 2133 – Сведения о японских военных поселениях и поселенцах в Маньчжурии⁸. К началу 1936 г. общее количество японских переселенцев в Маньчжурии составляло свыше 390 тыс. чел. С 1936 по 1940 г. в Маньчжурию прибыло еще около 221 тысячи японцев, из которых до 150–160 тыс. человек были годны к военной службе. Здесь рассматривались не только собственно японские переселенцы, но и группы русских старообрядцев, их поселки и дома, которые были приспособлены к суровому климату Маньчжурии. Их опыт, адаптация и быт были примером для южан-японцев, поэтому в этом смысле можно сказать, что

⁷ Мариико Асано Таманои. Политика памяти: японские крестьяне-переселенцы вспоминают о своей жизни в Маньчжурии // Дальний Восток России – Северо-Восток Китая: исторический опыт взаимодействия и перспективы сотрудничества: Материалы междунар. науч.-практ. конф. (Хабаровск, 1-3 июня 1998 г.) / Дальневост. гос. науч. б-ка. Хабаровск: Издат. дом «Частная кол-лекция», 1998. С. 171.

⁸ АВП РФ. Ф. 146. 1946 г. Оп. 35-А. Пап. 117. Д. 3. Л. 118-119. (К началу 1936 г. общее количество японских переселенцев в Маньчжурии составило свыше 390 тыс. чел.).

эмигрантский опыт японцы планировали использовать при освоении маньчжурского края⁹.

Материалам Токийского процесса посвящены монографии Л.Н. Смирнова, Е.Б. Зайцева и М.Ю. Рагинского. Все они выдержаны в парадигме сложившейся советской историографии: доказательно рассматривают японский режим в качестве виновника в развязывании войны на Дальнем Востоке. Немало публикаций военного историка О.Б. Мазохина посвящено также японской спецслужбе и Японским военным миссиям в Маньчжурии в 1930–1940-е гг.¹⁰.

Наиболее авторитетной и «раскрученной» в свое время работой была монография А.А. Кошкина, выпущенная по материалам его же защищенной в 1989 г. докторской диссертации¹¹. В монографии показано, что военная политика Японии в отношении Советского Союза являлась составной частью общей политики японского государства на международной арене, цель которой состояла в

⁹ Переселенческий вопрос в Маньчжурии. Ист.: АВП РФ. Ф. 146. Организация и деятельность Международного Трибунала для Дальнего Востока. Ч. II. Референтура по Японии. 1946 г. Оп. 35-А. Пап. 117. Д. 3. Л. 118.

¹⁰ Смирнов Л.Н., Зайцев Е.Б. Суд в Токио. М.: Воениздат, 1980; Рагинский М.Ю. Милитаристы на скамье подсудимых. По материалам Токийского и Хабаровского процессов. М.: Юридическая литература, 1985; Мозохин О.Б. Совершенствование специальных служб Японии, URL: <http://mozohin.ru/article/a-203.html> Дата обращения: июнь 2019 г.

¹¹ Кошкин А.А. Крах стратегии "спелой хурмы": Воен. политика Японии в отношении СССР, 1931-1945 гг. / А.А. Кошкин. М.: Мысль, 1989; Он же. Крах стратегии "Спелой хурмы": Военная политика Японии в отношении СССР, 1931-1945 гг.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.03 / Ин-т воен. истории. М.: Изд-во «Мысль», 1989; Он же. Крах стратегии "Спелой хурмы". Военная политика Японии в отношении СССР, 1931-1945 гг.: автореферат дис. ... доктора исторических наук: 07.00.03 / Ин-т воен. истории. М., 1989.

переделе мира и создании японской колониальной империи в Восточной Азии и на Тихом океане. Для достижения этой цели японские правящие круги считали необходимым устранить в этом обширном районе мира влияние Советского Союза и западных держав. Если в отношении США, Великобритании и Франции предпочтительным считалось добиться этого по возможности экономическими, политическими и идеологическими методами, то противоречия и проблемы с Советским Союзом с самого начала планировалось разрешить военными средствами.

Уже позже, в конце 1990-х и в 2000-е годы он выпустил несколько монографий по японской агрессии на Дальнем Востоке ¹². В целом, концепция этого автора со временем кардинально не изменилась, что заставляет уважать убежденного в своей правоте историка российско-японских отношений. В частности, в своем автореферате он писал: «Официальные японские историографы пытаются доказать, что "объяснение японской политики в 1931-1939 гг. как антисоветской является односторонним и неправильным", что подготовка Японии к войне против СССР в 30-е годы, разработка после начала советско-германской войны плана вероломного нападения на Советский Союз "Кантокуэн" ("Особые маневры Квантунской армии") были во всех отношениях оборонительными ме-

¹² Партитура Второй мировой. Гроза на Востоке [Текст] / Фонд ист. перспективы; [авт.-сост. А.А. Кошкин]. М.: Вече, 2010. – (Актуальная история); *Он же*. Россия и Япония. Узлы противоречий [Текст] / А.А. Кошкин. М.: Вече, 2010. – (Серия "Актуальная история" / Фонд исторической перспективы); *Он же*. "Кантокуэн" – "Барбаросса" по-японски. Почему Япония не напала на СССР [Текст] / А.А. Кошкин. М.: Вече, 2011. – (Военные тайны XX века); *Он же*. Японский козырь Сталина [Текст]: От Цусимы до Хиросимы / А.А. Кошкин. М.: Вече, 2011. – (Военные тайны XX века); *Он же*. Курильский пинг-понг. 100 лет борьбы за острова. СПб.: Питер, 2018.

роприятиями на случай нападения СССР на Японию, сам план не имел наступательного характера, а подготовка к его осуществлению проводилась "без намерения начать войну". Правительственные чиновники из министерства просвещения Японии утверждают: "Кантокуэн" не нарушал японо-советский пакт о нейтралитете... Япония стремилась добросовестно соблюдать этот пакт... Концепция о том, что японо-советский пакт о нейтралитете был выработан в результате создания "Кантокуэн", является ошибочной" ¹³. Подобная трактовка событий используется для того, чтобы оспорить выводы Международного военного трибунала для Дальнего Востока по делу главных японских военных преступников (Токио, 1946-1948 гг.) об агрессивной военной политике и стратегии Японии в отношении Советского Союза в 30-40-е годы, обвинить Советский Союз в нарушении советско-японского пакта о нейтралитете 1941 года» ¹⁴.

Автор привлек для исследования темы архивные материалы Международного Военного Трибунала для Дальнего Востока, документы Хабаровского процесса, опубликованные в различные годы документы внешней политики СССР. При изучении политической и военной ситуации в Азиатско-тихоокеанском регионе накануне второй мировой войны автором анализировались дипломатиче-

¹³ Дайтоа сэнсо кокан сэн си. Т. 27. Токио, 1969. С. 423. Аналогичная версия содержится и в выпущенном в США 15-томном издании «Война в Азии и на Тихом океане, 1937-1949» (War in Asia and The Pacific 1937-1949. N.Y. – London, 1980); Кантэйсё (Материалы экспертизы по делу о слушании в суде высшей инстанции Токио иска об изменении школьных учебников). Токио, 1970. СИ, 30, 32. Цит. по: Кошкин А.А. Автореф. дисс. Указ. соч. С. 2.

¹⁴ Кошкин А.А. Крах стратегии "Спелой хурмы". Военная политика...: автореферат дис. ... С. 2.

ские документы США и Великобритании¹⁵. Шестилетнее пребывание в служебной командировке в Японии позволило А.А. Кошкину пользоваться обширными фондами библиотеки японского парламента; он изучил содержание и в той или иной степени использовал в работе над монографией свыше 200 научных трудов и публикаций японских исследователей, а также мемуаров, дневников, «записок» бывших политиков, государственных деятелей, дипломатов, военных¹⁶.

¹⁵ U.S. Department of State. Foreign relations of the United States. Diplomatic papers. The Far East. Wash., 1946-1960; U.S. Department of State. Papers relating to the Foreign relations of the United States. Japan: 1931-1941. Vol. 1-2. Wash., 1943; Peace and War. United States Foreign Policy. 1931-1941. Documents. Wash., 1943; Documents on British foreign policy. 1919-1939. Vol. 1-15. L., 1947-1967; Vol. I-II. L., 1946-1970; Vol. 1-10. L., 1949-1961; British Far Eastern Policy. Information Department Papers. 1939 и др. Цит. по: Кошкин А.А. Автореферат дисс. Указ. соч. С. 10-15. См. также: Хаттори Такусиро. Дайтоа сэно дзэнси (Полная история войны в Великой Восточной Азии). Токио, 1970; Хаяси Сабуро. Канто-гун то кёкуто сорэнгун (Квантунская армия и советская дальневосточная армия). Токио, 1974; Юхаси Сигэто. Сэндзи ниссо косе сёси (Краткая история японо-советских переговоров во время войны). Токио, 1974; Нихон рэкиси (История Японии). Т. 21. Токио, 1977; Симада Тосихико (Квантунская армия). Токио, 1977; Нитиро-ниссо канкэй. 200 нэнси (Японо-русские и японо-советские отношения: 200-летняя история). Токио, 1983; Токио сайбан о тоу (Вопросы к Токийскому трибуналу). Токио, 1984; Кудо Митихиро. Ниссо тюришу дзёяку-но кэнкго (Исследование японо-советского пакта о нейтралитете). Токио, 1985; Нисидзима Ариацу. Гэмбаку ва надзэ токасарэта ка? (Почему была сброшена атомная бомба?). Токио, 1985; Тюгоку кара мита нихон киндай си (Взгляд из Китая на новейшую историю Японии). Токио, 1987 и др. Ист.: Кошкин А.А. Крах стратегии "Спелой хурмы"... Указ. соч. С. 13.

¹⁶ Там же.

С приходом перестройки и новых веяний социального характера с конца 1980-х и по сию пору все прежние оценки советской историографии стали пересматриваться, в том числе и в отношении больших международных процессов. В частности, пересмотру оценок и самого Токийского процесса посвящено немало японских работ, за период с 1969 по сегодняшний день¹⁷.

В противовес этой позиции напомним слова из монографии А.А. Кошкина: «Искажающая действительные факты истории версия о "честном" выполнении Японией положений пакта о нейтралитете увязывается японскими правящими кругами с необоснованными притязаниями на принадлежащие Советскому Союзу острова южной части Курильской гряды, обвинениями СССР в "экспансионизме". О воздействии подобной пропаганды на японское население свидетельствуют результаты опросов общественного мнения последних лет. В декабре 1987 г. на вопрос о возможности доверия к Советскому Союзу в Япо-

¹⁷ Гэндай си сирё (Материалы по новейшей истории: Документы). Т. 8-12. Японо-китайская война. Токио, 1964-1965; Гаймусё-но хякунэн (Министерство иностранных дел за сто лет). Токио, 1969; Нихон гайко бунсё (Дипломатические документы и материалы Японии). Т. 1-34. Токио, 1938-1956; Тайхэйё сэнсо докюментари (Документы периода войны на Тихом океане). Т. 1-15. Токио, 1968; Сгосэн сироку (Документы истории окончания войны). Т. 1-6. Токио, 1977-1978; Сянгё си сирё (Документы послевоенного периода). Токио, 1984; Нихон гайко нэмппё нараби сюё бунсё (Хронология японской дипломатии и основные документы). Токио, 1965; Хайсэн-но кироку (Документы периода поражения в войне). Токио, 1967 и др.; Дайтоа сэнсо кокан сэн си. Т.1-102. Токио, 1966-1988; Дайтоа сэнсо кокан сэн си. Т. 27. Токио, 1969. С. 423; War in Asia and The Pacific 1937-1949. N.Y. – London, 1980. (15-томное издание «Война в Азии и на Тихом океане, 1937-1949»); Кантэйсё (Материалы экспертизы по делу о слушании в суде высшей инстанции Токио иска об изменении школьных учебников). Токио, 1970. СИ, 30, 32. Цит. по: Кошкин А.А. Автореферат дисс. С. 10.

нии положительно ответили лишь 34% опрошенных против 55% в США, 65% в Великобритании, 54% во Франции и 73% в ФРГ. Объясняя свое негативное отношение к соседнему государству, многие японцы повторяют навязываемый им тезис о "разрыве в 1945 г. Советским Союзом пакта о нейтралитете", "вероломстве русских" и т.д.»¹⁸.

Наш современник Николай Невский написал яркую статью¹⁹, по сути, пересматривающую сами принципы Процесса. Можно сказать, что он оказался под влиянием японских публикаций, общей направленности японской публицистики последних 20-ти лет, когда все «уроки суровой истории» практически забыты, а приоритет в общественном и юридическом сознании стали приобретать общечеловеческие либеральные ценности, которые японцы обращают к содержанию и условиям нахождения японских военнопленных в период их лагерного пребывания в СССР. Автор использовал новые исследования японистов и профессионалов-историков, работавших в зарубежных архивах и рассматривавших материалы не отечественного происхождения²⁰. Согласно почерпнутой из указанных исследований информации, автор пришел к выводу, что «использование концепции "заговора против мира" позволило посадить на скамью подсудимых людей, не принимавших непосредственного участия в планиро-

¹⁸ Кошкин А.А. Крах стратегии... С. 5.

¹⁹ Невский Н. Хитросплетения Токийского процесса // Wargaming.Net. 12 ноября 2015 г. Сетевой журнал. 2014-2018. Warspot. URL: <https://warspot.ru/4420-hitrospleteniya-tokiyskogo-protsesssa> (дата обращения: 13.09.2019).

²⁰ Николаев А.Н. Токио: суд народов. М., 1990; Молодяков В.Э. Россия и Япония: меч на весах. Неизвестные и забытые страницы российско-японских отношений (1929-1948). М., 2005; Молодяков В.Э., Молодякова Э.В., Маркарьян С.Б. История Японии. XX век. М., 2007; Совастеев В.В. Очерки истории Японии. От Токугава Иэясу до Хасимото Рютаро. Владивосток, 2008.

вании войны или ведении боевых действий. Такие преступления, как “развязывание агрессивной войны”, были определены Союзниками уже после окончания Второй мировой, поэтому их нельзя применять к деяниям военного и довоенного времени: закон не имеет обратной силы»²¹. Достоинством публикации являются многочисленные редкие фотографии японских преступников, фото с заседаний, неудавшееся самоубийство одного из японских милитаристов. «По мнению филиппинского судьи Пала²², – пишет журналист, – обвиняемых следовало полностью оправдать. Впоследствии японцы по достоинству оценили его позицию: после смерти Р. Пала в январе 1967 г. при храмах в Токио и Киото были установлены два монумента в его честь»²³. Автор подвергает сомнению справедливость Токийского трибунала. «С одной стороны, – пишет он, – его нельзя назвать абсолютно беспристрастным и юридически точным. Но если копнуть глубже, он был не столько судом над отдельными людьми, сколько попыткой законодательно закрепить недопустимость национализма и ставшей его следствием военной

²¹ Невский Н. Указ. соч.

²² Здесь: ошибка журналиста. Пал (Radha Binod Pal, 1888, Бенгалия – 1967), судья, член Международного Военного Трибунала для Дальнего Востока *от Индии*. В 1940 г. был назначен членом Высшего Суда в Калькутте. В апреле 1946 г. получил назначение в МВТ для Дальнего Востока. Ист.: Биографические данные distinguished судьи Пэл. АВП РФ. Ф. 146. 1946 г. Оп. 30. Пап. 282. Д. 28. Л. 48-50. От Филиппинской республики членом МВТ для Дальнего Востока стал Дельфин Джаранилла (1883-?). Ист.: Биографические данные distinguished судьи Джаранилла (Харанилья) Дельфина. АВП РФ. Ф. 0146. 1946 г. Оп. 30. Пап. 282. Д. 28. Л. 46-47. См. также: Первое заседание Международного трибунала. URL: <http://www.kremnik.ru/node/455178> (дата обращения: 15.09.2019).

²³ Невский Н. Указ. соч.

агрессии»²⁴. На самом же деле, ничего подобного судья Пал в своем особом мнении не говорил (это свободная интерпретация японской стороны), а будучи представителем небольшого государства, подверг сомнению стремление больших держав продолжать политику «разделяй и властвуй», которую проводили державы с середины XIX века до второй мировой войны, но по отношению уже к поверженной Японии. Тогда же, во время Токийского процесса, были выработаны основные принципы суверенитета современных государств, что стало достижением мировой юриспруденции и принципами международного права второй половины XX века²⁵.

Несколько лет назад вышла книга япониста А.А. Кириченко о японской разведке против СССР²⁶. В своей книге автор рассказывает о многолетнем соперничестве спецслужб Японии и Советского Союза; в тексте имеются подробности о деятельности японских разведчиков, борьбе спецслужб, методах вербовки агентов, советских перебежчиках и японских военнопленных, также автор пишет об атамане Г.М. Семенове и Р. Зорге. Автор работал в архивах Японии, имеются материалы и Токийского процесса (архива АВП РФ и, вероятно, ФСБ РФ), к сожалению, без точных ссылок на документы. Скорее всего, в период работы автора над текстом, документы еще не были рассекречены (работа в архивных росписях относилась к середине 2000-х годов).

²⁴ Невский Н. Указ. соч.

²⁵ АВП РФ. Ф. 146. 1947 г. Оп. 36-а. Пап. 123. Д. 3. Референтура по Японии. Организация и деятельность Международного Трибунала в Токио. Ч. 1-я. 423 л. Особое мнение судьи Р.Б. Пола [так в документе – Л.Ч.] по вопросу о предварительных возражениях подсудимых в связи с процессом. Л. 143; 134-160; 244-245-274; 308 и другие.

²⁶ Кириченко А.А. Дело № 16-052. Японская разведка против СССР. М.: Вече, 2016. – (Гриф секретности снят).

В частности, А.А. Кириченко пишет: «...Что же касается пресловутого "японского шпионажа", то затеянная в 1930-е годы в Советском Союзе кампания не имела под собой серьезных оснований. В 1945 году, когда в Токио начал свою работу Международный трибунал для главных военных преступников, решением Политбюро ВКП(б) был создан специальный комитет по руководству Советской частью обвинения на этом процессе, который возглавил первый заместитель министра иностранных дел А.Я. Вышинский. К его разочарованию, органы государственной безопасности СССР не могли представить ни одного протокола допроса "разоблаченных японских агентов", который бы подтверждал, что японская разведка вела на территории СССР агентурную работу и вербовала для этих целей советских граждан. Не мог прислать подобных материалов и лидер Монголии Чойбалсан, чьи интересы на процессе представляла советская сторона».

От себя А.А. Кириченко добавляет (в материалах Процесса этого нет), что: «Не могли на этот процесс доставить также ни одного "харбинца", как называли тех советских граждан, которые в 1935 году после продажи Японии Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) вернулись на родину. Все они были расстреляны как японские шпионы и унесли с собой на тот свет тайну "японских провокаций" на КВЖД, о которых часто писала в 1930-е годы советская пресса. Материалами следствия не было доказано, чтобы кто-то из них был японским шпионом и выполнял задания японской разведки. И встает закономерный вопрос: а что же делала тогда японская разведка? Ответ один: она работала, собирала информацию. Это не значит, что только через агентуру.

Большая часть при этом отводилась личным наблюдениям сотрудников японского посольства и консульств (в тот период функционировали японские консульства и консульства Маньчжоу-Го в Благовещенске, Владивостоке в Новосибирске, Петропавловске, Одессе). Японская Воен-

ная разведка внедряла на дипломатические должности своих офицеров, а для пущей важности – под вымышленными фамилиями, которые со знанием дела отслеживали происходящие в нашей стране процессы»²⁷.

Далее Алексей Алексеевич пишет: «Известную информацию получала японская разведка и в Генеральных штабах сопредельных Советскому Союзу государств – Польши, Румынии, Эстонии, Латвии, Литвы, не говоря уже о деловых контактах с Генеральным штабом Германии. В соответствии с заключенным соглашением между советской и японской армиями существовала договоренность об обмене офицерами, которые для стажировки прикреплялись к воинским частям и изнутри изучали царящие в советских частях порядки. Таковую стажировку в одном кавалерийском полку прошёл японский ветеринарный врач майор Исии Сиро, который впоследствии в Маньчжурии создал и возглавил совершенно секретный "Отряд 731", где разрабатывалось бактериологическое оружие. Генерал-лейтенант Исии сконструировал также специальную бомбу, которая наполнялась зараженными чумой блохами и должна была быть сброшена в распоряжение противника и вызвать эпидемию. Оборудование и документальные исследования в августе 45-го года были вывезены японцами и попали в руки американцев, которые воспротивились слушанию этого вопроса на Токийском трибунале. Маньчжурия вообще была разведывательным плацдармом Японии, с которого проводилась активная разведывательная работа в отношении СССР, осуществляемая японскими специальными органами ("Токуму кикан")»²⁸.

²⁷ Кириченко А.А. Указ. соч. С. 52-53.

²⁸ Термин "Токуму кикан" ошибочно кем-то был переведён как "Японская военная миссия" (ЯВМ), что и утвердилось в нашей научной и популярной литературе. Примечание А.А. Кириченко. Указ. соч. С. 52-53.

«Впрочем, советская сторона не оставалась в долгу, и ее агентура проникала с теми же целями на территорию сопредельной Маньчжурии. Это беда не только японской разведки. Советские специальные органы тоже в основном информировали Кремль о том, что ему было по душе. Что же касается информации о негативной оценке его деятельности на Западе, то это подавалось как деятельность враждебных сил, пытавшихся скомпрометировать советскую власть»²⁹.

Как видим, в этой научно-популярной книге А.А. Кириченко свободно варьирует документальные материалы (на которые не ссылается) с рассуждениями собственного характера, и это создает иллюзию документального подтверждения тому, чему в своих мыслях уделяет внимание автор.

Материалы АВП РФ. На наш взгляд, сомнения в доказательности материалов Токийского процесса рассеиваются после ознакомления с документами, содержащимися в 15 увесистых папках из Архива Внешней политики Российской Федерации, и доступных с середины 2000-х годов³⁰. Вызывает сожаление, что папки позднее были «перереформатированы», материалы перемешаны по неясным причинам. Сопроводительная переписка отделена от подтверждающих приложений и документов, поэтому необходимо последовательно проштудировать все папки – в иных папках «находятся» потерянные приложения; одна-

²⁹ Кириченко А.А. Указ. соч. С. 52-55.

³⁰ АВП РФ. Ф. 146. 1946 г. Оп. 35-а. Пап. 117. Д. 3. Организация и деятельность Международного Трибунала для Дальнего Востока; АВП РФ. Ф. 146. 1946 г. Оп. 35-а. Пап. 117. Д. 2. Организация и деятельность Международного Трибунала для Дальнего Востока; АВП РФ. Ф. 146. 1947 г. Оп. 31. Пап. 292. Д. 36. Организация и деятельность Международного Военного Трибунала в Токио. Л. 6-18; АВП РФ. Ф. 146. 1947 г. Оп. 31. Пап. 292. Д. 37. Организация и деятельность Международного Трибунала в Токио. Л. 6, 72-75, 78-79; и другие.

ко все ли папки выданы нам для ознакомления – мы уверенности не имеем.

Вопреки устоявшимся стереотипам, Токийский процесс рассматривал не только преступления японской военщины и отдельных государственных и общественных деятелей, но и вовлечение в устанавливающийся оккупационный режим многих народов, проживающих в трех северо-восточных провинциях Китая, в Монголии и Корее. Материалы содержат множество различных фактов из дальневосточных событий, начиная с попыток Японии установить контроль над Квантунской областью и русско-японской войны, затем событий из истории японской интервенции во Владивостоке и окрестностях, разработки дальнейших планов японской военщины относительно российского Приморья.

Надо отметить, что в период с августа 1945 г. по 26–30 августа 1946 г. шел процесс по делу атаманов Г.М. Семёнова, К.В. Родзаевского и других³¹. По всей вероятности, многие материалы этого делопроизводства без ссылок на Процесс о белогвардейцах широко цитировались во время Токийского процесса. И во многом материалы двух процессов перекликаются друг с другом.

Постепенно перед читателем разворачивается картина русско-японских и русско-китайских отношений на Дальнем Востоке, говорится о планах сторон и притязаниях Японии на российские, китайские, монгольские и корейские территории. Эти материалы открыли для нас целый пласт новых источников *по истории русской эмиграции в Китае*, поскольку японская сторона обращала большое внимание на различные варианты контактов с будущим прояпонским режимом в Маньчжурии; использовала различные народы и их представителей в установлении кон-

³¹ 1946. Источник: Центральный архив ФСБРФ. Следственное дело Н-18765 в отношении Семёнова Г.М., Родзаевского К.В. и др. Т. 22. Л. 442-462.

троля над территорией и проживающим населением; планировала будущие акции в отношении китайско-советской границы. В материалах Токийского процесса дана оценка русского населения по половозрастному, численному, политическому составу в Маньчжурии в связи с освоением края и деятельностью КВЖД под управлением российской администрации³².

В первую очередь, советское обвинение представило трибуналу многочисленные доказательства по разделу «Агрессия Японии против СССР», что стало основным рабочим моментом советской стратегии.

Кратко лишь перечислим некоторые разделы этого обвинения:

- Нарастивание военного контингента японских частей (Л.109-118);
- Колонизации японских переселенцев в Маньчжурию (Л. 118);
- Организация японского общества "Кокусаку-Кенкью-Кай";
- Организация японского общества (партии) "Кио-Ва-Кай" (Л. 136-137³³);
- Будущее советской территории;
- Использование местного населения в административном управлении;
- Ожидаемая будущность народов СССР;
- Спецкомитет октября 1941 г.;
- Маньчжоу-Го и Восточные территории СССР;
- Монгольское государство [и планы по его использованию при нападении на север, - Л.Ч.];

³² АВП РФ. Ф. 146. 1947 г. Оп. 31. Пап. 292. Д. 37. Организация и деятельность Международного Трибунала в Токио. Л. 6, 72-75, 78-79.

³³ АВП РФ. Ф. 146. 1946 г. Оп. 35-а. Пап. 117. Д. 3. Организация и деятельность Международного Трибунала для Дальнего Востока.

- Северный Сахалин и Сибирь;
- КВЖД, окружение, хунхузы;
- Насильственное занятие станций, зданий и помещений КВЖД;
- Шпионско-диверсионные вылазки³⁴;
- Переход в советское гражданство [различных групп населения и их возможное использование; а также террор в отношении убежденных советских людей, - Л.Ч.];
- Вопросы границ;
- Озеро Хасан;
- Нападение на Монгольскую Народную Республику и Халхин-Гол;
- «Отряд 731»³⁵; и т.д.

- Планы нападения на СССР, разрабатывавшиеся японским генеральным штабом во время советско-германской войны ³⁶. Это последнее стало основным напряжением работы всего коллектива советской стороны, который доказывал вероломство японцев во время обороны советской территории от немецко-фашистских захватчиков. Хотя именно в этот период японцы, имеющие несколько корректировавшихся планов нападения на СССР, так и не сумели нанести удар по Красной армии на Дальнем Востоке, о причинах скажем позднее. В этой части

³⁴ АВП РФ. Ф. 146. 1947 г. Оп. 31. Пап. 292. Д. 37. Организация и деятельность Международного Трибунала в Токио. Л. 3, 130, 199, и другие.

³⁵ АВП РФ. Ф. 146. 1947 г. Оп. 31. Пап. 292. Д. 36. Организация и деятельность Международного Военного Трибунала в Токио. Л. 6-18. Протокол допроса свидетеля по деятельности Отряда № 731. [О практической деятельности Отряда с применением бактериальных средств против европейцев – см. Л. 21];

³⁶ Полковник юстиции С.Я. Розенблит. Планы нападения на СССР, разрабатывавшиеся японским генеральным штабом во время советско-германской войны / АВП РФ. Ф. 146. 1946 г. Оп. 35-а. Пап. 117. Д. 3. Организация и деятельность Международного Трибунала для Дальнего Востока. Л. 193-211.

можно согласиться с оппонентами А.А. Кошкина и советской историографии в том, что японцы провели великую мобилизацию, но напасть на СССР в этот период так и не посмели. Однако, следует учесть, что японские агрессивные планы были на непродолжительное время отодвинуты в связи с началом полномасштабной войны против Китая в 1937 г., а перенос удара на западного противника с СССР на США (7 декабря 1941 г.) стал очевидным просчетом японских военных, немедленно получивших войну «на два фронта». Именно эти обстоятельства, а не «мирные толерантные японцы» стали причиной ненападения Японии на СССР в период 1937–1945 гг.

Отметим, что во время работы Трибунала стратегия и тактика советской стороны несколько видоизменялись; зависело это от поведения союзников и их доказательств, которые не должны были повторять материалы, уже заслушанные на других заседаниях. Принцип отказа от повторения материалов соблюдался безукоризненно, иначе это грозило затягиванием Процесса еще на несколько лет.

Так, несколько раз менялся план выступления обвинения советского представителя на МВТ для Дальнего Востока. Один из первых вариантов строился следующим образом: «1. Фашизация Японии; 2. Допросы белоэмигрантов Семенова и Родзаевского; 3. Материалы договора о ненападении с Советским Союзом; 4. Цитаты из японской печати; 5. Усиление военных сил Японии в Маньчжурии, и характеристика Квантунской армии – оплота и питомника японской агрессивной военщины; 6. Сравнение агрессии прошлой (русско-японской войны) и новейшей периода второй мировой войны – качественное отличие между ними в сторону усиления агрессии и человеконенавистничества; 7. Цели вступления СССР в антияпонскую войну – освободить японский народ от тирании; 8. Указание конкретных японских деятелей и определение меры ответственности каждого за соответствующие действия (например, Умедзу – за создание Маньчжур-

ского плацдарма; Доихару – за диверсионную деятельность; и т.д.)»³⁷.

Имелись также и другие варианты выстраивания тактики обвинения³⁸. В одной из папок, относящихся к 1946 г., имеется секретная Директива из Центра «советским представителям в МВТ в г. Токио для суда над японскими главными военными преступниками» (утверждена 20.03.1946 г.), в которой даны конкретные указания работы группы: «1) Главной задачей советского обвинения должно быть разоблачение систематической японской агрессии против нашей страны (русско-японская война 1904 г.; интервенция 1918-1922 гг.; захват Маньчжурии в 1931 г. и превращение ее и Кореи в военный плацдарм; организация белогвардейских сил для враждебной Советскому Союзу деятельности; организация японскими агентами террористических актов, диверсий и саботажа на КВЖД; агрессивные акты на советско-японской границе; нападение японских войск на СССР в районе озера Хасан; нападение японских войск на союзную Советскому Союзу Монгольскую Республику в районе реки Халхин-Гол; сговор с Германией и подготовка к нападению на СССР в период, предшествовавший второй мировой войне и во время войны, в том числе нарушение Японией Договора о нейтралитете).

Вопросы, относящиеся к нарушению законов и обычаев войны, к преступлениям против человечности и звер-

³⁷ Ист.: АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 30. Пап. 282. Д. 28. Референтура по Японии. 1946 г. Организация и деятельность Международного Трибунала для Японии. С 25 января по 26 июля 1946 г. 340 листов. Л. 164-165; См. также АВП РФ. Ф. 0146. 1947 г. Оп. 31. Пап. 292. Д. 37. Организация и деятельность Международного Трибунала в Токио.

³⁸ АВП РФ. Ф. 146. 1946 г. Оп. 35-а. Пап. 117. Д. 3. Организация и деятельность Международного Трибунала для Дальнего Востока. Л. 211-213. Без даты.

ствам должны быть представлены в виде отдельных эпизодов...»³⁹.

Определенную роль в тактике советской стороны играла и «внутренняя самоцензура», когда представленные документы и материалы «забраковывались», даже не покидая пределы СССР (не хватало времени на заверение документов, проведение материалов через особые процессуальные действия, поиск свидетелей или проведение их показаний через необходимые по требованию Трибунала процедуры и т.д.). Словом, значительная часть материалов, собранных советской стороной, вообще не перешла в обвинительную стадию; но она была собрана, и, на наш взгляд, она является вполне весомой доказательной базой в документальном фундаменте Процесса⁴⁰. Длительное время занимаясь историей русской эмиграции и деятельностью КВЖД, могу утверждать, что многие материалы совершенно правдиво становятся доказательством бесчинств японцев в Маньчжурии по отношению к колонизируемому населению, и разрушительной политики в части функционирования КВЖД (Л.Ч.).

Непосредственно по материалам эмиграции имеются характеристики деятельности эмиграции в части ее подчинения и коллаборации с японцами, сведения о русских организациях эмиграции, попытках сотрудничества с ат. Семеновым⁴¹ (и выдержки из его допроса), продвиже-

³⁹ АВП РФ. Ф. 0146. Референтура по Японии. 1946 г. Оп. 30. Пап. 282. Д. 28. Организация и деятельность Международного Трибунала для Японии. 340 л. Л. 10.

⁴⁰ Например, АВП РФ. Ф. 0146. 1947 г. Оп. 31. Пап. 292. Д. 37. Организация и деятельность Международного Военного Трибунала в Токио. 217 л. Л. 3, 5, 10, 200-200/об.; АВП РФ. Ф. 0146. 1947 г. Оп. 31. Пап. 292. Д. 36. Ч. 1. Организация и деятельность Международного Военного Трибунала в Токио. 240 л. Л. 22, и другие.

⁴¹ Семёнов, Григорий Михайлович (1890 - 1946, Москва) – казачий атаман, деятель Белого движения в Забайкалье и на Дальнем Востоке, генерал-лейтенант Белой армии.

ние японской политики в отношении русских эмигрантов (полное подчинение, выплата повышенных налогов, мобилизация в военные отряды с последующим участием в военных действиях против СССР, участие в политической партии Кио-Ва-Кай и других), а также выдержки из протокола допроса К. Родзаевского (главы Русской Фашистской партии)⁴² по взаимодействию японцев с русским и советским населением в Маньчжурии⁴³.

«Отряд 731»⁴⁴. При допросе свидетеля *Карасава Тали-со*⁴⁵ удалось узнать подробности деятельности его отдела

⁴² Родзаевский, Константин Владимирович (1907, Благовещенск – 1946, Москва) – лидер Всероссийской фашистской партии (ВФП), созданной эмигрантами в Маньчжурии; основоположник русского фашизма, один из руководителей русских эмигрантов в Маньчжурии.

⁴³ АВП РФ. Ф. 146. 1946 г. Оп. 35-А. Пап. 117. Д. 3. Организация и деятельность международного трибунала для Дальнего Востока. Ч. 2. Референтура по Японии. 1946 г. Л. 138.

⁴⁴ «Отряд 731» – специальный отряд японских вооружённых сил, занимался исследованиями в области биологического оружия, опыты производились на живых людях (военнопленных, похищенных). В этом отряде также проводились бесчеловечные опыты с целью установления количества времени, которое человек может прожить под воздействием разных факторов (кипяток, высушивание, лишение пищи, лишение воды, обмороживание, электроток, вивисекция людей и др.). Нередко жертвы в отряд попадали вместе с членами семей; также было много случаев, когда в отряд забирали (в подопытные) членов семьи жертвы, пытавшихся узнать у японских властей судьбу арестованного родственника. Структура отряда состояла из 4-х отделов: 1-й отдел – исследование вирусов, насекомых, обморожения, ядовитых газов, чумы, дизентерии, сибирской язвы, холеры, патогенеза, тифа, туберкулеза, сыворотки крови и др.; 2-й отдел – исследование растений и производство бомб с БО; 3-й отдел – Изготовление фильтров для воды; 4-й отдел – производство бактерий, исследование сыпного тифа и производство вакцины. Ист.: *Супотницкий М.В., Супотницкая Н.С. Очерки истории чумы. В 2*

(IV): «Оборудование отряда позволяло изготовить огромное количество бактерий. Достаточно указать, что, например, бактерии чумы можно было изготовить в течение месяца более 400 кг»⁴⁶. «Как я указывал выше, практическая деятельность отряда, связанная с производством бактериальных атак, была ориентирована против китайских войск. Однако предусматривалась возможность применения бактериологических средств против европейцев. С этой целью в отряде проводились исследования крови лиц разных расовых групп...»⁴⁷. «Непосредственно вопросами, связанными с подготовкой и проведением бактериальной войны в отряде, занимался 1-й отдел – научно-исследовательский – важнейшей его функцией являлось проведение опытов над живыми людьми и животными с целью изыскания наиболее эффективных форм бактериологической войны...»⁴⁸.

Существование отряда в пределах Маньчжурии грозило населяющим народам большими опасностями, а также понуждением представителей этих народов к участию в экспериментах японцев на людях; существовала

кн. Глава XXXIV «Чума от дьявола (Китай 1933-1945)». М.: Вузовская книга, 2006.

⁴⁵ *Карасава Талисо* (наст. имя Karasawa Tomio 唐沢富雄 Karasawa Tomio), 1911-?, бактериолог, Начальник отделения IV отдела противозидемического отряда 731 Квантунской армии, майор медицинской службы японской армии, военнопленный. С декабря 1939 по август 1944 г. состоял на службе в отряде № 731, в 40 км от Харбина. На Токийском процессе осужден на 18 лет лишения свободы (из них отсидел 12).

⁴⁶ АВП РФ. Ф. 0146. 1947 г. Оп. 31. Пап. 292. Д. 36. 2-й Дальневосточный отдел. Ч. 1-я. Организация и деятельность Международного Военного Трибунала в Токио. 240 л. Л. 17-21, 18-19.

⁴⁷ Там же. Л. 21.

⁴⁸ АВП РФ. Ф. 0146. 1947 г. Оп. 31. Пап. 292. Д. 36. 2-й Дальневосточный отдел. Ч. 1-я. Организация и деятельность Международного Военного Трибунала в Токио. 240 л. Л. 8.

также угроза распространения эпидемий на всем пространстве от Маньчжурии, Монголии и Приморья до Сибири, советского Дальнего Востока и Камчатки. В этом смысле российская эмиграция прямо или косвенно вовлекалась в участие в такого рода экспериментах; либо становилась жертвой насилия со стороны японских властей.

Агрессия в отношении Монголии и через нее – воздействие на советские прилегающие земли⁴⁹ с активной деятельностью белоэмигрантов. Унгерн⁵⁰ и Семенов⁵¹. Советский обвинитель С. Голунский в этой связи произнес речь, подтвержденную документом за подписью премьер-министра МНР маршала Чойбалсана: «[Еще в 1919 году началась] открытая вооруженная агрессия со стороны Японии против Халха Монголии (Внешняя Монголия)

⁴⁹ Бурят-Монгольская автономная область – административно-территориальная единица в Дальневосточной республике (ДВР), затем в РСФСР, существовавшая с 27 апреля 1921 г. по 30 мая 1923 г. Административный центр – город Чита. 30 мая 1923 г. Бурят-Монгольская автономная область была объединена с Монголо-Бурятской автономной областью в Бурят-Монгольскую АССР, с центром в Верхнеудинске (просуществовала с 1923 по 1991). Столица – город Улан-Удэ (до 1934 года назывался Верхнеудинск). Советская власть на территории Бурятии была установлена в феврале 1918 г., но уже летом того же года она была свергнута. В Забайкалье при поддержке Японии установилась власть атамана Г.М. Семёнова. В августе 1918 г. в регион вошли японские войска, а в апреле 1919 г. – экспедиционный корпус армии США.

⁵⁰ *Барон фон Унгерн-Штернберг, Роберт Никола́с Максими́лиан (Роман Фёдорович)* (1885, Грац – 1921, Новониколаевск) – русский военачальник времен Гражданской войны в России, генерал-лейтенант Белой армии, видный деятель Белого движения на Дальнем Востоке. Георгиевский кавалер. Автор идеи реставрации империи Чингисхана от Тихого океана до Каспия.

⁵¹ *Семёнов, Григо́рий Миха́йлович* (1890–1946, Москва) – казачий атаман, деятель Белого движения в Забайкалье и на Дальнем Востоке, генерал-лейтенант Белой армии.

началась в 1919 году, когда при поддержке и под руководством японского военного командования было сформировано в г. Чите так называемое правительство “Великой Монголии” во главе с продавшимся японскому империализму монгольским князем Нейсе Гегеном. Японское правительство широко субсидировало правительство “Великой Монголии” через атамана Семенова, перед которым была поставлена прямая задача – объединить все монгольские племена в единое государство под эгидой Японии. Негласными руководителями организации правительства “Великой Монголии” были представитель японского военного командования майор Суцзуки и представитель японского Генштаба при атамане Семенове капитан Куроки. Зверства, учиненные казаками атамана Семенова, скрывшегося впоследствии на территории Маньчжурии под защиту японцев, его сподвижниками, бароном Унгерном и другими над монгольским народом не имели предела. Авантюры атамана Семенова, барона Унгерна и созданного ими правительства “Великой Монголии” субсидировались японским правительством для захвата Монголии и Маньчжурии.

Доказательством этого служит также опубликованная в мае 1920 года декларация командующего японской экспедиционной армией генерала О-ой, который непременным условием открытия мирных переговоров с Верхне-Удинским правительством Дальневосточной Республики выдвигал прекращение военных действий со стороны ДВР против отрядов Семенова, находившихся в Чите. В ходе переговоров с правительством Дальневосточной Республики генерал О-ой заявил тогда – “Я действую совместно с войсками Семенова в интересах поддержания порядка в Забайкалье”⁵².

⁵² АВП РФ. Ф. 146. 1946 г. Оп. 35-А. Пап. 117. Д. 3. Организация и деятельность международного трибунала для Дальнего Востока. Ч. 2. Референтура по Японии. 1946 г. Л. 292-293.

В войсках барона Унгерна, оперировавших на территории Халха-Монголии, состояли на службе 70 японских офицеров во главе с офицерами японского генштаба полковником Сато и капитаном Хата. Инструкторами работали офицеры – Вагасаги, Янани, Танцзима, Цзюбо и др. Унгерн вместе со своими японскими советниками совершал в Урге и в других населенных пунктах Монголии дикий террор, грабеж, насилие и расправы над невинными монгольскими аратами. По приказам Унгерна они убивали женщин и грудных детей. Трупы казненных висели по нескольку дней на воротах и телеграфных столбах столицы Халха-Монголии – Урги.

В боях 11, 12 и 13 июня 1921 года против Унгерна, среди захваченных документов были найдены подлинные списки японцев-офицеров генштабистов, и их собственноручные подписи о получении присланных им японским военным командованием жалования за службу в войсках Унгерна. Унгерн и его советники – японские генштабисты – издавали и приводили в исполнение людоедские приказы, во всех населенных пунктах Халха-Монголии.

9-й параграф изданного в Урге 25 мая 1921 года Унгерном и его японскими советниками приказа гласил – “комиссаров и евреев уничтожать вместе с семьями”. 10-й параграф этого же приказа гласил, что мера наказания для лиц, не признавших власти Унгерна – “может быть смертная казнь разных степеней”.

Японские милитаристы и их белогвардейские наемники нанесли огромный ущерб хозяйству и населению Монголии. Не добившись намеченных результатов по захвату Монголии, через атамана Семенова и Унгерна, японская военщина начала засылать пачками своих агентов и эмиссаров в Монголию для организации контрреволюционных восстаний, свержения народной власти и затем оккупации Монголии.

Ряд заговоров, организованных против народного представительного правительства Монгольской Народной Республики, начиная с 1921 года, были инспирированы японцами и на японские деньги. Судебные процессы над заговорщиками и руководителями восстаний, а также над отдельными агентами японской разведки показали, что задания по организации диверсий, террористических актов над руководителями Монгольской Народной Республики и непосредственное руководство они получали от японских представителей»⁵³.

В материалах Трибунала имелся *аффидэвит*⁵⁴ бывшего руководителя русских белоэмигрантов в Маньчжурии Семенова от 11 апреля 1946 г. (документ обвинения № 2363, *экзибит* № ...). Советский обвинитель утверждал, что «выдержками из этого *аффидэвита* я хочу доказать, что ген. Араки [военный министр 1933-1934] и в последующие годы продолжал поддерживать империалистическую клику, разделяя устремления ее лидеров к экспансии на Советский Восток». Далее он цитировал его допрос (С. 13 английского текста): «В 1936 г. я встретился с начальником штаба Квантунской армии ген. Окамура. От него я выяснил, что японский план вторжения предусматривает присоединить Уссурийский край к Маньчжоу-Го и создать буферное государство от Байкала на восток, сделав меня

⁵³ АВП РФ. Ф. 146. 1946 г. Оп. 35-А. Пап. 117. Д. 3. Организация и деятельность международного трибунала для Дальнего Востока. Ч. 2. Референтура по Японии. 1946 г. Л. 294.

⁵⁴ *Аффидэвит* (от лат. *affido* – «клятвенно удостоверяю») – в праве Великобритании и США письменное показание или заявление лица, выступающего в роли свидетеля, которое, при невозможности (затруднительности) его личной явки, даётся под присягой и удостоверяется нотариусом или иным уполномоченным должностным лицом; *экзибит* (*exhibit* – англ.) – вещественное доказательство.

главой правительства...»⁵⁵. В допросах атамана Семенова отразились следующие слова: «...Ярким выразителем японских агрессивных планов этого периода являлся военный министр ген. Араки. Между мною и Араки еще со времени японской интервенции 1918-1922 гг. существовали дружеские отношения. Араки тогда занимал должность начальника Японской военной миссии в Харбине.

Когда Араки с 1931 г. стал военным министром, а затем членом Высшего военного Совета Японии, я неоднократно посещал его в Токио и имел с ним длительные беседы. В 1936 г. Араки мне рассказывал, что Япония стремится как можно скорее создать в Маньчжурии тяжелую индустрию, которая должна будет частично обеспечить потребности Квантунской армии. После создания этой индустриальной базы, Япония начнет войну с Советским Союзом...»⁵⁶.

«Касаясь вопроса войны против СССР более детально, Араки мне рассказывал, что план Японии в данный период сводился к тому, чтобы добиться военным путем отторжения Восточной Сибири и Приморья от СССР и создать на этой территории буферное государство. Араки тогда же пояснил, что не исключено, что прежде всего, Япония захватит только Приморье, но это не будет означать прекращения дальнейшего продвижения вглубь СССР. "Целью Японии остается на все время территория, начинающаяся от Байкала на восток", - заявил в заключение Араки"»⁵⁷.

По сути, это было не что иное, как предварительный план границ «Велико-восточной азиатской сферы сопро-

⁵⁵ АВП РФ. Ф. 146. 1946 г. Оп. 35-А. Пап. 117. Д. 3. Организация и деятельность международного трибунала для Дальнего Востока. Ч. 2. Референтура по Японии. 1946 г. Л. 172.

⁵⁶ Там же. Л. 172-173.

⁵⁷ Там же. Л. 173.

цветания»⁵⁸, или «План управления территориями Великой Восточной Азии»⁵⁹, как назвали позднее проект создания новой японской империи в отношении советских территорий японские проектировщики. «Военные органы и Министерство колоний Японии на полном серьезе обсуждали возможность управления Сибирской железнодорожной магистралью с Востока до Омска японцами и от Омска на запад – немцами, т.е. с точки зрения японских милитаристов идеалом будущей перестройки земного шара являлось полное уничтожение СССР и раздел всей советской земли между Японией и Германией» (к вопросу о будущем советской территории)⁶⁰.

Эмигрантская периодическая печать и контроль над ней японцев. В эмигрантской газете «Восточное обозрение»⁶¹ в октябре-декабре 1942 г. была напечатана статья

⁵⁸ АВП РФ. Ф. 146. 1946 г. Оп. 35-А. Пап. 117. Д. 3. Организация и деятельность международного трибунала для Дальнего Востока. Ч. 2. Референтура по Японии. 1946 г. Л. 186-190. *Великая восточноазиатская сфера процветания* (старыми иероглифами: 大東亞共榮圈, новыми: 大東亞共榮圈; дайто:а кё:эйкэн) – паназиатский проект, созданный и продвигавшийся правительством и вооружёнными силами Японской империи в период правления императора Хирохито. Проект основывался на желании создать в восточной Евразии «блок азиатских народов, возглавляемый Японией, и свободный от западных держав». Как утверждала официальная пропаганда, целью Японии являлось «сопроцветание» и мир в Восточной Азии, в свободе от западного колониализма.

⁵⁹ Там же. Л. 193.

⁶⁰ АВП РФ. Ф. 146. 1946 г. Оп. 35-А. Пап. 117. Д. 3. Организация и деятельность международного трибунала для Дальнего Востока. Ч. 2. Референтура по Японии. 1946 г. Л. 194-195.

⁶¹ По поводу Маньчжурского инцидента // Восточное обозрение, № 13. Харбин: Изд-во ЮМЖД. Октябрь-декабрь 1942. Цит. по: АВП РФ. Ф. 0146. 1947 г. Оп. 31. Пап. 292. Д. 36. 2-й Дальневосточный отдел. Ч. 1-я. Организация и деятельность Международного Военного Трибунала в Токио. 240 л. Л. 204-206.

Хасэгава Уичи – бывшего тогда начальником Информбюро Квантунской армии.

«... Все газеты и журналы, издаваемые в Маньчжурии на русском языке для русских эмигрантов, находились под контролем и руководились органами японской разведки, которая руководила изданием в Маньчжурии периодики на русском языке, по своему усмотрению, не спрашивая для этого согласия Информационного штаба Квантунской армии... В задачу Информационного штаба Квантунской армии входило руководить и контролировать информацию в Маньчжурии о действиях вооруженных сил Японии, помещать в печати информацию, отвечающую интересам командования Квантунской армии, прививать местному населению уважение к имперской армии Японии и популяризировать в печати те распоряжения командования Квантунской армии, выполнение которых *требует лояльного и активного участия местного населения*»... Если разъяснить последний пассаж и «ответить откровенно, то должен сказать, что в задачу Информбюро штаба Квантунской армии, прежде всего, входило с помощью печати скрывать и маскировать фактические замыслы и намерения японского военного командования в Маньчжурии»⁶².

Как известно, эмигрантская периодика с приходом японцев в Маньчжурию фактически потеряла свободу печати, да и раньше не была свободна от цензуры китайских властей, контроля советской цензуры совконсульств, влияния иностранных разведок и геополитических интересов, различных факторов и стран на Дальнем Востоке.

⁶² Из протокола допроса военного полковника японской армии Хасэгава Уичи – бывшего начальника Информбюро Штаба Квантунской армии. Ист.: АВП РФ. Ф. 0146. 1947 г. Оп. 31. Пап. 292. Д. 37. 2-й Дальневосточный отдел. Ч. 1-я. Организация и деятельность Международного Военного Трибунала в Токио. 217 л. Л. 204-214.

Далее обвинитель предъявил Трибуналу «в качестве доказательства широкого использования Японией белоэмигрантов для деятельности, враждебной Советскому Союзу, документ обвинения № 1983 – протокол допроса Акикуса Сюи (Шуи), начальника Информационного отдела Квантунской армии... (Допрос имел место 22 февраля 1946 г.).

По вопросу об использовании белоэмигрантов, Акикуса Сюи показал: «Япония использовала белоэмигрантов как шпионов, агитаторов и диверсантов. Для организации диверсий на советской территории нами были созданы три отряда, состоявшие из белоэмигрантов на станции Сунгари-2, Хайлар и Хэндаохэцзы»⁶³.

Пропускаю ответы на другие вопросы, цитирую далее: «Вопрос: В чем заключалась ваша связь с белоэмигрантами во время вашего пребывания в должности начальника Харбинской военной миссии?

Ответ: Я участвовал в создании в Маньчжурской империи».

Пропускаю два абзаца и цитирую: «Вопрос: Какие цели ставило перед собой "Бюро российских эмигрантов"?

Ответ: Объединить белоэмигрантов вокруг Японии для широкой организации деятельности, враждебной Советскому Союзу...»⁶⁴.

Теперь цитирую последний вопрос и ответ в конце протокола: «Вопрос: Какую поддержку Япония оказывала "Бюро российских эмигрантов" в Харбине?

Ответ: В бытность мою помощником начальника военной миссии в Харбине в 1933-1936 гг. "Бюро российских эмигрантов" японской финансовой поддержкой не пользовалось, так как в то время оно имело свои собственные

⁶³ АВП РФ. Ф. 0146. 1947 г. Оп. 31. Пап. 292. Д. 37. 2-й Дальневосточный отдел. Ч. 1-я. Организация и деятельность Международного Военного Трибунала в Токио. 217 л. Л. 163.

⁶⁴ Там же.

фонды. Начиная примерно с 1937 года оно стало получать финансовую помощь от японского бюджета. В 1944 г. при передаче этого бюро в ведение маньчжурского правительства, финансовая помощь Японии бюро только по гор. Харбину составляла более 10 тысяч иен в месяц».⁶⁵

Допросы К.В. Родзаевского. В материалах Токийского процесса имеются допросы главы фашистской партии К. Родзаевского⁶⁶. Советский обвинитель писал: «Предъявляю Трибуналу в качестве доказательства подготовки к войне против СССР документ - *протокол допроса Родзаевского Константина Владимировича, бывшего руководителя белогвардейской организации в Маньчжурии "Российский Фашистский Союз"*».

Предъявляю Трибуналу материалы Второго Сопещения Информационного Отдела Квантунской армии, которое было проведено 16 июня 1943 г. в Харбине. Как видно из этих материалов, совещанием руководил начальник этого отдела генерал-майор Дои. Этими документами мы докажем, что ведение диверсионной деятельности против СССР продолжалось Японией и в 1943 г., когда Япония уже имела Пакт о нейтралитете с Советским Союзом⁶⁷. Предъявляю в качестве доказательства 4 доку-

⁶⁵ Из протокола допроса военного полковника японской армии Хасэгава Уичи – бывшего начальника Информбюро Штаба Квантунской армии. Ист.: АВП РФ. Ф. 0146. 1947 г. Оп. 31. Пап. 292. Д. 36. 2-й Дальневосточный отдел. Ч. 1-я. Организация и деятельность Международного Военного Трибунала в Токио. 240 л. Л. 164.

⁶⁶ АВП РФ. Ф. 146. 1946 г. Оп. 35-А. Пап. 117. Д. 3. Организация и деятельность международного трибунала для Дальнего Востока. Ч. 2. Референтура по Японии. 1946 г. Л. 138.

⁶⁷ Пакт о нейтралитете между СССР и Японией – советско-японский договор о взаимном нейтралитете, подписанный в Москве 13 апреля 1941 г., через два года после пограничного конфликта на реке Халхин-гол. Был денонсирован СССР 5 апреля 1945 г. Ист.: Славинский Б.Н. Пакт о нейтралитете между

мента, датированные 16 июня 1943 г., которые прошу принять на общих основаниях:

1. Документ обвинения № 1962 под заголовком “Указания по обучению активной диверсионной деятельности в 1943 г.”;

2. Документ обвинения № 1956 под заголовком “Указания по руководству белогвардейцами”;

3. Документ обвинения № 1971 под заголовком “План подготовки белоэмигрантской молодежи в местах специального поселения”;

4. Документ № 1957 под заголовком “Руководство по пропаганде в отношении Внешней Монголии”»⁶⁸.

«Цитирую документ № 1956...: *“Указания по руководству белогвардейцами”*. Этот секретный документ относится тоже к материалам Второго Совещания Информационного отдела Квантунской армии. В п. 1. этого документа сказано: (С. 1 англ. текста): “Белогвардейцы, независимо от пола и их желания, должны широко привлекаться для войны против СССР и особенно для тайной войны против Советского Союза”⁶⁹. В документе подробно разработаны принципы использования белогвардейцев, воспитания их и подготовки к враждебной Советскому Союзу деятельности».

«Цитирую документ № 1971...: “Совершенно секретно. *План подготовки белоэмигрантской молодежи в местах специального поселения*. Харбинская Военная Миссия”. Этот документ доказывает, между прочим, что мероприятия по подготовке белоэмигрантской молодежи в ме-

СССР и Японией: дипломатическая история, 1941-1945 гг. М.: Новина, 1995.

⁶⁸ Ист.: АВП РФ. Ф. 146. 1946 г. Оп. 35-А. Пап. 117. Д. 3. Организация и деятельность международного трибунала для Дальнего Востока. Ч. 2. Референтура по Японии. 1946 г. Л. 154.

⁶⁹ АВП РФ. Ф. 146. 1946 г. Оп. 35-А. Пап. 117. Д. 3. Организация и деятельность международного трибунала для Дальнего Востока. Ч. 2. Референтура по Японии. 1946 г. Л. 154-155.

стах специального поселения, организованных в Маньчжурии японцами, финансировались за счет государственного бюджета Японии. В разделе 8 “Расходы, необходимые на обучение”, указано: “Начальник Харбинской военной миссии, как правило, покрывает расходы, связанные с материальным обеспечением обучающихся, оборудованием, учебными пособиями и другие расходы за счет фонда, предназначенного для специальных поселенцев и сумм, ассигнованных на содействие обучению”⁷⁰.

Далее обвинитель пишет: «Мы предъявим Трибуналу протоколы допросов лиц, хорошо осведомленных о конкретной деятельности японских военных миссий в Маньчжурии и принимавших в ней активное участие. С разрешения Трибунала я цитирую выдержки из ранее представленного Трибуналу документа № 2364 протокола допроса бывшего руководителя белогвардейской организации в Маньчжурии “Российский фашистский Союз” Родзаевского К.В. Цитирую показания Родзаевского (С. ... английского текста): “На русских эмигрантов, проживающих в Маньчжурии, японцы возлагали большие надежды в деле подготовки нападения на СССР и поэтому старались активизировать их антисоветскую деятельность. В период войны с Советским Союзом, белоэмигрантов предполагалось использовать в качестве вооруженной силы, а после успешного для Японии завершения войны, они должны были проводить японскую политику в отторгнутых от СССР областях.

Руководство антисоветской деятельностью белоэмигрантских организаций непосредственно осуществлялось японскими военными миссиями, которыми, в свою очередь, руководила главная японская военная миссия в Харбине. Кроме того, белоэмигрантские организации пользо-

⁷⁰ АВП РФ. Ф. 146. 1946 г. Оп. 35-А. Пап. 117. Д. 3. Организация и деятельность международного трибунала для Дальнего Востока. Ч. 2. Референтура по Японии. 1946 г. Л. 156.

вались поддержкой и из самой Японии. Лично мне ген. Араки и Койсо обещали оказывать всяческую помощь в активизации антисоветской деятельности "Российского Фашистского Союза". Поддерживала "Российский Фашистский Союз" также японская организация "Черный дракон", руководимая Мицуру Тосияма"...⁷¹.

"О роли, для которой японцы готовили русских белогвардейцев, можно судить по заявлениям руководителей Харбинской военной Миссии. Начальник этой миссии ген. Дои в декабре 1943 г. в беседе со мной, происходящей в поезде, в пути из Харбина на ст. Сунгари-2, куда мы ездили в связи с формированием т.н. "Сунгарийского русского военного отряда", говорил мне, что созданное японцами "Бюро по делам российских эмигрантов" должно считать себя будущим русским правительством"⁷².

"В неоднократных беседах со мной в 1934 г. помощник начальника японской военной миссии майор Акикуса заявлял, что Япония готовится к войне против СССР и в связи с этим рекомендовал мне укрепить связь с белогвардейским атаманом Семеновым, которого японцы считали главой русской белой эмиграции и выдвигали на пост руководителя будущего "Национального правительства России"..."⁷³.

"... В 1934 г. японская военная миссия в Харбине решила объединить все белоэмигрантские организации с целью создания для себя возможности централизованного руководства деятельностью против СССР. В качестве объединяющего органа этих организаций, в том же году было создано "Бюро по делам российских эмигрантов" в Маньчжурской империи, которое подчинялось японской воен-

⁷¹ АВП РФ. Ф. 146. 1946 г. Оп. 35-А. Пап. 117. Д. 3. Организация и деятельность международного трибунала для Дальнего Востока. Ч. 2. Референтура по Японии. 1946 г. Л. 158.

⁷² Там же. Л. 158.

⁷³ Там же. Л. 158-159.

ной миссии в Харбине. Через Бюро по делам российской эмиграции в Маньчжурии в Харбине и его отделениях в других городах Маньчжурии японские военные миссии вербовали белоэмигрантов для подрывной работы на территории Советского Союза.

В 1936 г., по инициативе сотрудника Харбинской военной миссии, японского разведчика Судзуки, из числа членов "Российского Фашистского союза" был создан специальный отряд под руководством моего адъютанта белоэмигранта Маслакова Матвея Платоновича⁷⁴. Этот отряд, снабжавшийся японскими оружием и снаряжением, осенью того же года был переброшен через Амур на территорию Советского Союза для разведывательной и террористической деятельности, а также для создания фашистского подполья. Переброска была осуществлена самим Судзуки и членом японской военной миссии в Харбине Енозука.

В том же 1936 г. и в последующие годы было переброшено в Советский Союз большое количество других агентов, подготовленных военными миссиями. В 1937 г. при "Российском фашистском союзе" и "Монархическом объединении", по распоряжению начальника 3-го отдела японской военной миссии в Харбине майора Оноучи, были организованы т.н. секретные школы, готовившие организаторов подрывной работы в тылу СССР. Директором секретной школы при "Российском фашистском союзе" был назначен я, а моим помощником Судзуки. Лица, окончившие эту школу, направлялись на службу в японскую военную миссию. В 1938 г. вместо секретных школ Харбинской военной миссией была организована Специальная школа при самой миссии, подготавливавшая аген-

⁷⁴ Маслаков, Матвей Платонович (?-1949). Член Российской фашистской партии (союза) в Харбине. Белоэмигрант, адъютант К.В. Родзаевского. Документы – личное дело БРЭМ (1935-1949). Количество листов 14.

тов для разведывательной работы против СССР. В той же школе подготавливались организаторы антисоветской пропаганды, которые затем работали в приграничных японских миссиях»⁷⁵.

Отряд Асано. ...“В 1938 г. Харбинская военная миссия создала на ст. Сунгари-2 секретный “Русский отряд Асано”, в котором белоэмигрантская молодежь подготавливалась для войны с СССР. «Этот отряд, - заявлял обвинитель советской стороны, - рассматривался японцами как основа всех антисоветских формирований. Начальник японской военной миссии в Харбине ген. Хата в 1939 г. при инспектировании этого отряда заявил его участникам, что они составляют костяк будущей русской армии. “Я лично, - показал на допросе К.В. Родзаевский, - также несколько раз выезжал в “отряд Асано” для чтения антисоветских лекций. В 1939 г. несколько бойцов отряда приняли участие в провокации японцев под Халхин-Голом. В 1943 г. “отряд Асано” был развернут в “Российские воинские отряды Маньчжурской армии”. В связи с этим было создано 3 отряда: кавалерийский на ст. Сунгари, пехотный – на ст. Ханьдаохэцзы и казачий – в г. Хайларе”⁷⁶.

Далее советский обвинитель приводит подробные сведения из показаний Янагита о так называемых отрядах Асано.

«Цитирую стр. ... английского текста:

“Вопрос: Что такое отряд “Асано”?

Ответ: Часть “Асано” являлась диверсионной частью, состоявшей из русских белоэмигрантов.

Вопрос: Расскажите, кто ее организовал?

⁷⁵ АВП РФ. Ф. 146. 1946 г. Оп. 35-А. Пап. 117. Д. 3. Организация и деятельность международного трибунала для Дальнего Востока. Ч. 2. Референтура по Японии. 1946 г. Л. 158-159.

⁷⁶ Там же. Л. 160.

Ответ: Эта часть была организована приблизительно в 1936 году штабом Квантунской армии в лице помощника начальника 2-го Отделения подполковника Ямаока.

Вопрос: Существовала ли часть "Асано" в тот период, когда вы работали начальником миссии?

Ответ: Да, существовала.

Вопрос: Штаб Квантунской армии знал о ее существовании?

Ответ: Разумеется, знал. Мы вообще ничего не делали без распоряжения командующего Квантунской армией. Часть "Асано" по его распоряжению была включена в состав маньчжурской армии. Личный состав отряда "Асано" был одет в маньчжурскую форму.

Вопрос: Какова была численность отряда "Асано"?

Ответ: В составе "отряда Асано" было 5 рот. Главная часть этого отряда дислоцировалась около станции Сунгари-2, а остальные в Хэндаохэцзы и Хайларе. В общей сложности в отряде было около 700 человек.

Вопрос: Какие задачи ставил перед собой отряд "Асано"?

Ответ: Задачей отряда "Асано" была подготовка на случай войны с СССР диверсионных частей. Камандиром отряда был полковник маньчжурской армии японец Асано.

Вопрос: Какие органы платили отряду деньги?

Ответ: До 1941 года отряду платило маньчжурское военное министерство, а с момента издания плана "Кантокуэн" отряд "Асано" был взят на содержание штаба Квантунской армии.

Вопрос: Была ли военной миссией заготовлена красноармейская военная форма для отрядов "Асано"?

Ответ: Военной миссией было заготовлено некоторое количество комплектов красноармейского обмундирования, которые были предназначены на случай войны для отряда "Асано".

Вопрос: С какой целью была заготовлена красноармейская военная форма?

Ответ: Для того, чтобы переодеть в нее диверсантов из отряда "Асано" и таким способом обмануть Красную Армию"»⁷⁷.

Бывшие интервенты привлекались к работе с эмигрантами. Далее советский обвинитель пишет: «Привожу еще одну выдержку из показаний Родзаевского, из которой видно, что большое значение придавалось использованию в Квантунской армии лиц, участвовавших в интервенции в Сибири. Цитирую с. ... английского текста (В копиях документов зачастую страницы не проставлялись, – Л.Ч.).

“Командование и штабы частей, расположенных вдоль границы, были укомплектованы, как правило, бывшими участниками японской интервенции в Сибири в 1918-1922 гг., хорошо говорившими по-русски. Для ведения разведывательной работы против СССР и заброски агентуры на советской территории, в большинстве приграничных городов Маньчжурии были уже в 1933 г. созданы японские военные миссии, также укомплектованные, главным образом, участниками японской интервенции в Сибири”»⁷⁸.

Обвинитель пишет, что: «Освещая позиции и роль Араки и Койсо в отношении этой враждебной Советскому Союзу деятельности, Родзаевский показал (цит. с. ... англ. текста): “Вдохновителем таких планов являлся бывший военный министр Японии – ген. Араки. В марте 1934 г. во время моей поездки по делам “Российского фашистского союза” в Токио, я посетил ген. Араки на его квартире и передал секретное письмо от помощника начальника Хар-

⁷⁷ АВП РФ. Ф. 146. 1946 г. Оп. 35-А. Пап. 117. Д. 3. Организация и деятельность международного трибунала для Дальнего Востока. Ч. 2. Референтура по Японии. 1946 г. Л. 162-163.

⁷⁸ Там же. Л. 160.

бинской военной миссии майора Акикуса. Содержание этого письма, как сообщил мне Акикуса, касалось деятельности тайной японской организации "Союз молодых офицеров"⁷⁹, с которой они оба были связаны.

В процессе беседы с Араки, я рассказал ему об анти-советской деятельности Российского фашистского Союза, которую он полностью одобрил и обещал помогать нам. Тогда же Араки мне заявил, что Япония обязательно будет воевать СССР с тем, чтобы создать, как он выразился, «национальную Россию», которая отвечала бы интересам Японии"⁸⁰.

Обвинитель цитировал далее показания Родзаевского: «"При второй моей поездке в Токио в марте 1939 года для установления по линии "Российского фашистского Союза" связи с представителями правительственных кругов Японии, я снова встретился с Араки, который в то время являлся уже министром Просвещения.

⁷⁹ Движение "молодых офицеров" в Японии 1930–1936 гг. В движении приняли участие молодые офицеры-националисты, которые были убеждены в том, что побороть в стране политическую коррупцию и крайнюю бедность в сельской местности можно лишь путём устранения нескольких высших политиков. Они выступили под лозунгами Реставрации Сёва (яп. 昭和維新, по аналогии с Реставрацией Мэйдзи) и девизом "уважай Императора, свергни зло" (яп. 尊皇討奸). С течением времени состав Союза обновлялся. С 1930 по 1936 гг. произошло несколько попыток военных переворотов, путчей и мятежей, поднятых участниками организации. Правительственными войсками подавлен путч "молодых офицеров" 26–29.02.1936 г. Последним сдался отряд капитана Коды, забаррикадировавшийся в здании редакции газеты "Асахи". Сформировано правительство бывшего министра иностранных дел К. Хирота.

⁸⁰ АВП РФ. Ф. 146. 1946 г. Оп. 35-А. Пап. 117. Д. 3. Организация и деятельность международного трибунала для Дальнего Востока. Ч. 2. Референтура по Японии. 1946 г. Л. 160-161.

Будучи, по моей просьбе, принят им в помещении Министерства Просвещения, я кратко проинформировал Араки о работе “Российского фашистского союза” и рассказал о перспективах в этой работе. Араки обещал по-прежнему оказывать нам помощь.”⁸¹.

Окончание этого абзаца я опускаю и продолжаю цитировать далее: “Об агрессивных планах Японии в отношении СССР говорил мне также японский министр колоний генерал Койсо, который в период 1933-1935 гг. являлся начальником штаба Квантунской армии. С ним я встречался дважды во время своих поездок в Токио.

При первой встрече в марте 1939 года в Министерстве колоний Койсо мне обещал свою поддержку в анти-советской деятельности “Российского фашистского Союза”. Во время второй встречи в октябре 1939 года, когда я приезжал в Токио с экскурсией, организованной Харбинской военной миссией, Койсо, приняв меня на своей квартире, в беседе, касающейся взаимоотношений Японии с СССР, заявил, что стремлением Японии является оттеснение Советской России от Тихого океана”».⁸²

Вербовка враждебных элементов японцами из числа эмиграции. Роль японских военных кругов в вербовке враждебных Советскому Союзу элементов из числа русских эмигрантов и организации их для подрывной деятельности против СССР, подтверждает и ряд свидетелей из числа самих японских военных деятелей. Обвинитель цитировал выдержки из ранее представленного Трибуналу документа обвинения № 2238 ... – протокола допроса *Янагито Гендзо*, генерал-лейтенанта, бывшего начальника Харбинской военной миссии.

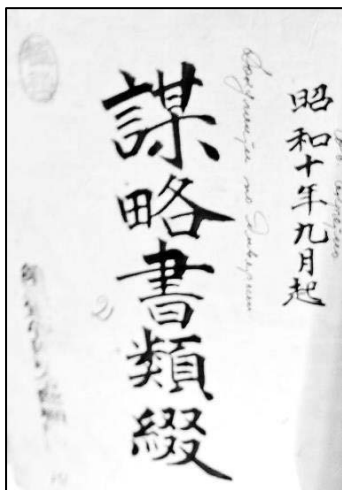
«Янагита показал...:

⁸¹ АВП РФ. Ф. 146. 1946 г. Оп. 35-А. Пап. 117. Д. 3. Организация и деятельность международного трибунала для Дальнего Востока. Ч. 2. Референтура по Японии. 1946 г. Л. 160-161.

⁸² Там же. Л. 161.

“Вопрос: Имели ли вы дела с белоэмигрантами в вашу бытность начальником военной миссии в Харбине?

Ответ: Да, имел. По указанию командующего Квантунской армией мы должны были подготовить белоэмигрантов на военное время в качестве агитаторов, пропагандистов, разведчиков и диверсантов. Формирования белоэмигрантов маскировались как части Маньчжурской армии. Часть белоэмигрантов служила в японской военной миссии и выполняла функции по пропаганде и разведке”⁸³. Ямагита сообщил, что он, будучи с 1940 по 1943 год начальником Харбинской военной миссии, имел личную связь с представителем Бюро белоэмигрантов Кислицыным, а также с Семеновым, Матковским, Родзаевским, Шепуновым и Гордеевым»⁸⁴.

«Далее цитирую страницу ... английского текста:

“Вопрос: Имелась ли в вашу бытность начальником Харбинской военной миссии школа для подготовки разведчиков, диверсантов и пропагандистов из числа белоэмигрантов?

Ответ: Как я уже показал, по указанию командующего Квантунской армией генерала Умедзу военная миссия обязана была подготовить и воспитывать белоэмигрантов в качестве будущих пропагандистов и разведчиков”»⁸⁵.

⁸³ АВП РФ. Ф. 146. 1946 г. Оп. 35-А. Пап. 117. Д. 3. Организация и деятельность международного трибунала для Дальнего Востока. Ч. 2. Референтура по Японии. 1946 г. Л. 161-162.

⁸⁴ Там же. Л. 162.

⁸⁵ Там же.

В материалах Трибунала имеется также оригинал документа «Японский план организации диверсионных отрядов на случай войны с Советским Союзом», относящийся к 1935–1936 гг. План предусматривал создание японцами диверсионных отрядов из маньчжур в пп. У-Юне, Хума, Оу-Пу, на советско-маньчжурской границе, в северной части пров. Хэйлунцзян, в Бинчжоу и отряда спецслужбы в Хей-Хэ на случай войны с Советским Союзом. Этот документ в числе других трофейных документов захвачен частями Советской армии на территории 3-го военного округа в Маньчжурии в период военных действий в сентябре 1945 г.⁸⁶

О роли прояпонской партии "Кёва Кай". Известно, что японская политика в Маньчжурии и Китае была тесно связана с развертыванием деятельности партии (в некоторых документах – общества) "Кёва Кай". Эту партию создавали специально, чтобы требовать участия в ней всех представителей покоренных народов, тем самым вовлекая в деятельность и одновременно контролируя работу подвластных административных структур народов и их представителей. Работе "Кёва Кай" посвящено немало страниц подготовленных материалов Токийского процесса. Это Д. 30, 28, 29, 3, 4 и другие. За ограниченным объемом статьи упомянем лишь, что в части сбора данных советское обвинение собрало факты о вовлечении японцами БРЭМ в деятельность "Кёва Кай".

Обвинитель приводил следующие выдержки из показаний Родзаевского:

“Подготовка к войне против СССР шла по линии идеологической обработки населения Маньчжурии. Для воспитания населения в духе преданности Японии и вражды к Советскому Союзу, сразу после захвата Маньчжурии японцы создали государственную политическую

⁸⁶ АВП РФ. Ф. 0146. 1947 г. Оп. 31. Пап. 292. Д. 36. 2-й Дальневосточный отдел. Ч. 1-я. Организация и деятельность Международного Военного Трибунала в Токио. 240 л. Л. 130.

организацию "Кёва Кай" (Содружество Наций), которая проповедовала идею создания Великой Восточной Азии и установления в этой сфере японского "нового порядка".

"Кёва Кай" вела большую антисоветскую пропагандистскую работу среди китайского населения, а затем начала распространять ее и на русских белоэмигрантов. Антисоветская идеология "Кёва Кай" широко проповедовалась на собраниях и в литературе. Деятельностью этой организации руководил японский центральный штаб "Кёва Кай", возглавлявшийся в последние годы японским генералом Миякэ, являвшимся в период захвата Маньчжурии начальником штаба Квантунской армии"⁸⁷.

Далее советский обвинитель предъявил Трибуналу для идентификации документ № 2329 – книгу, изданную на русском языке в гор. Харбине в 1942 г. под названием «Великая Маньчжурская империя. К 10-летию юбилею». (Издание государственной организации "Кёва Кай" и Главного бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи). «Содержание книги показывает, – писал обвинитель, – что японское командование уделяло особенно большое внимание как идеологической, организационной, так и военной подготовке населения Маньчжурии к войне с СССР. В качестве доказательств приведу наиболее существенные выдержки из книги "Великая Маньчжурская империя. К 10-летию юбилею", изданной обществом "Кёва Кай"»⁸⁸.

В одном из разделов книги приведена история "Кёва Кай". Оглашу некоторые цитаты из этого раздела (цитирую стр. ... английского текста) [во многих копиях страницы не проставлены, – Л.Ч.]:

⁸⁷ АВП РФ. Ф. 0146. 1947 г. Оп. 31. Пап. 292. Д. 36. 2-й Дальневосточный отдел. Ч. 1-я. Организация и деятельность Международного Военного Трибунала в Токио. 240 л. Л. 138.

⁸⁸ Там же.

«В апреле первого года Да-Тун /1932 г./ в Мукдене был образован специальный комитет по созданию [партии] "Кёва Кай". В комитет вошли полковник Итагаки и другие».

«Комитет с исключительной энергией творил свою ответственную миссию и успешно закончил ее, выработав положение о "Кёва Кай" и план его деятельности» /стр. 170 книги/.

Я прошу Трибунал также обратить внимание на то, что подсудимый Итагаки являлся одним из организаторов "Кёва Кай".

В другой выдержке /стр. ... английского текста/ указано, что в обществе "Кёва Кай" занял пост высокого советника командующий Квантунской армией генерал Хондзимо.

В 1933 г. были опубликованы основные принципы учреждения "Кёва Кай", приведенные в книге. В качестве примера приведу выдержки из них /цитирую стр. ... английского текста/:

«Конечной целью государственного бытия Маньчжоу-Го при наличной международной обстановке является создание фундамента для успешного содействия союзному и дружественному Нишпон (Япония – прим. ред.) в его борьбе с англо-саксонским миром и агрессией Коминтерна. В этой священной борьбе все восточно-азиатские народы должны войти в единый объединенный фронт общей борьбы с угнетателями» /стр. 172 книги/.

Изложив другие принципы, подобные первому, определявшие законные задачи деятельности "Кёва Кай", в книге констатируется следующий вывод /цитирую стр. ... английского текста/: «"Кёва Кай", как видно из всего сказанного, имеет особую и чрезвычайно важную миссию – распространить дух и идеологию государства не только в среде всего населения Маньчжоу-Го, но и во всем мире. В видах достижения такой великой задачи "Кёва Кай" необходимо вести постоянную идеологическую

борьбу за осуществление своего идеала внутри государства и вне его. "Кёва Кай" есть идеологический центр этой борьбы» /стр. 172 книги/.

Организация "Кёва Кай" являлась проводником расистской фашистской идеологии «нового порядка» и господства японской нации в Азии и во всем мире и поощрялась командующим Квантунской армии⁸⁹.

Далее цитирую стр. ... английского текста, ... показывающую активную поддержку, которую оказывало организации "Кёва Кай" японское командование.

«Надо сказать, что в некоторых кругах населения существовало мнение, что "Кёва Кай" – организация временного характера. Дабы рассеять подобное неправильное мнение, генерал Минами, генерал Кисио и ряд других представителей высших инстанций издавали специальные директивы о сущности "Кёва Кай"»⁹⁰.

В октябре 1941 года состоялся VIII Всеманьчжурский съезд "Кёва Кай". В сообщении об открытии этого съезда сказано /стр. ... английского текста/:

«Торжественное открытие занятий съезда удостоил своим посещением Его Величество Император в сопровождении командующего Квантунской армией» /стр. 205/. Здесь идет речь о подсудимом Умэдзи.

Прошу Трибунал обратить внимание, что этот съезд был первым съездом "Кёва Кай" после нападения Германии на Советский Союз и на этот съезд были впервые приглашены белогвардейские делегаты.

Цитирую это сообщение /стр. ... английского текста// в книге стр. 206/.

«На VIII съезде впервые приняли участие делегаты от российской эмиграции. Причины отсутствия их на

⁸⁹ АВП РФ. Ф. 0146. 1947 г. Оп. 31. Пап. 292. Д. 36. 2-й Дальневосточный отдел. Ч. 1-я. Организация и деятельность Международного Военного Трибунала в Токио. 240 л. Л. 139.

⁹⁰ Там же. Л. 140.

прежних съездах были двояки. Первая – технического характера – заключалась в непонимании языка. Вторая – в отсутствии в некоторых местах специальных русских отделов "Кёва Кай". С течением времени указанные препятствия были устранены и в трудах VIII съезда имели возможность принимать активное участие несколько человек русских делегатов, специально для этого приглашенных».

Приведу сообщение о Чрезвычайном Всеманьчжурском Съезде "Кёва Кай". Цитирую стр. ... английского текста /в книге стр. 206/:

«8-го февраля 1942 года Центральным Штабом "Кёва Кай" был создан Чрезвычайный Всеманьчжурский съезд, открывшийся в Синьцзине, в помещении "Кёва Кай"-Кан.

Съезд был созван в связи с обнародованием Манифеста Его Величества Императора по поддержке союзной Ниппонской империи в Священной войне за Великую Восточную Азию и продолжался два дня. Как видно из следующей цитаты, которую я привожу, на этом съезде присутствовал и выступил с директивной речью особо уполномоченный посол японской империи и командующий Квантунской армией генерал Умэдзу.

Умэдзу в своей речи на этом Съезде сказал /цитирую стр. ... английского текста/:

“Его Величество Тэнно-о⁹¹ даровал Манифест об объявлении войны, и в тот же день был обнародован Манифест Его Величеством Императором. Все это наполнило наши сердца особым счастливым чувством.

Цели Великой Восточно-Азиатской войны заключаются в том, чтобы освободить Восточную Азию от тлетворного влияния Англии и США и совместными усилиями восточноазиатских наций установить новый порядок и дать возможность государствам Восточной Азии осу-

⁹¹ Тэнно (яп. 天皇 Тэнно:, Тэн'о:, «Небесный хозяин») – многозначный термин, в данном случае – титул императора в Японии.

ществовать совместное процветание и проводить в жизнь идею «Тэнно-Вчнү».

К данному моменту Ниппонские императорские армии и флот одержали ряд блестящих побед на Тихом Океане и выполнили Милостивый Указ Его Величества Тэнно-о, уничтожив ряд баз противника в Восточной Азии, проделав гигантский шаг по устройству «нового порядка».

Однако, до полного достижения целей войны и обеспечения расцвета Восточной Азии еще далеко. Учитывая это, необходимо иметь твердую решимость для преодоления возможных трудностей, которые могут встретиться на новом пути. В такой чрезвычайный исторический момент созыв настоящего съезда "Кёва Кай" является крайне своевременным. Делегатам Съезда, прежде всего, необходимо обратить внимание на общее мировое положение и, осознав важность и серьезность международной конъюнктуры и задач Маньчжоу-Ди-Го⁹², явиться авангардом движения за повышение духа основания государства, за всемерное способствование поднятию жертвенности, за разъяснение в массах великих задач священной войны, за поднятие духа в массах, способствующих развитию государственного производства и государственной мощи.

С другой стороны, основываясь на принципах совместной борьбы, базируясь на неразрывных отношениях между Маньчжоу-Го и Ниппон, способствовали обороне государства с тем, чтобы Ниппон не беспокоился бы о тыле. Таким образом, Вы должны выполнить дело задания и,

⁹² «Маньчжоу-диго» (Великая Маньчжурская империя), альтернативное название Маньчжоу-го, – марионеточное государство (империя), образованное японской военной администрацией на оккупированной Японией территории Маньчжурии; существовало с 1 марта 1932 года по 19 августа 1945 года. Граничило с Японской империей, МНР, СССР, Мэнцзяном и Китайской Республикой.

вместе с этим, будете очастливлены Великой милостью, Его Величества Императора" /стр. 206 книги/»⁹³.

В другом документе Процесса записано:

«Для политического закабаления населения Маньчжурии была создана в 1933 г. по инициативе штабного офицера Штаба Квантунской армии подполковника Исихара Кандзи политическая партия "Кёва Кай" под видом установления сотрудничества и доверия между марионеточным правительством Маньчжоу-Го и населением, а по существу, эта партия подчинила своему влиянию политическую, культурную и экономическую жизнь населения Маньчжурии, явилась рассадником японских профашистских идей и дополняла собой полицейский и жандармский аппарат в Манчжурии. Существование каких-либо других политических партий для китайского населения в Маньчжурии было воспрещено... Вслед за провинциальными штабами имелись уездные штабы партии "Кёва Кай" в отдельных населенных пунктах... По существующему положению, все мужское население Маньчжурии, независимо от их национальности, китайцы, японцы, корейцы, монголы и русские эмигранты должны состоять в обязательном порядке членами партии "Кёва Кай" и уплачивать ежемесячные членские взносы в размере 2 йен 30 сен. Получаемых взносов было недостаточно для содержания партаппарата и Центральный штаб дополнительно получал денежную дотацию от правительства Маньчжоу-Го. В 1945 г. бюджет на содержание партии "Кёва Кай" был составлен в сумме 200 млн йен»⁹⁴.

⁹³ АВП РФ. Ф. 146. 1946 г. Оп. 35-А. Пап. 117. Д. 3. Организация и деятельность международного трибунала для Дальнего Востока. Ч. 2. Референтура по Японии. 1946 г. Л. 211.

⁹⁴ АВП РФ. Ф. 146. 1947 г. Оп. 31. Пап. 292. Д. 36. 2-й Дальневосточный отдел. Ч. 1-я. Организация и деятельность Международного Военного Трибунала в Токио. 240 л. Л. 74-75.

Переселенческая политика Японии в Маньчжурии. В материалах Процесса убедительно представлены планы переселения в Маньчжурию японских войск и мирных переселенцев. Полковник юстиции С.Я. Розенблит представил «Планы нападения на СССР, разрабатываемые японским генеральным штабом во время советско-германской войны»⁹⁵.

«Я представляю суду в качестве доказательства фотокопию расшифрованной телеграммы германского посла в Японии *Отт* и германского военного атташе в Японии *Кречмера* от 25 июля 1941 года на имя Министра иностранных дел Германии № 1355.

“... Эта мобилизация проводилась в целях подготовки войны против СССР...

1. Начавшийся в Японии и Маньчжоу-Го и медленно протекавший призыв резервистов вдруг принял 10 июля и в последующие дни... большой размах, неподдающийся дальнейшей маскировке... До середины августа должны призвать приблизительно 900.000 резервистов в возрасте от 24 до 45 лет, причем среди старших возрастов – только специалистов, таких как шофёров, техников, лиц, говорящих на русском языке, и так далее. После этого они будут располагать, примерно ещё 500 тысячами резервистов.

2. Одновременно с призывом резервистов, начиная с 10 июля, происходит мобилизация лошадей и автомашин... и воинских предметов потребления, как то: предметов питания, свечей и т.д.”.

Далее телеграмма *Кречмера* и *Отт* содержит ряд соображений о военных планах и сроках нападения Японии на Советский Союз. Я цитирую далее тот же документ: «Мои впечатления». “...Время наступления ещё неясно, но можно предположить, что наступление, по моим сообра-

⁹⁵ АВП РФ. Ф. 146. 1947 г. Оп. 31. Пап. 292. Д. 37. Организация и деятельность Международного Военного Трибунала в Токио. 217 л. Л. 63-64.

жениям, потребует времени еще до середины августа. Кроме того, генерал Окамото (Okamoto) многократно в разговоре упоминал, что Япония лишь тогда выступит, когда немецкие части достигнут Волги. Кречмер, Отт»⁹⁶.

«Оглашаю в качестве доказательства выдержку из аффидэвита ген-лейтенанта Миякэ Мицухара [Мидзухара] от 22 февраля 1946 г. (документ обвинения № 1950, эсгит № Эта выдержка взята со стр. ... англ. текста. Цитирую эту выдержку. “В конце 1941 г. из Штаба Квантунской армии был прислан в Центральный штаб “Кио Ва-Кай” документ. На этом документе значилась надпись “Кантокуэн”. В этом документе было указано, что Маньчжурское правительство должно направить в распоряжение штаба Квантунской армии для строительства военных сооружений до 300 тыс. чернорабочих”»⁹⁷.

«Предъявляю Высокому Суду Документ № 2133 – «Сведения о японских военных поселениях в Маньчжурии». Из документа видно, что колонизационная политика Японии в Маньчжурии была подчинена в основном военным целям. Цитирую документ: “В 1932 г. японское правительство приступило к колонизации Маньчжурии и в первую очередь важнейших в военном отношении районов. Поселялись в Маньчжурии в первую очередь резервисты, отбывшие срок действительной службы в армии, чем достигалось накопление кадров для мобилизационного развертывания Квантунской армии, в целях подготовки войны против СССР.

Из переселенцев создавались военизированные лагеря, где они в течение трех лет проходили обучение и использовались для охранной службы. После 3-летнего обу-

⁹⁶ АВП РФ. Ф. 146. 1947 г. Оп. 31. Пап. 292. Д. 37. Организация и деятельность Международного Военного Трибунала в Токио. 217 л. Л. 65-66.

⁹⁷ Там же. Л. 66.

чения в лагерях колонисты поселялись в специальных военизированных переселенческих поселках”.

“Основные районы расселения [японских] переселенцев создавались в приграничных районах Северной Маньчжурии и особенно в районах, прилегающих к Советскому Приморью.

К началу 1936 г. общее количество японских переселенцев в Маньчжурии составило свыше 390 тыс. человек.

С 1936 по 1940 гг. в Маньчжурию прибыло еще около 221 тыс. японцев, из которых до 150-160 тыс. человек были годны к военной службе”⁹⁸.

Применительно к эмигрантскому населению эти факты имеют непосредственное отношение, поскольку известно, что столь большой наплыв японского населения притеснял и без того трудное устройство с жильем в регионе; в результате наиболее бесправные иностранцы – белоэмигранты и советские граждане – бесцеремонно выселялись из занимаемой ими площади. Никакие обращения к правовым нормам помочь в тот период не могли.

К 1945 г. общее число японских переселенцев достигло около 1 млн чел., взрослая мужская часть из которых была использована для формирования новых дивизий в Квантунской армии в 1945 г. При таком раскладе место русских в Маньчжурии было предопределено: это обслуживание, или пассивное соглашательство с теми порядками, с тем режимом, который устанавливался японскими (прояпонскими) властями.

Увеличение численности японского военного и невоенного населения в Маньчжурии существенно увеличивало нагрузку на транспорт, связь, поиски работы, деятельность банков, больниц, культурных и развлекательных учреждений, школы, спорт и другие объекты инфра-

⁹⁸ АВП РФ. Ф. 146. 1946 г. Оп. 35-А. Пап. 117. Д. 3. Организация и деятельность международного трибунала для Дальнего Востока. Ч. 2. Референтура по Японии. 1946 г. Л. 117-118.

структуры того времени. В этом смысле эмигрантское и коренное население края немедленно ощутило существенную угрозу для своего существования.

Военные переводчики. План "Кантокуэн". Эти сведения подтвердил ген.-майор Акикуса Сюн 22.02.1946 г. во время допроса. [Документ обвинения № 1983; эксгибит № ...). С. 6 английского текста]...

Обвинитель представил суду в качестве доказательства фотокопию директивы Штаба Квантунской армии от 16 сентября 1941 г., подписанной командующим Квантунской армии подсудимым Умэдзу Ёсидзиро о дополнительном обучении военных переводчиков для Квантунской армии (документ обвинения № 1973).

«Мы представляем этот документ, чтобы документально доказать, во-первых, что в сентябре 1941 г. действительно существовал план "Кантокуэн", и во-вторых, что для выполнения плана "Кантокуэн" требовалась усиленная подготовка русских переводчиков, что очевидно не нужно было бы для маневров, пусть даже особых маневров.

“На основании отдельного приложения «Положения о дополнительном обучении военных переводчиков в Квантунской Армии» – необходимо провести дополнительное обучение переводчиков русского языка из всех школ иностранных языков в Японии, а также Харбинского университета, которые используются в качестве военных переводчиков с начала осуществления "Кантокуэн". 16 сентября 1941 г. Командующий Квантунской армии Умэдзу Ёсидзиро”»⁹⁹.

Обвинитель обратил внимание на то, что «при допросе бывшего начальника оперативного отдела Генерального штаба, впоследствии вице-военного министра ген.-лейтенанта Томинага Кёдзи от 21 февраля 1946 г. о

⁹⁹ АВП РФ. Ф. 146. 1946 г. Оп. 35-А. Пап. 117. Д. 3. Организация и деятельность международного трибунала для Дальнего Востока. Ч. 2. Референтура по Японии. 1946 г. Л. 67, 69.

содержании плана "Кантокуэн" стало известно, что этот план "Кантокуэн" был составлен в середине 1941 г., поскольку СССР вступил в войну с Германией. "Красная Армия терпела поражения, и мы предполагали, что Советский Союз отведет свои войска с Дальнего Востока на западный фронт, а поэтому предполагали, что нам может быть удастся легко захватить Дальний Восток...". План "Кантокуэн" отличался от «оперативного плана Генштаба (составленного мною в 1940 г.) сроками нанесения ударов на различных фронтах, в то время как по плану "Кантокуэн" все эти удары наносились одновременно»¹⁰⁰.

... Обвинитель представил также «выдержку из оглашенного нами ранее аффидевита ген.-лейтенанта японской армии Кусаба Тацуми от 25 марта 1946 г. (Документ обвинения № 1982). На вопрос о плане "Кантокуэн", обвиняемый ответил: "Этот план предусматривал увеличение японских войск в Маньчжурии в связи с начавшейся в 1941 г. войной Германии с Советским Союзом. По этому плану в Маньчжурии было переброшено более 300 тыс. солдат. "Кантокуэн" являлся зашифрованным названием плана войны против СССР"»¹⁰¹.

Приготовления Японии к агрессивной войне против СССР. Полковник юстиции Иванов в своей речи заявил:

«...Я предъявляю Трибуналу для идентификации документ обвинения № 2549, секретный "Доклад об обследовании районов Маньчжурии и Кореи", представленный в Генштаб Японии в мае 1931 года полковником Судзуки Сииясу. Этот документ предъявляется для того, чтобы доказать, что в период, непосредственно предшествовавший захвату Маньчжурии, японский Генштаб тщательно выяснял обстановку для вторжения японских войск

¹⁰⁰ АВП РФ. Ф. 146. 1946 г. Оп. 35-А. Пап. 117. Д. 3. Организация и деятельность международного трибунала для Дальнего Востока. Ч. 2. Референтура по Японии. 1946 г. Л. 69-70.

¹⁰¹ Там же. Л. 71.

на территорию СССР в районы Советского Приморья...

...Цитирую инструкцию, полученную полковником Судзуки от начальника 1-го отдела Генштаба Японии (см. С. 3 английского текста):

“... 1. Для руководства военными действиями “Оцу” произвести общий обзор районов Северной Маньчжурии с точки зрения использования войск и в частности, – установить ценность железных дорог Сыпингай-Таонань и Китайско-Восточной железной дороги.

2. Изучить вопрос об аэродромах в Маньчжурии.

3. Произвести детальный обзор использования войск в районах Северной Кореи в военных действиях “Оцу” и “Хей”.

16 марта 1931 г. Начальник 1-го Отдела”¹⁰².

Поясняю, что шифрованные названия “Оцу” и “Хей”, как это будет видно из содержания доклада Суцзуки, а также из доказательств, которые мы представим в дальнейшем, означали: “Оцу” – план войны против Советского Союза, а “Хей” – план войны против Китая».

«Каковы же были планы агрессивной войны против СССР, разработанные Генеральным штабом Японии в 1934-1935 гг.? Ответ на этот вопрос мы находим в показаниях полного генерала Усироку Дзюн, являвшегося в тот период Начальником 3-го Отдела Генерального штаба Японии. (Доказательство обвинения № 1970 – протокол допроса ген. Усироку Дзюн от 21 марта 1946 г.) ...:

“Вопрос: Известно ли Вам что-либо об оперативных планах Генерального штаба под названием “Коо”, “Оцу” и “Хей”?

Ответ: Под шифром “Коо” значились в Генеральном штабе оперативные планы войны против Америки; опе-

¹⁰² АВП РФ. Ф. 146. 1946 г. Оп. 35-А. Пап. 117. Д. 3. Организация и деятельность международного трибунала для Дальнего Востока. Ч. 2. Референтура по Японии. 1946 г. Л. 94-95.

ративные планы “Оцу” были направлены против СССР и планы “Хей” – против Китая”»¹⁰³.

Захват Маньчжурии. Насилие над мирным населением. В речи советский обвинитель подчеркнул, что «...Маньчжурия была необходима японской военщине и для дальнейшей агрессии против СССР и Китая»¹⁰⁴.

Он процитировал выдержки из “Конспекта доклада, сделанного Его Превосходительству ген.-майору Харада подполковником Касахара” (Третий раздел, названный “Выводы в отношении СССР”) указано (цитирую С. ... английского текста): “Рассматривая общее состояние страны, можно заключить, что в настоящее время СССР не в силах вести войну. Настоящий момент является исключительно благоприятным для того, чтобы наша империя приступила к разрешению проблемы Дальнего Востока. Западные государства, граничащие с СССР /Польша, Румыния/, имеют возможность сейчас выступить согласованно с нами, но эта возможность постепенно будет ослабевать с каждым годом.

Если мы сейчас, проникнутые готовностью воевать, приступим к разрешению проблемы Дальнего Востока, то мы сможем добиться поставленных целей, не открывая войны. Если же, паче чаяния, возникнет война, то она не представит для нас затруднений”¹⁰⁵».

Обвинитель также привел выдержки из документа обвинения № 1982 (Протокол допроса Кусава Тоцуми, ген.-лейтенанта японской армии, допрошенного 25 марта 1946 г. в Хабаровске [впоследствии покончивший жизнь самоубийством]) /англ. яз./.

¹⁰³ АВП РФ. Ф. 146. 1946 г. Оп. 35-А. Пап. 117. Д. 3. Организация и деятельность международного трибунала для Дальнего Востока. Ч. 2. Референтура по Японии. 1946 г. Л. 104.

¹⁰⁴ Там же. Л. 99-100.

¹⁰⁵ Там же. Л. 98-99.

“Вопрос: Какую цель преследовал захват Маньчжурии Японией?

Ответ: Политическая цель – установить руководящее положение и гегемонию Японии в Маньчжурии. ... Потом стали считать, что Маньчжурию удобно использовать в качестве базы для вторжения в Советский Союз и Китай. ... Я знаю по газетным статьям и из бесед с друзьями, что Араки Садао и Угаки Иссей намечали превращение японского моря во внутреннее японское море, а, следовательно, захват Советского Приморья.

Будучи сторонником позитивной политики, они проповедовали право Японии на доминирующее положение по всей Юго-Восточной Азии. Их стремлением являлось распространение права Японии на гегемонию вплоть до Урала”»¹⁰⁶.

Суду для идентификации был также предъявлен «Документ № 1513 – телеграмма генерального консула в Харбине Охаси – Министру иностранных дел Сидэхара от 7 ноября 1931 г. за № 516/2». По мысли советского обвинителя это необходимо было сделать для «доказательства... что не одна [лишь] японская военщина, а также и аппарат японского министерства иностранных дел принимали активное участие в расширении японской агрессии в Маньчжурии»¹⁰⁷:

“Я не могу согласиться с планами независимости Маньчжурии, которые, как полагают, молчаливо одобрены теперь Правительством. Я считаю, что будет значительно лучше и вернее проводить такую политику, согласно которой мы внешне произведем превентивную оккупацию всей Маньчжурии и сами будем управлять ею до тех пор, пока будут разрешены все вопросы, связанные с

¹⁰⁶ АВП РФ. Ф. 146. 1946 г. Оп. 35-А. Пап. 117. Д. 3. Организация и деятельность международного трибунала для Дальнего Востока. Ч. 2. Референтура по Японии. 1946 г. Л. 100-101.

¹⁰⁷ Там же. Л. 101-102.

Китаем. В противном случае, ничего не удастся довести до конца и планы овладения Северной Маньчжурией потерпят полное фиаско. Может быть, не следовало вовсе связываться с Северной Маньчжурией, но коль скоро мы все же начали заниматься Маньчжурией, нам нельзя останавливаться на полпути, т.к. это принесло бы непоправимый вред всей политике в отношении Маньчжурии”¹⁰⁸.

В ходе процесса обвинитель подчеркнул: «Как уже отмечалось выше, в период установления японского режима в Маньчжурии, были проведены в жизнь ряд мер: отделы пропаганды являлись проводниками японских идей¹⁰⁹; законодательные отделы имели назначение... разработки тех или иных законов для Маньчжурии, а после их принятия обеспечивали бы проведение их в жизнь¹¹⁰; отделы труда – были введены в 1937 г. для мобилизации рабочей силы в отряды труда, которые использовались на строительстве шоссейных и железных дорог, строительстве оборонительных вооружений, вдоль советско-маньчжурской границы и на строительстве промышленных предприятий военного назначения. В отряды труда привлекались трудоспособные мужчины в возрасте от 20 до 50 лет, студенты вузов...»¹¹¹.

Провокации на КВЖД и саботаж деятельности магистральной. По этой части обвинения имеются обширнейшие материалы, ввиду краткости лишь упомянем ссылки на документы: путем незаконных выселений японцами с 1932 года и захвата помещений Управления КВЖД, по-

¹⁰⁸ АВП РФ. Ф. 146. 1946 г. Оп. 35-А. Пап. 117. Д. 3. Организация и деятельность международного трибунала для Дальнего Востока. Ч. 2. Референтура по Японии. 1946 г. Л. 101-102.

¹⁰⁹ АВП РФ. Ф. 146. 1947 г. Оп. 31. Пап. 292. Д. 36. 2-й Дальневосточный отдел. Ч. 1-я. Организация и деятельность Международного Военного Трибунала в Токио. 240 л. Л. 75-76.

¹¹⁰ Там же. Л. 76.

¹¹¹ Там же. Л. 78.

следняя ставилась в невозможные условия работы. Почти все захваты произошли в период 1932–1934 гг.¹¹² В специальной Справке (Протоколы допроса Хонма и Ханабуса) описываются избиения японцами арестованных советских служащих КВЖД в 1934–1935 гг. Поскольку Хонма Мамору и Ханабуса Мацахару были очевидцами избиений, протоколы представляли интерес для советского обвинения и были направлены обвинителю Васильеву для использования на Токийском процессе¹¹³. В обвинительные документы были добавлены «также поступившие из Генконсульства в Харбине заверенные заявления бывших служащих КВЖД – Егупова, Бутовича, Мельника, Касьяненко, Новикова, Серебрякова, Беляева, Образцова, Константинова и Пасечникова о провокационных действиях японцев на КВЖД в 1932–1935 гг.»¹¹⁴.

Как видно из представленных материалов (использованных нами лишь на 10 %), имеется весьма обширная доказательная база многочисленных нарушений международного права и человеческого общежития в регионе, захваченном японскими властями в период с 1931 по 1945 гг. На наш взгляд, в материалах советского обвинения Токийского Трибунала содержатся достаточно обширные факты

¹¹² Ист.: АВП РФ. Ф. 0146. 1947 г. Оп. 31. Пап. 292. Д. 36. Организация и деятельность Международного Военного Трибунала в Токио. Л. 137–151; Л. 152–158; Л. 159–169; Протокол допроса свидетеля о советском управлении Дорогой (КВЖД); Там же. Л. 170–178; Протокол судебного заседания и копия приговора по делу Кобылкина И.В. и других осужденных выездной сессией Военной коллегии Верховного Суда СССР от 1.09.1935 г. для предъявления Трибуналу. Ист.: АВП РФ. Ф. 146. 1947 г. Оп. 31. Пап. 292. Д. 36. Организация и деятельность Международного Военного Трибунала в Токио. Л. 77.

¹¹³ 1 апреля 1947 г. С. Розенблит. Ист.: АВП РФ. Ф. 146. 1947 г. Оп. 31. Пап. 292. Д. 37. Организация и деятельность Международного Трибунала в Токио. 217 л. Л. 123, 129.

¹¹⁴ Там же. Л. 3, 6.

по истории русской эмиграции в Китае, дополняющие и корректирующие наши знания об этом тяжелом периоде существования эмиграции и обществ советских граждан в Маньчжурии.

Приложение № 1.

Из рабочих материалов Токийского процесса.

Документ № 1¹¹⁵.

«Председателю правительственной комиссии по руководству работой советской части Международного военного трибунала в г. Токио тов. Вышинскому А.Я. Копия: Генпрокурору Союза ССР тов. Горшенину К.П.

Посылаю Вам следующие материалы:

1. Первоначальный проект моей вступительной речи;
2. Выдержки из документов, касающихся вопросов о позиции СССР по отношению к трехстороннему пакту от 27 сентября 1940 года;
3. Переводы касающихся нас частей из так называемых мемуаров Коное
/К каждому из этих трех материалов имеется отдельное сопроводительное письмо с необходимыми пояснениями/;
4. Переводы на русский язык обнаруженных нами здесь американских документов, которые мы собираемся использовать в процессе;
5. Русский и английский текст вступительной речи Кинака.

В связи с десятидневной отсрочкой, предоставленной Трибуналом по ходатайству защиты, наше выступление несколько откладывается. Оно состоится, вероятно, в конце первой декады июля, а, может быть, и позже.

Очень прошу прислать Ваши указания по вопросам, указанным выше под пп. 1, 2 и 3 с таким расчетом, чтобы я успел их реализовать до нашего выступления.

¹¹⁵ АВП РФ. Ф. 146. Оп. 30. Пап. 282. Д. 28. Л. 162-163.

Наше выступление в процессе я предполагаю организовать следующим образом: оно начнется с моей вступительной речи, проект которой прилагаю. После этого последует выступление моего помощника тов. Иванова относительно захвата Маньчжурии и превращения ее в военный плацдарм для нападения на Советский Союз.

Потом выступит тов. Тадевосян по вопросу о пограничных инцидентах, а также о военных нападениях Японии при Хасане и Халхин-Голе.

Вслед за ним выступит тов. Васильев по вопросу о сговоре между Германией и Италией, с одной стороны, и Японией с другой, для совместной агрессии против Советского Союза и о дипломатическом сотрудничестве Японии с Германией во время войны.

Последним выступит тов. Розенблит по вопросу о военном сотрудничестве Японии с Германией во время войны /план "Кантокуэн" и оперативные планы Генерального Штаба Японии против Советского Союза/ приведение в боевую готовность Квантунской армии и все связанные с этим мероприятия/.

Выступления моих помощников будут заключаться, главным образом, в оглашении выдержек из соответствующих документов с необходимыми пояснениями, а также в оглашении протоколов или в допросах свидетелей, которые будут вызваны в суд, также с соответствующими пояснениями.

Каждое такое выступление готовится нами заранее в письменной форме. Соответствующие документы будут содержать в себе те выдержки из документов, которые мы будем цитировать на суде, пояснения к этим выдержкам и изложение сущности показаний тех свидетелей, которые будут вызваны в Трибунал.

Таким образом, каждый такой документ будет содержать в себе полный текст выступления соответствующего помощника обвинителя, за исключением того, что невозможно предвидеть заранее относительно допроса свидетелей, которые будут вызваны в суд.

Тексты этих выступлений будут закончены нами на будущей неделе и будут высланы Вам следующей дипломатической почтой.

Конечно, и после того, нам придется вносить в проекты этих выступлений те или иные дополнения, в зависимости от обнаружения новых материалов, но эти дополнения не смогут существенно изменить содержания этих документов, так как уже теперь мы имеем достаточно доказательств, чтобы обосновать все пункты нашего обвинения.

Тов. Деревянко и я телеграфно сообщили в Москву о том, что с 1 июля американцы прекращают выдачу всякого снабжения, иначе как в счет оплаты долларами. В указанных телеграммах мы ставили вопрос о том, чтобы необходимая сумма в долларах была переведена в Вашингтон для того, чтобы американцы открыли нам здесь соответствующий кредит.

Для моего аппарата этот вопрос еще более важен, чем для тов. Деревянко, так как его аппарат получает красноармейские пайки и за счет этих пайков обеспечен питанием. Мы же пайков не получаем, довольствуемся в американских столовых и с 1 июля нам придется расплачиваться за это питание долларами.

Очень прошу проследить за скорейшим разрешением этого вопроса.

С. Голунский /подпись/.

7/У1-46 г.»¹¹⁶.

¹¹⁶ Рабочая переписка с Центром / АВП РФ. Ф. 146. Оп. 30. Пап. 282. Д. 28. Л. 162-163.

Ближний Восток: перекресток судеб

Глава 5. Славяне и институт элитных войск в странах мусульманского Востока: история и современность¹

Институт гвардии или элитных частей, предназначенных для охраны правителей и как главная опора трона, известен на Востоке еще в древности. Достаточно вспомнить «бессмертных» гвардейцев древнеперсидских царей державы Ахеменидов или гвардейцев Цинь Шихуанди, первого императора в истории Китая, сделавшего его единой страной еще в древние времена, чьи терракотовые скульптуры дошли до наших дней. Но институт гвардии, формирующейся из иностранцев и рабов, в частности из славян, в том числе и русских, о чем и пойдет речь в данной статье, явление, характерное для истории более позднего времени.

Среди воинов гвардий в странах средневекового Востока были не только выходцы из тюркских и африканских рабов, но и славяне, известные в мусульманских источниках под именем «сакалиба». О них сообщает в X веке Абу Бакр Мухаммад ал-Хорезми, сказавший, имея в виду боевых гулямов (т.е. воинов-рабов – авт.), что за неимением тюрка на службу следует брать раба-сакалиба. В середине XI века подобное соображение высказал арабский автор Ибн Бутлан, считавший, что для боя следует брать рабов-тюрок или сакалиба. Надо заметить, что Ибн Бутлан описывает сакалиба именно как боевых рабов: они широкогруды, храбры и дикого нрава. В окружении Ма-

¹ **Сведения об авторе:** *Кадырбаев Александр Шайдатович* – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Отдела истории Востока ИВ РАН.
E-mail: kadyr_50@mail.ru

суда, сына создателя мусульманской империи Газневидов на землях Афганистана и Северной Индии Махмуда Газневи, наследовавшего трон отца, находился Тегин Саклаби, судя по имени – славянин. Как свидетельствует старинный французский эпос «Песнь о Роланде», описывающий события конца VIII-начала IX века, но записанный позже, около 1170 г., в войске халифа Кордовы в стране Аль-Андалус – мусульманской Испании, наряду с нубийцами – «черными неграми» служили сакалиба, принявшие ислам. Только в X веке в одной лишь Кордове их было более 14 тысяч. После распада в XI веке Кордовского халифата сакалиба даже создали несколько правящих династий местных владетелей в отдельных областях Испании – Валенсии, Мурсии, Альмерии и Тортосе. Во второй половине XI века сакалиба упоминаются в поучении правителя Джурджана и Табаристана Кейкавуса ибн Искандера (1049–1069) своему сыну Гилян-шаху (1069–1077) («Кабуснаме» или «Насихат-наме»), где Кейкавус подробно описывает тюркских рабов, но затем замечает: сакалиба, русы и аланы подобны тюркам, но превосходят их выносливостью². Но, все же, сравнительно с тюрками, славяне были немногочисленны среди воинов-рабов мусульманских гвардий и, вероятно, в силу данного обстоятельства влияние их уступало первым. Славяне, служившие в гвардиях владык разных стран мусульманского Востока, а зачастую и сами становившиеся ими, восприняли государственную традицию и культуру этих стран, стали мусульманами, и в итоге, были адаптированы их мощными цивилизациями, прежде всего, арабской, а впоследствии также индо-мусульманской и османской.

Определенную аналогию можно провести между институтом воинов-рабов – гулямов в Индии, мамлюков на

² Мишин Д.Е. Сакалиба. Славяне в исламском мире. М.: ИВ РАН, Изд-во «Крафт+», 2002. С. 296–298; Ланда Р.Г. В стране Аль-Андалус через тысячу лет. М.: Наука, 1993.

Арабском Востоке, с корпусом янычар – пешей гвардии падишахов Османской империи, где главным контингентом пополнения были славяне.

Первое подразделение янычар было создано еще в 1330 году при падишахе Орхане из военнопленных христиан. Оно получило название «ени чери» – «новое войско». Но формирование войска янычар на постоянной основе началось при Мураде I (1360–1389), когда для комплектования стали применять систему «девширме»: набор мальчиков и юношей из завоеванных османами христианских народов – южных славян – сербов, болгар, хорватов, а также албанцев, греков, валахов (румын), грузин в возрасте от 8 до 20 лет. Они забирались от родителей, в том случае, если у последних были другие сыновья, принимали ислам. При условии, что были малолетними, помещались в турецкие семьи, которым вменялось в обязанность воспитывать их как своих родных детей. Затем будущих янычар обучали в особых школах военному делу, воспитывали в духе преданности исламу и османскому падишаху. Им запрещалось жениться с тем, чтобы вся их жизнь была посвящена военной службе. В число янычар попадало немало украинцев, поляков и русских, захваченных и проданных на османских рынках работорговли в результате походов ханов Крыма – союзников османов. В этом праве и повинности было отказано армянам и венграм, первым из-за их «невоинственности», чрезмерной склонности к торговле и несоответствия (по мнению османов) их призывного контингента требованиям, предъявляемым в янычарском войске к физической данным, а вторым – из-за их «дикости». Сначала янычары были немногочисленны в войсках османов – 1 тысяча бойцов. Затем стали ежегодно набирать еще по 1 тысяче. Их жалованье зависело от срока службы. При султанах Сулеймане I Кануни – Законодателе, носившим также титул Великолепный, (1520–1566) янычар было 20 тысяч. Во главе янычарского корпуса стоял ага. Первое время им по выбору самих яны-

чар становился прошедший все янычарские должности, начиная с самой низшей. Затем ага стал назначаться султаном. Ага был удостоен особой чести снимать с султана обувь при его входе в мечеть. В одной из комнат янычарских казарм был поставлен трон для султана³. Из янычар был бейлербей-османский наместник Западного Триполи в Ливии Джафар-паша, русский по происхождению⁴. Предположительно, славянского происхождения были известные персонажи османской истории пираты Хызыр (Хайреддин) «Барбаросса» и его братья Ильяс и Орудж, ставшие адмиралами Османской империи, отец которых был уроженцем Македонии, а мать Екатерина была дочерью православного священника. Причем, если братья Барбаросса стали мусульманами, то их сестры воспитывались и выросли христианками⁵. Известно также, что в это время «языком большей части турецкой армии был славянский»⁶. При этом спахии (корпус османской кавалерии) нередко сохраняли свою православную веру⁷.

Но институт гвардии или элитных войск, сформированных по этническому принципу, функционировал и в XVIII–XX веках, а в некоторых странах Востока существует и поныне. В этой связи интересна судьба унтер-офицера российской армии Филиппа Ефремова, служившего в начале 80-х гг. XVIII века в Оренбурге, сражавшегося с повстанцами Пугачева и попавшего в плен к казахам. Последние продали его в рабство правителю Бухары аталыку Данияр-беку, который назначил пленного русского раба

³ Рансимен С. Падение Константинополя в 1453 году. М.: Наука, 1983. С. 43-44.

⁴ Иванов Н.А. Османское завоевание арабских стран. 1516-1574. М.: Восточная литература, 2001. С. 207.

⁵ Иванов Н.А. Указ. соч. С. 73.

⁶ Бартольд В.В. Халиф и султан. // Сочинения. Т. VI, М.: Наука, 1966. С. 60, 61.

⁷ Иванов Н.А. Указ. соч. С. 26.

юзбаши – командиром сотни воинов в своей гвардии, где каждый пятый из гвардейцев был русским⁸. В первой половине XVIII века шведский сержант Ренат, попавший к русским в плен и ставший подданным России, поступил на русскую службу и был вновь пленен в 1716 г. в Сибири воинами Джунгарского ханства – последней кочевой империи в центре Азии, павшей в 1758–1759 гг. под натиском империи Цин – маньчжурского государства в Китае. Ренат остался при дворе джунгарских правителей – хунтайджи, где под его руководством в 1726 г. в подвластных тогда джунгарам – западным монголам или калмыкам землях в районе озера Иссык-Куль был построен завод по производству артиллерийских орудий. Из записок российского посла Л.Д. Угрюмова, находившегося в Джунгарии в 1732 г., известно, что «оной Ренат между разговоров объявил, я де здесь и всех пушек сделал токмо 15, да малых 5, да мортир десятифунтовых 3...И от других пленников российских было известно, что имеетца больше, токмо за подлинно числа сказать не знают»⁹. В 1745 г. беглый русский Михайлов имел «медный завод около Урги (ныне Улан-Батор, столица Монголии – авт.), он же лил пушки...»¹⁰. Известны другие русские мастера, бежавшие с сибирских заводов – Иван Бодяга, Зеленовский, Васильев, которые помогали джунгарам добывать руду и лить металл, изготавливать предметы вооружения, в том числе и пушки.

⁸ Плоских В.М. Россия и кыргызы: развитие политических взаимосвязей (XVIII-XIX вв.). Тюркологический сборник, 2002. М., 2003. С. 29-50.

⁹ Цит. по: Гуревич Б.П. Международные отношения в Центральной Азии в XVIII - первой половине XIX вв. М.: Наука, 1983. С. 56-57.

¹⁰ Валиханов Ч.Ч. О контайше. Собрание сочинений в 5 томах. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1985. Т. 2. С. 324-325.

Известно о персидской казачьей бригаде, в начале прошлого столетия главной военной опорой шаха Персии, как до 30-х гг. XX в. назывался Иран, самой боеспособной воинской части в персидских войсках, являвшейся шахской гвардией, подразделения которой возглавляли русские казачьи офицеры¹¹. После революций 1917 г. в России русские эмигранты в Китае – несколько тысяч бывших белогвардейских солдат и офицеров под командованием генерала Нечаева и полковника Чехова, прошедшие горнило первой мировой и гражданской войн, служили китайскому генералу-милитаристу Чжан Цзолиню, контролировавшему в 20-х гг. XX в. Маньчжурию. Чжан Цзолинь в гражданской войне с южнокитайским правительством из Гуанчжоу в наиболее критические моменты существования своего режима эффективно использовал русский отряд Чехова, свирепость, тактическая выучка и боевые качества которого вселяли ужас в его противников¹². В 30-х гг. XX в. российские эмигранты – бывшие белые офицеры приняли активное участие в войне Парагвая с его соседями, благодаря усилиям которых по реформированию и руководству парагвайской армии, а также непосредственному участию в боевых действиях, этому латиноамериканскому государству удалось отстоять свою независимость под натиском такого колосса, как Бразилия в союзе с Боливией, где армию готовили к боям немецкие военные инструкторы – офицеры с боевым опытом первой мировой войны¹³.

В 30-х гг. XX в. в гражданской войне в Испании ударной силой фашистского мятежа генерала Ф. Франко был Иностранный легион испанской армии, в составе

¹¹ Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада. 1879-1921 гг. М.: ИВ РАН, 2012.

¹² Примаков В.М. Записки волонтера. Гражданская война в Китае. М., 1966. С. 163-176.

¹³ Шталь В.А. Малые войны 1920-1930-х годов. М.: АСТ, 2003.

которого также сражались российские эмигранты-белогвардейцы. По другую сторону баррикад на стороне республиканского правительства Испании воевали советские военспецы – летчики, танкисты, военные моряки, диверсанты¹⁴.

Интересно, что начальником личной охраны национального героя Афганистана, «панджерского льва», вероятно, самого знаменитого воина в истории таджикского народа, одного из лидеров национально-освободительной борьбы против советских сил вторжения в эту страну – Ахмад Шаха Масуда, был в течение нескольких лет русский, бывший советский военнопленный, оправдавший его доверие.

На постсоветском пространстве, например, в государствах Центральной Азии, тоже наблюдались подобные явления. Элитные части армии Узбекистана – т.н. спецназ укомплектованы преимущественно русскими и украинцами, прежде всего, их кадровый состав – офицеры, как совсем недавно и полк охраны первого президента Туркменистана Сапармурада Ниязова, расформированный его преемником. Все возвращается на круги своя...

¹⁴ *Листер Энрике. Наша война (из истории национально-революционной войны испанского народа). Мемуары. М.: Политиздат, 1969. С. 57, 293-300.*

Глава 6. НАШИ СООТЕЧЕСТВЕННИКИ В ИЗРАИЛЕ – КТО ОНИ?¹

В последние годы заметно расширился интерес историков, социологов, политических деятелей и др. к вопросам, касающимся эмиграции, Русского и Российского зарубежья, соотечественников и т.д. Понятие «соотечественники», как представляется, охватывает наиболее широкий пласт россиян, проживающих за рубежом, которые в разное время и по разным причинам покинули территорию России, Российской Федерации, СССР и СНГ.

Согласно статье 1. Федерального закона «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников» от 24.05.1999 N 99-ФЗ (ред. от 23.07.2013):

1. Соотечественниками являются лица, родившиеся в одном государстве, проживающие либо проживавшие в нем и обладающие признаками общности языка, истории, культурного наследия, традиций и обычаев, а также потомки указанных лиц по прямой нисходящей линии.

2. Соотечественниками за рубежом (далее – соотечественники) являются граждане Российской Федерации, постоянно проживающие за пределами территории Российской Федерации.

3. Соотечественниками также признаются лица и их потомки, проживающие за пределами территории Российской Федерации и относящиеся, как правило, к народам, исторически проживающим на территории Российской Федерации, а также сделавшие свободный выбор в пользу духовной, культурной и правовой связи с Российской Федерацией лица, чьи родственники по прямой вос-

¹ **Сведения об авторе:** *Семенченко Нина Абрамовна* – старший научный сотрудник Отдела Израиля и еврейских общин, ИВ РАН. E-mail: semnina2008@yandex.ru

ходящей линии ранее проживали на территории Российской Федерации, в том числе:

- лица, состоявшие в гражданстве СССР, проживающие в государствах, входивших в состав СССР, получившие гражданство этих государств или ставшие лицами без гражданства;
- выходцы (эмигранты) из Российского государства, Российской республики, РСФСР, СССР и Российской Федерации, имевшие соответствующую гражданскую принадлежность и ставшие гражданами иностранного государства или лицами без гражданства².

Следовательно, к соотечественникам можно отнести и потомков тех, кто покинул границы Российской империи ещё в XIX – начале XX в. Таким образом, интерес исследователей истории русской/российской эмиграции постепенно смещается к изучению истории эмиграции и других народов России, СССР и СНГ, к анализу комплекса сложных процессов зарубежной миграции россиян.

Исторически сложилось так, что на территории такой не большой страны как Израиль, проживает немало представителей наших соотечественников. Некоторых из них можно отнести к Русскому зарубежью, других к Российскому, третьих к русскому миру. Одни переселились в Палестину и оказались на территории, которая позже вошла в состав Государства Израиль, другие эмигрировали в уже созданное государство Израиль.

Палестина не была страной привлекательной для эмигрантов. В XIX веке эта была одна из глубоких провинций Турецкой империи. По словам И. Бунина «Богом за-

² Федеральный закон от 24.05.1999 N 99-ФЗ (ред. от 23.07.2013) «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» / Консультант-Плюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=150465&fld=134&dst=100182,0&rnd=0.05333636803290798#041046212420197203> (дата обращения: 13.11.18).

бытая страна». Находясь под властью Османской империи, Палестина оставалась мало населённой и мало развитой страной.

Миграционный процесс из России в Палестину наметился с конца XIX – начала XX века. Он состоял из двух параллельных потоков. Первый носил «инородческий» характер – эмиграция евреев в Палестину, которая составляла не большую долю общей еврейской эмиграции из России. В Палестину евреи уезжали в основном по идеологическим мотивам. Не многочисленный поток русских в эту страну в те годы составлял одно из мало востребованных направлений религиозной эмиграции. На Святую землю уезжали глубоко верующие семьи русских сектантов. В Палестине в те годы, волей судьбы, оказались и представители других народов Российской империи.

После Октябрьской революции 1917 г., численность наших соотечественников в Палестине, практически не увеличивалась. Лишь после создания государства Израиль в 1948 г., наметился не большой поток еврейской эмиграции и постепенный отток русских.

В конце 80-х – начале 90-х в рамках массовой эмиграционной волны из СССР и СНГ, в Израиль переселилось большое число наших соотечественников, что привело к появлению нового понятия «русскоязычный Израиль» или «русскоговорящий Израиль».

Новые переселенцы в Израиль состоят из двух групп: евреи и не евреи. В одну группу входят наши соотечественники, которые не являются евреями. Они и образуют русскую/российскую диаспору в Израиле.

В настоящее время в научной литературе существует ряд определений диаспоры. Диаспору иногда рассматривают как некий отделившийся «кусочек» «этнического материка» (нации, этнической, реже религиозной общности), сохраняющий его основные характеристики (язык, рели-

гию, бытовую и поведенческую культуру и пр.)³. Академик В.А. Тишков предложил своё видение внутреннего содержания диаспоры как «культурно-отличительной общности на основе представления об общей родине и выстраиваемых на этой основе коллективной связи, групповой солидарности и демонстрируемого отношения к родине. Если нет подобных характеристик, значит, нет и диаспоры»⁴.

Другая группа наших соотечественников, в которую входят только евреи, не соответствует понятию «диаспоры». Представители этой группы приехали на землю своих предков и влились в свою этническую среду.

К этой группе относятся и бывшие наши соотечественники, евреи из бывших советских республик – Прибалтийских, Среднеазиатских и Кавказских. На новой родине выходцы из разных республик постепенно образовывали свои общины, живут компактно, порой, в определённой степени, даже обособленно. Представители этих общин в разной степени связаны с русским языком и русской культурой. Они по-разному сохраняют связь со страной своего исхода.

В работе сделана попытка показать пёструю этническую мозаику, которую образовали наши соотечественники в современном Израиле.

³ Носенко-Штейн Е.Э. Евреи в современном мире: диаспора, конфессиональное меньшинство, этническая группа? // Труды Института востоковедения РАН. Вып. 3: Культура и политика: проблемы взаимосвязи / отв. Ред. Ю.В. Любимов; составитель С.В. Прожогина. М.: ИВ РАН, 2017.

⁴ Тишков В.А. Исторический феномен диаспоры // Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XX вв. М.: ИРИ РАН, 2001. С. 9.

Русские

В годы создания и становления государства, в Израиле уже проживало несколько сотен русских людей. Эта была небольшая группа русских монашек, группа пожилых паломниц, которые не сумели вернуться в Россию после Первой мировой войны и нашли убежище в русских монастырях⁵. Это были потомки русских прозелитов, которые приехали в Палестину в конце XIX – начале XX веков и полностью ассимилировались⁶, потомки которые и в настоящее время, не забывают о своих русских корнях. К русским в Израиле относилась небольшая группа семей русской религиозно-сектантской эмиграции, которая оказалась в Палестине после Октябрьской революции 1917 г.

Однако к середине 1950-х гг. практически все русские семьи покинули Израиль. В последующие годы эмиграция русских из Советского Союза в Израиль не наблюдалась. Вместе с тем, начиная с 1970-х гг., в Израиль переселялись молодые русские жены арабских студентов (граждан Израиля), которые учились в советских вузах. Они составляли небольшую русскую группу соотечественников.

Лишь в конце 1980-х – начале 1990-х гг., в рамках массовой эмиграции из Советского Союза, а затем из постсоветских республик, в Израиль прибыло около миллиона бывших советских евреев, среди них десятки тысяч этнических русских, которые юридически стали полноправными гражданами этой страны.

По разным оценкам в Израиле в настоящее время проживают около 300 тысяч русских иммигрантов. Не все

⁵ Семенченко Н. Русская община в Палестине после Первой мировой войны // Восточный Архив. № 1 (25). 2012. М.: ИВ РАН. С. 53–62.

⁶ О русских мигрантах в Палестине вначале XX в. см. Семенченко Н. «Потерянные русские» // Диаспоры № 1. 2005. С. 124-152.

восприняли «новую родину» позитивно. Многие стремятся сохранить свою национальную идентичность, русскую культуру, русский язык, религию. Социально-политические и экономические обстоятельства, с которыми русским приходится сталкиваться при контактах с принимающим обществом, проявление религиозной нетерпимости на бытовом и порой на официальном уровне побудило у определённой части русских иммигрантов желание объединиться, сформировать некую организованную структуру. Однако предпринятые попытки создать этническую общину, по субъективным и объективным причинам не увенчались успехом.

В 1990 г. среди прибывших советских иммигрантов 30% не были евреями или не считались таковыми по законам ортодоксального иудаизма⁷. Это были в основном русские, которые иммигрировали в Израиль как члены смешанных семей. В настоящее время по разным оценкам более 40% всех русскоязычных израильских семей – это смешанные семьи. Газета «Гардиан» писала, что число не евреев среди иммигрантов постоянно колеблется и оценивается по-разному. Согласно номеру газеты от 17.08.11, в 2005 г. доля не евреев среди иммигрантов из постсоветских республик составляла уже 59%⁸. В тоже время по заявлению МВД Израиля в середине 2005 г., «42% прибывших в

⁷ Иммигранты из бывшего Советского Союза сильно изменили Израиль / «Соотечественники», 25.08.2011.

URL: <https://www.russedina.ru/ctrany-i-regiony/dalnee-zarubezhe/izrail/immigranty-iz-byvshego-sovetskogo-soyuza.html> (дата обращения: 09.09.2019). Оригинальная статья: Israel's former Soviet immigrants transform adopted country / By Harriet Sherwood. The Guardian, 17.08.2011.

URL: <https://www.theguardian.com/world/2011/aug/17/israel-soviet-immigrants-transform-country> (дата обращения: 12.08.2019).

⁸ Там же.

страну после 2000 г. 177 834 иммигрантов не являются галахическими⁹ евреями»¹⁰.

В начале 2006 г. примерно 300 тысяч русскоязычных иммигрантов были зарегистрированы Министерством внутренних дел Израиля как «другие», т.е. как неевреи. Это составило третью часть (32%) от общего количества иммигрантов из СССР/СНГ, прибывших за этот период¹¹. К этим «другим» относятся христиане и граждане без определенной религии. Эта графа включает в себя и русских.

Среди русскоязычных иммигрантов-неевреев имеются представители многих национальностей: русские, украинцы, белорусы, молдаване и т.д. Однако русские составляют значительное большинство, поскольку большая часть иммигрантов уезжала из России (на втором месте Украина). Кроме того, супруги-не евреи в смешанных браках, приехавшие из разных республик, как правило, являются русскими, реже представителями той или иной республики.

Как было отмечено, основная часть русских приехала в Израиль в составе смешанных семей. По данным Центрального статистического бюро Израиля, с 1990 по 2005 г. в ходе массовой иммиграции из СССР/СНГ в Израиль иммигрировали примерно 80 тысяч этнически смешанных

⁹ Галахические – еврейство которых соответствует Галахе – своду законов, зафиксированных в священных книгах иудаизма, регламентирующих религиозную, семейную и гражданскую жизнь евреев.

¹⁰ Гительман Ц. Евреи и «неевреи» из бывшего Советского Союза / Израиль глазами «русских» М.: Изд-во «Наталис», 2008. С. 198.

¹¹ Полян, Павел. Эмиграция: кто и когда в XX веке покидал Россию / Демоскоп Weekly. № 251-252. 19 июня - 20 августа 2006. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2006/0251/analit01.php> (дата обращения: 31.07.2019).

семей¹². Для смешанных семей, уезжающих в Израиль, их статус казался естественным и не вызывал каких-либо вопросов, поскольку в бывшем СССР межэтнические смешанные браки были нормой. В конце прошлого столетия смешанные браки с евреями составляли почти 80% всех заключаемых в СССР браков¹³. В России в конце XX века в смешанных браках состояли 73% женатых евреев и 63% замужних евреек¹⁴. Следовательно, «наличие» супруга не-еврея, как полагали будущие иммигранты, не должно было вызывать каких-либо проблем, особенно после получения разрешения на въезд в Израиль.

Русские иммигранты, как и русскоязычные евреи с самого начала своего приезда в Израиль не испытывали языкового барьера. Министерство абсорбции Израиля и Еврейское Агентство прилагали немалые усилия, чтобы облегчить русскоязычным иммигрантам первые шаги в новой для них стране.

За короткий срок была сформирована развитая русскоязычная инфраструктура, которая включила в себя сеть «русских» супермаркетов, рестораны, аптеки, книжные магазины, врачебные учреждения, адвокатские конторы, рекламные агентства, турфирмы и т.д. Были созданы русскоязычные средства массовой информации и открыты общественные организации и учреждения, где русский язык является основным средством общения и делопроизводства. Казалось, что адаптация и интеграция русских должна проходить быстрее и менее болезненно, чем в других странах. Однако объективные трудности адаптации усугублялись в значительной степени спецификой израильского государства.

¹² Моин В., Кривош Л., Кенигштейн М. «Русское» лицо Израиля: черты социального портрета. Москва-Иерусалим: Гешарим, 2007. С. 196.

¹³ Там же. С. 195.

¹⁴ Там же.

В отличие от других государств, наряду с обычными критериями процесса интеграции и аккультуризации в переселенческое общество, в Израиле к критериям адаптации добавляется и принадлежность иммигранта к той или иной национальности и религии. «Статус гражданина Израиля определяется на основании прямой и неразрывной связи между национальной и религиозной его принадлежностью, причем еврейская принадлежность гражданина Израиля определяется на основе законов ортодоксального иудаизма»¹⁵. Религиозные законы и институты оказывают огромное влияние на все сферы израильского общества, разделяя граждан Израиля на евреев и неевреев, при этом «государственно-религиозные институты контролируют браки, разводы, захоронения и другие процедуры, связанные с изменением личного и семейного статуса еврея»¹⁶. Их решения основываются на принципах и законах Галахи, нередко противоречащих современным представлениям о правах и свободах¹⁷. Вместе с тем, в Израиле нет других светских институтов, в ведомстве которых находятся эти, касающиеся практически каждого гражданина, процедуры. (Для арабов-граждан Израиля функционируют мусульманские и христианские институты.)

Политика разделения граждан на евреев и неевреев затрагивает гражданские права и интересы любого русского в Израиле. В стране, как было отмечено, не существует гражданское бракосочетание. Русские неевреи не

¹⁵ Хаскин А. Иммигранты не-евреи в Израиле: формирование еврейской и израильской идентичности // Золото Галута. Духовная и культурная интеграция русских евреев в Израиле. Москва-Иерусалим, 2009. С. 106.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Фельдман Э. «Русский» Израиль: между двух полюсов. М.: Маркет ДС, 2003. С. 150.

могут вступить в брак ни с евреями, ни между собой, т.к. оформлением брака занимается только раввинат.

В этом же ряду стоит проблема захоронения граждан Израиля нееврейской национальности. В Израиле нет светских кладбищ. Существуют еврейские кладбища, мусульманские и христианские. Каждый случай смерти русского решается с большим трудом и по-разному.

Вне дома русский-иммигрант сталкивается с санкционированной законодательством частичной дискриминацией, которая фактически дает общественную легитимацию многочисленным проявлениям дискриминации неевреев в разных сферах – в сфере занятости, в системе образования, в отношениях с полицией и правоохранительными органами, в СМИ и т.д.¹⁸.

Приехавшие в Израиль русские иммигранты сталкиваются с проблемой самоидентификации. Попав в конгломерат этнических еврейских общин, бывшим советским гражданам приходится определить свою принадлежность. В Израиле вопрос о религиозной, этнической, партийно-политической и т.д. принадлежности весьма актуален. Многие иммигранты представляют свое самосознание как взаимодействие ряда идентичностей, которые могут гармонизировать и дополнять друг друга или, наоборот, находиться в отношениях разлада и антагонизма. Русским иммигрантам приходится определять не только свою личную идентичность, но и идентичность своих детей и своей семьи в целом. Израильский социолог М. Кенигштейн склонен считать, что негативные чувства, связанные с деформацией или разрушением прежней этнической идентичности, компенсируются в сознании иммигранта усилением национальной, гражданской, куль-

¹⁸ Кенигштейн М. Чужие среди своих? Иммигранты - неевреи в Израиле // «Русское» лицо Израиля: черты социального портрета. Иерусалим-Москва: Гешарим, 2007. С. 234.

турной или религиозной самоидентификации¹⁹. Так, например, русские иммигранты, которые по приезду в Израиль не только не были верующими православными, но и не были крещёными, стали активными прихожанами православных соборов.

Вместе с тем, самоидентификация иммигранта неразрывно связана с его аккультурацией в новом обществе. Для русских процесс интеграции в израильское (еврейское) общество не стал единственным способом аккультурации. Определенная часть русских выбрала отчуждение от израильского общества, от еврейской религии и культуры. Этот выбор приводит нередко к экстремальным ситуациям, таким как образования маргинальных националистических групп, что вызывает у многих израильтян беспокойство и страх перед их возможным агрессивным поведением. По мнению израильского социолога Э. Фельдмана «если быть объективными, то следует признать, что попытка меньшинства к обособлению в значительной степени провоцируются грубыми просчетами межнациональной политики государства»²⁰.

Положение, в котором оказались наши русские соотечественники в Израиле, не простое. Жизненные обстоятельства, судьба их детей ставит перед ними вопрос о присоединении к еврейскому народу, еврейской религии и традициям. Вот что пишет об этом феномене психиатр, профессор Тель-Авивского университета психоаналитик В. Ротенберг пытаясь объяснить эту ситуацию:

«Люди, которые никогда не чувствовали своей связи с еврейским народом, по приезде в Израиль оказываются, неожиданно для себя, в довольно тяжелом морально-психологическом состоянии. В большинстве своем они были убеждены, что эмиграция в Израиль ничем принципиально не отличается от эмиграции в любую западную

¹⁹ Кенигштейн М. Чужие среди своих? Иммигранты... С. 242.

²⁰ Фельдман Э. Указ. соч. С. 154.

страну со всеми ее преимуществами экономического и социального характера. При эмиграции в Америку, Грецию или Португалию проблема самоидентификации, действительно, большой роли не играет – в немалой степени потому, что ни в одной стране эмигранту гражданство сразу не предоставляется, и в его ощущении себя “иным” и даже чужим нет ничего противоестественного... От него не требуется идентификации с новым народом и чужой страной, более того, ограничение в гражданских правах эту идентификацию затормаживает до того периода, пока она сама постепенно не формируется. Соответственно, человек и воспринимает себя не в таком статусе, чтобы иметь право на недовольство какими-то порядками и законами, не совпадающими с его представлениями. Ситуация в Израиле совершенно иная. Заново созданное еврейми для евреев, это государство принципиально принимает каждого нового репатрианта как полноправного гражданина. Но при этом подразумевается, что идентификация с еврейством является обязательным условием. Но если такой самоидентификации нет, и если ей неоткуда было взяться, то само пребывание в качестве полноправного гражданина в еврейском государстве, где она подразумевается, создает у него ощущение насилия»²¹.

Решение проблем русских иммигрантов в Израиле остаётся открытым. Израильские власти периодически принимают меры для решения тех или иных конкретных вопросов. Меняется демографический состав русских. С годами многие приспосаблиются к ситуации или примиряются с ней. Вопрос о потомках, как отмечает проф. Г. Тарле, зависит от степени адаптации иммигрантов в стране, их потребностей в сохранении связи с прароди-

²¹ *Ротенберг В.* Еще один серьезный аспект «Закона о возвращении». URL: <http://vsrotenberg.rjews.com/11p.html#.XYqJ-ygzbtct> (дата обращения: 25.09.2019).

ной, и в немалой степени от того, сохраняют ли они знание русского языка и передадут ли его своим потомкам²².

Еврейская эмиграция

В рамках эмиграционных потоков из России, имели место несколько волн «Еврейской эмиграции». По сути, не зависимо от их периода, они были частью «русской эмиграции». Под «русской эмиграцией» понимаются «все подданные России, покинувшие свою родину (вне зависимости от национальности, вероисповедания и причин, побудивших к отъезду)»²³. Эмиграция евреев в Палестину и Израиль имеет свою особенность и отличается от их эмиграции в другие страны. По прибытию на Землю Израилева, евреи, не остаются эмигрантами и не попадают в диаспору. Они приезжают на свою историческую родину и «вливаются» в свою этническую среду.

Массовая иммиграция 90-х годов из постсоветской территории отличается тем, что среди иммигрантов этой волны, многих связывают с Россией не только обстоятельства рождения, но и гораздо более прочные культурно-языковые узы. Они сохраняют русский язык и даже обучают ему своих детей, интересуются событиями в России, смотрят российские телеканалы, посещают гастроли российских артистов, следят за новинками российской литературы, кино и театра. Более того, в Израиле были созда-

²² *Тарле Г.Я.* История русского зарубежья: Термины, принципы периодизации // Культурное наследие русской эмиграции: 1917–1940. Кн. 1. М., 1994. С. 16–24. (Перепечатано с сайта: "Русская эмиграция", разработанного Центром по изучению русского зарубежья Института политического и военного анализа).

²³ *Федотов А.С.* Российская эмиграция и Русское зарубежье (к вопросу о дефинициях) // Тезисы докладов научной конференции: Роль русского зарубежья в сохранении отечественной культуры. М.: Институт российской истории РАН. 1993. С. 5.

ны местные русскоязычные СМИ, широко развивается местная литература на русском языке. Израильские писатели – наши соотечественники неоднократно занимали почётные места в международных литературных конкурсах по русскому языку.

Сохранение эмигрантами русского языка принято относить к отличительным характеристикам феномена Русского Зарубежья. В случае Израиля, сохранение русского языка и русской/российской культуры определённой частью иммигрантов даёт нам возможность отнести их к нашим соотечественникам. Выдающийся современный израильский писатель Амос Оз, чьи родители прибыли на Святую землю из России, пишет в статье «Обожжённые Россией»: «Еврей, уроженец России, чувствует себя евреем среди русских, но стоит ему попасть в среду евреев, выходцев из Северной Африки, к примеру, – и он тут же почувствует свою русскость так остро, как он и предположить не мог: ему будет не доставать русского языка, русских песен, и он ощутит свою связь с Россией до боли в сердце. Видимо, такова наша судьба: и через тысячелетия проносим мы любовь к тем местам, где родились, сохраняем незримую связь с ними»²⁴.

Среди евреев-иммигрантов, приехавших в Израиль в 90-х годах, большинство – это евреи ашкенызы, уехавшие из европейской части СССР и в целом из РСФСР. В рамках этой волны эмиграции, в Израиль переехали также бывшие наши соотечественники, т.е. евреи из других советских республик. Выходцы из разных регионов, областей и республик старались селиться компактно и создавать свои объединения. Были созданы грузинская, азербайджанская и другие общины, а также разные объединения: землячества, ассоциации, общества, как, например, белорусское,

²⁴ Гельман З. «Русская улица» Израиля / «Эхо планеты». 2012. № 41/42. С. 10-13. URL: https://mnenia.zahav.ru/articles/1969/russkaya_ulica_idet_cherz_israel (дата обращения: 10.08.2019).

казахстанское, башкирское землячество; ассоциация выходцев из Кавказа; общество «Украинцы в Израиле», Общество ветеранов (Великой Отечественной) войны и т.д. Все они входят во Всеизраильское объединение российских землячеств (ВОРЗ) – крупнейшее израильское объединение, которое объединяет многочисленные организации выходцев из СССР–СНГ.

ВОРЗ имеет более 20 региональных и городских отделений во всех уголках Израиля²⁵. Свою деятельность ВОРЗ развивает в сотрудничестве с Московским домом соотечественников, Фондом «Русский мир» и Международным советом российских соотечественников.

Приоритетные направления деятельности российских землячеств Израиля: помощь ветеранам и инвалидам Второй мировой войны, ликвидаторам-чернобыльцам, экономическое и научно-техническое сотрудничество с российскими организациями, осуществление образовательных проектов по сохранению русского языка.

Примечательно, что многие из этих общин развивают хорошие отношения и поддерживают тесную связь не только с еврейскими общинами республик своего исхода, но и с официальными властями. Развитие отношений со странами исхода зависит порой не только от израильской общины, но и от политической ситуации в стране исхода и от характера дипотношений с Израилем. Так, например, выходцы из стран Прибалтики, где во время Второй мировой войны были уничтожены местными властями или при их содействии десятки тысяч евреев, не согласны с нынешним руководством этих стран, которое лишь осуждает действия военных преступников, но не готово их нака-

²⁵ Ежегодная конференция соотечественников в Израиле / Русский Мир. URL: https://www.russkiymir.ru/fund/nam_pishut/157415/ (дата обращения: 31.07.2019).

зять²⁶. Внутриполитическая ситуация в Молдавии не способствует развитию отношений с Общиной выходцев из Молдовы в Израиле. Примером развития успешных отношений может служить активность азербайджанской общины.

Азербайджанская община

Азербайджанская община в Израиле насчитывает около 50-60 тыс. выходцев из Азербайджана, которые сохраняют добрую память о стране своего исхода. В отличие от многих народов, азербайджанцы не относились к евреям, как к иностранцам. Евреи в Азербайджане не подвергались преследованиям, унижениям, погромам и антисемитским действиям. Более того официальный Баку неоднократно осуждал проявления антисемитизма в других местах, Еврейская община играла важную интегральную роль в истории становления и развития азербайджанской государственности. И в настоящее время евреи продолжают вносить свой вклад в научно-интеллектуальное, экономическое и политическое развитие республики²⁷.

²⁶ См. подробно: *Якимова Е.А.* Исторические предпосылки современной дипломатии Израйля в отношении стран СНГ и Прибалтики // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 3 (41): в 2-х ч. Ч. II. С. 215–217. URL: <http://www.gramota.net/materials/3/2014/3-2/62.html> (дата обращения: 31.07.2019); *Якимова Е.А.* Еврейская община современной Литвы: проблемы возрождения и интеграции в европейскую среду // Евреи России, Европы и Ближнего Востока: история, культура и словесность. Материалы международной конференции 14 апреля 2019 г. Санкт-Петербург, 2019. С. 84.

²⁷ Почему Израиль остановил выбор на Азербайджане? / Why did Israel choose Azerbaijan? / By Arye Gut. The Jerusalem Post. 07.09.2017. URL: <https://www.jpost.com/Blogs/News-from-Arye-Gut/Why-did-Israel-choose-Azerbaijan-504474> (дата обращения: 14.08.2019).

Основную роль в развитии и укреплении отношений между Израилем и мусульманским Азербайджаном играют политические и экономические интересы. В то же время нельзя недооценивать здесь и доброжелательные человеческие отношения.

Еще до установления в 1992 г. дипломатических отношений между Израилем и Азербайджаном, было создано Общество дружбы Израиль–Азербайджан, которое начало работу по поддержанию гуманитарных связей. В 1993 г. была создана вторая организация – Общество дружбы Хайфа–Баку. На первом этапе обе структуры направляли свою деятельность на развитие сотрудничества между двумя странами. Но постепенно они стали концентрировать свои усилия на сплочении евреев-выходцев из Азербайджана и их сотрудничестве с еврейской общиной, оставшейся в Азербайджане²⁸.

12 апреля 2007 г. в Тель-Авиве была учреждена Международная ассоциация Азербайджан–Израиль (АзИз), которая призвана содействовать укреплению двусторонних отношений и сохранению традиций выходцев из Азербайджана. В Израиле ассоциация имеет филиалы в ряде городов. Она организует мероприятия, связанные с литературой, музыкой, азербайджанскими национальными праздниками, проводит встречи, посвящённые знаменательным датам и памятным дням в истории Азербайджана.

Грузинская община

Грузинская община в Израиле представлена тремя отдельными группами выходцев из Грузии, это: горские евреи, местные грузинские евреи и европейские грузинские евреи. Эти три группы евреев Грузии всегда развива-

²⁸ Якимова Е.А. Процесс институционализации Азербайджано-израильских отношений // Вестник РУДН. Серия международные отношения. 2014. № 4. С. 171.

лись сепаратно. Они имеют разные исторические корни. Согласно мнению историков, первые еврейские общины на территории современной Грузии появились в V-VI веке до н.э. Многие историки, изучающие историю еврейского народа, склонны считать, что две кавказские еврейские общины являются потомками Персидских евреев, которые в разное время и по разным причинам переселились на Кавказ.

В отличие от горских евреев, которые разговаривают на еврейском диалекте фарси, родным языком грузинских евреев считается грузинский²⁹. Третья группа – это евреи из европейской части России, которые вынуждено переселились в Грузию в XIX-XX в. Многие из них беженцы Второй мировой войны в основном из Прибалтийских республик, именно их представители первыми иммигрировали в Израиль ещё в начале 70-х годов. В Израиле грузинские евреи сохраняют верность традициям, высокий уровень национального самосознания. Нельзя не отметить сплочённость общины, радушное гостеприимство, уважение к старшим³⁰. Все три группы сохраняют тесные связи с не уехавшими из Грузии своими общинами. Грузинская община в Израиле во многом способствует развитию отношений между двумя странами. Свидетельством тому является тот факт, что среди туристов, посещающих Грузию, постоянно растёт число именно коренных израильтян.

Помимо современных соотечественников в Израиле проживают наши соотечественники, которые прибыли на эту территорию задолго до образования Государства Израиль. Это выходцы с Северного Кавказа, которые были

²⁹ Парониани Н. Горские и грузинские евреи – схожесть судеб. Исторические связи. URL: https://stmegi.com/posts/14978/gorskie_i_gruzinskie_evrei_skhozhest_sudeb_6914/ (дата обращения: 31.07.2019).

³⁰ Фельдман Э. Указ. соч. С. 440.

представлены на Ближнем Востоке сразу несколькими народами – адыги, кабардинцы, чеченцы и др. В Израиле и других странах региона они получили собирательное название – черкесы, поскольку адыги составляли большинство³¹. В настоящее время в Израиле, как общины практически, сохранились черкесы и чеченцы. Представители каждого из этих народов имеют свою историю.

Черкесы

В Израиле проживает небольшая община, предки которой в результате Кавказской войны XIX в. вынуждены были покинуть Российскую империю. Это черкесы (адыги).

Первый раз, черкесы оказались на Ближнем Востоке как мамлюки в качестве белых рабов, «иноверцев» с Кавказа, продаваемых кочевниками, и в частности, монголо-татарами, арабским правителям, и в виде наёмников, используемых этими же правителями в борьбе со своими внешними и внутренними врагами. Черкесы были омусульманены, получили строгое религиозное воспитание и военную подготовку в рамках особых подразделений. При дворах мусульманских правителей их положение постепенно укреплялось и достигло особой высоты в Египте в середине XIII в. С образованием мамлюкского султаната в стране Нила, черкесы переселялись на территорию Сирии и Палестины. С присоединением Египта к Османской империи в 1517 г. начинается период ассимиляции черкесов среди местного населения³². И как принято считать, черкесы, прибывшие в этот регион, исчезли бесследно.

³¹ Балашов Ю.А., Камраков А.А., Рыжов И.В. Роль этнических меньшинств, этноконфессий, диаспор и разделенных народов в политическом процессе государств Ближнего и Среднего Востока. Нижний Новгород - Арзамас: Изд-во АГПИ, 2007. С. 79.

³² Штендаль У. Черкесы в Израиле. Нальчик, 2000. С. 17.

Черкесы, проживающие в настоящее время на Ближнем Востоке и, в том числе в Израиле, не являются потомками мамлюков. Их принесла другая волна. В результате Кавказской войны XIX в. черкесы вынуждены были покинуть Российскую империю. Османская власть рассеяла их по дальним границам своей территории от Балкан до Ближнего Востока.

Среди тех, кто попал на Ближний Восток, небольшая часть основала четыре поселения на территории Палестины. Однако в связи с тяжёлыми климатическими условиями, и распространившейся малярией, они сконцентрировались в 2-х деревнях Кфар-Кама и Рихания. После арабо-израильской войны 1948–1949 гг. эти деревни вошли в состав государства Израиль.

В Израиле в настоящее время проживают около 4 тыс. черкесов³³. Они сосредоточены в тех же двух галилейских поселениях – Кафр-Кама и Рихания, которые превратили в современные благоустроенные селения. В деревне Кфар-Кама, которая основана в 1876 г., проживает 2 200 человек, в основном шапсуги и несколько семей абхазов, хатукайцев и бжедугов.

В селении Рихания, основанном за 10 лет до Кфар Камы, проживают около 1000 человек, в основном абадзехы и более 100 арабов, турок и татар, считающих себя адыгами. Некоторые черкесские семьи живут в других городах и поселках, где они работают.

Черкесам всегда был чужд радикализм, их подход отличается рационализмом и терпимостью. Они не входили в конфликт с местным населением. Черкесы, где бы они ни жили, известны своей законопослушностью и преданностью властям.

³³ Семенченко Н.А. Черкесы в Израиле: религиозно-этническая община // Исламский фактор в истории и современности. ИВ РАН. М.: Наука, 2011. С. 456–465.

Черкесы всегда славились хорошими воинами. Они ценились необычайно высоко за выносливость, силу, а главное – преданность. Из них формировали личную гвардию, они служили телохранителями султанов и эмиров. Позже они были мобилизованы в турецкую армию, в иорданские пограничные войска, в британскую мандатную полицию. В первые годы существования израильского государства черкесы не призывались на действительную военную службу. Однако в 1958 г. глава совета Кфар-Камы обратился с официальным письмом к правительству Израиля с просьбой разрешить черкесской молодежи служить в Армии обороны Израиля. Д. Бен-Гурион, будучи главой правительства и министром обороны, удовлетворив просьбу черкесского лидера, отметил, что он делает это «в знак уважения к мужеству, которым его народ отличался всегда, и верности государству, которую черкесы проявляют все эти годы»³⁴. Вместе с тем, основными занятиями черкесов оставались земледелие, животноводство, ремесла.

Черкесы причисляют себя к мусульманам суннитам, не смотря на то, что не являются ни представителями арабского мира, ни частью разветвлённой исламской общины с общими культурными истоками.

На протяжении десятилетий черкесы сумели сохранить свою идентичность, национальную самобытность, язык и традиции. Старались не смешиваться с арабским населением и не ассимилироваться. Чтобы избежать кровосмешения создавали семейные узы с черкесскими поселениями в Иордании и на Голанских высотах.

Но главное они сумели сохранить свою связь, порою виртуальную, со своей Родиной. После распада СССР связь между израильскими черкесами и Кабардино-Балкарией начала восстанавливаться. Зарождению Кон-

³⁴ Штендаль У. Указ. соч. С. 23.

тактов между адыгами Кавказа и их братьями и сестрами, живущими в Израиле, способствовал проходивший в Нальчике в 1991 г. Первый международный конгресс черкесов, на котором присутствовала и делегация израильских соотечественников. Между ними установились и продолжают развиваться тесные, дружеские отношения.

Чеченцы

На подступах к Иерусалиму по автомагистрали Тель-Авив–Иерусалим, находится древнее селение Абу-Гош, население которого составляет около 7 тысяч человек. Большинство жителей Абу-Гош (более 90%) считают себя чеченцами, потомками выходцев из Северного Кавказа, которые переселились сюда в начале XVI века.

Это селение расположилось на высотах в непосредственной близости, в 10 км от Иерусалима. В XIX в. оно находилось на пути шествия христианских паломников в Святой город, где они порой делали остановку, перед тем как войти в Иерусалим.

Местные правители взымали традиционную дань с паломников, а местные жители не редко грабили их. Крайне удобное положение Абу-Гош помогало контролировать близлежащую к Иерусалиму местность, отбивая набеги бедуинов. Благодаря своим ратным успехам они завоевали признание местного населения и при этом сохраняли дружественные отношения с жившими в Святом городе евреями и христианами.

В последние годы Чеченская республика стала развивать отношения с израильскими чеченцами. В 2012 г. в Израиле с официальным визитом побывал министр культуры Чеченской республики Дикалу Музыкаев. Был подписан договор с израильской стороной о сотрудничестве в сфере культуры, туризма и спорта. Договор предусматривает проведение в Чечне и в еврейском государстве фестивалей мастеров искусств, а также обмен художественными выставками, спортивными и студенческими делегациями.

По договорённости с Салимом Джабером одна из улиц Абу-Гоша была названа именем Ахмата Кадырова³⁵. При содействии Чеченской республики в Абу-Гош была построена самая большая мечеть на территории Израиля.

Татарская община

Не всегда общинам удаётся установить и развить отношения со страной исхода. Одной из общин, которая сталкивается со специфическими трудностями, является татарская община. В Израиле проживает около 15 тысяч татар и представителей других мусульманских народов из бывшего СССР³⁶. Большинство израильских татар приехало из разных регионов России, из республики Татарстан и из республик Средней Азии. Они прибыли в Израиль в основном в качестве супругов или ближайших родственников евреев.

Татары появились на территории современного Израиля еще в средние века, когда она была под властью мамлюков, которые являются этнически тюрками-татарами. В Израиле сохранился памятник этого времени – два моста Бейбарса. С XIX века татары селились в Иерусалиме. В арабо-израильской войне 1948-1949 гг. в составе израильской армии принимали участие потомки бывшей российской Дикой дивизии, состоявшей из татар. Между собой они говорили по-татарски³⁷. В 1956 г. черке-

³⁵ Захар Гельман. "Черкес" в Израиле звучит гордо / Адыгэ Хэку. 10.08.2012. URL: <https://aheku.net/news/diaspora/3144> (дата обращения: 31.07.2012).

³⁶ Вагизова В. Татары за Израиль. URL: <http://maof.rjews.net/organization/10-2009-07-22-07-05-36/12257> (дата обращения: 07.08.2019).

³⁷ Зарипова З.З. Место и роль татарской диаспоры в развитии отношений между Татарстаном и Израилем. Доклад на круглом столе «Израиль, Татарстан и Палестина: история отношений и перспективы сотрудничества» в рамках работы международного научно-практического симпозиума «Арабо-израильский кон-

сы, под именем которых числились и татары, и чеченцы, добились официального права служить в Израильской армии³⁸.

В 90-х годах было образовано казанское землячество, которое сплотило на определённое время татар-выходцев из Татарстана. Однако это объединение не могло служить центром для объединения татар, приехавших из других регионов.

В январе 2006 г. возникла ассоциация «Татары за Израиль», которую возглавила Закира Зарипова. Сложившаяся ситуация вокруг татарской общины не проста. Будучи равноправными гражданами страны, они должны нести воинскую обязанность, но будучи мусульманами, они не могут выступать против своих собратьев арабов-палестинцев. Созданная ассоциация выступает за необходимость признания мусульманским миром государства Израиль.

Подобная позиция вызвала резкое неприятие у определённой части мусульманского населения России, которое стало воспринимать татарскую диаспору в лице Ассоциации «Татары за Израиль» как предателей и изменников ислама³⁹. Сама татарская диаспора подчеркивает, что она говорит только от имени израильских татар. Свою произраильскую позицию объясняет тем, что члены татарской диаспоры являются гражданами Израиля, и не имеют права идти против своего государства.

В своей деятельности Татарская диаспора делает упор на культурную сферу. Ассоциация сотрудничает с Исполкомом Всемирного конгресса татар и проявляет за-

фликт и роль России в его урегулировании» (14-15 мая 2010 г.). Казань, Россия. URL: <https://rusk.ru/st.php?idar=23340> (дата обращения: 31.07.2019).

³⁸ Штендаль У. Указ. соч. С. 23.

³⁹ Ежова Ф.А. «Мусульмане против ислама». Кто такие «Татары за Израиль»? // Народ. N. 36. 31.05.06 -06.06.06.

интересованность в налаживании связей с Республикой Татарстан.

Армянская община

У армянской общины в Израиле также свои специфические трудности.

История армянской общины в Иерусалиме и Палестине начинается с IV века. В XIV в. Иерусалимская епархия Армянской Апостольской Церкви получает статус Патриархата. В XVII столетии здесь появляется отдельный армянский квартал. В период Османского правления армянская церковь становится одной из трёх главных церквей Иерусалима⁴⁰. В течение XIX–XX вв. армянский квартал Иерусалима переходил из под Османского контроля к контролю Британского мандата, затем к иорданскому, а в 1967 г. к израильскому контролю, что негативно сказывалось на положении и статусе армянской общины. Но, как и в предыдущие века, жизнь местной армянской общины до сих пор тесно связана с церковью, и христианскими святынями, расположенными в самом центре израильской столицы.

В 1948 г. в Иерусалиме проживали около 16 тысяч армян. В настоящее время в Израиле и на палестинских территориях, по разным оценкам, их от 17 до 20 тысяч. Армянскую общину Израиля можно разделить на две группы. Первую составляют армяне, чьи предки жили на этой территории на протяжении столетий. Более всего их в Армянском квартале Иерусалима, а также в Тель-Авиве-Яффе и на Западном берегу реки Иордан в Вифлееме. Вторая группа сложилась за счет массовой волны иммигрантов из стран постсоветского пространства. В Израиль приехали около 10 тысяч армян, включая членов смешан-

⁴⁰ Саноян Д. Армяне Иерусалима: прошлое и настоящее // Израиль глазами «русских» ИВ РАН, Москва: Издательство «Наталис», 2008. С. 149.

ных семей⁴¹. Многие из них не являются представителями официально признанной религиозной общины. Тем не менее, «коренные» представители армян на Святой земле и новоприбывшие поддерживают друг с другом постоянную связь, совместно отмечают национальные праздники, устраивают общественно-политические мероприятия (в основном антитурецкой направленности).

Первая общественная организация «Союз армян Израиля Арарат» была создана в 2004 г. Целями «Арарата», как было заявлено, являются сохранение и развитие культурно-исторических традиций армянской общины, как неотъемлемой части израильского общества; укрепление взаимопонимания и дружбы между армянами, евреями ...; содействие упрочению связей общины с Арменией, Армянской церковью и диаспорой в других странах. Год спустя была зарегистрирована еще одна организация – «Союз израильских армян города Петах-Тиква». Она также получила название «Наири»⁴². Семеро членов управления организации «Арарат» состоят во «Всемирном армянском конгрессе» (ВАК), созданном в России в 2003 г.

Хотя Израиль и Армения имеют дипотношения, выходцам из этой республики непросто поддерживать связь со своей родиной. В Израиле нет армянского посольства, в Армении – израильского. Между двумя странами нет прямого авиасообщения.

Казалось бы, что между Арменией и Израилем должны были быть более тесные связи, основанные на взаимопонимании, поскольку в истории каждой из этих

⁴¹ Саноян Д. Мы можем стать свидетелями полного исчезновения армянского Иерусалима. Ноев Ковчег. № 20 (203). Ноябрь (1-15) 2012. URL: <https://noev-kovcheg.ru/mag/2012-20/3529.html> (дата обращения: 31.07.2019).

⁴² Армянская община Израиля. URL: <https://www.meronq.com/threads/4666-Армянская-община-Израиля> (дата обращения: 31.07.2019).

стран диаспора играла особую важную роль. Власти обоих государств понимают ценность сплочённости народа, проживающего за границей, отмечает Е. Якимова⁴³. Однако ситуация складывается не однозначной. Камнем преткновения в межгосударственных контактах стал вопрос признания Израилем геноцида армян в Османской Турции в 1915 г. Израиль, со своей стороны, по своим геополитическим интересам не идет на такое признание. Признание геноцида армян Израилем может привести чуть ли ни к полному разрыву отношений с Турцией, и поставит под угрозу стремительно развивающееся стратегическое партнерство с Азербайджаном.

Армянская Апостольская православная Церковь контролирует полностью или частично многие христианские святыни в Иерусалиме (включая часть Храма Гроба Господня). К тому же армянский квартал находится в самом центре Старого города. По мнению ближневосточных экспертов и политологов в рамках переговоров по палестино-израильскому урегулированию, нельзя будет не учитывать позицию армянской общины. Тем более, что за долгие годы пребывания армянской общины в Иерусалиме, между арабами-палестинцами и армянами сложились доброжелательные отношения. И православные палестинцы являются прихожанами армянской церкви.

Усугубляет положение армянской общины, и тот факт, что две группы, образующие общину имеют общую позицию лишь по вопросу о признании «геноцида армян». По другим вопросам, таким как отношение к еврейскому государству и палестинскому народу, их позиции не всегда совпадают. Это расхождение подрывает статус и стабильность общинных институтов.

Приведенный в статье не большой очерк о наших соотечественниках в Израиле дает возможность ознако-

⁴³ Якимова Е.А. Указ. соч. С. 216. URL: <http://www.gramota.net/materials/3/2014/3-2/62.html> (дата обращения: 31.07.2019).

миться с пёстрой этнической мозаикой наших современных и бывших соотечественников, с их историей, судьбами, ожидаемыми и не предвиденными сложностями, с которыми они сталкиваются.

**Глава 7. MECHANICS FLEEING COMMUNISM:
RUSSIAN REFUGEES IN IRAN AND
THEIR RESETTLEMENT IN AUSTRALIA, 1930-1955¹**

“The Bazaars are full of surprises ... where one can buy all kinds of junk laid out in little chess-board squares on the ground, for a few farthings, every kind of thing from old sardine-tins to silver kettles pawned by Russian refugees. Nothing more tragic than this evidence of the Russian catastrophe; here is an old gramophone record, and here a pair of high button boots, very small in the foot, with a pair of skates screwed on; they speak not only of present day misery, but of a life once lived in gaiety; and all theoretical sympathy with Lenin vanishes at the sight of this human, personal sacrifice made on the altar of a compulsory brotherhood. Russia seems very near.”²

Vita Sackville-West made this observation on the human consequences of the Russian Revolution when in Tehran in 1926 while visiting her husband, Harold Nicholson, who was Charge d'affaires at the British Legation.

The Russian Diaspora in Iran has not been the subject of substantive academic study. The purpose of my research is to address this gap, examine the experience of this group of stateless refugees, and compare theirs with that of the other strands of the Russian Diaspora.

¹ **Сведения об авторе:** *Маркус Джеймс* – PhD, научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований (Центральная Азия и Ближний Восток), Колледж искусств и социальных наук АНУ (Австралийский национальный университет), Актон, Австралийская столичная территория 2601, Австралия.
Email: marcus.james@ANU.edu.au

² *Sackville-West, Vita. Passenger to Teheran. 2nd Edition, originally pub. 1926. Heathfield: Cockfield Press, 1990. P. 96.*

Overview

Following the 1917 Revolution and the Civil War of 1918–1921, a large wave of Russians left the country: possibly between one and two million people³. These refugees or emigres, as some preferred to style themselves, included members of the nobility, bureaucrats, business people, military officers, artists and their families, ethnic minorities who had failed in their bids for independence (e.g. Georgians, Azeris and Turkmen), and others no longer comfortable with the new regime.

The greatest number fled or were expelled to Western European countries (especially France and Germany), while another major group of emigres settled in Manchuria in Harbin and along the Russian Railway Concession. Others were evacuated with the remnants of the White Armies from the shores of the Black Sea by the British and the French in 1920, and ended up in Turkey for a period, before moving on to other countries in Europe including Bulgaria, Yugoslavia and Czechoslovakia. A few others fled south and crossed the Iranian border or were already there and became stranded after the failure of the White forces in the Civil War.

In the early 1930s the Soviet Collectivisation and Dekulakisation campaigns, generated another wave of displaced people across the borders in the South. It included both ethnic Russians and Ukrainians, Cossacks and local tribal groups such as the Turkmen.

As well as forming a later wave of refugees from the Soviet Union, a distinctive feature of this group compared to the earlier Russian emigre groups is that they were generally not

³ *Robinson, Paul*. The White Russian Army in Exile, 1940-1941. Oxford University Press, Oxford, P. 16; *Denisenko, Mikhail*. Historical and Current Trends in Emigration from Russia. Russian Council. August 14, 2013. URL: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/historical-and-current-trends-in-emigration-from-russia/> (accessed on: 30.07.2019).

from intelligentsia, military or bourgeois backgrounds. They tended to be from rural and trades backgrounds: probably 'kulaki' in many cases. These were people who had hung on in the new Soviet Union in the 1920s, and if not for Collectivisation and De-kulakisation or 'strife in the village', could probably have pursued meaningful lives in the Soviet Union. But having left in the upheavals of the early 1930s they could not safely return. They had to make a new life in a very different land.

By the time of the October 1917 Revolution, Russia and Iran had diplomatic, military and trading relationships going back a number of centuries and Russian military, commercial and technical expertise in the 19th century were valued and increasingly turned to by Iran's Qajar rulers. At the same time Iran had lost two wars with Russia and a number of its northern provinces including Georgia, much of the Azerbaijan region and the area that is now Turkmenistan. But while Iran was wary of its new Communist neighbour after 1917, the Russian refugees often had useful skills for an actively modernising Iran. Their trade and technical skills and Russian language became assets during World War Two when the 'Persian Corridor' was established as a major supply route for Lend-Lease aid to the Soviet Union, as an alternative to the North Sea and Far Eastern routes.

After the War, the Russian emigres and indeed European refugees generally became unwelcome. It seems nationalist and religious actors were increasingly hostile to the presence of the Russian emigre community, and there was also pressure from the Soviet Union itself in the context of Cold War tensions with the Iranians, Americans and British. A further factor was the endemic political turmoil and violence in Tehran in the late 1940s and early 1950s, associated both with internal political manoeuvring and the struggle with the British over control of Iran's oil resources.

The bulk of the Russian community seems to have left Iran by 1955, mostly for Australia and North and South America. Interestingly, most of those that came to Australia did not do so through the official Displaced Persons program: they paid their own fares or had them paid for by their local employers and sponsors, often assisted by Churches and even in some cases by the New York-based Tolstoy Foundation as part of its program of assisting displaced Russian refugees.

Those coming to Australia settled mainly in Brisbane, Sydney and Melbourne and again had to rebuild their lives and communities in a new country.

Iran in the Literature of the Russian Diaspora

The Russian Diaspora after the 1917 Revolution and the Civil War is well served by studies. See for example: Robinson⁴ on fate of the White Russian army in Turkey and Europe; Andreyev and Savicky⁵ on the Russian diaspora in Prague between the World Wars; Williams⁶ on the Russian émigré community in Germany; Johnston⁷ on the Russian exiles in Paris; Chiasson⁸ for Harbin in the 1920s; for Shanghai Ristaino⁹; and for the United States, Hardwick's study¹⁰ of

⁴ *Robinson, Paul*. The White Russian Army in Exile, 1920-1941. Oxford: Oxford University Press, 2002.

⁵ *Andreyev Catherine and Savicky Ivan*. Russia Abroad: Prague and the Russian Diaspora, 1918-1938. New Haven and London: Yale University Press, 2004.

⁶ *Williams, Robert C*. Culture in Exile: Russian Emigres in Germany, 1881-1943. Ithaca and London: Cornell University Press, 1972.

⁷ *Johnston, Robert H*. New Mecca, New Babylon; Paris and the Russian Exiles, 1920-1945. Kingston, Ontario: McGill University Press, 1988.

⁸ *Chiasson, Blaine R*. Administering the Colonizer: Manchuria's Russians under Chinese Rule, 1918-29. Vancouver, 2010.

⁹ *Ristaino, Marcia Reynders*. Port of Last Resort: The Diaspora Communities of Shanghai. Stanford: Stanford University Press, 2001.

Russian emigration to the Pacific Coast which draws on the oral testimonies of a number of Russian emigrants.

The Russian diaspora in Iran has received little attention in the literature to date as has its presence in the Middle East more generally (but note here the essays on Russians in Egypt and Lebanon in Institute of Oriental Studies)¹¹.

Published and unpublished memoirs of Russians and others who lived in Iran between the Wars are also very scarce, especially in English. An exception is Alexander Malakhoff's memoir¹² of growing up in Iran which provides a valuable account of a Russian family's life in Iran from the early 1900s up to the late 1950s when he left to study at an American University. His grandfather from St Petersburg arrived in Mashhad as a trader for a Germany-English company specialising in purchasing wool in the 1900s, stayed there for his firm after the Revolution, and sent his children to be educated in Prague's Russian diaspora schools, before they re-joined him in Mashhad in 1933. There is also the story of Feodor Yakimoff's family, another example of a family that remained in Iran after the October Revolution, but which then became naturalised Iranian citizens, finally having to leave after the 1979 Islamic Revolution¹³.

Studies of Iran in the Twentieth Century and in particular of Russian or Soviet involvement in Iran also do not deal

¹⁰ *Hardwick, Susan Wiley*. Russian Refuge: Religion, Migration and Settlement on the North American Pacific Rim. Chicago: University of Chicago Press, 1993.

¹¹ Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. Materials. International Scientific Conference. Russian Diaspora Countries of the East. Moscow, 2010.

¹² *Malakhoff, Alexander*. Growing up in Iran. Bloomington: Author House, 2009.

¹³ *Tolstoy, M.H. and Yakimoff, Feodor*. Life and Fate: Exiles from Russia: A Russian Family in Iran (1900-1980), Three Generations. Nansen Papers 2012. St Petersburg Institute of History, St Petersburg, 2014.

with the diaspora community of Russian refugees or emigres specifically (see for example Andreeva¹⁴, Volodarsky¹⁵, Matthee and Elena Andreeva¹⁶; Volkov¹⁷, Cronin¹⁸; and Rezun¹⁹). Probably the best overall coverage of the Soviet Union's activities in Iran up to the end of the WW2 remains that of George Lenczowski (1949)²⁰.

Interestingly, two Russian emigre architects who worked in Iran from the 1920-s have received some attention. See the essay by Ravandi-Fadai²¹ on the life of Nicolai Markov, a member of the Cossack Brigade, who became the preferred architect of the Reza Shah, which does offer a glimpse into the

¹⁴ *Andreeva, Elena*. Russia and the Great Game: Travelogues and Orientalism. London and New York: Routledge, 2007.

¹⁵ *Volodarsky, Mikhail*. The Soviet Union and its Southern Neighbours: Iran and Afghanistan, 1917-1933. Ilford, Essex: Frank Cass and Co., 1994.

¹⁶ *Matthee, Rudi and Andreeva, Elena* eds. Russians in Iran: Diplomacy and the Politics of Power in the Qajar Era. London and New York, 2018.

¹⁷ *Volkov, Denis V*. Russias Turn to Persia: Orientalism in Diplomacy and Intelligence. Cambridge: Cambridge University Press, 2018.

¹⁸ *Cronin, Stephanie* ed. Soldiers, Shahs and Subalterns in Iran, 1921-1941. Oxford, 2010; *Cronin, Stephanie* ed. Iranian-Russian Encounters. Oxford, 2013.

¹⁹ *Rezun, Miron*. The Soviet Union and Iran: Soviet Policy in Iran from the Beginnings of the Pahlavi Dynasty until the Soviet Invasion in 1941. Alphen aan den Rijn : Sijthoff & Noordhoff International; Geneve: Institut Universitaire de Hautes Etudes Internationales, 1981.

²⁰ *Lenczowski, George*. Russia and the West in Iran, 1918-1948: A Study in Big Power Rivalry. Ithaca and New York: Cornell University Press, 1949.

²¹ *Ravandi-Fadai, Lana*. Reconstructions of a Native in Exile: Cossack Brigade Fighter and Architect of Tehran – Nicolai L'vovich Markov (1882-1957) // Russians in Iran: Diplomacy and the Politics of Power in the Qajar Era. / Ed. by Rudee Matthew and Elena Andreeva. London and New York: I.B. Tauris, 2017. P. 334-354.

life of a former White officer in Iran; and the essay on Mihail Spassovsky who seems to have legitimately emigrated to Iran in 1926 before giving up his Soviet passport in the early 1930s and then moving to Harbin in 1940 due to pressure from the Soviet government.²² The role of Russian emigres in the nascent Iranian film industry in the 1920s and 1930s has also been noted (O'Dell, 2013, p.329).²³

Nor do studies of Iran's experience of World War Two and the Mossadegh period address the circumstances of Russian refugees. These works cover the military and political role of the Soviet Union in Iran, including the Anglo-Soviet invasion of August 1941, the operation of the Persian Corridor Lend Lease Aid program, the economic problems caused by the War, and the Cold War manoeuvring and nationalist politics of the turbulent post-war period²⁴. As both Cronin (2010)²⁵

²² *Vozchikov, V.A.* Mihail Spassovsky – Architect and Artist. Facts and Life in Teheran in New Look. International Scientific Newsletter, Issue 8. Altai State Humanitarian and Pedagogical University. Novosibirsk, 2015.

²³ *O'Dell, Emily Jane.* Iranian-Russian Cinematic Encounters // *Iranian-Russian Encounters: Empires and Revolutions Since 1800* / Ed. by Stephanie Cronin. London and New York: Routledge, 2013. P. 324-326.

²⁴ See for example: *Nickkie R.* Modern Iran: Roots and Results of Revolution, Updated Edition. Yale University Press, 2003; *Abrahamian, Ervand.* Iran Between Two Revolutions. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1982; *Saikal, Amin.* The Rise and Fall of the Shah; Iran from Autocracy to Religious Rule. New Jersey: Princeton University Press, 1980; *Fawcett, Louise d'Estrange.* Iran and the Cold War: the Azerbaijan Crisis of 1946. Cambridge: Cambridge University Press, 1992; *Amanat, Abbas.* Iran: A Modern History. New Haven and London: Yale University Press, 2017; *Fatemi, Faramarz S.* The USSR in Iran. South Brunswick and New York: A.S. Barnes & Company, 1980.

and Schayegh (2008)²⁶ have noted, there in the historiography of modern Iran remains a predominant focus on state-building and modernisation and very limited coverage of the social and economic life of the Iranian population itself in this period²⁷.

Nevertheless, social history or history from below is beginning to receive some attention as Cronin (2010, 2012)²⁸ and Matthee and Andreeva (2018)²⁹ attest. And circumstances of refugees and ethnic minorities in Iran have now also been the subject of some studies. See for example, the recent work of Lior Sternfeld (2018)³⁰ on the experience of the Jewish community in Iran in the Twentieth Century and Atina Grossman's paper (2017)³¹ on that of Jewish refugees in Soviet Central Asia, Iran and India, and James Barry (2018) on Christian Armenians in Iran.

²⁵ Cronin, *Stephanie*. *Soldiers, Shahs and Subalterns in Iran: Opposition, Protest and Revolt, 1921-1941*. New York: Palgrave Macmillan, 2010.

²⁶ Schayegh, *Cyrus*. *Recent Trends in the Historiography of Iran under the Pahlavi Dynasty, 1921-1979* / *History Compass*. 6/6, 2008.

²⁷ Cronin, *Stephanie*. *Ibid.* P. 3; Schayegh, *Cyrus*. *Ibid.* P. 1400-1406.

²⁸ Cronin, *Stephanie*. *Soldiers, Shahs and Subalterns in Iran: Opposition, Protest and Revolt, 1921-1941*. New York: Palgrave Macmillan, 2010; *Deserters, Converts, Cossacks and Revolutionaries: Russians in Iranian Military Service, 1800-1920*. // *Iranian-Russian Encounters: Empires and Revolutions Since 1800*. London and New York: Routledge, 2012.

²⁹ Matthee, *Rudi* and Andreeva, *Elena* eds. *Ibid.*

³⁰ Sternfeld, *Lior B.* *Between Iran and Zion: Jewish Histories of Twentieth-Century Iran*. Stanford: Stanford University Press, 2018.

³¹ Grossman, *Atina*. *Soviet Jewish refugees in Soviet Central Asia, Iran and India* // *Shelter from the Holocaust: Rethinking Jewish Survival in the Soviet Union* / Ed. by Mark Edele, Sheila Fitzpatrick and Atina Grossman. Detroit: Wayne State University Press, 2017. P. 185-218; Barry, *James*. *Armenian Christians in Iran: Ethnicity, Religion and Identity in the Islamic Republic*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018.

The emigration of Russian from Iran has rarely been mentioned in Australian studies of Russian immigration. The experience of one family, the Andropovs, which came from Iran to Australia has been noted³² and Boris Christa in his overview of the Russian waves of emigration to Australia does mention that some Russians came via Iran³³. Unsurprisingly most studies in Australia are dominated by those who came from the Far East and Europe, the largest groups of Russian migrants who came to Australia and other countries, and especially those from Harbin/Shanghai and the Displaced Persons camps of Europe.

Brief Chronology

1. Russia and Iran

Russia had a long and often difficult relationship with Persia over many centuries before the October 1917 Bolshevik Revolution. As part of its imperial ambitions in Central Asia, it had eventually seized the northern provinces of Persia (made *de jure* by the 1828 Treaty of Turkmenchay) both in the Caucasus and in the Khorasan region north-east of the Caspian in what is now Turkmenistan. In obtaining these lands, Russia also obtained citizens, especially Azeris, Turkmen and other ethnic groups which were quite Persianized and often used to trading into Russia and moving their herds across the border. Russian financial and trade penetration of Persia and particularly its northern provinces in the second half of the nineteenth century and early twentieth century in parallel with the activities of the British. But it is fair to say that some educated Iranians also respected Russia as a powerful Western state and

³² Australiada Editorial Board. *Russians in Australia*, Sydney, 2012. P. 54-57.

³³ *Christa, Boris*. *The Great Bear and the Southern Cross: the Russian Presence in Australia* / Ed. by John McNair and Thomas Poole // *Russian and the Fifth Continent*. St Lucia: University of QLD Press, 1992. P. 81-109.

looked to Russia among other European countries for modern education and technology³⁴.

Iran's Qajar rulers also turned to a Russian military model to help to strengthen their own position and as a counter to British influence in the south of Iran. The Cossack Brigade was funded by Persia, but effectively run by the Russian High Command. Established in 1879, it went on to play a critical role in Iranian politics up to its dissolution in 1921 with the consolidation of Reza Shah's position as the de facto ruler of Iran³⁵. Persia perforce developed a policy of pursuing a middle way or 'positive balance' between the competing imperial pressures of Great Britain and Russia but it was not always successful in achieving this outcome.

During World War One, due to its military operations against Turkey, Russia again was active in Iran particularly in the north-west, occupying Azerbaijan, and together with the British, largely dictating policy and economic decisions in Iran for the duration of the War. But with the February and October Revolutions³⁶, Russian military forces in Iran quickly disintegrated and Russian influence declined accordingly. The British then hurried to try to consolidate their position in Iran through a treaty in 1919 that would have made Iran a virtual protectorate of Great Britain. However, popular outrage allowed the Iranian Government to reject the British proposal and as a counter it quickly moved to normalize relations with

³⁴ For an overview of Russia's role in Iran up to WW1 see: *Andreeva, Elena*. Russia and Iran... P. 13–21. Interestingly, in 1914 the Russian Government decided to actively support the spontaneous settlement of Iran's Mazandaran and Astarabad provinces that had been occurring since 1907. These colonists withdrew with the Russian authorities and military after the Revolutions of 1917. See *Andreeva, Elena and Nouraei, Morteza*. Russian Settlements in Iran in the Early Twentieth Century: Initial Phase of Colonization. *Iranian Studies*. Vol.46, Issue 3, 2013. P. 415–442.

³⁵ *Cronin, Stephanie*. Deserters, Converts, Cossacks... P. 143–185.

³⁶ *Andreeva, Elena*. Russia and Iran... P. 21.

the now much weaker Soviet Union through the Soviet-Iranian Friendship Treaty, signed in February 1921.

The Soviet Government insisted on the inclusion of a provision in the Treaty squarely aimed at the recent Civil War experience and the presence of White Army elements in Iran: "The parties undertake a mutual obligation not to tolerate on their territories the setting up or stay of any organisations or groups no matter what names they assume; nor of individuals whose purpose is to struggle against Persia and Russia..., nor to tolerate on her territory any mobilization or recruitment into the ranks of an army or armed force belonging to those organisations"³⁷.

While this provision did not cause immediate problems for émigré Russians in Iran, it was to prove a useful lever for Soviet intervention in Iran in World War Two and the 1940s.

Commercial relationships were developed between the new Soviet Government and the Iranians over the next decade including in areas such as the Caspian fisheries, the export of grain and purchase of capital equipment. In fact, the Soviet Union became Iran's major trading partner up to the mid-1930s before Nazi Germany overtook it as it worked to build its economic and cultural relationship with Iran as the Aryan homeland³⁸.

2. The 'Former People' in Iran in the 1920s and 1930s

As Vita Sackville-West's observation highlights, there were White Russian refugees in Iran in the 1920s, as indeed there were in places like Iraq and Syria, but it is likely they were few in number. As well as a few traders, some members of the White Armies and the Persian Cossack Brigade remained in Iran after the Civil War and the collapse of the independent Central Asian republics by 1922. Some of these of-

³⁷ Volodarsky, *Mikhail*. Ibid. P. 51-52.

³⁸ Ibid. P. 82-99.

ficers were absorbed into Reza Shah's army or moved on like the group of 66 Ural Cossacks under General V.I. Toltstoff, who having retreated to Iran via the Karakorum, left in 1922 and found their way by ship to Vladivostok and thence to Australia where they settled to farm in tropical Queensland³⁹. Yet another former White officer turned his hand to carpet selling in Tehran to make ends meet during the 1920s before eventually leaving for England in 1932 (Personal communication).

But over the northern border in the new Soviet Union yet another storm was brewing. After the post-famine recovery period of the New Economic Policy (NEP), in the late 1920s, the Soviet government decided it was time to resume pursuit of its socialist project and break its policy of *smychka* or détente with the peasantry in an effort to both break the peasantry and to free-up resources for the first Five Year Plan for crash industrialisation. In 1928 the Soviet Government made a decision to prosecute the Collectivisation of Russian agriculture. In tandem, the Dekulakisation campaign was ramped up. These measures, along with the continuing use of disenfranchisement, led to a massive upheaval in the Soviet countryside. Villages and towns were turned upside down as the poorest were often put in charge of the new collective farms and for determining who was a kulak and dealing with their property⁴⁰ (on the impact of the disenfranchisement campaigns of the late 1920s on small business people and traders,

³⁹ Christa, Boris. Ibid. P. 81-109. P. 97.

⁴⁰ Viola, Lynne. The Second Coming: Class Enemies in the Soviet Countryside, 1927-1935 / Ed. by J. Arch Getty and Roberta T. Manning // Stalinist Terror: New Perspectives. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 65-69; Peasant Rebels Under Stalin. Oxford: Oxford University Press, 1996; Conquest, Robert. Harvest of Sorrow. Edmonton: University of Alberta Press, 1986; Applebaum, Anne. Red Famine: Stalin's War on the Ukraine. London: Penguin, 2017.

see Alexoupoulos)⁴¹. Further incentives for some to leave the Soviet Union were the introduction of passports for city dwellers in 1932, the purpose of which was to keep peasants in their villages and prevent them from continuing to flood the cities as a result of the upheavals in the countryside and famine, and the introduction of conscription in 1932.

A large number of 'outcasts', to use Fitzpatrick's term, were on the move across the countryside. If not executed outright, hundreds of thousands were exiled or deported to prison and labour camps; others were fleeing the authorities because they had opposed Collectivisation or because they were evicted from their homes. Families were set adrift on the roads and railways all over the Soviet Union⁴². Some of the dispossessed could find other villages to live in, or try to return to their own eventually, but others decided to head south or east and try their luck to getting to China or to Iran, Afghanistan and Turkey. In due course they were joined by families fleeing the famine from the Ukraine, the Caucasus and the Central Asia regions.

The Soviet borders in the South, at least up to 1932, do seem to have been more porous than say those on the Western European border. As to their routes across the borders, some people jumped from trains, others found their way through the mountains on the Turkmenistan/Iran border with the help of guides. One family reported that their father and a friend had been in a labour camp near the Soviet border and were encouraged by the local commander to head East or West overnight before a Soviet official came the next day to call up

⁴¹ *Alexopoulos, Golfo*. Stalin's Outcasts: Aliens, Citizens and the Soviet State, 1926-1936, Ithaca and London, 2003. P. 30-31.

⁴² *Fitzpatrick, Sheila*. Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s. Oxford: Oxford University Press, 1999. P. 115-27. And for a description of a typical 'dekulakisation' experience see: *Belov, Fedor*. The History of a Soviet Collective Farm. London: Routledge and Kegan Paul, 1956. P. 5-6.

those eligible for conscription. Some refugees also talk of the help they received as kulaki by sympathetic officials or soldiers as they made their way southwards (Personal communications).

British consular reports from Persia for the period 1930 to 1933 repeatedly note the large numbers of Russians and other ethnic groups in the South trying to cross the border in order to flee Collectivisation. The British Consulate's 'Persia Report' of 1933 stated:

"The number of refugees from the Soviet Union increased enormously, both into Khorasan and Azerbaijan. Many thousands were reported to have crossed between Julfa and Astara [in the Azerbaijan region] in the last part of July alone, while, between February and October, some 45,000 persons are estimated to have entered Khorasan, mostly Turcomans or Persians previously resident in Turkestan. As in the past, the treatment of those crossing the Khorasan frontier left much to be desired, while at one time great distress was caused in Tabriz by the issue of orders for all refugees, no matter how long established, to be moved to places further south. This order was, however, modified later, and on both frontiers the refugees seem on the whole to have been well treated once they reached the big cities."⁴³

The Iranian Government's initial response to this pressure seems to have been to restrict refugees to rural settlements. Periodically they were pushed out from the cities to smaller rural communities again. They also had to report to Police on a monthly basis and were not allowed to travel without permission beyond their home-town. Nor were they allowed to work in Government positions or to own property

⁴³ British Consulate. *Persia. Annual Report: 1933*; copy in Australian Archives, Series A981. Per 9. Part 1. P. 19.

or businesses, which usually meant they had to go into partnership with someone else.

Who were these people? Based on Australian immigration records, they were mostly mechanics, fitters and turners, carpenters with a few engineers and small traders. In short, they were not the White emigres that have come to personify the Russian diaspora: not intelligenty, military personnel, nobility, wealthy businessmen or senior officials⁴⁴.

Notwithstanding their refugee status, it seems that their skills were in demand in Iran. In the 1930s Reza Shah pursued an aggressive modernisation program, which included a strong infrastructure component such as the building of the north to south rail line linking the Caspian with the Gulf, an expansion of roads and dams, and new schools and other public buildings⁴⁵.

The father of one informant was responsible for operating the power generator for a mosque at Qom. There were also jobs in retail shops and working as maids. Others gravitated to the oil refinery at Abadan and textile factories. Over the course of the 1930s it seems many families managed to work their way to Tehran where there were more job opportunities and they could have a more satisfying community life with other Russians.

3. The Church of St Nicholas in Tehran

After the signing of the 1921 Iranian-Soviet Friendship Treaty, the Soviet Government took over and promptly closed the two Consular Churches in Tehran. The parishioners man-

⁴⁴ Ships nominal rolls, 1950-55 / Australian Archives: Shipping Arrivals and Immigration and Naturalisation records, Canberra, Australia; Report on the refugee problem in Iran, 1952 / Tolstoy Foundation Archives, Administrative Records for Iran and the Middle East, Valley Cottage, New York State.

⁴⁵ *Amanat, Abbas*. Iran: A Modern History. New Haven and London: Yale University Press, 2017. P. 452-66.

aged to rescue the Iconostasis from one of the Churches but the other contents of the Churches were apparently tossed into the street by the Embassy officials.

A chapel was eventually opened in a parishioner's house in Aromane St. The officiating priest, Father Vitaly (Sergeev), had come to Iran with the Ecclesiastical Mission to Urmia in 1907 when the Russian Orthodox Church accepted an invitation to cater for the Orthodox Assyrian Community that had fled from Turkey to Iranian Azerbaijan⁴⁶.

According to Father Zarkashev, the current Rector and historian of the Church of St Nicholas in Tehran, in the late 1930s services on major Saints' Days, the prayer-house in Aromane St began to get quite crowded and the congregation often spilled into the street, sometimes requiring the police to maintain order. A new church was clearly needed. At around the same time, Father Vitaly (Sergeev), due his age and fear of a Soviet-inclined party taking over the Church, asked the ROCOR Foreign Synod in Munich to provide another priest who could be brought in as a possible successor.

The ROCOR Synod in due course appointed Father Vladimir (Malyshev) who arrived in Tehran in April 1941. He reputedly had been a doctor with the Tsarist and White Russian Armies who ended up in Yugoslavia after the War with his wife but had turned to the priesthood after the death of his son. He served at the ROCOR Mission in Jerusalem before coming to Iran. He was, apparently the driving force behind the building of the new Church. With the agreement of the local authorities the Parish raised enough money to purchase a

⁴⁶ *Zarkeshev, Igumen Alexander*. Interview. History of Russian Orthodoxy in Iran. Interview with Anna Lisichkina, 2014. Orthodox Book of Russia Website. <http://ricolor.org/rz/mp/2/>, downloaded 28 March 2019; *Zarkeshev, Abbott Alexander*. Russian Orthodox Church in Persia-Iran (1597-2001). Saint Petersburg, 2002. P. 99-107 (in Russian).

plot of land on the northern outskirts of Tehran, opposite the American Embassy⁴⁷.

A formal ceremony for the laying of the Foundation Stone was held on 21 August 1944 and the new Church, after the completion of the cupolas was consecrated on 9 April 1945. It quickly became a major focus and source of support for the Russian refugee community. Father Vladimir seems to have been well-loved by the Parish. He initiated Sunday school classes and an annual Summer Camp on the hills north of Tehran which are fondly remembered by some of the children. He was also known to provide medical services to the Polish refugee camps set-up in Tehran during the War. Father Vitaly died in 1946 and Father Vladimir was appointed as his replacement by the ROCOR Synod.

4. World War Two and the Persian Corridor Lend Lease Aid

The Anglo-Soviet invasion of 18 August 1941 was a major shock for Iran and almost fatal for the Pahlavi regime. Although it was touch and go whether the regime would survive in the end the British seem to have decided that the monarchy was likely to be a force for stability during the War.

Similar to the arrangement with Britain in the First World War, the Soviet Union occupied northern Iran and the British held the Southern zone extending up from Abadan, with the middle of the country including Tehran nominally under Iran government control. But Britain and the USSR took control of transport and supply infrastructure and handled foreign and military affairs. The northern Soviet zone was off limits without permission to Iranians and other countries' personnel, and many Russians in Tehran were fearful of going there in case they did not come back. In the north of the country some émigré Russians initially fled to Tehran on the assumption that they would be arrested when the Soviet forces

⁴⁷ Zarkashev, Abbott Alexander. Ibid. P. 99-107. (in Russian).

arrived (Personal communication) but it seems, perhaps with a few exceptions, that the occupying authorities treated emigres relatively benignly, even if they were sometimes reminded that their status as 'former people' was not forgotten. Alexander Malakoff recounts that his father approached the Soviet *komandatura* in Mashhad to offer his services to help the Russians stop the enemy and was told that 'Russia did not need help from your kind'⁴⁸.

With the occupation by the Anglo-Soviet forces, the local Russian community seems to have had more freedom: for example, Iranian officials were suddenly more deferential and relaxed about their travel and reporting requirements. Some local Russians even gained employment with the Soviet administration in the North. It was also noted that Russian soldiers, on the whole, tended to be quite disciplined and well behaved with the civil population in Iran, possibly because, as one observer suggested, they knew that punishment for their misbehaviour could be transferred to the Eastern Front (on Soviet behaviour in occupied Iran see Fatemi (1980) and Reynolds (1944)⁴⁹).

With the establishment of the Persian Corridor to deliver aid to the Soviet Union, there was now also more employment for the Russian colony. Some local Russians gained positions working on the Persian Corridor supply line, in varying capacities including in motor workshops repairing and servicing the trucks hauling supplies north, washing trains, or were otherwise involved in the provision of food and other services. The British, Russians and Americans deployed over 100,000 military personnel in Iran during the War and employed some 50,000 Iranian civilians⁵⁰.

⁴⁸ Malakhoff, Alexander. Ibid. P. 107-108.

⁴⁹ Fatemi, Faramarz S. Ibid. P. 38-40; Reynolds, Quentin. The Curtain Rises. London: Cassell and Company, 1944. P. 30-31.

⁵⁰ Jackson, Ashley. Persian Gulf Command. New Haven and London, 2018. P. 236.

Some of the Russian families that came to Australia say their young men did their apprenticeships in some of the workshops servicing the Persian Corridor supply chains as mechanics and fitters and turners. Others worked on road building for the British or even in electrical power stations (there were many private power companies in Tehran at this time). It is likely their local knowledge, and ability to speak Farsi and Russian in many cases meant they were highly employable during the War despite their continuing nervousness about the proximity of the Soviet military and officialdom (Personal communication)⁵¹.

The Post-War Situation in Iran

In the end of the War in 1945 things became more difficult for the refugee community. The closing of the Persian Corridor and the redeployment of its rolling stock and personnel to the Pacific Theatre or for reconstruction work in Europe, led to the Iranian economy slowing and a rapid rise in unemployment.

With the departure from Iran of the British and American military and Lend Lease personnel by January 1946 and the more reluctant withdrawal of the Soviet forces by May 1946, there was also a surge in domestic political activity, an almost democratic interregnum. The nationalist spirit in Iran was strong after the War and there was contention between the weakened young Shah and the army, conservatives (large landowners in the main), nationalist political groups increasingly rallying to Mossadegh, the clergy or ulama and the Tudeh, the communist party which had been legalized in 1941 after the abdication of Reza Shah.

With a strong nationalist reaction to the experience of occupation during the War, and the Soviet attempt to remain

⁵¹ On one occasion he asked the Consul if he should return to the Soviet Union after the War but Consul said this would not be wise. (Personal communication).

in Azerbaijan and force Iran into offering an oil concession in the north, it seems refugees, and especially European ones, were increasingly unpopular. A number of informants stress the hostility expressed in the streets to 'unclean infidels'. They had to time their visits to the shops to buy bread carefully. There was also the continuing suspicion, notwithstanding they were 'enemies of the people' that they might be agents of the Soviet Union, which it is true was not averse to infiltrating agents across the northern border.

In February 1949 the Shah narrowly escaped assassination by a Leftist activist who was associated with the Tudeh even if not acting on its or Soviet orders. This led to an immediate crackdown on Leftist newspapers and the banning of the Tudeh again. This event has been mentioned by a few informants as the reason why they had to leave.

The campaign to take control of the British refinery at Abadan, led by Prime Minister Mossadegh, was the other major factor that drove Russians to leave. The legislation for the nationalisation of the British Refinery at Abadan was passed by the Majlis in February 1951 and the British withdrew their oil refinery personnel by the end of the year. Mossadegh then closed the British Embassy and Britain instituted an embargo on buying oil from Iran which was supported by US and other major oil buying countries⁵². As a result, the economy was forced into recession and unemployment rose steeply. Constraints on refugee travel were again more strictly enforced, which meant it was increasingly difficult to find work elsewhere.

The creation of Israel in 1948 also did not help European refugees in the Middle East at this time either as many countries not unreasonably felt they had enough problems dealing with the huge influx of Palestinian refugees. In addition, after the 1948 Arab-Israeli War, Iraq expelled the bulk of its Jewish

⁵² *Keddie, Nickie R. Modern Iran: Roots and Results of Revolution, Updated Edition. New Haven and London, 1981. P. 23-131.*

population to Iran, some 30,000 people, who were expected to transit from there to Israel.

1. The Refugee Exodus from Iran

Some Russians had been managing to leave Iran since the late 1940s. The *New York Times* reported in November 1949 on the arrival of a group of 36 peasants from Iran but originally from Rostov-on-Don⁵³. They had been in communication with a relative in California who organised their sponsorship. The paper reported they had used nearly all the income from the sale of their assets in Iran to purchase flights via Stockholm to the United States. They did not have enough money to fly on from New York so the Airline gave them bus-fares to get to San Francisco to join their relatives. Hardwick also mentions the case of the Molokans that migrated as a group from Iran to join other Molokans in California, again in 1949⁵⁴.

But things were not moving quickly enough for the Iranian Government. In late 1950 or early 1951 (it is still not clear when) the Iranian Government approached the United Nations High Commissioner for Refugees (UNHCR) in Geneva to do something about removing European refugees from the country. With no response from the UN, the Iranian Majlis passed legislation which required these refugees either to leave Iran by 22 March 1952 (the Iranian New Year) or to seek Iranian citizenship. If they were not able to do either of these things it was proposed that they be deported to two small islands in the Persian Gulf.

This might not have been a real threat, merely a way of increasing pressure on the stateless to leave and on the UN and Western governments to extract them. The deadline of twelve months was extended by six months twice pending the outcomes of negotiations on an arrangement with the UNHCR

⁵³ "White Russians" arrive from Iran. / *New York Times*. November 10, 1949. P. 23.

⁵⁴ *Hardwick, Susan Wiley*. P. 179-180.

(Tolstoy Foundation Archives, Middle East Cabinet, 1952, Transcript of conversation with Dr Khalatbari, Iranian Ministry of Foreign Affairs).

At this time, the United States Embassy in Tehran kept a register of people who wanted to migrate. A list of these registrants was shared by the Embassy with the Tolstoy Foundation in early 1952. It shows that intending emigrants were registering as early as 1946 and in growing numbers through to 1952. The largest group by far were the Russians, but there were also Armenians from Russia, Poles, Hungarians, Czechs, and some other nationalities. In addition, there were also about 4000 Jewish people needing to emigrate from Iran, mostly to Israel though some wanted to go to the United States. Some people on the list specified their preferred country but many did not⁵⁵. As the large Displaced Persons programs swung into action in Europe and the Far East, long standing refugees in the Middle East were now also increasingly hopeful they too could take advantage of these programs.

The American Jewish Joint Distribution Committee (JDC) had been busy in Tehran since the establishment of Israel in 1948 in assisting Jews to emigrate. By 1951 it was running weekly flights for emigrants to Israel as well managing a number of holding camps in Tehran and providing relief to the families awaiting their turn for emigration⁵⁶.

The first departures of Russian emigrants to Australia seem to have been in 1950 – one family says they were the very first of the Persian Russians to arrive and they settled in Melbourne (Simon Andropov, personal communication). By 1952, Australian immigration records show that nearly 100 hundred individuals had managed to emigrate from Iran.

⁵⁵ Tolstoy Foundation, Middle East Cabinet, Table from US Embassy. Visa Applicants for Emigration to the United States, 1952.

⁵⁶ *Sternfeld, Lior B.* Between Iran and Zion: Jewish Histories of Twentieth-Century Iran. Stanford: Stanford University Press, 2018. P. 63–72.

Australia had no diplomatic representation in Iran, so families registered with the British Consulate which would process the applicants and arrange any necessary medical checks. None of these families came as Displaced Persons. They either paid their own fares or they came to an arrangement through local sponsors in Australia in the Russian communities in different cities or through Christian Churches which expected them to pay their passage back when they were on their feet again. Once in Australia immigrants would write back to family members or friends and encourage others to come and would find them Australian citizens who would also sponsor them – classic chain migration.

In 1951, the United Nations High Commissioner for Refugees (UNHCR) had a small office in Iran both to provide Technical Assistance and to assist refugees. A very experienced United Nations official in Tehran, Vladimir Temnomeroff, took it upon himself to draw the Commissioner's attention to the growing plight of this relatively unknown group of stateless Russian refugees. In a report to the Commissioner of 20 April 1952, Temnomeroff highlighted the uncertainty generated in the Russian community by law on deportation and citizenship of February 1951⁵⁷. He also interviewed about 50 refugees and included some of their case studies. It is worth quoting a couple of examples to highlight the different circumstances of some of these Russian refugees and the barriers they faced in trying to live a normal life:

"S. is a Russian refugee who has been in Iran since 1933. He has a landing permit for Australia where he is going in a few days, as soon as he gets a *lassez-passer* [sic] which he is sure to get, but [sic] has to do some bargaining for a reduction in price because of lack of money. The visa has been arranged by a friend who recently left Teheran for Australia.

⁵⁷ Temnomeroff, Letter to UNHCR, 20 April 1952. Tolstoy Foundation Archives, Middle East Cabinet.

He asked for his and his friend's certificates which I gave him."

K. is a Russian refugee, 21 years in Iran. Specialist in re-inforced [sic] concrete works, he worked as a contractor, but did not get the money for his last job. Has been unemployed for ten months with a family of five persons. He is expecting visa [sic] for Australia, but has no money for transportation."

He also mentioned the example of a stateless Russian who had been in Iran since 1914, and of those in other professions including a bridge-builder, the owner of an Oriental bookshop in Teheran and a hydro-meteorologist surviving as a piano-tuner.

A pleading letter to the UN High Commissioner for Refugees at this time from some members of the Russian community captures the desperation families were feeling:

"Last year the Iran Government passed a law which had drastic results for Russian emigres [sic] living in Iran.... the Russian emigres who stayed here after the Bolshevik revolution in Russia, emigres from the USSR and those who did not go back to the USSR (Soviet employees) are now living in Iran for many years. The greatest influx of escapees was during the time of 'political vivisection' of the so-called 'collectivization' and 'persecution of the kulaks' mostly before 1933.

...for nearly twenty years all the refugees are under police supervision and they have no right to move along freely in the country. During this last year the emigres – residents of Teheran are not allowed to go to any other city pending their deportation.

The authors go on to note how difficult it is for the Russians to become Iranian citizens due the property requirements which were out of reach for most Russian emigres. They continue:

These emigres who were tied up to certain localities and were under control of police were deprived of other rights, for example they could not work in governmental enterprises and they could not own stores and offices. Therefore, due to all these conditions...[they] are dragging a life of poverty [sic], only thanking God that they have still succeeded in keeping their life.

...Logically analyzing [sic] this situation one comes to the conclusion that all the Russian emigres having no possibility of getting Iran citizenship will be forcibly repatriated to the Soviet Union...."⁵⁸.

They conclude by addressing through the UNHCR the 'free world with our plea to help us. S.O.S.! We beg to save us.'

The previous year, in July 1951, Prime Minister Mosaddegh apparently raised the matter of dealing with the European refugee problem directly with the UN High Commissioner for Refugees when the former was in Geneva as part of his visit to Europe to appear at the International Court of Justice's Hearing of Britain's appeal for a ruling on Iran's nationalisation of the Anglo-Iranian Oil Company at The Hague⁵⁹.

Estimates of the total number of Russian refugees in Tehran in 1952 vary but a survey conducted at that time by the Tolstoy Foundation, at the request of the High Commissioner, found that there were likely to be about 1200 Russians left out of a total of 2000-3000 European refugees still in Iran. Apparently, the number of refugees had greatly reduced over the past year, and especially because of the Jewish refugees who had gone to Israel with the help of the JDC, and through voluntary migration to Australia, the United States and South America.

⁵⁸ Letter to UNHCR, April 20, 1952, from V. Vorobiev et.al., Tolstoy Foundation Archives, Middle East Cabinet.

⁵⁹ Tolstoy Foundation Archives, Middle East Cabinet, 1952.

After some further consultations, the UNHCR engaged the World Council of Churches (WCC) to help non-Russians in Iran and the Tolstoy Foundation, nominally under the auspices of the WCC, was asked to handle the Russians. In 1953, the United States Congress passed the *Refugee Relief Act* to make it easier for refugees to enter the country and established the United States Escapee Program (USEP) to provide funding for refugee relief agencies to rescue people fleeing Communist persecution⁶⁰. Under this program it specifically contracted the Tolstoy Foundation to continue its work over the remainder of the 1950s to help stateless Russians all over the world including in Iran to emigrate to countries where they would be safe⁶¹.

While, as has been noted earlier, initially some Russian families from Iran came to Australia, the bulk were eventually assisted to emigrate to the US with some also going to countries in South America, including Brazil, Chile and Argentina. In a report to the State Department in October 1953, the Tolstoy Foundation advised that it had registered just over 1200 Russians in Iran to be assisted to emigrate to the United States⁶².

2. Russians in Iran after 1955

Mohammed Mossadegh's Government was overthrown on 18 August 1953 by a coup orchestrated by the British and

⁶⁰ Marrus, Michael R. *The Unwanted: European Refugees in the Twentieth Century*. New York and Oxford: Oxford University Press, 1985. P. 352-54; Loescher, Gill. *Beyond Charity: International Cooperation and the Global Refugee Crisis*. New York and Oxford: Oxford University Press, 1993. P. 55-68.

⁶¹ For a broad overview of the Tolstoy Foundation's role in refugee relief work see *Tolstoy Foundation Inc. History, Aims and Achievements*, New York: Tolstoy Foundation, 1976.

⁶² Survey of Refugees and Escapees from Behind the Iron Curtain. Report to State Department, 31 October 1953. Tolstoy Foundation Archive, Middle East Cabinet.

American Governments in collaboration with the Shah and elements that supported him. But Russian refugees continued to leave, notwithstanding the more stable if increasingly repressive political environment instituted by the Shah and his supporters. People were still leaving in 1954-55 so perhaps they were not ready to assume the political situation would remain stable, given their experience over the past decade. Continuing Government sanctioned violence was also a concern. Young Alexander Malakhoff, for example, as a university student witnessed the military enter his classroom soon after the Coup and assault and remove students, which he says prompted him to apply for a university in the United States shortly afterwards⁶³.

Judging by the Tolstoy Foundation's Annual Reports, the Russian resettlement caseload in Iran was largely exhausted by the late 1950s and the Foundation refocused its work on helping those Russians who needed to become Iranian citizens to enjoy full social and economic benefits. There remained a Russian community in Iran, if with an ageing profile. Some papers relating to a dispute at the Church of St Nicholas in Tehran in 1961 include a petition with the names of 430 parishioners as signatories, mostly Russians⁶⁴. The Parish established a nursing home in 1960 to address the needs of its increasingly aged members. But interestingly, in 1965, Father Victorin, the then Rector of St Nicholas, organised the building of a school for the Russian community, so there must still have been enough children who needed to be educated in Russian culture, religion and language to warrant the investment.

By the time of the Iranian Revolution in 1979 it was estimated there were still some 300 mostly elderly Russians living in Tehran. The Tolstoy Foundation became involved in helping those who wanted to emigrate and in fact arranged for some of them to be resettled in its nursing homes in France.

⁶³ *Malakhoff, Alexander*. Ibid. P. 347-54.

⁶⁴ ROCOR Synod Archives. New York, Iran. Box III, Petition, 1961.

The Foundation also has some records on individual families it assisted to migrate to the US at this time.

The St Nicholas Church in Iran had no priest for a period after the Islamic Revolution – the new Government required that any new Rector be Iranian born. However, in 1995 the Church affiliated with the Moscow Patriarchate and the current Rector, Dr Zarkeshev, was appointed shortly afterwards. In 2014, there was a 70th Anniversary event for the founding of the Church. At the time a journalist with the Russian delegation managed to track down a few descendants of Russian émigré families. One person she managed to talk to by phone said the Church usually only opened on feast days as there were very few parishioners left⁶⁵. The Church was now mainly used by the staff of the Russian Embassy though occasionally the few people left in the community would gather at the Cemetery for funerals or commemorations.

Conclusion

Based on this brief overview, what can we conclude about this strand of the Russian diaspora? First, that their experience is largely unexplored and unremembered. There appear to be no detailed academic studies of this group, no collective biographies and very few published memoirs or personal reminiscences.

Secondly, the composition was quite different to the immediate post-Revolution/Civil war refugees and emigres. Overwhelmingly they left in the course of the upheavals of Collectivisation and Dekulakisation, so they were mostly people who had lived in the Soviet reality for a decade or so before fleeing. How this timing affected their view of the new Soviet state, since to an extent they were a part of it, would be worth exploring. In addition, they appear to have been mostly

⁶⁵ *Faustova, Milena*. Russian Orthodoxy in Iran. Voice of Russia, March 9, 2012. URL: www.johnsanidopolous.com/2012/03/russian-orthodoxy-in-iran.html (accessed on: 23.01.2019).

kulaki – tradespeople, skilled workers, industrious peasants and some technical professionals. So, their sensibility, their experience of exile and statelessness differed from that of the typical emigre intellectual, noble, senior official or White Officer.

We also know they lived for two decades as probably unwanted Christian guests in an Islamic country. Many had children there, who were brought up in the Orthodox faith but who grew up in a broader Islamic cultural setting, and often attended Iranian schools. What they made of this experience and how it influenced them and affected their views of the society around them would be well worth studying.

Lastly, most of them were uprooted and displaced twice in their lives, once in the Soviet Union, their homeland, and then again in the 1950s, when they had to leave the country, they had resided in for twenty years. Perhaps this has not been an uncommon experience for stateless refugees in the last one hundred years, but nonetheless, their experience is worth exploring and documenting, both as a contribution to social history of displacement and migration and for their unique refugee experiences.

I would like to thank the Tolstoy Foundation, Valley Cottage, New York and the Office of the Synod of the Russian Orthodox Church Outside Russia (ROCOR), New York, for giving me permission to use their Archives for this work.

Среднеазиатская мозаика

Глава 8. КАЗАЧЕСТВО РОССИИ И КАЗАХСТАНА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ¹

В последние годы проблема возрождения казачества в России, в частности, на Кавказе, находится в поле зрения не только политиков, но и ученых. Данная проблема актуальна и для Казахстана, поскольку до упразднения казачества как военного сословия советской властью, Казахстан был зоной ответственности нескольких казачьих войск – Уральского, Семиреченского, Сибирского, Оренбургского и Астраханского. Какова роль института казачества на юге России, на Кавказе, а также в Центральной Азии? Кто такие казаки – этнографические группы русского народа или отдельный этнос? Так, во время последней Всероссийской переписи раздавались голоса о признании казаков отдельным народом. Попробуем пролить свет на эти проблемы, разумеется, не претендуя «на истину в высшей инстанции».

Казак – тюркское слово, впервые упоминаемое в анонимном тюрко-арабском словаре 1245 г., составленном в Египте во время правления мамлюков – тюркской гвардии мусульманских владык, пополнявшейся рабами из Дашти-и-Кипчака – Ногайских степей в Причерноморье и нынешнего Казахстана, а также Северного Кавказа. Но тогда оно имело не этническое, а социальное толкование. В исторической литературе существуют самые разные толкования слова. Несомненно, что первоначально оно не несло ни политической, ни этнической нагрузки, имело только нарицательное значение: «свободный», «бездомный», «скиталец», «изгнанник». То есть казаком называли чело-

¹ **Сведения об авторе:** *Кадырбаев Александр Шайдатович* – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Отдела истории Востока ИВ РАН. E-mail: kadyr_50@mail.ru

века, отколовшегося от своего народа, племени или покровителя и ведущего жизнь искателя приключений. Русские тоже числили казаками людей без определенных занятий и определенного местожительства, людей вольных. Хотя слово «казак» зарегистрировано на севере Руси с конца XIV века, родиной казачества историки признают ее южные окраины, смежные с причерноморскими, северокавказскими и казахскими степями, условия жизни в которых придавали этой вольнице характер военного сообщества².

Иными словами, исходное значение термина «казак» имеет социальный оттенок, отражающий состояние, статус лица или коллектива в каждый данный момент по отношению к правителю, обществу или государству. Так, изгой, который переходит с места на место, добывая себе пропитание собственным мечом, – это казак. Человек, который пускается в дальний и опасный путь один, без сопровождения – тоже казак. Молодец, неутомимо угоняющий табуны врага, – опять-таки казак. Таким молодцем был, например, будущий покоритель Сибири Ермак: в 1581 г. он напал на стада ногайского мурзы Урмагмета и «отогнал 60 лошадей... а летось отогнали с Волги тысячу лошадей»³.

Людей, которые какое-то время по необходимости или по доброй воле жили жизнью казака, всегда было немало. В степи и подстепье казаком мог стать любой человек – славянин или выходец из степных и кавказских народов, простолюдин или принц крови в десятом поколении. В самом деле, хотя среди русских казаков преобладали беглые крестьяне, посадские люди да холопы, в «де-

² Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье. СПб.: Петербургское Востоковедение («Orientalia»), 2000. С. 236-237.

³ Бахрушин С.В. Научные труды. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т.3. Ч.1. С. 29.

сятнях» конца 70-х – начала 90-х годов XVI века можно встретить имена разорившихся «детей боярских» и беспоместных дворян, которые «сошли на Дон в казаки», «сошли в Поле», «в Поле казакуют»⁴. В те времена казаками не рождались, а становились. Для обозначения жизни казака источники употребляли специальный термин – «казакование», «казачество», по-тюркски «казаклык». Ермак, например, казаковал более 20 лет своей жизни, о чем свидетельствовали его сподвижники в челобитной царю Михаилу Романову: «20 лет полевал с Ермаком в Поле», «в Сибири 42 года, а прежде де того он служил... на Поле 20 лет у Ермака в станице и с иными атаманы»⁵.

Конечно же, казак вел скромный, если не сказать суровый образ жизни. Отсюда и тюркское слово «казакане» – «по-казацки», скромно. Казаки редко были одиночками, чаще объединялись в «общество». Иногда такое «общество» состояло из спасшегося бегством претендента на престол и его преданных сторонников, которые вели жизнь искателей приключений. В других случаях слово «казаки» обозначало группу кочевников, отделившихся от того государства, подданными которого они раньше были, и находившихся с ним в состоянии войны⁶.

В приуральских, приволжских, причерноморских, северокавказских степях институт казачества был также широко распространен. Однако в них он стал основой не этнических, а социальных процессов. Формирующиеся здесь «общества» из казаков в первую очередь воспринимали себя и воспринимались извне как вольница. При этом этнический состав казачьих общин, занимавших эти

⁴ Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск: Наука, 1982. С. 234.

⁵ Миллер Г.Ф. История Сибири. М.-Л.: АН СССР, 1937. Т.1. С.1, 455–456.

⁶ Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан – летопись трех тысячелетий. Алма-Ата: Рауан, 1992. С. 250–253.

части Поля, становился все более смешанным. Поначалу в местных «обществах» преобладали «татары». То было собирательное имя, прилагавшееся не только к крымским, казанским и астраханским татарам, но и к представителям других тюркских степных народов – к тем же ногайцам, казахам, башкирам. Со временем «татары» были заметно разбавлены славянами и «черкасами» или «черкасцами» (черкесами) – выходцами из кавказских горцев⁷. Вообще, к середине XVI в. в среде казаков становится все больше славян – представителей разных земель Московской Руси и Украины. В 1546 г. путивльский воевода писал царю Ивану Грозному: «Ныне, государь, казаков на Поле много: и черкасцев, и кыян (киевлян. – А.К.) и твоих государевых, вышли, государь, на Поле изо всех украин»⁸.

Таким образом, казачество – это своеобразный тюрко-славяно-кавказский этнический симбиоз. Примером может служить казачья ватага Ермака. Еще до сибирского похода о разношерстности его дружины, а точнее, ее многоплеменном составе говорилось в Ремезовской летописи: «Собрании (собрались) вои (воины)... с Ермаком с Дону, с Волги, и с Еику, ис Астрахи, ис Казани, ворующе, разбиша государевы казенные суды, послов и бухарцев на усть Волги-реки»⁹.

В известном смысле казачьи дружины были обречены на то, чтобы заниматься «промыслом», то есть разбоем, в Поле и на водных путях. Тем более, что реки были тем местом, рядом с которым зародилось и шло становление казачества, от рек казачьи войска получили и свое название. И, если на суше ратное бытие казаков испытало за-

⁷ Зуев Ю., Кадырбаев А. Поход Ермака в Сибирь: тюркские мотивы в русской теме. // Вестник Евразии – Acta Eurasica, № 3 (10). М.: ИВ РАН, 2000. С. 47.

⁸ Скрынников Р.Г. Указ. соч. С. 65.

⁹ Сибирские летописи. СПб.: Импер. Археографическая комиссия, 1907. С. 317.

метное влияние военного искусства степных и горских народов, то в морском деле, вероятно, казаками была воспринята традиция древнерусских речных и морских разбойников – ушкуйников. Как и ушкуйники, вольные общины казаков старались основывать свои поселения – станицы на больших речных островах. Например, донские казаки основали первую свою столицу Черкасск на острове среди Дона, яицкие – Яицкий городок (ныне Уральск) на полуострове между реками Яик и Шагын (Чаган), а со степной стороны отгородились крепостными стенами и рвом. Для терских и кубанских казаков, для первых еще с XVI, а для вторых с XVIII в., Терек и Кубань были границей с горским кавказским миром. Водные пространства рек служили казакам естественным укрытием от набегов кочевников и горцев, давали пропитание – рыбу, дичь. Тем более, до 1695 г. земледелием казаки не только не занимались, но даже сурово пресекали подобные попытки. Однако, они не могли прокормиться лишь скотоводством, охотой и рыболовством. Отчасти и поэтому их привычным делом стало пиратство. Если в степи, хотя казаки и были прекрасными конниками, им все же трудно было превзойти степняков или уйти от их подвижных отрядов, то в водной стихии на речных судах-стругах, которые строили в больших количествах на небольших верфях в казачьих городках, казак был неуловим. На них с XVI в. казаки выходят на просторы Каспийского и Черного морей, Волги, Днепра, Дона, Яика. Царские дипломаты заявляли в Ногайской Орде: «... беглые казаки, которые бегая от нас, живут на Тереке и на море, на Яике и на Волге, казаки донские... своровали и наших детей боярских, а их (ногайских) послов перебили». Ермак, «воюя... по Хвалынскому морю (Каспийскому – А.К.)... яко и царскую казну шарпал»¹⁰. Казаки грабили и государственные, царские и посольские суда, и частные, купеческие, и русских, и нога-

¹⁰ Сибирские летописи. С. 312.

ев, и персов, и бухарцев, и даже англичан. В 1572 г. отряд в 150 казаков напал на английский корабль, который возвращался из путешествия в Персию и стоял на якоре близ устья Волги. Англичане, по их словам, убили и ранили почти треть напавших на них людей, но, отразить их яростный натиск не смогли, и были взяты на абордаж. Активны были казаки, запорожские и донские, на Черном и Азовском морях, тогда внутренних морях Османской империи, где они обходили цепь османских крепостей в устьях Дона и Днепра и нападали с моря на прибрежные турецкие и крымские города. Эти морские походы казаки предпринимали, как они откровенно выражались, «за зипунами», т.е. с целью грабежа, за добычей. Многие казаки гибли в этих походах, но те, кто возвращался, привозили богатую добычу: золото, драгоценности, шелка, ковры, пленных – мужчин, женщин, детей, которых обращали в рабство или отдавали за богатый выкуп.

Надо отметить, морские разбои казаков на Черном и Азовском морях в это время были серьезной проблемой для османских властей. В 1637 г. донские казаки штурмом с суши и моря взяли крепость Азов, перебив его гарнизон, а затем пять лет удерживали ее, отражая турецкие атаки¹¹.

Казаки могли становиться и наемной военной силой в порой противоположных по политической ориентации государствах, и тогда могло получиться так, что казаки воюют друг с другом. Например, в XVI в. не раз враждовали и сражались между собою донские и азовские казаки. Самое интересное, что атаманом у первых, периодически ориентировавшихся на Москву, был казак с тюркским именем Сары-Азман, а у вторых, служивших туркам-

¹¹ Пивоваров А. «Донские казаки». Краткий сборник рассказов из военной Жизни Донцов, о их храбрости, находчивости в бою, преданности долгу и пр. Новочеркасск: Донская тип., 1892.

османам, судя по имени, славянин Сенька Ложник¹². В царствование Ивана Грозного в составе русского воинства при осаде Казани участвовали наемные казачьи дружины, причем имена предводителей 10 тысяч казаков, которые «яму, государю под Казанью служили не за крестным целованием» (не по присяге, а по найму или за добычу), были, чаще всего, тюркскими и «черкасскими»¹³.

Согласно легенде, «прародителями» яицких казаков были славянин Гугна и его соратники – казаки, пришедшие с Волги на Яик, а также ногайская полонянка, братьев которой убили эти казаки, ставшая женой атамана и известная в казачьей народной памяти как «бабушка Гугниха»¹⁴. Не менее сложен был этногенез терского казачества, включившего в свой состав горские кавказские элементы – чеченцев, ингушей, дагестанцев и осетин.

Итак, хотя в формировании казачества участвовали разные этнические группы и в нем были весомы тюркское и кавказское начала, все же, к концу XVI в. оно все более русифицировалось. Причиной тому было не только присутствие в рядах казаков заметного и все более нараставшего славянского элемента, но и влияние православия – государственной религии России, все чаще привлекавшей казаков на службу. Ведь поступление на нее, равно как и переход в российское подданство, одновременно означали обращение в христианство (и, соответственно, получение нового имени). Так, казак дружины Ермака Черкас, приняв крещение, получил имя Иван¹⁵.

¹² Ланда Р.Г. Ислам в истории России. М.: Восточная литература, 1995. С. 81.

¹³ Гордеев А.А. Золотая Орда и зарождение казачества. М.: Изд-во «Страстной бульвар», 1992. С. 131–137.

¹⁴ Пушкин А.С. История Пугачева. Собрание сочинений. Т. 7. М.: ГИХЛ, 1962. С. 10.

¹⁵ Зуев Ю., Кадырбаев А. Указ. соч. С. 49.

Обрусение казачества не мешало сохранению в его повседневной жизни огромного пласта степной и горской кавказской культуры, в зависимости от региона обитания казачьих войск. Едва ли не в первую очередь это относилось к военному укладу, определявшему основы казачьего быта. Терские и кубанские казаки заимствовали свой костюм у кавказских горцев, с 1831 г. введенный российским правительством в качестве военной формы этих казачьих войск. Чекмень, именуемый «черкеска», имел нашитые на груди напатронники, в которых носили заряды для ружей. Позднее вместо них стали нашивать газыри – гнезда для патронов, изготовленные из серебра, кости или металла. Черкеску подпоясывали узким поясом с обязательным кинжалом. На плечах носили украшенный галуном башлык – теплый остроконечный капюшон с длинными концами, надеваемый в непогоду поверх головного убора. В холодное время кавказские казаки ходили в косматых бурках – безрукавных плащах из ворсистого войлока. Терские и кубанские казаки коротко стригли волосы или, подобно кавказским горцам, брили головы.

Вооружение казаков, за исключением огнестрельного оружия, в основном аналогично вооружению степняков и горцев соответственно конкретной эпохе и региону их обитания. Это пики, кривые азиатские сабли, позднее шашки, кистени, кинжалы, чеканы, аркан, лук и стрелы. Да и тактика ведения боя копировала военные приемы степных и кавказских народов. Это внезапные набеги, притворное отступление с целью заманить в засаду под удар основных сил, атака лавой (развернутым строем с выступами на флангах), определение по сакме (конским следам) численности неприятеля. У степняков и горцев было позаимствовано виртуозное владение приемами джигитовки и вольтижировки, включавшими верховую езду с элементами акробатики, меткую стрельбу из лука, ружья и пистолета на полном скаку, умение набрасывать аркан и

применять в ближнем бою пик и саблю. Степного происхождения было и казацкое седло, не менявшееся в течение столетий и отличавшееся от принятых в регулярной кавалерии, что позволяло проделывать такие трюки, как подхватывание предметов на всем скаку с земли и т.п.¹⁶. Как степняки и горцы, казаки с детства учились верховой езде, поэтому их искусство управления конем, способность совершать долгие утомительные переходы, находились на уровне, недостижимом для регулярной кавалерии. За столетия своего существования, используя военные традиции степных и горских народов, казачество выработало эффективные приемы и способы ведения боевых действий: умение применяться к условиям местности, быстрый переход от конного строя к пешему, и обратно.

Это поддерживалось системой подготовки казаков: ежегодными сборами в лагерях, регулярными соревнованиями – скачками с джигитовкой. Казачий быт был так устроен, что, не состоя в строю, казаки оставались военными, готовыми по первому зову встать в ряды своих полков. Этим они выгодно отличались от солдат российской регулярной армии, которые уйдя в запас, быстро утрачивали военные навыки и, в случае призыва, их приходилось учить заново. При этом содержание казаков обходилось государству дешевле, чем регулярных войск, поскольку на службу казаки должны были являться со своим конем и военной амуницией. Хотя, с сожалением приходится констатировать, что казаки были менее дисциплинированы по сравнению с ними, особенно после победы над противником, и более склонны к грабегам и мародерству¹⁷.

Веками, непрерывно находясь в конфронтации со степными и горскими народами, казаки, как и их против-

¹⁶ Зуев Ю., Кадырбаев А. Указ. соч. С. 49-50.

¹⁷ Малукало А.И. Кубанское казачье войско в 1860–1914 гг. Краснодар: Кубанькино, 2003; Караулов М.А. Терское казачество в прошлом и настоящем. М.: Вече, 2008.

ники, жили в условиях военного лагеря, не расставаясь с оружием ни на минуту. Такая жизнь, полная тревог и опасностей, по соседству с опасным противником, какими были, например, кавказские горцы, выработала особый тип воина, который вызывал восхищение современников, например, А.С. Пушкина: «Видел я берега Кубани и сторожевые станицы – любовался нашими казаками. Вечно верхом, вечно готовы драться, вечно в предосторожности!» К арсеналу боевых приемов своих противников, которые переняли казаки, относится и появление своего рода (если говорить современным языком) спецназа – пеших частей пластунов. До сих пор у военных есть выражение «ползать по-пластунски». Свою службу пластуны, т.е. «лежащие пластом», несли, затаившись в засаде в плавнях и камышах Терека, Сунжи и Кубани. Действовали они, как правило, в одиночку или малыми группами против абреков, кавказских горцев, воевавших с российскими войсками аналогичными методами. Поэтому от каждого из них требовалась смекалка, хладнокровие и выдержка. Днем и ночью пластуны часами неподвижно лежали в секрете (дозоре), высматривая, не переходят ли Терек или Кубань горцы. Обнаружив следы неприятеля, они шли по ним, стараясь выведать планы и численность абреков. Ночами пластуны пробирались к горским аулам, чтобы узнать не готовятся ли джигиты к набегу. В темноте или в густых зарослях пластуны стреляли без промаха на звук. Только обладая подобными бойцовскими качествами, казаки имели шанс на выживание в борьбе не на жизнь, а на смерть, с таким врагом, как горцы. По аналогии с кавказскими горскими традициями в среде пластунов получил распространение обычай побратимства, так как в минуту опасности можно было надеяться только на товарища. Обменявшись нательными крестами, казаки становились побратимами, готовыми отдать жизнь за брата. Пластуны отличились на Крымской войне, каждую ночь бесшумно

снимая часовых противника и захватывая пленных и оружие. Равных им у союзников – французов, англичан, османов и сардинцев не было. Разве что, у французов, располагавшими частями «зуавов», прошедших колониальную войну с воинственными «воинами пустыни» в Алжире¹⁸.

Отношения кавказских народов с казачеством складывались, особенно вначале, весьма трагично, о чем свидетельствуют, в частности, материалы Российского государственного архива Военно-Морского флота. Казаки приняли активное участие в изгнании адыгских народов, убыхов и абхазов, вайнахов, ногойцев в Османскую империю с родных земель, где они затем основывали свои станицы. Справедливости ради стоит отметить, что и сами казаки, не всегда ладившие с верховной властью государства Российского, периодически, на всем протяжении истории России, становились эмигрантами и находили прибежище у османов. Как, например, донские казаки-булавинцы во главе с атаманом И. Некрасовым, бунтовавшие против царя Петра I, чьи потомки только в 60-х гг. уже прошлого века вернулись в Россию. Или казаки, ушедшие в эмиграцию после гражданской войны в России в 1921 г.¹⁹

В 1834 г. был принят российскими властями «Проект о прибрежных (на берегу Черного моря – А.К.) казаках», а к 1838 г. генерал-лейтенант Н.Н. Раевский, начальник главного действующего отряда российских сухопутных войск на Западном Кавказе приступил к реализации этого проекта. В русле указанного проекта было разработано положение о расселении казаков как в целом на подвластном к тому времени Российской империи восточном берегу Черного моря, так и конкретно, на побережье Абхазии. Тем более, что побережье Абхазии также было ареной бо-

¹⁸ Караулов М.А. Указ. соч.

¹⁹ Пивоваров А. Указ. соч. С. 84.

ев российской армии и казаков с местными народами, а также с османами и даже англичанами, в период Кавказской войны и позднее во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг.²⁰. Казаки выполняли роль разведчиков во всех упомянутых российских военных экспедициях на Западном Кавказе.

Казаки прекрасно знали психологию своих кавказских и степных противников, сами воспринимали ее. Например, терские казаки восприняли традицию «кровной мести», бытовавшую у их горских соседей. К терми-

²⁰ Материалы Российского государственного архива Военно-Морского флота: Ф. 283. Оп. 1. Ед. хр. 2957. Л.11-145. Фонд инспекторского департамента, 1833 г. О награждении личного состава Морского ведомства, проявленное в боях с горцами у берегов Абхазии; Ф. 19. Оп. 1. Ед. хр. 168. С. 48-49. Абхазская экспедиция. 1833 г. Список судов Черноморского флота, готовых к перевозке десанта. Фонд А.С. Меншикова (начальника главного Морского штаба Российской империи.-Авт.); Ф. 243. Оп. 1. Ед. хр. 3170. Л. 710. Фонд управления Главного командования Черноморского флота и портов Черного моря. 12 янв. 1834 г.-6 марта 1835 г. О действиях судов в Абхазской экспедиции; Ф. 205. Оп. 1. Ед. хр. 1631. Л. 1-13. Канцелярия главного Морского штаба. 15 февр.1834 г. О задержании корветом «Месселврия» и бригаantinой «Нарцисс» трех турецких судов около берегов Абхазии; Ф. 19. Оп. 2. Ед. хр. 125. Фонд А.С. Меншикова (по письмам М.Ю. Лермонтова). 19 июля 1837 г. О сражении люгера «Глубокий» под командованием лейтенанта Шпаковского с черкесами у берегов Абхазии; Ф. 243. Оп. 1. Ед. хр. 3571. Л. 23. 1 октября - 23 дек.1837 г. О получении из русского посольства в Турции сведений о враждебных замыслах абхазцев против России, проникновении на восточное побережье Черного моря двух английских офицеров; Ф. 283. Оп. 1. Ед. хр. 4149. Л. 1-7. Фонд Инспекторского департамента. 1837 г. «Агатополю» - фрегат «Азов» Черноморского флота. О плавании для перевоза с Константиновского мыса войск в Сухум-кале и раненых в Редут-кале; Ф. 167. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 47-48 об. Фонд «Всепопданнейшие отчеты по флоту и морскому ведомству». О высадке десанта для занятия Шапсухо.

нам «учкур», «бешмет», «чекмень», «кушак», «трухменка», «калпак», «башлык», «бурка», описывающим непереносимые атрибуты казачьей жизни, можно прибавить и другие: «юрт» – земельный надел казака, «курень» – дом и способ передвижения во время похода, «хоругвь» – знамя,²¹ «бунчук» – знамя с конским хвостом, «караул» – пост, казачья застава, «есаул», «кошевой» – (походный) атаман. Все они тюрко-монгольского происхождения, как и знаменитое «ура» – боевой клич атакующих, не только казаков, но и вообще русских воинов, производный от монгольского слова «уррагх» – «вперед» или тюркских слов «уран» (означает боевой клич рода) и «ур-бей»! Стоит напомнить, что часть горских народов Кавказа говорит на тюркских языках – карачаевцы, балкарцы, кумыки, не говоря уже о ногайцах, туркменах (трухменах), турках-мешетинцах и азербайджанцах. Впрочем, иногда встречаются слова кавказского происхождения, например «шашка» (адыгское слово «сашхо» – «длинный нож»)²².

Культурное влияние горцев на казаков разнообразно. И поныне в казачьих песнях, например, кубанских, слышны горские мотивы, некоторые из них исполняются под ритм лезгинки. Казаки восприняли и традицию, согласно которой женщины играли заметную роль в обществах степных и горских народов, и неукротимый нрав казачек, отраженный в русской и советской литературе, наглядное тому свидетельство.

По сути дела, адаптация степняков и кавказских горцев к казачьей среде при выполнении главного требования к ним – принятия православия, была более быстрой, нежели адаптация славян. Для последних, существовали временная ценз и другие препоны, которые они должны были преодолеть, прежде чем считаться полноценными

²¹ Баскаков Н.А. Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». М.: Наука, 1985. С. 159, 163, 167.

²² Там же.

казаками. У казаков существовали и ограничения на браки с русскими и украинками, если те не были из казачьего сословия. Напротив, женитьба на степнячках, горянках, турчанках, пусть и полонянках, была распространенным явлением. Крымско-татарские предки были у видного представителя украинского казачества полковника Кочубея, казненного гетманом Иваном Мазепой за попытку предупредить русского царя Петра I об измене гетмана и похороненного на территории Киевско-Печорской Лавры в Киеве. Есть предположение о ногайском происхождении Ермака²³ и о том, что мать известного бунтаря и разбойника в русской истории донского казака Стеньки Разина была турчанкой. Отголоски этого явления сохранились и позднее, когда казачество окончательно трансформировалось в этнографическую группу русского народа, сохранившую множество отличий от остальных русских в сфере психологии, бытовой и материальной культуры.

Иллюстрацией к сказанному может служить бессмертное творение М.А. Шолохова, своего рода художественное отражение жизни и быта донского казачества в сложный период его истории, «Тихий Дон», в частности, восприятие донскими казаками самих себя, прежде всего, казаками, а не русскими, а одним из персонажей романа – казаков, как разноплеменной группы людей, где рядом с человеком, у которого библейский тип лица, стояли белокурый славянин, кавказский горец и типичный азиат с монголоидными чертами лица. Интересна характеристика главного героя романа донского казака Григория Мелехова, чья бабушка была турчанкой, и членов семьи которого станичники звали «турками» или «черкесами», вложенная в уста его односельчанина: «Всем взял, казак, ему бы с черкесами воевать», где отражено отношение казаков к кавказским горцам как к достойным противникам. Хотя

²³ Зуев Ю., Кадырбаев А. Указ. соч. С. 38-61.

отношение казаков к «инородцам» было неоднозначно, о чем свидетельствует судьба той же бабушки Г. Мелехова, растерзанной станичниками только по подозрению в «колдовстве», несмотря на ее беременное состояние. Да и сам Григорий, когда был призван на военную службу, за свою «восточную» и «дикую», по мнению российских офицеров призывной комиссии царской армии, внешность, не был удостоен чести служить в лейб-гвардейских казачьих частях, а был направлен в обычную казачью часть. Или высказывания в адрес донских казаков-калмыков, которых мать Г. Мелехова называет не иначе, как «неумытыми».

Но, если казачество Дона, Урала и Терека в итоге стало частью русского народа со всеми оговорками, то казаки Запорожья далеко не все остались украинцами, хотя без них невозможно представить историю Украины, за «самостийность» которой они столетиями воевали, иногда переходя в стан врагов России. Например, в начале XVI в. запорожцы участвовали в составе крымско-татарских отрядов в набегах на Московскую Русь. В период «Смуты» в России в 1612 г. запорожская казачья вольница грабила православные русские святыни в Москве и помогала польским интервентам, а в 1709 перешла во главе с атаманом Запорожского казачьего войска Констатином Гордиенко на сторону шведского короля Карла XII против Петра Великого. За это пленных запорожцев после победы русских войск под Полтавой распинали и подвергали жестоким пыткам близ шатра русского царя, где он чествовал и поднимал свой тост за пленных шведских генералов, как за своих «учителей» в ратном деле. В итоге это и стало одной из причин уничтожения российской императрицей Екатериной II Запорожской Сечи, когда она ввела крепостное право на Украине и лишила ее остатков автономии в виде казачьих вольностей. Запорожцы, оппозиционные российской власти, эмигрировали в Османскую империю, где, с согласия османских властей основали Задунайскую Сечь, а

казаки лояльные русской власти были переселены на Северный Кавказ, на Кубань, и там, вместе с донскими казаками – переселенцами с Хопра, притока Дона, составили основу Черноморского казачьего войска, затем преобразованного в Кубанское. Так, Екатерина переселением запорожцев на Кубань лишила «самостийников» на Украине потенциальной базы и приобрела серьезную военную силу для завоевания Кавказа. Оторванные от Украины, уже первые потомки запорожцев на Кубани, хотя и поныне кубанские казаки сохранили заметные элементы украинской культуры в быту, частично язык (мову), тем не менее, утратили украинское национальное самосознание, верой и правдой служа Российской империи.

Стоит вспомнить и о распространении тюркоязычия в разноплеменной казачьей среде в ранний период казачьей истории. Наряду с русским, так называемый «татарский» язык являлся обиходным для большинства казаков. Даже в начале XX в., когда казаки давно уже были неотъемлемой частью русского народа и прочной опорой российской государственности, знание тюркских, а иногда кавказских и монгольских языков, среди казаков ряда казачьих войск Российской империи по-прежнему носило массовый характер. Например, терские и гребенские казаки знали чеченский, ногайский и кумыкский²⁴. Художественной иллюстрацией сказанному может служить повесть Л.Н. Толстого о терских казаках – «Казаки». С другой стороны, казаками стала немалая часть калмыков, бурят, башкир, якутов, осетин, принявших православие. Среди них, например, казаков-калмыков, были не только православные, но и буддисты. Многие из них не утратили полностью своей этнической идентичности, но, прежде всего, для них была важна принадлежность к казачеству, как особому военному сословию Российской империи.

²⁴ Малукало А.И. Указ. соч.; Караулов М.А. Указ. соч.

В равной степени это распространялось и на тех представителей горской и степной знати, мусульман по вероисповеданию, бывших офицерами в казачьих войсках, а также в отдельных, организованных на манер казачьих, элитных частях российской армии, целиком сформировавшихся из кавказских и тюркских народов. В качестве примера таких частей обычно вспоминают личный, его императорского величества Николая II чеченский конвой, «Дикую дивизию»²⁵ с ее генералами, активными противниками советской власти – С. Клыч-Гиреем, К. Улагаем и И. Эрдели. Кстати, Николай II был не первым правителем России, в охране которого служили кавказские горцы. Еще при первом русском царе Иване IV Грозном, одной из жен которого являлась кабардинская княжна Мария Темрюковна, его личная охрана формировалась при участии кабардинцев. Или Текинский (Туркменский) конный полк – личная охрана верховного главнокомандующего российской армии в 1917 г. генерала Л.Г. Корнилова,²⁶ уроженца Каркаралинской станицы в Казахской степи, сына сибирского казака и крещеной казашки, знатока тюркских и персидского языков. Казаками из «иностранцев» были и другие известные участники Первой мировой и гражданской войн: атаман Забайкальского казачьего войска Г.М. Семенов, происходивший из русско-бурятской семьи,²⁷ калмыцкий князь Тундутов, командовавший донскими казаками-калмыками в Добровольческой армии А.И. Деникина²⁸; осетин Л. Бичерахов, возглавлявший

²⁵ Деникин А.И. Очерки русской смуты. М.: Мысль, 1991. С. 64-65.

²⁶ Гундогдыев О.А., Шеремет В.И. Текинский конный полк в боях первой мировой войны (Новые архивные сведения) // Восточный архив. № 4-5. М., 2000. С. 33, 43.

²⁷ Белов Е.А. Взгляды и деятельность барона Унгерна фон Штернберга // Восточный архив. № 6-7. М.: ИВ РАН, 2001. С. 48-49.

²⁸ Деникин А.И. Указ. соч.

корпус терских и кубанских казаков в Иране и на русско-турецком фронте, воевавший с советской властью в Баку и Дагестане; герой гражданской войны, ставший генерал-полковником Советской армии, калмык О.И. Городовиков, георгиевский кавалер, командарм Второй Конной армии и главный инспектор кавалерии Красной и Советской Армии.

Однако на крутых поворотах истории России казаки могли играть и роль дестабилизирующего фактора. Примером этого может служить Смута начала XVII в. в России, когда донские казаки во главе с атаманом Заруцким и в союзе с Речью Посполитой – Польско-Литовским государством поддерживали претензии на русский престол самозванцев Лжедмитриев²⁹. Донские и яицкие казаки являлись застрельщиками кровавых бунтов Ивана Болотникова, Степана Разина, Кондратия Булавина, Емельяна Пугачева. Казаки вступали в союзы с враждебными России государствами, как это было во время Северной войны, когда донские казаки-булавинцы атамана Некрасова бежали к османам³⁰. Интересно, что до начала XVIII в. в Москве депутации с Дона принимали не как подданных русского царя, а как иностранных послов. Набеги казачьей вольницы, вплоть до начала XVIII в. автономной от российских государей, на Османскую империю, Крымское ханство, Речь Посполитую, Персию, как тогда называли Иран, часто ставили Россию на грань войны с этими государствами.

Да и отношения казаков со степными и горскими народами, при всей этнокультурной близости первых ко вторым, были далеко не идиллическими. По мере же их превращения в сословие Российской империи и в ее военную опору на Кавказе, отношения с мусульманскими –

²⁹ Паничкин Ю., Щипачев Н. Рюриковичи и Романовы. Рязань, 2015. С. 154–167.

³⁰ Зуев Ю., Кадырбаев А. Указ. соч. С. 51–52.

горскими кавказскими народами все более обострялись³¹, что нашло выражение в активном участии казачьих войск в подавлении антиколониальных восстаний и в Кавказской войне³².

Казаки встречались на полях сражений с «инородцами» не только как враги, но и как товарищи по оружию. В войне 1812 г. с императором Франции Наполеоном I в рядах российской армии отличились донские казаки и башкиры, калмыки³³ и крымские татары. В русско-турецкой 1877–1878 г. и Первой мировой войнах плечом к плечу сражались против общего врага вчерашние противники в Кавказской войне – терские, кубанские, донские и горские полки. Под Ловчей 22 августа 1877 г. терские казаки и бойцы Терско-горского полка в конном строю атаковали османскую пехоту и разгромили ее. Причем, иногда горцам приходилось сталкиваться в бою со своими соплеменниками, беженцами-мухаджирами, изгнанными со своей родины российскими властями после Кавказской войны в Османскую империю и служившими в османской армии³⁴. В 1904 г. Кавказская конная бригада из горцев участвовала в составе русской армии в русско-японской войне. Служили казаки вместе с горцами и в личной охране высочайшей особы – последнего российского императора, когда им была оказана высшая степень политического доверия в государстве Российском. Наряду с чеченскими телохранителями ответственность за безопасность высшего лица в стране была возложена и на его императорского величества личный казачий конвой, сфор-

³¹ Зуев Ю., Кадырбаев А. Указ. соч. С. 52.

³² Величко В.Л. Кавказ. Русское дело и междуплеменные вопросы. СПб.: Тип. Артели Печатного дела, 1904. Т. 1. С.187–190.

³³ Шовунов К.П. Калмыки в составе Российского казачества (вторая половина XVII–XIX вв.). Элиста: КИОН РАН, Союз казаков Калмыкии, 1992. С. 247–267.

³⁴ Хотко С.Х. Очерки истории черкесов от эпохи киммерийцев до Кавказской войны. СПб.: СПУ, 2001. С. 292–336.

мированный из терцев и кубанцев, среди которых были казаки-осетины³⁵.

Важная роль казачества на национальных окраинах в России не исчерпывалась регионом Кавказа, являясь заметной военной составляющей в Центральной Азии, или как тогда называли этот край, в Туркестане, где были сосредоточены Уральское, Оренбургское, Сибирское и Семиреченское казачьи войска. Казачье войско «Семи рек» было учреждено 13 июля 1867 г. с целью присоединения к Российской империи Юго-Восточного Казахстана и Прииссыккуля (Семиречья), а также оазисной Средней Азии, где ныне Узбекистан и Таджикистан, или Западного Туркестана по терминологии того времени (XIX в.). Создавалось Семиреченское казачье войско на базе Сибирского казачьего войска и русских крестьян-переселенцев в Туркестан из Бийского, Тобольского, Тюменского округов, Томской и Воронежской губерний. 7 февраля 1847 г. император Николай 1 приказал приступить к переселению в Аягуз и Кокпекты (южнее г. Семипалатинска) 2-х сотен сибирских казаков. К 1850 г. 9-й Сибирский казачий полк уже нес службу на постоянной основе в укреплениях Аягуз и Копал (к югу от озера Балхаш). В 1853 г. в Семиречье на реку Или из Копала вышел отряд майора Перемышльского в составе 2-х сотен сибирских казаков и 2-х рот Сибирского линейного батальона с 2 орудиями – всего 470 человек. В 1854 г. они основали укрепление Заилийское Алатау, в 1855 г. переименованное в форт Верный (ныне г. Алматы). В июле 1855 г. возле Верного была основана Алматинская станица – первое казачье поселение в Семиречье – Заилийском крае. Первым наказным атаманом Семиреченского казачьего войска стал военный губернатор Семиреченской области в составе Туркестанско-

³⁵ Северный Кавказ в составе Российской империи. Серия *Historia Rossica*. / Под ред. О.В. Бобровникова, И.Л. Бабич. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 59–60.

го края – генерал Г.А. Колпаковский. Штат войска вначале состоял из 2-х полков 600-тенного состава. Через два года после создания, в 1869 г. в состав Семиреченского казачьего войска была включена 1 тыс. ойратов (калмыков), бежавших из соседнего Китая. Тогда в составе войска было 43 офицера, 123 урядника и 2 336 казаков. В 1868–1881 гг. Семиреченское казачье войско было в подчинении Туркестанского военного округа, в 1882–1897 гг. – Омского, а затем в 1898–1917 гг. опять – ТуркВО. Семиреченские казаки или семиречи участвовали в походах российских войск в Кульджинский край, подвластный цинскому Китаю (1871 г.) и в его оккупации в течение 10 лет, на Кокандское, Хивинское ханства, Бухарский эмират в 1873, 1875–1876 гг., штурмовали Андижан, Ак-Мечеть (ныне Кзыл-Орда). В 1903 г. император Николай II пожаловал Семиреченскому казачьему войску «за преданность престолу и Отечеству» войсковое Георгиевское знамя с надписью «Семиреченскому казачьему войску». Через 30 лет после создания Семиреченское казачье войско насчитывало 15 тыс. служилых казаков, а с членами их семей до 37 тыс. человек. Задачей семиреченских казаков была охрана границы с Китаем и контроль над местным – казахским и киргизским населением. Отношения семиреченских казаков с «иностранцами» были сложными из-за изъятия земель «иностранцев» в пользу семиречков. Большинство семиреченских казаков свободно владело казахским и киргизским языками. Во время Первой мировой войны семиречи несли службу в Персии, на западе которой проходил участок русско-турецкого фронта. Но семиречи в основном несли патрульную службу в этой стране, тогда бывшей полуколонией Российской империи, подавляли восстания мятежных туркменских и курдских племен, оставив о себе негативную память своей жестокостью по отношению к местному населению Персии. В 1916 г. семиречи приняли ак-

тивное участие в подавлении восстания народов Казахстана и Средней Азии против Российской империи³⁶.

После Октябрьской революции 2 ноября 1917 г. войсковой совет и войсковое правительство Семиреченского казачьего войска выступили против советской власти и установили в Семиречье военную диктатуру. 2–3 марта 1918 г. советские войска свергли в Верном войсковое правительство семиреченских казаков и установили советскую власть, которая 5 июня 1918 г. упразднила Семиреченское казачье войско. В ходе гражданской войны остатки разбитых белогвардейских войск, в составе которых находились семиреченские казаки во главе с атаманом Щербаковым, отступили на территорию Западного Китая, в Синьцзян. В течение двух лет в Казахстане главной антисоветской силой стали казачьи войска – Оренбургское, Уральское, Семиреченское и Сибирское – дислоцировавшиеся в Казахстане и на сопредельных с ним территориях России и Киргизстана³⁷.

Поскольку военная служба – важнейший атрибут казачьего сословия, а военная организация – один из стержней его структуры, то казаки – профессиональные военные представляли серьезную угрозу советской власти, чему способствовала сама советская власть, отменив все сословия и их привилегии. Оренбургские казаки атамана Дутова захватывают зимой 1918 г. Оренбург, Челябинск, блокировав железнодорожное сообщение с Туркестаном. В марте 1918 г. уральские казаки во главе с генерал-лейтенантом В.С. Толстовым совершают переворот в Гурьеве (ныне Атырау). В 1919 г. Толстов становится атаманом Уральского казачьего войска и в марте 1919 – январе

³⁶ Центральная Азия в составе Российской империи. Серия *Historia Rossica*. М.: новое литературное обозрение, 2008. С. 211–215.

³⁷ *Кадырбаев А.Ш.* Русские в Туркестане. Казачье войско «Семи рек». URL: <http://uverenniy.ru/tezisi-i-dokladi-suhov-nikolaj-vadimovich-v2.html?page=3> (дата обращения: 15.08.2019).

1920 гг. устанавливает в Приуралье и северном Прикаспии до северо-западного побережья Аральского моря военный режим, сотрудничавший в оперативном отношении с белогвардейцами омского «верховного правителя» России адмирала А.В. Колчака и вооруженными силами юга России под командованием генерала А.И. Деникина. В боях с уральскими казаками прославился герой гражданской войны, начальник 25 дивизии Красной Армии В.И. Чапаев. Еще в ноябре 1917 г. Семиреченский казачий войсковой совет, при поддержке национального казахского движения «Алаш-Орды», партий меньшевиков и эсеров, разогнал Советы в Семиречье. Но 3 марта 1918 г. в Верном (ныне Алматы) вновь устанавливается Советская власть, что вызывает мятеж в казачьих станицах, подавленный Красной гвардией. Последовавшее за этим упразднение Семиреченского казачьего войска подвигло казаков Семиречья к новой волне восстаний, поддержанных из Семипалатинска белогвардейской партизанской дивизией (до 10 тысяч казаков) атамана Б.В. Анненкова, для борьбы с которым был образован Семиреченский фронт, протянувшийся от предгорий Джунгарского Алатау до Прибалхашья. В составе белогвардейцев-казаков сражались и национальные части. Отряды казахской «Алаш-Орды», первоначально выступившие против советской власти, включались в оперативное подчинение Дутову, Анненкову, Колчаку. Известно о двух конных казахских полках Дутова, об особой части «Алаш-Орды» у атамана Анненкова, выполнявшей карательные функции – третьем конно-киргизском партизанском полке, затем сведенном в отдельный партизанский конно-киргизский дивизион.

Боевые действия в Казахстане и Средней Азии в целом имели второстепенное значение по сравнению с главными фронтами гражданской войны. Только в 1919 г., когда немногочисленная, не более 20 тысяч сабель и штыков, но мобильная армия уральских казаков сковывала значи-

тельные силы Восточного фронта Советской России, В.И. Ленин признал, что в данный конкретный момент судьба революции зависит от того, как скоро будет разгромлено уральское казачество. Ряд военных успехов уральских казаков, когда им, в частности, удалось разгромить штаб 25 дивизии Красной Армии в станице Лбищенской и убить ее начальника В.И. Чапаева, заставил советское командование бросить основные силы Восточного фронта против них.

После победы над уральским казачеством, основные силы которого отступили на Мангышлак и ушли в Персию с архивом Уральского казачьего войска, «беспощадный массовый террор» против оставшихся казаков и членов их семей, согласно директиве от 24 января 1919 г. Оргбюро РКП(б) был проведен «поголовно», «когда ушли целые станицы». Фактически репрессии против остатков уральского казачества не прекращались до 30-х гг. Воистину пророческими оказались слова старинной казачьей легенды: «На крови Яик зачался, на крови и кончится».

Еще более массовыми были выступления против советской власти Донского, Кубанского и Терского казачьих войск, представлявших основную силу кавалерии вооруженных сил юга России под командованием генералов Деникина и Врангеля. Казачество сильно пострадало от репрессий советской власти. «Красный террор», согласно решениям ВЦИК от 2 сентября и Совнаркома – советского правительства от 5 сентября 1918 г. был возведен в ранг государственной политики и стал нормой советской политики на десятилетия. В полной мере его вкусили и жители Центральной Азии – здесь и «рассказачивание», и создание института заложников, и массовые внесудебные расправы ЧК и Красной Армии по классовому и национальному признакам. В определенной степени, следствием такой политики в отношении казачества явилось участие 80 тысяч российских казаков во Второй мировой войне на

стороне нацистской Германии во главе с атаманами Красновым и Шкуро, хотя сотни тысяч казаков сражались с немецкими фашистами в составе Красной армии³⁸.

Таким образом, роль казачества в истории России и Казахстана противоречива и неоднозначна. Что касается взаимоотношений казаков со степными и горскими народами, то сейчас активизирована версия, согласно которой казаки были «кровавыми конквистадорами» и якобы вековыми врагами этих народов. В данной же работе, опираясь на дошедшие до нашего времени исторические и этнографические свидетельства, сделана попытка реконструировать другую версию, которая, по мнению автора, позволяет составить о казачестве, сложившемся в ходе смешения разных народов, прежде всего славянских, степных и кавказских, более объективное представление в свете его связей со степными и горскими кавказскими народами, чем однозначно «розовая» или «черная» версии.

Кавказская война и завоевание Центральной Азии, в которой активно участвовали казаки, изгнание горцев Западного Кавказа и степных народов Причерноморья – ногайцев и крымских татар, в большей части своей (адыгских народов до 90%, абхазов до 75%) в Османскую империю, а также подавление царскими властями восстаний центральноазиатских народов, тем не менее, не породили непримиримого антагонизма между русскими и этими народами, как иногда это бывает. Достаточно посмотреть на аналогичную ситуацию в армяно-турецких взаимоотношениях, которую пока не лечит даже время. Тем более, что после гражданской войны казаки сами оказались изгнанниками, спасаясь от террора большевиков, когда счет ушедших в эмиграцию казаков за пределы России шел на сотни тысяч людей. Взаимоотношения России и абхазов ныне более, чем дружеские, хотя их взаимоотношения в сравнительно недавнем прошлом были непросты. Вероят-

³⁸ Ермолин А.П. Революция и казачество. М., 1980.

но, правы и тот русский классик, кто сказал, что враждебность горцев излечит «время, образование и просвещение», и дагестанский поэт Р. Гамзатов, перу которого принадлежат стихи: «Ни хитроумье бранное, не сила, здесь, ни причем, я утверждать берусь, не Русь Ермолова Кавказ пленила, Кавказ пленила пушкинская Русь!» Причем, все это происходит в то время, как единоверная с Россией Грузия, вошедшая в состав Российской империи добровольно и тем спасшая свой народ от истребления и ассимиляции со стороны мусульманских соседей «под сенью дружественных (российских – Авт.) штыков» и увеличившая свое население от 60 тысяч до 4,5 млн. человек с 1801 до 1991 г., обязанная ей границами своего современного государства, и отпущенная из ее состава с миром, демонстрирует крайне недружелюбную позицию в отношении России, когда в 2008 г. даже решилась на войну с ней. Воистину, неисповедимы пути Господни...

И последнее, говорить о российском казачестве, равно как и о казахстанском, как об этносе не приходится, несмотря на все попытки придать ему этот статус. Можно считать казачество этнографической группой русского народа и не более того.

Глава 9. ЭПИЗОДЫ РУССКОЙ МИГРАЦИИ В СРЕДНЮЮ АЗИЮ: НА МАТЕРИАЛЕ ПРОЗЫ НИКОЛАЯ КАРАЗИНА¹

Николай Каразин – русский писатель второй половины XIX века. Участник российского завоевания Туркестана, литератор, художник, публицист, этнограф, он оставил обширный литературный материал, изобилующий фактами русского освоения Средней Азии.

В 2000-е годы в публицистике и интернет-блогах звучал вопрос: где же русская литература, отразившая эпоху российского завоевания Средней Азии?

Интервьюер «Русского журнала» задает современному писателю вопрос: «Тема колонизации азиатских окраин Империи почти не становилась темой литературных произведений, хотя во взаимопроникновении европейской и среднеазиатской культур можно увидеть ключи и к некоторым социокультурным процессам уже советского времени. С чем связано такое умолчание о единственном для России крупном колониальном освоении?»

Отвечает писатель Евгений Абдуллаев (Сухбат Афлатуни):

«Ну, если бы оно было единственным... Был еще Крым; был, конечно же, Кавказ. Они, похоже, и оттянули основные литературные ресурсы. И какие: Пушкин, Лермонтов, Толстой... Тут совпал период “колониального освоения” с романтизмом; романтизм вообще чувствителен к экзотике, к “берегу дальнему”. Даже кавказские повести Толстого еще светятся романтизмом, хотя и остывавшим... С азиатскими окраинами все было сложнее; когда русские войска брали Ташкент и подчиняли Бухарское

¹ Сведения об авторе: *Шафранская Элеонора Федоровна* – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской литературы Московского городского педагогического университета. E-mail: shafranskayaef@mail.ru

ханство, романтизм уже отпылал. А реализму с его умением открывать новые миры в самом ближайшем и обыденном, в “борще с мухами”, эти экзотические окраины были ни к чему. Толстой, понятно, уже туда не поехал. Вронского отправил, как в тридевятое царство. И в советское время Туркестан оставался литературно неосвоенным. Не считая туркменских вещей Платонова и “Узбекистанских импрессий” Кржижановского...»².

В унисон писателю рассуждает историк Сергей Абашин: «Большой Средней Азии, в отличие от маленького Северного Кавказа, вообще не повезло с великими русскими писателями. Хотя известно, что регионом они интересовались, Салтыков-Щедрин использовал “ташкентцев” для своей критики имперской бюрократии, Тютчев перед самой смертью живо интересовался военной экспедицией в Хиву, а Достоевский восторженно принял новость о взятии Скобелевым крепости Геок-тепе. И Толстого тоже Средняя Азия не обошла стороной»³.

Тем не менее, был писатель, весьма известный при жизни и плодотворный, открывавший новые миры и экзотические окраины, а именно Туркестан, – это Николай Николаевич Каразин (1842–1908). Идеологический диктат XX века сделал всё, чтобы это имя было забыто, несмотря на то, что при жизни Каразина с ним сотрудничали современники (Л. Толстой, А.П. Чехов и др.) и вплоть до 1930-х гг. его имя было популярно, а влияние его прозы обнаруживается в творчестве многих писателей.

Каразин – пионер в создании тех образов и стереотипов о Средней Азии, которые живы до сих пор. Други-

² Абдуллаев Е. Туркестан, Розанов, Заратустра // Русский журнал. 01.09.2011. URL: <http://www.russ.ru/pole/Turkestan-Rozanov-Zaratustra> (дата обращения: 31.07.2019).

³ Аккаунт Сергея Абашина на facebook, запись от 5 октября 2017 г. URL: <https://www.facebook.com/sergey.abashin/posts/1115044558626182> (дата обращения: 31.07.2019).

ми словами, Каразин – слагатель туркестанского текста русской культуры. Множество мемуаристов вспоминает Каразина как очевидно известного в свое время культурного деятеля. При его жизни, параллельно с публикациями каразинских романов и очерков, в петербургских журналах печатались рецензии на них и подробные разборы, содержащие однозначную оценку: Каразин – явление самобытное, узнаваемое. Его прозу переводили на иностранные языки как при жизни (на немецкий, французский)⁴, так и в ХХI в. – на английский⁵.

Имя Каразина надолго исчезает из литературного процесса ХХ в. Лишь в 1992 г. появляется словарная статья о писателе⁶. Однако в ранний советский период Каразин все же был удостоен статьи в Литературной энциклопедии (1931)⁷, где ему вынесли вердикт, вычеркнув его имя из истории литературы: «К. изображал купцов, предпринимателей, аферистов, к-рые бросились в Среднеазиатские владения в погоне за легкой наживой. Жестокая борьба

⁴ При жизни Каразина переведены несколько сборников его прозы: на немецкий – «Ак Токмак. Очерки нравов Центральной Азии», опубликованные в «Deutsche Rundschau» в 1875 г., «Der Zweibeinige Wolf» – «Двуногий волк» (1876); на французский – «Scènes de la vie terrible dans l'Asie centrale» – «Сцены ужасной жизни в Центральной Азии» (1880) и «Le Pays ou l'on se battra: voyages dans l'Asie Centrale» – «Страна, в которой сразимся: поездки в Центральную Азию» (1879), и др.

⁵ *Karazin N.N. In the Distant Confines / Translated with an introduction by Antony W. Sariti. Bloomington, Indiana: Author House, 2007.*

⁶ *Баскаков В.Н. Каразин Николай Николаевич // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 2: Г–К / Гл. ред. П.А. Николаев. М.: Большая Российская энциклопедия, 1992. С. 468–469.*

⁷ *В.Б. Каразин // Литературная энциклопедия / Ред. коллегия: П.И. Лебедев-Полянский И.Л. Маца, И.М. Нусинов и др.; отв. ред. А.В. Луначарский. М.: Комакадемия, 1931. Т. 5. С. 107–108. (Инициалы составителя статьи, В.Б., в энциклопедии не расшифрованы.)*

этих рыцарей первоначального накопления друг с другом на почве конкуренции – обычная тема его произведений. К. менее всего интересуется угнетенными и бесправными “инородцами”. Среди русских писателей прошлого он – один из немногих – является ярким представителем колониального романа. У К. заметно пристрастие к кричащим эффектам и мелодраматической фабуле»⁸ – фрагмент энциклопедической презентации-приговора.

Как видно из цитаты, текст составлен в стилистике вульгарного социологизма, с его классовыми акцентами, взаимосвязью социальной ниши писателя (в статье подчеркнуто дворянское происхождение Каразина) и его творчества. Упомянутые «кричащие эффекты» (вероятно, составители имели в виду этнографизм сюжетов Каразина) – это, пожалуй, самая яркая черта, делающая его прозу неповторимой. Она завораживает современного читателя, а уж тогдашнего, для которого Каразин был Колумбом Средней Азии, и подавно. Называть любовные сюжеты «мелодраматической фабулой» – этого принижающего «комплимента» может быть удостоен, при желании, всякий любовный сюжет. Упрек советских критиков в адрес Каразина по поводу того, что он «менее всего интересуется угнетенными и бесправными “инородцами”» может быть опровергнут дореволюционной критикой, свободной от прессинга советской идеологии и писавшей совершенно противоположное – в частности, о пристрастии Каразина к изображению местных народов, на которых, как указывал литературный критик П. Никитин, он и «сосредоточил свое внимание»⁹.

Таким образом, откровенно тенденциозная энциклопедическая статья 1931 г. о Каразине исключала его из

⁸ В.Б. Каразин // Литературная энциклопедия...

⁹ Никитин П. Ташкентские рыцари (Повести и рассказы Н.Н. Каразина. Иллюстрированное издание) // Дело. 1874. № 11. Современное обозрение. С. 19.

русской литературы. Причины дальнейшего забвения Каразина лежат в идеологической плоскости.

В 1930-х гг. власть грубо вмешивается в колониальный дискурс, в художественную литературу в том числе. Появляется иная риторика – антиколониальная, в основе своей противопоставленная колониальной политике царской России: «Обе революции 1917 года, временный распад империи, кровавая Гражданская война и установление большевистского режима с обещаниями построить новое общество на принципах, отрицающих колониализм, стимулировали в российских интеллектуальных кругах артикуляцию антиколониальных дискурсов»¹⁰.

СССР наследовал от Российской империи, по преимуществу, всю территорию в ее прежних границах – в частности, Русскую Среднюю Азию (или Туркестанский край), возникшую под таким именованием в результате военной экспансии. Процессы, происходившие в этом регионе, до 1917 г. позволительно было (и есть) именовать колонизаторскими, но после – это стало называться «добровольным процессом вхождения», хотя захват окраинных территорий Средней Азии продолжался прежним способом и после установления советской власти. То, как это воссоздано в прозе Каразина – очевидца, участника русско-туркестанского проекта, противоречило пропагандистским мифам, которые тиражировались на протяжении всего советского XX века.

В чем же причины замалчивания прозы Каразина в XX веке? Они не могут быть связаны с творчеством, с собственно художественными текстами. Их надо искать в другой плоскости: идеологической, ментальной, или в том антропологическом узоре, который пропагандировала на определенном этапе истории власть – советская.

¹⁰ Тольц В. «Собственный Восток России»: Политика идентичности и востоковедение в позднеимперский и раннесоветский период. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 169.

Туркестанская война XIX в., став главным объектом изображения Каразина, напрочь ушла из сознания современного человека: никогда не упоминаются те десятки тысяч солдат, запечатленных на полотнах Каразина и Верещагина, которые остались лежать в среднеазиатской земле, в песках пустыни, большею частью захороненных тайно от врага, чтобы он не отрыл их могилы (которых, собственно, и нет), без крестов, без каких-либо опознавательных знаков. За что сражались те солдаты? Кто-нибудь о них сегодня помнит?

<...>

Мир ему! один лежит в пустыне,
И никто не искал,
Не нарезал имени, прозванья
На отломке диких скал;
Не творят молитвы, поминанья;
Персть забвенью предана;
У одра больного пожилая
Не корпела мать родная,
Не рыдала молода жена...¹¹

Возможно, потому и «не захотели» помнить прозу Каразина, потому что в ней бесстрастно, почти документально, отражена война, не вписывающаяся ни в советскую, ни в постсоветскую идеологическую парадигму.

Первоначально экспедиционные наблюдения Каразина за ландшафтом и этносами Средней Азии воплощались в этнографические очерки, публиковавшиеся в российских столичных журналах, с которыми Каразин сотрудничал. Далее этот материал переключивал, не меняя своей информативной нагрузки, в его романы, рассказы и повести. Каразин был лидером в ряду писателей-

¹¹ Грибоедов А.С. Соч.: В 2 т. М.: Правда, 1971. Т. 2. С. 28. Стихотворение «Восток», приписываемое А.С. Грибоедову.

беллетристов последних трех десятилетий XIX в., его стиль был узнаваем.

Для поэтики прозы Каразина (как для поэтики беллетристики вообще) характерны такие черты и приемы: повествователь – путешественник, наблюдатель, обозреватель; сочетание авантюрного, социологического, исторического сюжетов; ситуация частного человека в историческом событии; предпочтение создавать не характер, а типологический персонаж; «изображение “среды обитания” (жилища, утвари, интерьеров и т. п.)»¹²; присутствие детективного мотива; этнографическая составляющая. В итоге – реализуется одна из главных функций беллетристики – ознакомительная.

В Туркестане Каразин командует ротой в пятом Туркестанском линейном батальоне. Он участник кровопролитных штурмов Зарабулака и Ургута, описанных им в рассказах «Зарабулакские высоты» и «Ургут», а также в очерке «Атака собак под Ургутом». Каразин, не новичок в боевых действиях, пишет об отличии европейских и азиатских войн: во втором случае «комизм положений потрясающим образом смешивается с мрачной трагедией смерти. Крайнее неравенство сил, разнообразие введенного в дело оружия, пестрота и разнохарактерность костюмов и типов; наконец, религиозная ненависть, борьба за свои семьи и свободу, все ужасы и безвыходность могущего случиться плена – разжигают личные страсти до невероятных пределов, и перед вашими глазами развертываются картины такой оригинально-ужасной борьбы, что вы как очарованные не можете оторвать своих глаз от страшной арены...»¹³.

Эта интонация понимания, сочувствия выделяет Каразина из ряда тех, кто писал о туркестанском завоевании:

¹² Грибоедов А.С. Указ. соч. С. 52.

¹³ Каразин Н.Н. Атака собак под Ургутом // Нива. 1872. № 38. С. 599.

Каразин воспроизводит дискурс колонизируемых, поначалу стойких и уверенных в своей победе:

«“К нашему городу подходил Тамерлан (так написано в наших книгах) и ушел ни с чем. На нас шел Эмир Бухарский и осрамил только свою бороду – положите и вы грязь на свою голову; но у Эмира было войско: сколько глаз ни видел с высоты наших гор, все это было покрыто его сарбазами¹⁴, его зеленые палатки тянулись вдоль, вплоть до самого неба. А вы с чем пришли, где ваше войско? Это что ли?” и они презрительно поглядывали на наш крошечный отряд, на наши единственные две пушки, и даже сплевывали в сторону, чтобы выказать нам свое полнейшее презрение»¹⁵.

Здесь, в Туркестане, у Каразина сложились дружеские связи с офицерами, которые впоследствии станут героями сербо-турецкой и русско-турецкой войн 1876–1878 годов, с художником Василием Верещагиным. Этим туркестанским бойцам посвятил стихи «Туркестанские генералы» (1911) Николай Гумилев:

<...>

И кажется, что в вихре дней

<...>

Они забыли дни тоски,

Ночные возгласы: «к оружию»,

Унылые солончаки

И поступь мерную верблюжью;

Поля неведомой земли,

И гибель роты несчастливой,

И Уч-Кудук, и Киндерли,

И русский флаг над белой Хивой.

Забыли? — Нет! Ведь каждый час

¹⁴ Сарбазы – солдаты.

¹⁵ Каразин Н.Н. Атака... С. 601.

Каким-то случаем прилежным
Туманит блеск спокойных глаз,
Напоминает им о прежнем.

<...>

И сразу сердце защежит
Тоска по солнцу Туркестана.

О них пишет и Каразин в романе «Наль»:

«...Пионеры эти были особенные. Это были борцы, закаленные в боевых трудах и лишениях, наученные долгим и суровым опытом, отважные в своем стремлении вперед, непоколебимо стойкие, когда приходилось удерживать занятое.

Это были солдаты, которые за долгую службу давно уже забыли свои деревни и все, что у них дома; сжились, сроднились с номерами своих частей; в них видели все свое, вне их – чужое. Это были люди, которые не то чтобы не дорожили своими головами, но умели смотреть смерти прямо в глаза, считая ее только “простою случайностью”. В боевом отношении каждый солдат был мастер своего дела, охотник, не массовый ноль строя, а вполне сознательная единица.

Одним словом, это были кадры нынешних “старо-туркестанских” батальонов. <...> ...Население одного какого-нибудь небольшого азиатского городка чуть не втрое превышало численность всех наших сил, а перед нами была вся Азия, со своими, еще гордыми, не терпевшими поражений, могучими ханствами. <...> Местности, уже занятые нами, сохраняя полную жизненную связь с независимыми ханствами, смотрели на это занятие как на временное пленение, не переставали относиться к нам как к непримиримым врагам и постоянно готовы были к предательскому восстанию в тылу. <...> Да, это было время трудное, опасное, но увлекательно интересное; время, о котором до сих пор еще добром поминается в боевых туркестанских кружках, и многое, случившееся в это время,

давно уже приобрело себе ореол легендарности, много лиц осенилось славою былинных героев... Все мелкое, заурядное сгладилось в памяти живущих, сохранились только общие, крупные черты, и эти черты невольно казались особенно размашистыми, не вмещающимися в скромные рамки современного»¹⁶.

Звание «туркестанца» с гордостью носил и сам Каразин: «Да, то было другое время! трудное, “горевое”, как выражаются солдаты, вспоминая о недавних походах; но это время имело и свою увлекательную сторону, это время создало особый, оригинальный тип русского солдата, тип Черняевского туркестанца»¹⁷.

Ряд его романов (например, «На далеких окраинах», «Погоня за наживой»¹⁸) посвящен деятельности «господ ташкентцев», нуворишей, внедрившихся во вновь обретенные земли Средней Азии. В опубликованном очерке «Амударьинская ученая экспедиция» (1874) Каразин писал о 1867 годе: «Это был год реформ вновь завоеванного края. Понадобились офицеры, чиновники, всякий рабочий люд – и понадобились в огромном количестве. <...> Шутники говорили, что в осень 1867 года было “великое переселение народов из виленских канцелярий в ташкентские”»¹⁹.

Роман Каразина «С севера на юг» (1874–1875) повествует о простых людях, обезземеленных крестьянах, снявшихся с насиженных мест и двинувшихся в Туркестанский край. «Недостаточность пахотной земли исключительно в

¹⁶ Каразин Н.Н. Наль // Н.Н. Каразин Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб.: Изд. П.П. Сойкина, 1905. Т. 5. С. 14-15.

¹⁷ Каразин Н.Н. Атака... С. 599.

¹⁸ См.: Каразин Н.Н. На далеких окраинах. Погоня за наживой: Романы / подгот. Э.Ф. Шафранская; отв. ред. Б.Ф. Егоров. М.: Наука, 2019. (Серия «Литературные памятники»).

¹⁹ Каразин Н.Н. Амударьинская ученая экспедиция // Нива. 1874. № 36. С. 566.

лесных губерниях» служила поводом к переселению и выдаче пособий переселенцам. «Прямая выгода этого переселения должна была отразиться и на новом крае, где роскошные земли, бывшие до сих пор мертвым капиталом, получили, наконец, возможность заработка»²⁰.

Новые земли представлялись переселенцам неким туркестанским Эльдорадо, землей благодатной. «Кабаков-то там, трактиров разных видимо-невидимо про этот случай понастроено... гульба, брат, с бабами всласть! Пожил это с неделю, опять к кунакам своим в кочевья... Вольная жизнь! Ни патенту от тебя не требуется, ничего! Другой раз в двадцать годов про паспорт твой никакая собака не донюхается; и при такой слободе — что хошь!»²¹.

Общий хор тех, кто откликнулся на манок завоевателей, нарушается редкими голосами скептиков: «Вы, – говорит, – что только делать над собою хотите, головы вы неумные. Бросите, говорит, свою родную сторону, храмы Божьи, могилы отцовские. Молитвы все пере забудете в стране той, идолянской; там, говорит, нечисть и мрак, злато дьявольское... роду нашему, людскому, на смущение!»²².

Когда дошли до «земли благодатной», наступило разочарование, но назад ходу не было: «Совсем изменилась степь супротив прежнего; дорога пошла твердая... <...> Вот и земля пахотная видна; чуть-чуть нацарапана, совсем дрянно, неумелыми, непривычными руками. Только ухмыльнулись мужики, на эту пашню глядячи. <...> Тетка Арина, эка дрянь баба, до выгтя охотница, начала сначала было потихоньку, да как заголосила вдруг, разом во всю глотку»²³.

²⁰ Каразин Н.Н. С севера на юг // Н.Н. Каразин. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб.: Изд. П.П. Сойкина, 1905. Т. 7. С. 9.

²¹ Там же. С. 93.

²² Там же. С. 26.

²³ Там же. С. 103-104.

Критик журнала «Дело» (1874), разбирая особенность литературного таланта Каразина, пишет:

«Он пользуется беллетристической формой не для того, чтобы проводить и доказывать те или другие теоретические положения – как это делает большинство наших современных беллетристов, – а только для того, чтобы разъяснять и комментировать сложившиеся в его уме *картины* местной жизни и нравов. Ни в выборе, ни в концепции, ни в освещении этих картин нет решительно ничего такого, что бы могло дать повод заподозрить их автора в *пристрастном* отношении к наблюдаемым им фактам. Он объективен не потому, чтобы он особенно старался быть объективным, а просто потому, что его таланту совершенно чужда всякая субъективная рефлексия. Картины окружающей действительности поражают его воображение, и он непосредственно переносит их... не на полотно, а на писчую бумагу, не внося в них ничего или почти ничего *своего*, лично ему принадлежащего»²⁴.

Как все начиналось?

Остановимся на некоторых наблюдениях, сделанных Каразиным.

«Лет тридцать тому назад подошли русские люди в реке Сырдарье, огляделись, да и порешили стать здесь постоянною, твердою ногою.

Новые поселенцы не были хлебопашцы, не были купцы, не были горожане, – они только дорогу проложили сюда для всех тех последующих, кому охота будет в такую даль да глушь забираться. Да и пришли новые поселенцы не своею волею, а их привели.

Это были солдаты, а потому, хотя и принялись тотчас же по приходе за лопаты и кирки, только не для мирной разработки новых земель, а для возведения прочного боевого оплота – крепости. <...> Велика степь, всем места

²⁴ Никитин П. Указ. соч. С. 17.

хватит! Что за беда, что пришли сюда “белые рубахи” с севера и заняли у них всего одну только гору, и то такую, что совсем она для них не годилась, хоть бы ее и вовсе не было»²⁵.

Со смехом поглядывали «косоглазые», как русские начали строить лодки «из железа», мол, разве «железо плавают?»²⁶, однако, когда лодки спустили на воду, все «сообща порешили, что от таких людей, которые с шайтаном дружбу ведут, лучше подальше, чтоб самому не попасть ему в лапы»²⁷. Чуть повыше форта русские основали город Казалу. «Все больше стало прибывать с севера русского народа, шире и шире расплзаться русский город...»²⁸. «Ведь это они нас теснить с нашего места насиженного почали!»²⁹, – говорили туземцы.

Часто случались конфликты. Русская артель решила собрать камыш для хозяйственных нужд, однако местное население отслеживало, кто посягает на их собственность: «А твой камыш это? – пытается старик. – А кто его знает, чей... ишь, его много... надо полагать, вольный! – Наше место, наш и камыш, и трава наша, и вода наша, – все здесь наше, а вы пришли и чужое забираете! <...> ...А камыш не трогай, здесь бросай. Вы нашим ничего своего не даете и нашего зато не трогайте»³⁰.

Своеобразным символом завоевания Туркестана стал баран. В одном из первых романов Каразина «Погоня за наживой» помещена притча, где сказано, что бараны там, т. е. в Средней Азии, «паслись уже совсем готовые – варенные и жаренные... молоко текло по всем арыкам»³¹. Разуме-

²⁵ Каразин Н.Н. С севера... Т. 7. С. 104-105.

²⁶ Там же. С. 106.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. С. 107.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. С. 204.

³¹ Каразин Н.Н. Погоня за наживой // Н.Н. Каразин. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб.: Изд. П.П. Сойкина, 1905. Т. 3. С. 214.

ется, этого «барана» Каразин подхватил³² у Салтыкова-Щедрина, который дал старт *барану* как паттерну туркестанского текста, сделав из него манок для русских. В «Господах ташкентцах» в небольшом фрагменте слова *баран*, *баранина* повторены много раз:

«Помилуйте! да какой вам еды лучше! *баранина* есть, водка есть... выпил рюмку, выпил другую, съел кусок... <...>

– Что вы! да разве вы не слышали, какая у них там *баранина*... <...>

А уж там-то, на месте-то какое житье! *баранина*, я вам скажу... <...>

– Однако, я слышал, что *баранину* можно достать отличную... <...>

– И! что вы! да там, говорят, такая *баранина*... <...>

– Народ простой, непорченный-с. Опять, сказывают, что у них даже простая *баранина* от многих недугов исцеляет! <...>

Проповедовать – можно! Только вот сказывают, что они по постам *баранину* лопают, – ну, это истребимо с трудом! Одним словом, все заканчивают свои речи *бараниной*, все надеются на *баранину*, как на каменную гору. <...>

– Если эта *баранина* хоть в сотую долю так вкусна, как об ней говорят, то я уверен, что через полгода в стране не останется ни одного *барана*! Увы! такова судьба цивилизующего начала! Оно истребляет туземных *баранов* и, взамен того, научает обывателей удовлетворяться духовною пищею! Кто в выигрыше? кто в проигрыше? те ли, которые уделяют пришельцу частицу стад своих, или те, которые, в возврат за это, приносят с собой драгоценнейший из всех плодов земных – просвещение?»³³ (курсив мой. – Э.Ш.).

³² «Господа ташкентцы» публиковались с 1869 по 1873 гг., роман Каразина «Погоня за наживой» – в 1873 г.

³³ Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч.: В 20 т. М.: Худож. литер., 1970. Т. 10. С. 45–47.

Щедрин иронично перечисляет «углы», из которых раздается «баранина»: первый, второй... восьмой угол. Шквальная обойма «баранины» – намек на традиционный «артефакт» восточной окраины, персонажа ойкумены. «...Как приедешь, пиши, обо всем пиши – все, что как там есть, насчет жизненных удобств и прочее. Не может быть, в самом деле, чтобы там только одна баранина была?»³⁴.

В романе «С севера на юг» Каразин превращает этот манок – барана – в детективный сюжет. Новые русские переселенцы соблазнились чужим – крадут у киргизов барана.

«Давно уже наши скоромятины не пробовали, глаза разгорелись, зубы просто защелкали»³⁵. Решив, что у киргизов этого добра, баранов, много, что, может, уже и счет потерял, да в писании сказано: «“поделись с неимущим от избытков своих, воздастся за то тебе сторицею. Ему же, киргизу, значит, выйдет из того выгода”. Сцапали они тогда барашка одного, порядочного таки, голову отмахнули, чтобы не орал, да в лодку, рогожею покрыли и прочь поскорее поплыли»³⁶. Первый раз пронесло, случился и второй – выкрали сразу трех баранов, и тоже удачно. «И завелось у наших с той поры такое положение. В неделю чтобы два раза беспременно. А дни чтобы менять, потому орда приноровиться может»³⁷.

Однако киргизы выследили русских и собрались судить их по своим законам и традициям, – так русские переселенцы постепенно возвращались в реальность. Хотя манок о Туркестане – земле обетованной – притягивал в тот край еще не одно поколение «господ ташкентцев»:

«Делов-то в этой стороне много, хороших делов; коли человек с головой, он в три года силу-капитал достать

³⁴ Каразин Н.Н. Погоня за... Т. 2. С. 15.

³⁵ Там же. Т. 8. С. 280.

³⁶ Там же. С. 280-281.

³⁷ Там же. С. 285.

может. <...> “Косоглазые” тебя это принимают с почетом, потому ты гость, “кунак”, по-ихнему купец; мяса-то это нажрешься у них, баранины, кумысу налакаешься. А тут не зевай, брат, дела обделывай... Где за рубль, где за полтора, а где и в промен на что, почитай задаром, баранов скупаешь... Наберешь десяток-другой в город, хошь примерно в тот же Казалинск гонишь, к базарному дню. Что купил за рубль, получай пятерку, за что платок какой куначный в шесть гривен али сережки в пятнадцать копеек – получай в десять раз супротив плаченого...»³⁸.

Относительно быстро в чужой земле послышался русский говор: «Довольно длинная городская улица тянулась... <...> ...Слышались голоса: то гортанные звуки туземного говора, то бойкая русская речь <...> киргизская “адалай-га” и русская характерная брань, не русским языком произносимая...»³⁹.

Русский переселенец мимикрировал под туземца, «посуду всю завел киргизскую, ел, однако, ложкою, по-нашему, а только ежели где случалось в гостях, у бия какого-нибудь степного, то не хуже косоглазых всею пятернею работал, – научился и этому...»⁴⁰.

Каразина удивила церемониальная особенность азиатов во время просьб, обращений, благодарности прикладывать руку (руки) к животу (к желудку), о чем он многократно повторяет: «Взглянул хозяин – Дмитрий-ходжа идет, веселый такой, улыбается, рот свой беззубый показывает, издали еще *руки к желудку* поджимает в знак почтения, на ходу кланяется»⁴¹.

Общим местом стала констатация гостеприимства как черты ментальности народов Средней Азии. Однако не всё однозначно: для представителей инокультуры, в

³⁸ Каразин Н.Н. Погоня за... Т. 7. С. 92-93.

³⁹ Каразин Н.Н. С севера... Т. 8. С. 46.

⁴⁰ Там же. С. 232.

⁴¹ Там же. С. 451.

частности пришедших русских, стало очевидно, что чаще это формальность, церемониальный этикет, когда тебя спрашивают о здоровье, твоей семье и близких, но с равнодушными глазами, и ответ звучать совсем не должен, это лишь форма приветствия, как и русское пожелание здоровья – «здравствуйте», которым обмениваются порой совсем безразличные друг к другу люди. «“Что за дьявол?” – думают они. А те опять: – “Аман-сыз?” (здоровы ли вы? значит). Да ладно, говорят, ничего, слава те, Господи! Откедова? – Те опять за свое: “Джаны-гыз-аман-ба?” (скот и душа здоровы ли ваши?)»⁴².

Местные слова быстро входили в русскую речь. Так, Каразин зафиксировал слово из обиходной лексики русских Средней Азии – *малай, малайка*. «Кличка всякого работника-туземца»⁴³ – из примечаний Каразина. «Эй, *Малайка*, сбегай к Салтыку в аул, скажи, чтобы ко мне сватов загнал, да подарков поболе, я, значит, согласна!»⁴⁴.

В романе «С севера на юг» есть фрагмент, в котором рассказывается о строительстве русскими тюрем vs зиндан. Из зиндана убежать было невозможно – это могила, где смерть наступала естественным образом, без казни – от мучений, голода, насекомых, зловония: на кости, трупы предыдущих узников спускали обреченных новых. Русские же тюрьмы другие, их Каразин описывает так:

«Попался раз Дабуй-барантач (разбойник. – Э.Ш.). Долго на него зарились, шибко досадить успел. Поймали, наконец, изловчились, обрадовались. Ну, думают, за все теперь выместим. Припомним тебе все твои пакости. Заперли его в казематку крепостную, часовых приставили, а он в первую же ночь и убег. Стали тюрьму оглядывать: ан под стенку ход прорыт, словно нора лисья, прямо взади казематки, к обрыву береговому. И чудно, право, как: зем-

⁴² Каразин Н.Н. С севера... Т. 7. С. 256.

⁴³ Там же. Т. 7. С. 47.

⁴⁴ Там же. Т. 8. С. 258.

ли даже не видать вывороченной. Вот он, значит, каким манером удрал: подрылся»⁴⁵.

На этом примере автор не останавливается – он предлагает еще и еще случаи, похожие на первый: о внезапности исчезновения арестованных⁴⁶, чтобы прийти к выводу: «Уйти, значит, только тот не может, кто сам не захочет... Ну, таких и запереть не для чего...»⁴⁷.

Весь этот пассаж о русских среднеазиатских тюрьмах, построенных из самана (кирпича из глины, перемешанной с соломой), смеем предположить, не мог не впечатлить Николая Лескова. В 1882 г. Н.С. Лесков публикует рассказ «Путешествие с нигилистом», где есть фрагмент, сродни каразинскому, в котором описывается странное, таинственное исчезновение из тюрьмы заключенного. «...Стали везде по камерке смотреть – ни дыры никакой, ни щелочки – ничего нет...»⁴⁸, исчез, как «нахалкиканец из-за Ташкенту».

Проза Каразина насыщена реальными историческими персонажами, среди них первостепенное место занимают туркестанские предприниматели, это те самые «господа ташкентцы», разбогатевшие сами и внесшие немалый вклад в процветание края.

Один из них Первушин, упоминаемый в двух романах – «На далеких окраинах» и «Погоня за наживой». «В 1866 году отпрыск солидной московской купеческой семьи – в то время совсем молодой Иван Иванович Первушин – получил от отца доверенность на ведение дел в Туркестанском крае»⁴⁹. Мануфактурные магазины в Таш-

⁴⁵ Каразин Н.Н. С севера... Т. 8. С. 319.

⁴⁶ Там же. С. 320-321.

⁴⁷ Там же. С. 322.

⁴⁸ Лесков Н.С. Собр. соч.: В 12 т. М.: Правда, 1989. Т. 7. С. 172.

⁴⁹ Голендер Б.А. Коммерсанты старого Туркестана // Б.А. Голендер. Мои господа ташкентцы: История города в биографиях его знаменитых граждан. Ташкент: Infocom. Uz, 2007. С. 121.

кенте, шелкомотальная и табачная фабрики, первый винзавод, добыча полезных ископаемых – это неполный список начинаний и достижений Первушина.

Имя предпринимателя до сих пор живет в Ташкенте в народной городской топонимике: название одного из переулков звучит как *Переушка* – это модифицированная *Первушка*, или Первушинский переулок, называвшийся так прежде в честь Ивана Первушина.

Дмитрий Николаевич Захо – ташкентский купец первой гильдии, торговал бакалеей и мануфактурой, готовым платьем⁵⁰.

«Обрусевший грек, Димитрий Николаевич Захо появился в Ташкенте в 1868 году и в том же году открыл маленькую табачную лавочку, в которой было товару не более как рублей на двести, в следующем году в компании с Александром Федоровичем Розенфельдом открыл беспроигрышную лотерею с панорамой с платой по 50 коп. с человека. Дела лотереи были настолько удачны, любителей картинок и выигрышей карандашей, перьев, ручек и т. д. было так много, что в следующем году Розенфельд открывает кафе-ресторан, а Захо выписывает канцелярские принадлежности и берет на них подряды на поставку в разных казенных учреждениях. Проходит еще год, Розенфельд – владелец галантерейного магазина, а Захо с письменных принадлежностей переходит на мануфактуру и также на галантерею. Дальше браться за те или другие предприятия и наживать деньги было уже легко, ибо цены на все привозимые из Европейской России товары были невероятны»⁵¹.

Назначение этого внесюжетного персонажа у Каразина – придать повествованию черты историзма и доку-

⁵⁰ Варенцов Н.А. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 792.

⁵¹ Добросмыслов А.И. Ташкент в прошлом и настоящем: Исторический очерк. Ташкент: Тип. Порцева, 1912. С. 383.

ментальности, так как личность ташкентского предпринимателя Захо была у всех на устах, и не только в те «туркестанские» времена. Эхо фамилии Захо докатилось до 60–70-х годов XX в.: в Ташкенте стояли здания гостиниц, построенные Захо, его имя упоминалось в устной речи русского Ташкента. Здания, принадлежавшие Захо, были разрушены на волне модернизации города после землетрясения 1966 г. Известность личности Захо в Туркестанском крае подтверждается современниками Каразина, в частности, в воспоминаниях Н.А. Варенцова:

«Фамилия Захо мне хорошо была известна как крупного купца, владельца универсального магазина и большой недвижимости в Ташкенте.

Д.Н. Захо на меня произвел приятное впечатление: с длинной красивой бородой, черными глазами, хотя немного лукавыми, но добрыми, он был немного выше среднего роста и родом грек. Цель его приезда была познакомиться со мной, чтобы в будущем получить через меня кредит в Торговом банке; об этом я догадался потом, гораздо позже.

Собираясь уезжать и прощаясь, Дмитрий Николаевич взял с меня слово, что я обязательно приеду к нему, и прибавил: “У меня бывает почти весь город, можете встретить всех нужных для вас лиц; проведете время, я надеюсь, скучать не будете, после обеда у меня всегда карты, если не любите карты, найдете интересное общество”»⁵².

Дмитрий Захо много жертвовал городу Ташкенту: на его деньги была построена колокольня кафедрального собора⁵³. Без упоминания имени Захо русский Туркестан в каразинском исполнении не был бы полноценным.

⁵² Варенцов Н.А. Указ. соч. С. 299.

⁵³ См.: Абдуллаев Е. История Ташкентского Свято-Успенского кафедрального собора // Восток свыше. Вып. 33–34. Ташкент, 2011. С. 24.

Михаил Иванович Хмуров – персонаж Каразина в романе «На далеких окраинах», у него есть реальный прототип – М.А. Хлудов. В других произведениях Каразина он предстает как имя собирательное, родовое – уже под реальным именем – Хлудова. Кульминацией сюжета о Хлудове-Хмурове как в реальной жизни, так в повествовании Каразина была удивлявшая всех его страсть к хищникам, к умению управлять ими. По воспоминаниям московского предпринимателя Н.А. Варенцова, жизнь многочисленной династии купцов Хлудовых была сдобрена байками, криминальными историями, Хлудовы были притчей во языцех.

«Из-за любви к сильным ощущениям он (Хлудов. – Э.Ш.) имел ручных тигров, свободно разгуливающих по его громадному особняку, наводя на посещающих его ужас. Бывали случаи, когда они перескакивали через каменный забор хлудовского сада и попадали в соседний сад дома Борисовского, наводя на гуляющих там детей и взрослых панику. В доме Хлудовых случился пожар, приехавшие пожарные быстро вбежали в дом и были встречены двумя тиграми, обратившими их в бегство. Как-то по какому-то делу к М.А. Хлудову приехал Н.А. Найденов, лакей проводил его в кабинет хозяина, тот закурил папиросу, спокойно ожидая прихода Хлудова. Дверь распахивается – и вместо хозяина является тигр, спокойно направляющийся к нему; нужно представить себе, что пережил в эти минуты Найденов, не отличавшийся большой храбростью; дома говорили, что ему после этого посещения пришлось сделать ванну»⁵⁴.

В «Оргии у Хмурова» – главе романа «На далеких окраинах» – описано подобное же приключение: в зал, полный гостей, ввели тигра.

Жалоба брандмайора и Найденова генерал-губернатору вынудила Хлудова избавиться от тигров:

⁵⁴ Варенцов Н.А. Указ. соч. С. 209-210.

один был сдан в зоологический сад, второй пристрелен хозяином – поговаривали, что ночью Хлудов проснулся, когда почувствовал, что тигр лижет его расцарапанную руку.

Помимо тигра, Хлудов держал в доме волка, медведя. Этому любителю диких животных приписывали гипнотические способности умирять хищников, которые распространялись и на людей: однажды забастовавшие рабочие требовали к себе руководство компании, все попрятались, вышел к рабочим Хлудов, и через минуты между ним и забастовщиками наладились мирные отношения, хозяин повел рабочих в ближайшее питейное заведение⁵⁵.

Упомянут легендарный Хлудов и в романе Каразина «Голос крови» – как честный, справедливый, способный разделить чужую беду – и тоже под фамилией Хмуров, в своей аутентичной роли – главы предприятия «Хмуров и компания». Фигура реального прототипа – Хлудова – настолько мифологизировалась в повседневности конца XIX в., став обобщенной и вобравшей в себя черты и отца Хлудова, Алексея Ивановича, и сына, Михаила Алексеевича, и его братьев, в частности, Василия Алексеевича, что в каразинской прозе, по законам фольклорной действительности, с беспечностью стали варьировать детали в именовании персонажа: разные отчества в предыдущем фрагменте (то *Михаил Алексеевич*, то *Михайла Васильевич*). С одной стороны, это могло быть редакторской небрежностью, с другой – эти детали не столь важны, важна сама личность, ее типические черты, узнаваемые читателем.

Легендарный купец Хлудов упоминается в других произведениях Каразина под реальным именем. Так, в рассказе «Джигитская честь», описывая амуницию молодого джигита в превосходных тонах, рассказчик сообщает: «...через плечо, на тонком ремешке, пашка, не простая –

⁵⁵ Варенцов Н.А. Указ. соч. С. 213.

здешняя, а черкесская, вся в серебре с чернью, и бирюзою ободки на ножнах обозначены. Подарил ему эту шашку купец Хлудов, московский, с которым Хафиз раза два на охоту в горы ездил, да раз от барантачей вдвоем от десяти-рых отбивались и отбились»⁵⁶.

В рассказе «Три дня в мазарке» на станции, среди постояльцев, упомянуты приказчики Хлудова: «Орда бунтует! – пояснил другой. – Мы вот приказчики, у Хлудова, Михайлы Иваныча, таперича нам дозарезу надуть к шестому числу на место поспеть...»⁵⁷.

Феномен Хлудов/Хмуров для своего времени был настолько очевиден и прозрачен, что в текстах Каразина происходит аберрация: называя по фамилии купца, вспоминая его эпатажные и благородные поступки, писатель жонглирует фамилиями, реальной и вымышленной, – не суть важно. Так, в романе «Погоня за наживой», желая показать смену генерации в Туркестанском проекте, выход на сцену новых купцов, с более откровенными стяжательскими и меркантильными интенциями, Каразин неоднократно отсылает читателя к прошедшим временам – эпохе первых туркестанских побед, говоря о людях, что они «из старых, черняевских»⁵⁸, служивших в «черняевских отрядах»⁵⁹, и, конечно же, поминая времена Хлудова/Хмурова, говоря о том, что эпоха его ушла: «Вы у Хмурова прежде служили...»⁶⁰, «...крупная фирма Хмурова (она рушилась еще до моего приезда)...»⁶¹; рассуждения нувориша новой, послехмуровской волны: «Вот Хмуров, например, человек уже совершенно пустейший: авантюрист и больше ничего,

⁵⁶ Каразин Н.Н. Джигитская честь // Н.Н. Каразин. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб.: Изд. П.П. Сойкина, 1905. Т. 9. С. 182-183.

⁵⁷ Каразин Н.Н. Три дня в мазарке // Н.Н. Каразин. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб.: Изд. П.П. Сойкина, 1905. Т. 9. С. 198.

⁵⁸ Каразин Н.Н. Погоня за... Т. 3. С. 248; 349.

⁵⁹ Там же. С. 295.

⁶⁰ Там же. Т. 2. С. 59.

⁶¹ Там же. Т. 3. С. 155.

а каково пошел, каково! Европейская известность. От иностранных держав орденские награды получал. Портрет вон во “Всемирной Иллюстрации” напечатан был: сидит это в русском кафтане, тигр лежит у самых ног, значит, в полном повиновении»⁶².

Мифологизация предпринимателя распространилась на локальное пространство его обитания: «Проехали улицы, выбрались из-под остатков триумфальной арки хмуровской архитектуры...»⁶³. «Эка пройда, эка пройда! «Кабы нашему такого!» – говорили про него (авантюриста с криминальными историями. – Э.Ш.) приказчики распадающейся фирмы Хмурова»⁶⁴. Михаил Алексеевич Хлудов «...был субъект патологический: где бы ему ни приходилось жить, везде оставлял за собой ореол богатырчества, удивлявший всех. Несмотря на его безумные кутежи, безобразия, в нем проглядывало нечто, что увлекало людей, им интересовались, с любопытством старались разобраться в его личности; его беспредельная храбрость и непомерная физическая сила, которую он употреблял ради только своих личных переживаний, удивляли всех; поражало его магическое влияние на хищных зверей, подчинявшихся ему и дрожащих при одном его взгляде. Мне думается, – пишет Н.А. Варенцов – если бы его духовная жизнь была бы в сфере более высших переживаний и вождений, из него мог бы получиться великий человек, но, к сожалению, все его духовные силы поглощались низменными чувственными желаниями, именно: пьянством и развратом. Михаил Алексеевич особенно сделался известным в Средней Азии, где он был с войсками при завоевании ее; его помощь при снабжении армии продуктами, которое удавалось только благодаря его удаливству, была ценима командным составом. Мне пришлось быть в Азии

⁶² Каразин Н.Н. Погоня за... Т. 3. С. 164.

⁶³ Там же. С. 261.

⁶⁴ Там же. С. 344.

в 1891 году, много лет спустя после Хлудова, и разговоры о его приключениях и удалстве не прекращались, меня водили даже показывать тот дом, где он жил. Каразин в своем романе “На далеких окраинах”, описывая его, называл его Хмуровым»⁶⁵.

Как уже было сказано, эпатажным в семье Хлудовых был не один Михаил Алексеевич; собирательный образ Хлудова стал прототипом Хлынова в «Горячем сердце» А.Н. Островского и Ивана Федосеевича в «Чертогоне» Н.С. Лескова. Мемуарист М.К. Морозова вспоминает родственников своего мужа, матерью которого была В.А. Хлудова. «Я уже упоминала, что М.А. обладал исключительно живым, вернее бурным характером. Все проявления его характера были бурными, как гнев, так и веселость. Вообще Михаил Абрамович (так. – Э.Ш.) по складу своего характера и вкусам был похож на Хлудовых, семью своей матери. Хлудовы были известны в Москве как очень одаренные, умные, но экстравагантные люди, их можно было всегда опасаться, как людей, которые не владели своими страстями»⁶⁶.

К Хлудовым часто обращались за помощью, среди прочих – Л.Н. Толстой. «Лев Николаевич иногда заходил к Варваре Алексеевне (Хлудовой. – Э.Ш.), и она всегда старалась помочь крупными суммами денег в тех делах, о которых он просил ее»⁶⁷.

Н.С. Лесков по настоянию Суворина переделывает «Чертогон», в частности, пишет своему издателю:

«...переделал, как *хочется Вам*. Главное: картина хлудовского кутежа, который был *в прошлом году* и на нем Кокорев играл. Что живо прочтется. Сказано теперь тол-

⁶⁵ Варенцов Н.А. Указ. соч. С. 209.

⁶⁶ Морозова М.К. Мои воспоминания // Московский альбом: Воспоминания о Москве и москвичах XIX – XX веков. М.: Наше наследие, 1997. С. 199.

⁶⁷ Там же. С. 202.

ковее...»⁶⁸. «Говоря о хлудовском кутеже, Лесков из ряда представителей московской купеческой семьи Хлудовых скорее всего имеет в виду миллионера, основателя нескольких хлопчатобумажных торговых фирм и собирателя древнерусских рукописей и книг А.И. Хлудова (1818–1882), который и является прототипом героя повести – Ильи Федосеевича»⁶⁹.

Не обходит вниманием эпатажную семью Хлудовых и В.А. Гиляровский: «В семидесятых и восьмидесятых годах (XIX в. – Э.Ш.) особенно славился “хлудовский стол”, где председательствовал степеннейший из степенных купцов, владелец огромной библиотеки Алексей Иванович Хлудов со своим братом, племянником и сыном Михаилом, о котором ходили по Москве легенды»⁷⁰. Гиляровский создает образ семьи Хлудовых, опираясь на разные источники: «так рассказывали о Хлудове очевидцы»⁷¹ или «мой приятель, бывший участник этой войны, рассказывал такую сцену»⁷²; при этом он приводит и документальные свидетельства: «“Развлечение”, модный иллюстрированный журнал того времени, целый год печатал на главном рисунке своего журнала центральную фигуру пьяного купца, и вся Москва знала, что это Миша Хлудов, сын миллионера-фабриканта Алексея Хлудова»⁷³. Гиляровский собирает информацию о семье Хлудовых, подает ее как факт: «старик Хлудов до седых волос вечера проводил по-молодому, ежедневно за лукулловскими ужинами в Купеческом клубе, пока в 1882 году не умер скоропости-

⁶⁸ Лесков Н.С. Собр. соч.: В 11 т. / Под ред. В.Г. Базанова и др. М.: Худож. литер., 1957. Т. 6. С. 654.

⁶⁹ Там же. С. 654.

⁷⁰ Гиляровский В.А. Избранное: В 3 т. М.: Моск. рабочий, 1961. Т. 3. С. 125.

⁷¹ Там же. С. 126.

⁷² Там же. С. 127.

⁷³ Там же. С. 125.

жно по пути из дома в клуб. <...> Когда карета Хлудова в девять часов вечера подъехала, как обычно, к клубу и швейцар отворил дверку кареты, Хлудов лежал на подушках в своем цилиндре уже без признаков жизни»⁷⁴. Про Хлудова-младшего Гиляровский пишет, что тот был «притчей во языцех»:

«Последний раз я видел Мишу Хлудова в 1885 году на собачьей выставке в Манеже. Огромная толпа окружила большую железную клетку. В клетке на табурете в поддевке и цилиндре сидел Миша Хлудов и пил из серебряного стакана коньяк. У ног его сидела тигрица, била хвостом по железным прутьям, а голову положила на колени Хлудову. Это была его последняя тигрица, недавно привезенная из Средней Азии, но уже прирученная им, как собачонка. Вскоре Хлудов умер в сумасшедшем доме, а тигрица Машка переведена в зоологический сад, где была посажена в клетку и зачахла...»⁷⁵.

В ряду туркестанских купцов: «...Все эти наши Захо, Федоровы, Тюльпаненфельды, Филатовы и компания...»⁷⁶ – стоит остановиться на личности Дмитрия Львовича Филатова. В прозе Каразина Филатов упоминается среди первых русских предпринимателей Туркестана. Это была знаковая фигура тех времени и места, забытая в советское время, но ныне почитаемая в Узбекистане, в частности, в Самарканде: в центре города стоит отреставрированный «Дом Филатовых», где размещен Музей вин Средней Азии и дегустационный винный зал. Из повести Каразина «В камышах»: «Александр Вульфзон, сняв с себя сюртук, в одном жилете, разгружал ящики с портером, присланные ему от Филатова, из Ташкента...»⁷⁷.

⁷⁴ Гиляровский В.А. Избранное: В 3 т...Т. 3. С. 125-126.

⁷⁵ Там же. С. 128.

⁷⁶ Каразин Н.Н. Погоня за наживой... Т. 3. С. 155.

⁷⁷ Каразин Н.Н. В камышах // Н.Н. Каразин. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб.: Изд. П.П. Сойкина, 1905. Т. 13. С. 161.

По воспоминаниям Н.А. Варенцова:

«Дмитрий Львович Филатов был маленького роста, с длинной бородой, сам себя называл – хитро улыбаясь – Черномором, тем намекая на составившуюся про него славу любимчика дам, но мне казалось, что он сам старался этим рекламировать себя среди любопытных ташкентских дам, любительниц экстравагантностей. Он жил открыто с одной красивой дамой, отбитой им у ее мужа Вараксина, что еще более утвердило за ним славу как любимчика дам. Д.Л. Филатов начал свою карьеру, как и Д.Н. Захо, они были маркитантами при русских войсках, двигавшихся в Ташкент. Это общее дело связало их, и они остались на всю жизнь друзьями. При занятии Ташкента и дальнейшем завоевании Средней Азии Захо и Филатов все время работали вместе, к ним в это время деньги текли безостановочно: офицерство, получая большие оклады во время войны, швырялось деньгами на покупку дорогих вин, закусок, остальное проигрывало в карты. После окончания войны Д.Н. Захо поселился в Ташкенте, выстроил дом, завел торговлю, а Д.Л. Филатов поселился в Самарканде, накупил земель, развел виноградники и начал делать вино, славившееся как лучшее в Средней Азии»⁷⁸.

Филатов был первым и признанным виноделом Туркестана, удостоенным российскими и зарубежными наградами⁷⁹.

Таким образом, не только приметы ландшафта и быта, привычки местного населения и его языковые особенности, но и знаменитые персоны, жившие в определенную эпоху и оставившие в ней след, стали яркими приметами каразинского образа русского Туркестана, эпохи его первоначального освоения русскими колонизаторами.

⁷⁸ Варенцов Н.А. Указ. соч. С. 300-301.

⁷⁹ См.: Назарьян Р.Г. Самаркандская старина: Документальные очерки: Кн. 1. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 101-113.

Глава 10. СТАНОВЛЕНИЕ РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В СИТУАЦИИ ТРЕХЪЯЗЫЧИЯ В КАЗАХСТАНЕ: СИНХРОННЫЙ АСПЕКТ¹

Новейшие приоритеты в области лингвистических исследований обусловлены сегодня политическим контекстом и нацелены на взаимопонимание народов, добрососедские отношения между Россией и Казахстаном, диалог национальных культур. В последние годы особое внимание языковеды уделяют человеческому фактору в языке и роли носителя языка как центральной фигуры в коммуникативном процессе.

В Казахстане в течение последних 25 лет менялась парадигма, определяющая роль того или иного языка в жизни общества и страны. Соответственно менялась и языковая ситуация, менялись факторы влияния на языковую ситуацию и носителей языка. В последние 3 года обозначились новые интересные тенденции в этой области.

В целях реализации Государственной программы развития образования и науки на 2016–2019 гг. Правительством Республики Казахстан был принят план мероприятий, в котором предусмотрены пункты по развитию трехъязычия². Сегодня политика трехъязычия в Казахстане получила репутацию уникальной формулы, позволяющей казахстанцам стать органичной и конкурентоспособной частью современного цивилизованного мира. В XXI столетии это обычная мировая практика: во многих

¹ Сведения об авторе: *Смирнова Юлия Георгиевна* – кандидат педагогических наук, доцент кафедры языковых знаний Алматинского университета энергетики и связи.

E-mail: yulia19780402@gmail.com

² Об утверждении плана мероприятий по реализации Государственной программы развития образования и науки Республики Казахстан на 2016-2019 гг. URL: <https://egov.kz/cms/ru/law/list/P1600000243> (дата обращения: 16.06.2019).

развитых странах граждане владеют несколькими языками. Казахстан не стал исключением. Конституционный статус государственного языка здесь имеет казахский, официальный – русский. Признана роль английского языка как языка международного общения.³

По данным Комитета по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан⁴ численность учащихся организаций технического и профессионального образования по языкам обучения на начало учебного года следующая.

³ Здесь надо отметить, что трехъязычие стало объектом небезосновательной критики в Казахстане. Существует мнение о том, что казахский язык не является мировым языком, в отличие от русского и английского, поэтому приоритет должен сохраняться именно за казахским как государственным языком Казахстана. Уравнивание казахского с русским и английским может иметь негативные последствия для казахского языка. Иная точка зрения в том, что Казахстан находится в центре Евразии, это перекресток цивилизаций, языков и культур. Политика трехъязычия не отвечает современным реалиям, здесь должно быть пятиязычие – казахский язык как государственный, русский как официальный и язык межнационального общения, английский как язык международного общения, китайский как язык ближайшего могущественного соседа Казахстана – Китая – и язык торгово-экономических отношений, арабский как язык доминирующей конфессии Казахстана, ислама. Отметим, что в Концепции государственной политики в религиозной сфере Республики Казахстан на 2017-2020 гг. Казахстан представлен как поликонфессиональное государство. URL: <http://dinvko.gov.kz/rus/pravovaya-baza/kontseptsiya-gosudarstvennoj-politiki-v-religioznoj-sfere-rk-na-2017-2020-gody/> (дата обращения: 19.06.2019). Пожалуй, только в современном Казахстане можно увидеть, как представители разных конфессий отмечают вместе Пасху, купаются в проруби на Крещение, отмечают Наурыз и Курбан Айт.

⁴ Комитет по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан URL: <http://stat.gov.kz/> (дата обращения: 16.06.2019).

2016–2017 уч. г.: казахский язык обучения – 287 935 чел.,
русский язык обучения – 199 973 чел., иные языки
обучения (в том числе английский) – 1 018 чел.

2017–2018 уч. г.: казахский язык обучения – 289 935 чел.,
русский язык обучения – 198 568 чел., иные языки
обучения (в том числе английский) – 834 чел.

2018–2019 уч. г.: казахский язык обучения – 289 958 чел.,
русский язык обучения – 198 831 чел., иные языки
обучения (в том числе английский) – 1029 чел.

Сведений о национальном составе учащихся технических колледжей и вузов Казахстана на сайте Комитета по статистике РК на момент написания данной статьи нет.⁵ Можно отметить, что на казахском отделении в технических вузах и колледжах республики преобладает казахский этнос, в то время как на отделениях с русским языком обучения – представители многих этносов Казахстана.

Приведенная статистика не дает объективных данных о степени владения казахским, русским и английским

⁵ Статистика по общеобразовательным школам Казахстана (на момент начала учебного года, тыс. чел.) следующая: 2016–2017 уч. г.: казахский язык обучения – 1 883,1, русский язык обучения – 871,4, иные языки обучения (в том числе английский) – 101,3; 2017–2018 уч. г.: казахский язык обучения – 1 960,8, русский язык обучения – 909,5, иные языки обучения (в том числе английский) – 101,9; за 2018–2019 уч. г. на сайте Комитета по статистике РК сведений нет. Число общеобразовательных школ Казахстана по языкам обучения в 2019 г.: на казахском – 3 797, на русском – 1 312, на узбекском – 12, на уйгурском – 11, на таджикском – 1, на других языках – 5, смешанного типа – 2 255. Национальный состав учащихся общеобразовательных школ в 2019 г.: казахи – 2 385 864, русские – 392 675, узбеки – 129 869, уйгуры – 51 981, украинцы – 32 596, азербайджанцы – 25 746, немцы – 27 046, турки – 15 570, татары – 24 122, корейцы – 17 160, таджики – 11 183, киргизы – 6 231, другие – 66 191. / Комитет по статистике... URL: <http://stat.gov.kz/> (дата обращения: 16.06.2019).

языком, а лишь приблизительное представление. Реальную картину с высокой степенью точности могли бы дать количественные результаты TORFL (ТРКИ) по русскому языку, TOEFL или IELTS по английскому языку и КАЗТЕСТ по казахскому языку при условии стопроцентного охвата тестированием населения страны, всех возрастных, гендерных и национальных групп. В результате такого исследования можно было бы определить профиль языковой личности (модель приведена в таблице 1, слева – уровень по шкале Европейского языкового портфеля, снизу – языки, которыми владеет человек).

Таблица 1 – модель языковой личности

C2				
C1				
B2				
B1				
A2				
A1				
	Каз.яз.	Рус.яз.	Англ.яз.	Др.яз.

Эта модель очень удобна, поскольку она наглядно демонстрирует особенности языковой личности. Например, глядя в таблицу 1, мы видим, что перед нами носитель казахского языка, владеющий русским языком на средне-продвинутом этапе (достаточным для учебы в магистратуре в российском вузе или для работы в российских компаниях), английским на базовом уровне (достаточным для туристической поездки в англоязычные страны) и каким-либо другим языком (можно указать, каким именно, например, турецким). Кроме того, человек, который видит собственный языковой профиль, сумеет точно определить свои приоритеты и повысить у себя уровень того или иного языка за некоторый срок.

В настоящее время по причине высокой стоимости такое мультикластерное индикаторное исследование, де-

тально и с предельной точностью выявляющее особенно-сти языковой личности, в масштабах Казахстана невозможно.

Текущей языковой ситуации предшествовал определенный исторический контекст. На протяжении нескольких столетий роль русского языка в Центральной Азии и в Казахстане была различной.

В период российского протектората, в составе Российской империи, была создана сеть русско-казахских школ. Многие выпускники этих школ учились в гимназиях Семипалатинска, Омска, Оренбурга. Так, в городе Верном (ныне Алматы) в 1867 г. были открыты двуклассные мужские и женские училища⁶, а годом позже там же были открыты мужская и женская гимназии⁷. Исторический

Рис. 1. Ф. Достоевский и Ч. Валиханов, май 1859 г., г. Семипалатинск. Фото из открытых источников.

факт: многие представители казахской интеллектуальной элиты владели русским языком.

Это и Абай Кунанбаев, основоположник казахской письменной литературы, ее классик, автор блестящих переводов произведений А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова. Это и Ибрай Алтынсарин, казахский педагог, ученый, разработчик классических учебников,

в том числе «Начального руководства обучения казахов русскому языку» (1879), автор литературных переводов

⁶ Энциклопедия «Алма-Ата» / под. ред. М.К. Козыбаева. – Алма-Ата: Казахская советская энциклопедия, 1983. С. 594.

⁷ Там же.

Л.Н. Толстого и И.А. Крылова. Это и Чокан Валиханов, ученый-этнограф, историк, офицер, путешественник, друг Ф.М. Достоевского (рис. 1).

Большое влияние на распространение русского языка в регионе оказали ссыльные. Это имело положительный эффект: ссыльные, как правило, были людьми образованными, владевшими русским литературным языком. Это момент, на который мало обращают внимание исследователи: благодаря этому фактору распространялась литературная форма русского языка, не диалекты и не говоры. Конечно, до революции 1917 г. здесь проживали и пред-

Рис. 2. Урок в школе
в Средней Азии. Фото с сайта
<https://1917.pushkininstitute.ru/>

ставители русского казачества, купечества, православного духовенства, чиновничества, но они не имели такого большого влияния на качество русского языка того периода, как ссыльные. 31 декабря 1910 г. в г. Верном официально была открыта библиотека-читальня имени Л.Н. Толстого (в советский период – Государ-

ственная библиотека им. А.С. Пушкина, ныне Национальная библиотека Республики Казахстан), а в 1900 г. было учреждено «Общество ревнителей просвещения»⁸, существовавшее до 1906 г.

Революция 1917 г. стерла границы между сословиями. До Октябрьской революции уровень грамотности⁹

⁸ Энциклопедия «Алма-Ата»...

⁹ Под грамотностью здесь понимаются умение читать и писать короткие, простые предложения, касающиеся повседневной жизни, а также умение считать и осуществлять простые арифметические расчеты.

населения в Казахстане варьировался в пределах 4–8% населения в зависимости от региона, городской или сельской местности, то есть был крайне низким (это относилось в равной степени к казахскому и к русскому языкам). Похожая ситуация с грамотностью сложилась и в других советских республиках. В связи с этим 12 апреля 1924 г. в г. Алма-Ате было организовано общество «Долой безграмотность!»¹⁰.

Отметим, что до 1917 г. на территории Туркестанского края на русском языке активно распространялась литература идеологического характера. В 1880 в г. Верный был завезен «Капитал» К. Маркса, переведенный на русский язык и изданный в Петербурге в 1872 г. В 1903 г. был распространен «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, работы В.И. Ленина в газете «Искра» за 1902 г. В этот же период организуются типографии для тиражирования листовок и прокламаций большевиков. Среди рабочих распространялись газеты «Правда», «Вперед», «Крестьянская газета» на русском языке¹¹. После 1917 г. появились другие газеты: «Заря свободы» (переименовывалась несколько раз – «Огни Алатау», «Вестник Семиреченского трудового народа», «Голос Семиречья», выходила на казахском и русском языках), «Жетісу», «Көмек» [там же] и др.

Приход большевиков к власти повлек за собой перемены. Так, с 17 августа 1918 г. была введена бесплатная лечебная помощь населению¹².

3 августа 1919 г. в Верном был открыт первый советский театр, 26 декабря 1920 г. состоялась премьера оперы П.И. Чайковского «Евгений Онегин»¹³, эта опера ставится на сценах казахстанских театров до сих пор и собирает

¹⁰ Энциклопедия «Алма-Ата»... С. 597.

¹¹ Там же. С. 594–595.

¹² Там же. С. 595.

¹³ Там же. С. 596.

аншлаги. Позже, в 1934 г., появится русский драматический театр им. М.Ю. Лермонтова (ныне Государственный академический театр драмы им. М.Ю. Лермонтова)¹⁴.

С 1926 г. в КазССР начали курсировать первые автобусы. В 1927 г. была запущена первая коммунальная электростанция, а годом позже началась радиофикация страны¹⁵.

Развивалась промышленность. Например, в Алма-Ате в 1927 г. был построен кирпичный завод, в 1928 – лесопильный завод, в 1932 была запущена швейная фабрика, в 1936 – табачная фабрика. 25 апреля 1930 г. через Алма-Ату прошел первый сквозной поезд по Турксибу. В 1930 г. в Алма-Ате начато строительство первой водопроводной сети. В 1934 г. появился Алма-Атинский литейно-механический завод. В 1936 г. начала функционировать первая пассажирская авиалиния Алма-Ата – Москва¹⁶.

Вывод прост: русский язык был в тот период не только проводником коммунистической идеологии, стоявшей на страже интересов трудящихся, он был проводником прогресса, и это было серьезной мотивацией для его изучения местным населением.

Безграмотность большинства населения являлась серьезным препятствием для пропаганды. К примеру, как объяснить «Капитал» Маркса казаху? узбеку? киргизу? Тому, кто не говорит по-русски? Тому, кто не может читать и писать на родном языке? Поэтому большевистская власть поставила задачу в кратчайшие сроки ликвидировать неграмотность среди населения. В 1930 г. в Казахстане был введен всеобуч. В 1929 г. открывается Алма-Атинский зооветеринарный институт, в 1930 – сельскохозяйственный институт, в 1931 – Алма-Атинский государственный медицинский институт, в 1932 – Алма-Атинское музы-

¹⁴ Энциклопедия «Алма-Ата»... С. 596.

¹⁵ Там же. С. 597.

¹⁶ Там же. С. 597-598.

кальное училище имени П.И. Чайковского, Казахский научно-исследовательский институт охраны материнства и младенчества КазССР, в 1933 – Казахский краевой научно-исследовательский институт глазных болезней и научно-исследовательский институт просвещения (позже – институт педагогических наук имени И. Алтынсарина), в 1934 – Казахский государственный университет и Казахский горно-металлургический институт¹⁷. Все эти вузы существуют и сегодня, лишь названия немного изменились.

Белась активная пропаганда грамотности среди всех слоев населения Казахстана и Центральной Азии. Очень ярко этот процесс показан в фильме «Первый учитель» (режиссер А. Кончаловский) по повести Ч. Айтматова, сюжетная линия фильма основана на реальных событиях, показаны реальные лица. Учитель Дюйшен, как многие педагоги того времени, решал крайне сложную задачу: обучить грамоте и в то же время доходчиво объяснить суть марксизма-ленинизма народу Туркестана. Дюйшен – это не просто образ педагога-гуманиста, это строитель цивилизованного мира, проповедник просвещения и культурного преобразования человека.

Советский агитпроп преподносил грамотность как важнейшую составляющую на пути к улучшению качества жизни населения, как способ воспитать мышление свободного человека, избавленного от гнета непосильного труда в условиях капитализма. Большевикам действительно удалось устранить гендерное и сословное неравенство в сферах грамотности и образования в советских республиках, в том числе в Казахстане. Была проведена колоссальная педагогическая работа.

Был увеличен выпуск периодических изданий в КазССР. Так, в 1930 г. появился первый номер республиканской газеты «Қазақстан пионері», в 1931 – журнал

¹⁷ Энциклопедия «Алма-Ата»... С. 597–598.

«Большевик Казахстана» (позже – «Партийная жизнь Казахстана»), в 1933 – детская газета «Дружные ребята» (существует до сих пор) и первый сборник «Казахстан» (предшественник журнала «Простор», этот журнал существует до сих пор), в 1934 – первый номер газет «Қазақ әдебиеті» и «Темір жолшы»¹⁸.

Советское государство стало самой читающей страной в мире. Выражение «Книга – лучший подарок» – из советского обихода. Домашняя библиотека в каждой советской семье была объектом престижа, свидетельствующим о моральных устоях. В советском обществе культивировалось уважительное отношение к книгам, и они нередко становились предметом коллекционирования. Именно в советскую эпоху проявляются интересные стороны книжной культуры: несколько килограммов старых ненужных газет (макулатуры) можно было обменять на новенькую книгу или даже серию книг; появляются магазины подержанных книг – букинисты; в каждом населенном пункте, в каждом городском районе или сельском округе открываются бесплатные государственные библиотеки для населения всех возрастов. Поскольку экономика книгоиздательского дела была иной, ориентированной на большие тиражи, цена советской книги была низкой в сравнении с ценой книги сегодня, это делало книгу более качественной и доступной. Грамотность при таких условиях довольно быстро стала неотъемлемой частью жизни казахстанцев, хотя процесс ее внедрения в массы был отнюдь не молниеносный.

Всеобуч и грамотность стали частью советского наследия, бережно сохраняемой в современном Казахстане: уровень грамотности населения за последние годы составляет около 99%¹⁹. В современном Казахстане функ-

¹⁸ Энциклопедия «Алма-Ата»... С. 597–598.

¹⁹ Данные о Казахстане UNESCO URL: <http://uis.unesco.org/country/KZ> (дата обращения 21.06.2019); Казахстан. Индекс гра-

ционирует 4 100 библиотек, за 2017 г. было зафиксировано 51 511 836 посещений, из них – 10 592 857 посещений казахстанских библиотечных порталов²⁰.

Процесс внедрения грамотности в довоенный период шел неодинаково. Казахский язык в довоенные годы пережил двойную реформу: это внедрение латиницы и кириллицы. Интеллектуальная общественность Казахстана до сих пор имеет неоднозначное мнение по этому вопросу. С одной стороны, такой подход советской власти по ликвидации безграмотности запустил социальные лифты, улучшил качество жизни казахстанцев в долгосрочной перспективе, а с другой – казахский язык перестал быть транслятором идей памятников книжной культуры, созданных на арабице. Без сомнения, это был идеологический шаг на антирелигиозной основе, поскольку распространение арабского письма тесно шло с распространением ислама, и это противоречило атеистической догме коммунизма. Справедливости ради следует отметить, что первоначально большевики учли религиозность местного населения. Например, в 1917 г. в Верном был организован «Объединенный союз мусульманских рабочих», а в 1919 году Верненский комитет большевиков организовал мусульманскую секцию КПТ²¹.

Процесс борьбы с неграмотностью в Казахстане протекал на фоне реформ Г.И. Голощекина, насильственной коллективизации (1925–1927 гг.), последствий в виде голодомора (1932–1933 гг.) как части общесоюзного голода (1932–1933 гг.), в контексте сталинских репрессий. Обстановка для внедрения в умы светлых идеалов просвещения

мотности взрослого населения 15+. Мировой атлас данных Knoema. URL: <https://knoema.ru/atlas> (дата обращения: 21.06.2019).

²⁰ Комитет по статистике... URL: <http://stat.gov.kz/> (дата обращения: 16.06.2019).

²¹ Энциклопедия «Алма-Ата»... С. 596.

была отнюдь не радужная, это была тяжелая атмосфера отчаянной и жертвенной борьбы за жизнь.

В период с 25 июля по 20 августа 1935 г. в Москве состоялся VII конгресс Коминтерна. Д.З. Мануильский в докладе «Итоги социалистического строительства в СССР» резюмировал: «В среднеазиатских республиках выросла своя промышленность с трехсоттысячным отрядом пролетариев. До революции в сельском хозяйстве Туркестана работало 800 плугов, сейчас полмиллиона плугов и 15 тыс. тракторов вспахивают среднеазиатские поля, 70% дехканских хозяйств Средней Азии охвачено коллективизацией. До революции в начальных школах Туркестана обучалось ничтожное количество детей, и то преимущественно русских. В 1934 г. в 11 тыс. начальных школ Средней Азии обучалось на родном языке 1 млн. детей. Там имеется 35 высших учебных заведений. До революции в Туркмении было 0,7% грамотного населения, сейчас там 70% населения овладело грамотой. <...> В далеких знойных степях Средней Азии свершилось величайшее историческое событие, которое вызывает глубокое волнение на всем Востоке, где живет больше половины человечества. В среднеазиатских республиках Советского Союза, где недавно царил феодально-помещичий, рабский уклад, сегодня создается социалистический строй. <...> Мы подняли к активной политической и производственной жизни такой огромный слой населения, как женщины. Крестьянка, исходившая слезами от безысходной нужды, стонавшая песню о горькой долюшке, долюшке женской, рожавшая в знойную страдную пору на полосыньке, превращается в колхозе в активного, смелого участника социалистической стройки. <...> Новый колхозный устав обеспечил за ней право на отпуск во время родов с сохранением ее среднего заработка в колхозе. Она избирается в правления колхозов, в сельсоветы, в райисполкомы, в областные и всесоюзные руководящие органы. На последних выборах в члены

сельсоветов было избрано 330 тыс. женщин, председателями сельсоветов работают 2 500 женщин, в горсоветы избрано 50 тыс. депутатов-женщин. А сколько женщин награждено орденами Ленина и Трудового Красного Знамени! Государство делает все для того, чтобы шире раскрыть перед трудящейся женщиной выход на арену общественной и производственной жизни. С этой целью ей облегчают заботу о детях — дошкольными учреждениями у нас охвачено около 8 млн. детей. <...> Наши дети вообще окружены горячей любовью, вниманием и заботой, как ни в одной капиталистической стране. Мы покончили с детской беспризорностью, унаследованной нами от нашего тяжелого прошлого. У нас нет брошенных на произвол судьбы детей, ибо государство и общество берут на себя заботу об осиротевших детях»²².

В 30-е гг. активно обсуждается вопрос о латинизации русского алфавита (рис. 3). Конечно же, здесь тоже присутствовал идеологический антирелигиозный мотив (ведь история появления кириллицы связана с деятельностью православных миссионеров Кирилла и Мефодия) и идея Всемирного Коммунистического Интернационала. Уместно будет вспомнить, что в гимне Коминтерна, написанном в 1928 г. Х. Эйслером на немецком языке и переведенным на русский И. Френкелем, в припеве звучат слова: «Наш лозунг – Всемирный Советский Союз!» Латинизация алфавитов народов соцстран (наряду с другими аспектами) должна была объединить трудящиеся народы мира под знаменем коммунизма. Но процесс латинизации русского языка не был начат в силу нового поворота истории: внимание Коминтерна переключилось на консолидацию усилий в борьбе с нарастающей фашистской угрозой.

²² VII конгресс Коммунистического Интернационала, борьба против фашизма и войны. Сборник документов. М.: Политиздат, 1975. С. 318–320.

Рис. 3. Статья А.В. Луначарского «Латинизация русского алфавита» в Красной газете от 7 января 1930 г. Фото с сайта <https://1917.pushkininstitute.ru/>.

Следует отметить, что период конца XIX в. и до войны – это время появления высокохудожественных переводов на казахский язык произведений русской классической литературы на основе обеих график – латиницы и кириллицы.

Рис. 4. Книги русских классиков, переведенные на казахский язык, латинская графика, довоенные издания. Фонд редких книг Национальной библиотеки Республики Казахстан, г. Алматы. Фото с сайта <https://nlrk.kz/page.php>.

Огромная заслуга в деле литературного перевода на казахский язык русской классики принадлежит лучшим умам казахского народа того времени: Ильясу Жансугурову (самый известный перевод романа в стихах «Евгений Онегин» А.С. Пушкина, переводы произведений М.Ю. Лермонтова, Н.А. Некрасова, И.А. Крылова, В.В. Маяковского и др., Жансугуров дважды перевел «Песнь о буреvestнике» М. Горького – прозой и стихами!), Ахмету Байтурсынову (его «40 басен», опубликованные 1909 г. в Санкт-Петербурге, – это творческий перевод басен И.А. Крылова), Миржакипу (Мир-Якубу) Дулатову (переводы произведений А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова), Касыму Тогузакову («Стихи Пушкина», «Демон», «Мцыри», «Тамара», «Смерть поэта» и др. произведения М.Ю. Лермонтова, «Бахчисарайский фонтан» А.С. Пушкина, «Русские женщины» Н.А. Некрасова, «Женитьба» Н.В. Гоголя, «Чайка» А.П. Чехова и др.), Таиру Жарокову («Кавказский пленник», «Цыгане» А.С. Пушкина), Сайдилу Талжанову («Бедные люди» Ф. Достоевс-

кого), Аскару Сулейменову («Сказка о царе Салтане» А.С. Пушкина), Дихану Абилову (поэмы «Мороз – Красный нос» и «Кому на Руси жить хорошо» Н.А. Некрасова, др.) и т.д. Это далеко не полный перечень блистательной плеяды казахских переводчиков, ученых и писателей, чьи переводы русской классики стали широко известными. Многие из них были репрессированы, впоследствии реабилитированы за отсутствием состава преступления.

Русский язык в Казахстане в довоенные годы был языком межнационального общения не только для населения страны, но и для репрессированных²³, среди которых были представители различных этносов со всех концов СССР: казахи, евреи, корейцы, украинцы, русские, чеченцы, ингуши, немцы, поляки и многие другие.

С началом Великой Отечественной войны Казахстан стал Всесоюзным тылом, в который эвакуировались предприятия и их сотрудники, мирные граждане, деятели науки и искусств, раненые. Так советская Алма-Ата стала приютом для многих талантливейших людей советской эпохи. Без сомнения, этот факт оказал серьезное влияние на распространение в Казахстане русского языка в нормативном варианте. Местные жители тогда шутили, что Алма-Ата «была станицей, а стала столицей». Так описал Алма-Ату довоенного времени Ю. Домбровский в знаменитом романе «Хранитель древностей»: «Нельзя сказать, чтобы улицы выглядели нарядно. Это еще не была "красавица Алма-Ата" сороковых, а тем более пятидесятых годов: хаты, хатки, странные саманные постройки, где добрую половину дома занимает стена, а окошко находит-

²³ Министерство внутренних дел Республики Казахстан. Мемориал. URL: <http://mvd.gov.kz/portal/page/portal/mvd/MVD/Memorial> (дата обращения: 21.06.2019); Список репрессированных лиц, архивных уголовные дела которых хранятся в КНБ РК. URL: <https://e-history.kz/ru/Repression/list/440> (дата обращения: 21.06.2019).

ся под крышей; потом вдруг выкатится крепкая, как орех, русская изба с резными подоконниками и широкими воротами, за ней потянется длинная турксибская постройка на целый квартал – масса окон, террас, дверей, лестниц – и снова хаты, хатки. Глина саман, тес, тростник. Ни бутового камня, ни кирпича. Новых двухэтажных домов мало – старых совсем нет. В общем, мирно спящая казачья станица самого начала века»²⁴.

*Рис. 5. Сабит Муканов,
Дина Нурпеисова и Сергей
Эйзенштейн, г.Алма-Ата,
1941 г. Фото из открытых
источников.*

Весь цвет московской и ленинградской интеллигенции жил и работал в эвакуации в Алма-Ате: Сергей Эйзенштейн, Григорий Александров, Любовь Орлова, Борис Бабочкин, Алексей Толстой, Михаил Зощенко, Константин Паустовский, Владимир Зельдин, Галина Серебрякова, Всеволод Пудовкин, Сергей Прокофьев, Михаил Жаров, Лидия Смирно-

ва, Николай Крючков. Выступали с концертами в Алма-Ате военного времени артисты Изабелла Юрьева, Галина Уланова, Аркадий Райкин, Вольф Мессинг.

Осенью 1941 г. Алма-Ата стала советским Голливудом: открылась Центральная объединенная киностудия (ЦОКС), где фактически работали эвакуированные «Мосфильм» и «Ленфильм». Именно здесь были завершены фильмы «Котовский» (режиссер А.М. Файнциммер), «Машенька», (режиссер Ю.Я. Райзман), «Свинарка и пас-

²⁴ Домбровский Ю. Хранитель древностей. Роман. URL: <http://lib.ru/PROZA/DOMBROWSKIJ/keeper.txt> (дата обращения: 28.06.2019).

тух» (режиссер И.А. Пырьев) и другие картины, съемки которых были начаты еще до эвакуации на других киностудиях. За четыре года эвакуации ЦОКС выпустила более 30 кинокартин. Многие фильмы были посвящены войне: это «Фронт», «Во имя Родины», «Зоя», «Непобедимые» и др. Снималось и легкое кино: «Антоша Рыбкин», «Черевички», «Песни Абая» (кстати, первый художественный фильм о казахском поэте Абае Кунанбаеве), «Беспокойное хозяйство» и т.д.

В Алма-Ате часто бывал Константин Симонов, он приезжал сюда с фронта, чтобы творить. Например, работа над сценарием фильма «Жди меня» была им завершена здесь, в Алма-Ате.

В Алма-Ате писатель Михаил Зощенко работал над повестью «Перед восходом солнца». Здесь же жила Наталья Забила, автор первого перевода «Слова о полку Игореве» на украинский язык.

Рис. 6. «Лауреатник» в г.Алматы. В годы войны у дома не было мансарды (третьего этажа). В период эвакуации дом представлял собой 8-квартирное общежитие из 24 комнат. Фото из открытых источников.

В Алма-Ате в эвакуации работала и Наталья Сац, уже после заключения в ГУЛАГе. Она открыла Алма-Атинский театр юного зрителя, который работает до сих пор²⁵. Так, в автобиографической книге «Новеллы моей жизни» она описала дом «лауреатник», в котором жили эвакуированные артисты: «Он был похож на курят-

²⁵ <https://www.satstheatre.org.kz/> (дата обращения 27.06.2019)

ник, этот дом. Низкие потолки, коридорная система, у каждого лауреата по комнате с одним окном. Вход со двора. Там на веревке сохли чьи-то рубашки. Война. Эвакуация. Здесь у каждого своя кровать – и это роскошь. Только дом пуст: съемки идут днем и ночью»²⁶.

Жизнь в эвакуации не была раем: много людей умерло от голода и болезней. Многие знаменитости похоронены на Центральном кладбище г. Алматы.

Знаменитый Государственный академический театр оперы и балета (ГАТОБ имени Абая), официально открытый в Алма-Ате 13 января 1934 г., в годы войны был реконструирован и преобразился окончательно. Так Наталья Сац описала ГАТОБ: «Откидные места кресел со стуком, напоминающим бой тамтамов, поднимаются и опускаются под пальцами людей, озабоченно снующих в поисках своих мест.

– Кто вошел!? Неужели Эйзенштейн? Он, кажется, снимает здесь «Ивана Грозного», но никогда еще не видел его входящим в московский театр.

– Мамочка, – вскрикивает Роксана. – Паганель, сам Паганель из «Детей капитана Гранта». Он – Черкасов, да?

Не успеваю повернуть голову, как тот же ликующий голос дочки заставляет обернуться влево:

– Михаил Названов, тот, что позавчера был Олеко Дундич. До чего же он нам понравился, верно, мам?

Серафима Бирман, Вера Марецкая, Эдуард Тиссе, Мухтар Ауэзов – число великих в зале растет... Второй звонок. Все сидячие места заняты. Любители знаменитостей в креслах партера шарят окулярами биноклей по зрительному залу. А люди большого искусства сидят молча, здороваются без улыбки, они предельно собраны –

²⁶ Сац Н.И. Новеллы моей жизни URL: https://dom-knig.com/read_53797-227 (дата обращения: 28.06.2019).

сейчас на их глазах будет священнодействовать сама Уланова...»²⁷.

*Рис. 7. ГАТОБ имени Абая,
художник С. Калмыков.
Репродукция из открытых
источников.*

Знаменитый алма-
тинский художник
Сергей Калмыков изоб-
разил на одном из своих
полотен ГАТОБ имени
Абая (рис. 7). Калмы-
ков – одна из легенд жи-
вописи Казахстана. Поз-
же Юрий Домбровский,
писатель, живший и ра-
ботавший в ссылке в
Алма-Ате, так опишет
работу художника в ро-
мане «Факультет не-
нужных вещей»: «По-

средине площадки между двумя конями-драконами стоял художник с мольбертом. Вокруг него уже собирались мальчишки, старички, подвыпившие, но он не обращал на них внимания и работал быстро, споро и жадно. Выхватывал из воздуха то одно, то другое и бросал все это на картон. У него было сосредоточенное лицо и строгие брови. Он очень торопился. Сегодня он припоздал, и ему надо было закончить все до заката. И хотя в основном все было готово, но все-таки он чувствовал, что чего-то недостает. Тогда художник повернулся и посмотрел вдоль аллеи. <...> Солнце заходило. Художник спешил. На нем был огненный берет, синие штаны с лампасами и зеленая мантилья с бантами. На боку висел бубен, расшитый дымом и пламенем. Так он одевался не для себя и не для людей, а для Космоса, Марса и Меркурия, ибо это и был "Тений I ранга Земли и всей Вселенной – декоратор и исполнитель

²⁷ Очерки истории Алма-Аты. URL: <http://vernoye-almaty.kz/a-z/o1.shtml> (дата обращения: 27.06.2019).

театра оперы и балета имени Абая – Сергей Иванович Калмыков", как он себя именовал. <...> И мудрые марсиане, наблюдающие за нами в свои сверхмощные устройства, удивлялись и никак не могли понять: откуда же среди серой, одноцветной и однородной человеческой плазмы вдруг вспыхнуло такое яркое, ни на что не похожее чудо»²⁸.

Большой вклад в развитие двуязычного Казахстана в послевоенные годы сделала казахская интеллигенция: Мухтар Ауэзов, Габит Мусрепов, Бауыржан Момышулы, Абдижамил Нурпеисов, Джубан Мулдагалиев, Ануар Алимжанов и др. Многие казахстанцы, герои Великой Отечественной войны, по сей день служат примером для молодежи Казахстана. Память о войне в Казахстане священна, здесь нет ни одного случая сноса памятников героям тех лет, нет попыток переписать историю, что, на наш взгляд, с одной стороны, характеризует политический курс, а с другой – показывает уважение казахстанского народа к себе и к собственной истории. Русский язык стал языком Победы, в годы войны он объединил народы СССР в борьбе против фашизма.

Любопытный факт: некоторые предприятия, эвакуированные с оккупированных территорий СССР в Казахстан, работают до сих пор: например, сахарный завод, эвакуированный из Украины в станицу Самсоновскую под Алма-Атой (ныне поселок Бурундай и Бурундайский сахарный завод)²⁹.

Русский язык в послевоенные годы в КазССР был преимущественно языком индустриального класса, языком целинников и городской среды.

²⁸ Домбровский Ю. Факультет ненужных вещей. Роман. URL: <http://lib.ru/PROZA/DOMBROWSKIJ/faculty.txt> (дата обращения: 28.06.2019).

²⁹ Бурундайский сахарный завод. URL: <http://saharonline.ru/factory.php?id=210> (дата обращения: 28.06.2019).

В 1991 г. Казахстан последним вышел из состава СССР. Это событие ознаменовало начало массовой миграции русскоязычного населения из Казахстана, и это продолжается до сих пор. К настоящему моменту на территории Казахстана проживает более 120 этносов³⁰, владеющих русским и казахским языком в той или иной степени.

Сегодня на языковую ситуацию и на формирование языковой личности на территории Казахстана оказывают заметное влияние следующие факторы.

1. Политический фактор и фактор языкового планирования, определяющие социально-функциональные параметры. Мы уже отмечали, что с 2016 г. в Казахстане реализуется языковая политика трехязычия (государственный язык – казахский; официальный язык, используемый наравне с казахским, – русский; язык международного общения – английский), что отражено в законодательной сфере, а также в сегменте образования (часть учебных предметов в школах, колледжах и вузах ведется на казахском, русском или английском вне зависимости от языка обучения, например, история Казахстана преподается на казахском, информатика – на английском, часть предметов – на русском), в делопроизводстве и документообороте. В частности, в Алматинском университете энергетики и связи силлабусы готовятся на трех языках (русском, казахском и английском) с 2013 г., равно как и выпуск учебной литературы осуществляется на трех языках. Существуют государственные программы языкового планирования, содержание которых обновляется в соответствии с текущими приоритетами и конъюнктурой. Сегодня политика трехязычия влияет на работу органов печати, на радиовещание, на работу телекомпаний и подготовку телепрограмм, на книгоиздание. Наибольшее влияние оказывает Рунет: онлайн-информация русскоязычного Интер-

³⁰ Комитет по статистике... URL: <http://stat.gov.kz/> (дата обращения: 16.06.2019).

нета имеет несомненное преимущество по доступности и широте охвата: именно здесь представлено огромное количество бесплатных научных и учебных ресурсов, развлекательного контента. Многие исследователи напрасно не обращают внимания на то, как интернет-технологии изменили баланс в доступе к информации на том или ином языке. Именно этот фактор оказывается решающим для выбора языковых предпочтений цифрового поколения. Политика подбора контента многих TV-приложений (Vintera, PeersTV, IVI и др.) ориентирована преимущественно на пользовательские предпочтения. К сожалению, здесь очевидно малое количество TV-контента для казахоязычного пользователя по сравнению с сегментами на русском и английском языках. Отметим, что в научно-технической сфере русский язык по-прежнему преобладает, оставаясь языком индустриального класса Казахстана в силу сложившейся традиции и под влиянием актуальных связей с российскими промышленниками. Например, патентная база Казахстана³¹, в которой представлено множество запатентованных изобретений ученых Алматинского университета энергетики и связи, содержит сведения исключительно на русском языке.

2. Социально-демографические параметры, к числу которых относятся: а) число носителей конкретного языка по отношению к числу носителей других языков в пределах Казахстана; б) число носителей конкретного языка по отношению к общей численности конкретного этноса³²; в)

³¹ База патентов Казахстана. <http://kzpatents.com/> (дата обращения 25.06.2019 г.)

³² Здесь распространенным заблуждением является следующая односторонняя логика: носителем русского языка может быть только русский человек, равно как носителем казахского языка может быть только казах и т.д. Национальность и владение языком в совершенстве – абсолютно не взаимосвязанные понятия. Д.Э. Розенталь, В.И. Даль, А.С. Пушкин, Г. Бельгер, О.О. Сулейменов и многие другие весьма известные лица блестяще владели

количество носителей данного языка как родного среди разных половозрастных групп; г) соотношение количества билингов и монолингов; д) степень дву/трехязычия среди представителей разных половозрастных групп, характер дву/трехязычия и др. К сожалению, данных по всем этим перечисленным параметрам нет, исследований тоже. Здесь мы только можем отметить тенденцию: в основном русским языком в той или иной степени пользуется преимущественно городское население Казахстана. Так, на начало 2019 г. численность населения Республики Казахстан составила 18 395 567 человек, из них городское население – 10 698 210 человек, сельское население – 7 697 357 человек³³. Кроме того, в северных и восточных регионах Казахстана русский язык используется активнее, чем в западных и южных.

3. К национально-культурным параметрам, влияющим на распространение того или иного языка, относятся искусство, театр, кино, религия, различные виды литературы. С обретением независимости в Казахстане прилагаются целенаправленные и эффективные усилия для развития казахского языка во всех этих сферах. Сегодня казахский язык переживает ренессанс, а русский по-прежнему сохраняет свои позиции, несмотря на миграционные процессы, что отмечают многие исследователи³⁴.

русским языком, будучи представителями другого (нерусского) этноса.

³³ Комитет по статистике... URL: <http://stat.gov.kz/> (дата обращения: 16.06.2019).

³⁴ Казкенова А., Жиренов С. Самостоятельное развитие и взаимное влияние казахского и русского языков в Республике Казахстан // PRZEGLĄD WSCHODNIOEUROPEJSKI. № VI/1. 2015; Сулейменова Э.Д. Политика языкового ренессанса в Казахстане: к теории возрождения и витальности языка // Вестник КазНУ имени аль-Фараби. Серия филологическая. № 4. 2003.

В области поп-культуры и кинематографа русский и казахский языки определенно имеют слабые позиции: сегодня молодые казахстанцы предпочитают кинопродукцию Голливуда и музыкально ориентированы преимущественно на Запад.

Причиной для жарких споров в последние несколько лет стал переход казахского языка на латинскую графику. Отношение населения к этому процессу неоднозначное. Так, по данным опроса бюро общественного мнения Demoscope (май, 2017) 52% казахстанцев говорит на казахском языке, однако 44% не знакомы с латинским алфавитом. Подавляющее большинство последних – это старшие поколения (от 40 лет и старше), где таковых 46% и более. Среди молодежи этот процент заметно меньше – 24% не знают латиницу, еще 43% разбираются в ней, но иностранным языком, основанном на ней, не владеют³⁵.

Считает ли молодежь Казахстана переход казахского языка на латиницу необходимым, равно как и остальные граждане Казахстана? Не видит необходимости в этом половина населения (54%), среди которых мнение разделяют 60% молодых людей 18–29 лет. В целом 30% респондентов не сомневаются в нужности процесса, но считают, что устраивать такое в период кризиса не является рентабельным. Актуальным переход видится только для старшего поколения – отметили это пятая часть (21%) респондентов 50–59 лет и 30% опрошенных 70 лет и старше³⁶.

Что касается того, как будет происходить сам переход на латиницу, то прогнозы казахстанцы дают неоднозначные. 32% считают, что его могут отменить, когда станет понятно, сколько времени, а главное бюджетных средств потребуется на это. 25% уверены, что процесс все

³⁵ Опрос: переход казахского языка на латиницу / Demoscope. URL: <http://medialaw.asia/posts/02-05-2017/93025.html> (дата обращения: 21.06.2019).

³⁶ Там же.

же состоится, но затянется на долгие годы, как показывает пример Узбекистана, где в ходу до сих пор продолжает находиться и кириллица, и латиница – аналогичный вариант развития событий отметили 43% опрошенных³⁷.

Переход на латиницу не принесет особой популярности или изменений самому казахскому языку. 31% респондентов предполагают, что язык станет учить еще труднее, и столько же (30%) затруднились сделать какие-либо выводы. 17% считают, что ничего не изменится. Более оптимистично в этом отношении молодое поколение – 33% опрошенных 18–29 лет полагают, что латиница облегчит изучение казахского иностранцам³⁸.

Относительно степени владения казахским языком картина, по данным Demoscope (по состоянию на май 2017), следующая: 52% населения владеет им свободно как в письменной, как и в устной форме, еще 18% могут на нем говорить, 19% понимают, но не говорят. Географический расклад совпадает с национальным составом, т. е. в наиболее гомогенных областях процент владения выше и наоборот: казахским свободно владеют более 62% населения г. Астаны (в 2019 город переименован в Нур-Султан), Мангистауской, Кызылординской и Атырауской областей. В последней самый высокий показатель тех, кто поддерживает инициативу с переходом на латиницу, – 28% (средний показатель по стране – 16%). Наименее всего доля владения казахским наблюдается в Костанайской и Северо-Казахстанской областях – 39% и соответственно 28% местного населения не говорят на государственном языке³⁹.

Проблемы с переходом на латиницу могут возникнуть у жителей Акмолинской, Восточно-Казахстанской,

³⁷ Опрос: переход...

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

Карагандинской, Павлодарской и Северно-Казахстанской областей – 53% и более из них не владеют ею на данный момент⁴⁰.

Много споров ведется вокруг переименований. Наверное, самая большая полемика развернулась вокруг названий городов. Иногда эти споры носят характер историко-лингвистической дискуссии, как это случилось с Алматы и Алма-Атой⁴¹. В настоящий момент употребляются оба варианта. По нашему мнению, это результат языковой диффузии. Подобные явления достаточно распространены. Например, в английском языке существует несколько вариантов названия Пекина: Beijing, Peiping, Peking, Pekin. Мы же, наследники тоталитарного мышления в языке, привыкшие к ограничениям и жесткой норме, с трудом смиряемся с неожиданно обретенными богатствами в языке, в его лексике, спорим до хрипоты, какой вариант верный, хотя знаем, что время отсеет лишнее, оставив нужное и главное в языке.

Языковая политика сегодняшнего дня нацелена на сохранение баланса языков во всех регионах страны. Этот фактор является, по нашему мнению, одним из ключевых в сфере национальной безопасности и конкурентоспособности казахстанцев на международном рынке труда.

Ключевым моментом, по нашему мнению, является престиж и перспективы того или иного языка. Здесь значительная роль принадлежит престижу страны изучаемого языка в сознании конкретной языковой личности, что влияет на предпочтение в выборе языка как средства коммуникации. Так, в Казахстане сегодня популярна рос-

⁴⁰ Опрос: переход...

⁴¹ Кронгауз М. Кто отвечает за русский язык. URL: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2011/10/k10.html> (дата обращения: 21.06.2019); Саков Б. Алматы или Алма-Ата? URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0183/analit07.php> (дата обращения: 21.06.2019).

сийская научно-техническая школа. Особенно доказательно выглядят лидирующие позиции студентов российских вузов в рейтингах международных олимпиад по информатике, программированию, физике, математике и пр. Неудивительно, что именно в технических учебных заведениях Казахстана мы увидим много русскоязычных студентов.

Кроме того, среди молодежи стали популярными идеи социализма, которые были реализованы в КазССР (о них мы писали в первой части статьи), это особенно контрастирует с контекстом не вполне гуманного капиталистического устройства современного Казахстана. Конечно же, существенное влияние на молодежь оказывает казахстанская интеллигенция старшего поколения, свободно говорящая по-русски и хорошо осведомленная в области русской культуры, науки, менталитета.

Как видим, текущая языковая ситуация в Казахстане похожа на многослойный пирог, который готовился в течение долгого времени по сложному рецепту, и каждый ингредиент имеет большое значение. В данной работе мы обозначили ключевые точки и предпосылки, повлиявшие на языковую ситуацию настоящего момента с опорой на данные из надежных источников. Мы не даем каких-либо прогнозов на будущее: мир слишком быстро меняется, и даже один год может изменить языковой ландшафт целой страны самым серьезным образом.

Северная Африка: думы и настроения русских эмигрантов

Глава 11. СПЕЦИФИКА ЖУРНАЛЬНОЙ ПЕРИОДИКИ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ В СЕВЕРНОЙ АФРИКЕ НАЧАЛА 1920-х гг.: ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ¹

Начало 1920-х гг. стало временем формирования феномена Русского зарубежья, уже многократно описанного в литературе. Одним из регионов мира, где оказались достаточно многочисленные группы русских беженцев, была Северная Африка. Здесь сформировались общественные организации и учебные заведения русских эмигрантов, предпринимались попытки осуществления культурных акций. Как и на других континентах, возникли в Северной Африке и периодические издания, которые выпускались русскими эмигрантскими сообществами.

Спецификой этих изданий было доминирование среди них журнальной периодики. Данное обстоятельство, безусловно, не случайно, и отражало те условия, в которых пришлось работать русским издателям и редакторам на североафриканской земле. Эти условия уже нашли отражение в историографии. Впервые постсоветский читатель «открыл» для себя проблематику истории русской эмиграции в Северной Африке во многом благодаря усилиям мемуаристов, прежде всего, А.А. Ширинской². Нельзя не отметить значительный вклад, внесенный в изучение данной темы К.В. Махровым, который подго-

¹ **Сведения об авторе:** Антошин Алексей Валерьевич – доктор исторических наук, доцент, профессор, директор Центра исследования миграционных процессов УрФУ. E-mail: alex_antoshin@mail.ru

² Ширинская А.А. Бизерта. Последняя стоянка. М.: Воениздат, 1999.

товил сборник мемуаров и документов, посвященный истории Русского зарубежья в Тунисе³. Этой же теме были посвящены выпшедшие в 1990–2000-е гг. труды российских историков⁴.

Главными специалистами по истории Русского зарубежья в Египте являются В.В. Беляков и Г.В. Горячкин⁵ и др. Отдельные аспекты данной темы затрагивались в работах М.К. Чинякова⁶.

При анализе проблематики истории эмигрантской периодической печати в Северной Африке сразу же обращает на себя внимание одно обстоятельство. Находясь на положении беженцев, не имея достаточных ресурсов, русские эмигранты были лишены возможности наладить выпуск ежедневной газеты. Играло свою роль и отсутствие значительной массы платежеспособных эмигрантов, готовых ежедневно тратить деньги на покупку печатной продукции. Между тем, еще в дореволюционной России печатные издания были центрами, вокруг которых сплаци-

³ Русская колония в Тунисе. 1920-2000. Сборник / Составитель К.В. Махров. М.: Русский путь, 2008.

⁴ Хренков А. Тунис: русская диаспора // Азия и Африка сегодня. 1997. № 11. С. 29–30; Баранчук Н. Православный крест среди финиковых пальм // Эхо планеты. 1998. № 6. С. 34–35; Лукошин Ю.В., Новиков С.С. Россияне в Тунисе // Российская диаспора в Африке. 20–50-е гг. М.: Издательская фирма «Восточная литература», 2001. С. 70–90; Рябова В.И. Студенты-эмигранты в Северной Африке в 20-е гг. XX в. М.: Изд-во МГОУ, 2004; Рябова В.И. Российская эмиграция в Африке в 1920–1945 гг. М.: Макс Пресс, 2005.

⁵ Беляков В.В. «К берегам священным Нила...» Русские в Египте. М.: Гуманитарий, 2003; Горячкин Г.В. Русская Александрия. Судьбы эмиграции в Египте. М.: Русский путь, 2012.

⁶ Чиняков М.К. Еще раз о русских солдатах в Северной Африке (1918–1920 гг.) в свете новых источников // Африканцы и россияне на перекрестках истории. М.: Институт Африки РАН, 2010. С. 129–142.

вались единомышленники; именно на страницах газет и журналов представители русской интеллигенции могли реализовывать свои разнообразные культурные потребности. В этих условиях зачастую единственным выходом являлся выпуск журнала (часто рукописного), нередко выходившего от случая к случаю, по мере возможности. Именно этим было обусловлено доминирование журнальной периодики среди эмигрантских печатных изданий в Северной Африке.

Данная проблематика впервые привлекла пристальное внимание исследователей уже в 1920-е гг. В пражском журнале «Воля России» была опубликована чрезвычайно интересная статья Е. Недзельского⁷. Весьма оригинальна концепция автора: он рассматривает прессу, издававшуюся русскими беженцами начала 1920-х гг. как «мемуары лагерей», имевшие определенные типологические черты. По его мнению, специфика данных изданий состояла в том, что они представляли собой «массовую письменную литературу»: «Студенты, саперы, есаулы, инженеры и моряки внезапно сделали оптом поэтами, публицистами и критиками, иногда робкими..., но чаще аффектированно всемогущими – “мы расскажем миру” и пр., сознавая в душе свое бессильное “но”»⁸. Все эти издания, по мнению Е. Недзельского, по сути, должны были выполнять те же функции, которые в дореволюционной России имели мемуары (отсюда и используемая Е. Недзельским терминология), но объективно вышли за эти рамки. Отмечая, что все подобные издания имели единую структуру, Е. Недзельский указывал на разнообразие их способов «печатания»: ротатор, гектограф, пишущая машинка. Многие журналы просто были рукописными, статьи были

⁷ Недзельский Е. Мемуары лагерей // Африка глазами эмигрантов. Россияне на континенте в первой половине XX в. М.: Восточная литература, 2002. С. 120-137.

⁸ Недзельский Е. Указ. соч. С. 121.

написаны химическим карандашом или чернилами. Вручную делались и иллюстрации, которые имелись во многих подобных изданиях.

Ведущее место среди русских сообществ в Северной Африке занимала эмигрантская община Туниса, где, как известно, оказались корабли русской эскадры, отправленные французами в конце 1920 г. в порт Бизерта. Практически ни один исследователь темы не игнорирует такой интересный исторический источник как «Морской сборник», начавший выходить в 1921 г. в Бизерте. Он печатался на подводной лодке «Утка», командир которой капитан 2-го ранга Н.А. Монастырев был основателем данного издания и его редактором. Прекративший свое существование в 1923 г. «Морской сборник» является важным источником для характеристики морально-психологической атмосферы в русской эмигрантской колонии в Тунисе.

Однако, «Морской сборник» не являлся единственным периодическим изданием, выпускавшимся оказавшимися в Тунисе русскими морскими офицерами. Как отмечают исследователи, в составе Русской эскадры на линкоре «Генерал Алексеев» в Бизерту прибыл и Севастопольский кадетский корпус. После окончания карантина, организованного французскими властями, кадеты были размещены на территории форта Джебель-Кебир. Первоначально казалось, что пребывание Русского флота в Тунисе будет носить временный характер, вскоре офицеры и матросы вернутся на Родину. Поэтому было решено продолжить подготовку гардемарин для флота новой пост-большевистской России. В Бизерте продолжил свое существование Морской корпус. С января 1921 г. по май 1925 г. он осуществил пять выпусков морских офицеров. Почти лишенные средств и учебных пособий преподаватели корпуса стремились сохранить в своих воспитанниках православную веру, дисциплину и чувство долга.

Директором корпуса стал вице-адмирал А.М. Герасимов – участник обороны Порт-Артура, накануне первой мировой войны занимавший должность коменданта крепости «Петр Великий» в Ревеле. А.М. Герасимов и его подчиненные смогли организовать учебный процесс в корпусе. Даже в условиях беженства Морскому корпусу удалось сохранить солидную материально-техническую базу. Здесь были электростанция, сапожная и переплетная мастерские, имелся и свой литографический станок.

Именно в литографии корпуса в 1922 г. начал выходить «Журнал кружка Морского училища во Владивостоке». Название данного издания связано с тем, что во главе редакции встал начальник строевой части Морского корпуса капитан 1 ранга М.А. Кितिцын – участник Первой мировой войны, награжденный Георгиевским оружием. К началу 1920-х гг. М.А. Кितिцын был уже опытным военным педагогом. Еще в 1917 г. он занимал пост начальника Отдельных гардемаринских классов в Петрограде. Накануне взятия власти большевиками М.А. Кितिцын убыл с гардемаринами на морскую практику во Владивосток. В большевистский Петроград он и его ученики уже не вернулись. В 1918 г. М.А. Кितिцын пытается организовать высшее военно-морское образование на Дальнем Востоке: он становится начальником Морского училища во Владивостоке. Гардемарины М.А. Кितिцына (некоторые из которых учились под его началом еще в Петрограде) составили Первую Владивостокскую роту. После наступления большевиков они вместе со своим командиром совершили длительный морской переход на крейсере «Орел» в Дубровник, а оттуда на посыльном судне «Якут» эвакуировались в Севастополь. Из Севастополя вместе с другими офицерами Русской эскадры М.А. Кितिцын и прибыл в Бизерту⁹.

⁹ *Ширинская А.А.* Указ. соч. С. 133.

На нем лежала трудная задача – обучение военному делу гардемарин, ставших беженцами на тунисской земле. Пожалуй, наиболее емкую характеристику дал М.А. Кितिцыну преподаватель богословия в Морском корпусе протоиерей Георгий Спасский: «Фанатик морской идеи, весь пропитан лучшими традициями флота»¹⁰. Безусловно, были у М.А. Кितिцына и надежные соратники. Вспоминая о том, как проходили будни гардемарин на тунисской земле, другой преподаватель Морского корпуса, Н.Н. Кнорринг, писал, что уже вскоре после того, как горнист играл побудку, в литографию шел «дед Куфтин» в «ситцевом фартуке с каемочкой»¹¹. Это был полковник А.Н. Куфтин, заведовавший библиотекой корпуса.

Однако, с 1922 г. французские власти четко обозначили стремление закрыть Морской корпус в Бизерте. Уже на второй год существования этого учебного заведения на тунисской земле администрация получила уведомление о необходимости ликвидировать гардемаринские роты. В 1922 г. корпус все-таки удалось отстоять, обосновав это необходимостью поддержки детей-сирот. Официально с 1923 г. данное учреждение получило статус Сиротского дома, но для всех русских эмигрантов оно по-прежнему являлось Морским корпусом.

В 1924 г. состоялся выпуск 5-й роты. Но уже осенью того же года стало понятно, что дни корпуса сочтены: правительство Франции признало Советский Союз. Морской корпус просуществовал до 25 мая 1925 г. В этот день вышел приказ директора корпуса вице-адмирала А.М. Герасимова, в котором старый русский морской офицер от-

¹⁰ Письма отца Георгия из Африки // Африка глазами эмигрантов. Россияне на континенте в первой половине XX в. М., 2002. С. 82-89. С. 85.

¹¹ Кнорринг Н. День в Сфаяте // Африка глазами эмигрантов. Россияне на континенте в первой половине XX в. М., 2002. С. 23-32. С. 23.

мечал: «Вполне понятны та грусть и то тяжелое состояние духа, которые проявляются при разорении этого устроенного и налаженного русского гнезда, где русские дети учились любить и почитать свою православную веру, любить больше самого себя свою родину и готовились стать полезными деятелями при ее освобождении»¹².

Помимо упомянутых выше изданий, В.И. Рябова отмечала и существование ряда других проектов, организованных офицерами Русской эскадры в те годы. Таким был, например, юмористический журнал «Скорпион», который редактировал капитан Игнатьев. Как отмечает Е. Недзельский, «Скорпион» выходил в лагере Надор: «два номера были написаны от руки и напечатаны на гектографе»¹³. В 1921 г. на крейсере «Генерал Корнилов» вышел отпечатанный на гектографе рукописный журнал «Луч»¹⁴. Однако, все эти проекты были крайне недолговечными.

В начале 1920-х гг. в Тунисе были попытки наладить выпуск и иных изданий. В основном они исходили от молодежи, создавшей Центральное бюро по объединению студенческих организаций в Северной Африке. Среди специальных работ, посвященных данной теме, можно выделить статью В.П. Хохловой¹⁵. Она указывает, что ставшие беженцами и не успевшие получить высшее образование в России, представители русской молодежи мечтали о том, чтобы учиться, тянулись к знаниям. В таких условиях выпуск журнала становился возможностью заняться литературным трудом, сохранить свой интеллектуальный потенциал.

¹² Русская колония... С. 90.

¹³ Недзельский Е. Указ. соч. С. 122.

¹⁴ Рябова В.И. Студенты-эмигранты... С. 34.

¹⁵ Хохлова В.П. Журнал «Жили-Были» (Тунис, 1921-1922) // Африканцы и россияне на перекрестках истории. М.: Институт Африки РАН, 2010. С. 143-155.

Это было тем более актуально, что, как отмечала В.П. Хохлова, издательская деятельность была для этих молодых людей лишь формой досуга. «Подготовка номеров, – подчеркивает она, – проходила после изнурительного трудового дня, в течение которого авторам надо было зарабатывать на жизнь. С 5.30 утра до 5 вечера молодые литераторы, поэты, художники, оказавшиеся в Африке, работали поварами, садовниками, малярами, конюхами, портовыми грузчиками, развозили молоко, прокладывали телефонную линию в пригороде тунисской столицы»¹⁶.

Одним из лидеров этих молодых людей был Н.А. Антипов – бывший студент Харьковского технологического института, ставший в годы Первой мировой войны вольноопределяющимся железнодорожного батальона. В Бизерту он прибыл матросом на корабле «Генерал Алексеев». Его соратниками стали начинающий литератор А.А. Воеводин, художник А.П. Шеметов, поэт В.А. Мамченко и др.

Пожалуй, первым издательским проектом этой группы стал «Студенческий листок», начавший выходить в декабре 1921 г. в Бизерте тиражом 100 экз. Как пишет В.И. Рябова, «Листок» был ежемесячным, велся в оптимистическом духе и имел большой успех у читателей»¹⁷.

Однако, очевидно, информационный характер данного издания не вполне устраивал А.А. Воеводина, Н.А. Антипова и их товарищей. Начали возникать новые проекты. Возможно, самым знаменитым среди них был литературный журнал «Жили-были». Если «Морской сборник» или «Студенческий листок» были ориентированы на определенные читательские круги, то потенциальная аудитория «Жили-были» была более широкой. Здесь печатались художественные и публицистические произведения, имелся раздел хроники беженской жизни.

¹⁶ Хохлова В.П. Указ. соч. С. 146.

¹⁷ Рябова В.И. Студенты-эмигранты... С. 34.

Н.А. Антипов, вспоминая о том, как создавался журнал, писал:

«Гуляли ночи целые
И яростно творили,
Чай, кофе пили ведрами, -
Короче – жили-были».

1-й номер журнала вышел в марте 1922 г. Как отмечает В.П. Хохлова, он был написан от руки разными почерками и затем отпечатан на гектографе. В русском ресторане на рю (улице) Аль-Джазира даже прошла презентация нового издания.

Через два месяца вышел второй номер, который оказался последним. Третий номер «Жили-были» был сверстан, но так и не был издан¹⁸. В середине 1922 г. начался отъезд русских эмигрантов из Туниса. Основатели «Жили-были» уехали в Европу, где приняли участие в новых издательских проектах.

В.И. Рябова упоминала и другие издания, вышедшие из-под пера той же группы молодых литераторов (А.А. Воеводин и др.). Так, известно, что было выпущено 4 номера журнала «Уютка» и номер журнала «Черная лилия». Это были иллюстрированные издания, на страницах которых было представлено литературное творчество русской эмигрантской молодежи. Е. Недзельский особенно выделял «Уютку»: по его мнению, она сильно отличалась от остальной беженской литературы. Этот журнал, полагал пражский публицист, «слишком целен, оригинален и талантлив»¹⁹. Он представлял собой своеобразную стилизацию под китайскую классическую литературу, эстетические фантазии молодых русских людей, заброшенных в Тунис, но продолжавших оставаться интеллектуалами.

Наряду с Тунисом крупным центром русской военной эмиграции являлся Египет. Важным историческим

¹⁸ Хохлова В.П. Указ. соч. С. 151.

¹⁹ Недзельский Е. Указ. соч. С. 134.

источником по данной тематике являются мемуары Ю.Ф. Гончарова, рано ушедшего из жизни талантливого поэта и прозаика. Уроженец станицы Каменской, он был одним из тех новочеркасских кадет, которые с отступавшей армией генерала А.И. Деникина совершили тяжелый переход в Новороссийск, преследуемые частями Красной армии. В феврале 1920 г. они были погружены на пароход «Саратов» вместе с больными и ранеными солдатами и офицерами Белой армии. В момент эвакуации им было неизвестно, что Донской кадетский корпус будет перебазирован в Египет. Как отмечает Ю.Ф. Гончаров, «если бы конечный пункт путешествия был известен, вряд ли и десятая часть состава Корпуса была бы погружена на «Саратов»²⁰.

После длительного пребывания корпуса в карантине в Александрии британские власти отправили его вглубь территории Египта. Временным местом дислокации Донского кадетского корпуса стало селение Телль-аль-Кебир, расположенное на краю пустыни. Здесь располагались два лагеря, в которых находились сотни эвакуированных из Новороссийска, Евпатории и других населенных пунктов больных и раненных офицеров и солдат Добровольческой армии. В качестве беженца здесь находился и известный журналист и писатель А.А. Яблоновский, впоследствии – председатель совета объединенного Зарубежного союза русских писателей и журналистов в Париже. В своих заметках, опубликованных одной из парижских газет, он так характеризовал ситуацию в Телль-аль-Кебуре: «Жизнь русских беженцев в английском лагере можно охарактеризовать одним словом – бедность. Бедность непокрытая, си-

²⁰ Гончаров Ю. Донской кадетский корпус в Египте // Африка глазами эмигрантов. Россияне на континенте в первой половине XX века. М., 2002. С. 18-22. С. 18.

ротская, граничащая с совершенной нищетой»²¹. Лагерь были обнесены двойным забором из колючей проволоки и охранялись солдатами из Индии.

В конечном итоге Донской кадетский корпус был переведен на берег озера Тимсах, рядом с городом Исмаилия. Здесь разместились 286 кадет, 28 воспитателей и сотрудников, а также 12 членов их семей – всего 326 человек. Вот как описывает лагерь в Исмаилии кадет А. Плешаков: «Лагерь стоял на красивом месте за городом...Суэцкий канал был от нас всего в полумиле, сзади была пустыня, по которой тянулась железная дорога, а за железной дорогой шла опять бесконечная Ливийская пустыня»²².

Именно в таких условиях и начал выходить «на правах рукописи» литературно-художественный журнал «Донец на чужбине». За 1920–1921 гг. вышло 19 номеров (ныне комплект издания хранится в Научной библиотеке Российских федеральных архивов в Москве). Редактировали журнал кадеты-старшеклассники (сначала В. Алимов, затем И. Егоров). Там публиковалось литературное творчество кадет. Журнал пользовался большой популярностью среди воспитанников, была организована даже очередь за возможность прочесть некоторые номера. Именно знакомство с этим изданием показывает, что и в Египте донские кадеты сохранили патриотические настроения. Об этом свидетельствует стихотворение «На чужбине», опубликованное в одном из номеров:

«Дух русский царит среди нас неизменно,
И вечером часто в безмолвной тиши

²¹ Яблоновский А. Письма эмигранта // Африка глазами эмигрантов. Россияне на континенте в первой половине XX века. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2002. С. 9-17. С. 9.

²² Горячкин Г.В. Русская Александрия. Судьбы эмиграции в Египте. М.: Русский путь, 2012. С. 87.

Хор громкий, раздольный в созвучии смелом
Звучит отголоском казачьей души...

Но тихо все в лагере в пору ночную,
Заботы дневные забыты во сне,
И снятся нам сны про Россию родную
Про степи, станицы в родимой земле»²³.

Всего на египетской земле состоялось два выпуска Донского кадетского корпуса. В 1922 г. он был переведен на Балканы, и вскоре после этого прекратил свое существование. Воспитанники вынуждены были поступить в различные русские гражданские и военные учебные заведения в Болгарии.

Что же касается остальных русских беженцев, то в начале 1921 г. они были переведены англичанами из Телль-эль-Кебира в Сиди Бишр – в то время пригород, а ныне – один из районов Александрии. Историк Г.В. Горячкин приводит стихотворение одного из обитателей лагеря, ярко рисующее картину жизни русских в Сиди-Бишр:

«Лишь солнце движется к закату,
За камп один я выхожу,
Из кампа «Д» пройдя ограду,
На камне долго я сию.

Передо мною вид не новый:
Поля, леса и хутора.
Овец пасет араб суровый
Вблизи дырявого шатра.

Налево пальмы, а за ними
Видна усадьба богача,
И близ усадьбы вол лениво
Идет с работы, плуг влача....

²³ Беляков В.В. Указ. соч. С. 163.

Я час сижу, вид созерцая,
И вспоминаю хутор свой.
И долго думаю-гадаю:
Когда ж вернусь я в край родной?»²⁴.

Здесь в июле 1921 г. начал выходить журнал «На чужбине», издававшийся Русским культурно-просветительским обществом в Александрии. Он печатался на гектографе и был посвящен жизни русских беженцев. В журнале публиковались стихи Ф. Щербинина, Н. Захарова и др., теософские заметки, обзоры мировых политических событий, хроника беженской жизни и т.д. «На чужбине» был украшен рисунками Н.В. Савина. Издание журнала вызвало отклик со стороны парижских эмигрантских газет. Так, «Общее дело» писало: «Все статьи “На чужбине” проникнуты стремление к Родине, к ее возрождению, и поражает в них хороший, бодрый дух, который не могут сломить ни зной, ни пески, ни все невзгоды оторванной, заброшенной в чужую Африку, под чужие законы жизни»²⁵. В 1922 г., после ликвидации беженских лагерей в Египте, издание было прекращено.

Как указывают исследователи данной темы, были и другие попытки осуществления издательских проектов в Египте, однако они потерпели неудачу. Так, в 1921 г. тиражом 50 экземпляров вышел один номер журнала «Маленький писатель», предназначенного для находившихся в беженских лагерях детей. Он содержал 12 страниц текста и 5 рисунков²⁶. В 1922 г. Союз студентов в Александрии выпустил один номер журнала «Орион», отпечатанного на машинке и ротаторе. Однако, поскольку из 89 экземпляров удалось продать лишь 40, издание оказалось убыточным и было быстро прекращено²⁷.

²⁴ Горячкин Г.В. Указ. соч. С. 96.

²⁵ Там же. С. 106.

²⁶ Беляков В.В. Указ. соч. С. 158.

²⁷ Рябова В.И. Студенты-эмигранты... С. 20.

Анализ содержания периодических изданий, выпущенных беженцами из России в Северной Африке в начале 1920-х гг., свидетельствует о том, что они являются весьма ценным источником, прежде всего, характеризующим повседневную жизнь тех представителей русской военной эмиграции, которые оказались в этом регионе в результате Гражданской войны. Российскими историками уже многое сделано для выявления круга изданий, приняты первые попытки анализа их редакционной политики и содержания. Однако данная тематика по-прежнему содержит немало «белых пятен», что обуславливает актуальность ее дальнейшего изучения.

Глава 12. ДНИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В АЛЕКСАНДРИИ¹

Консолидация в середине 1920-х годов русской эмиграции в Египте сделала возможным ежегодное проведение дней русской культуры. Они проходили как в Каире, так и в Александрии. В северной столице Египта дни русской культуры проводились дважды – в 1928 и 1929 гг. Устраивал их Петр Яковлевич Добрыня-Конюхов (1877–1954) – уникальный представитель русской эмиграции в Египте.

В Египет Добрыня-Конюхов приехал в 1920 г. с военным госпиталем, эвакуированным из Новороссийска: во время гражданской войны он был ранен. Попал сначала в лагерь беженцев Телль аль-Кебир, а затем был переведен вместе с другими обитателями лагеря в Сиди Бишр, возле Александрии. Там он, по образованию химик, заведовал школой. Видимо, избрали его на эту должность, учитывая как возраст – больше 40 лет, так и образование. Ведь основная масса беженцев – это молодые солдаты, далеко не все кончившие даже школу.

В Сиди Бишре П.Я. Добрыня-Конюхов подвергся критике со стороны монархистов, обвинивших его в большевизме. Отвечая им, он опубликовал в ноябрьском номере за 1921 г. местного журнала «На чужбине» опровержение:

«Писать это письмо вынуждает меня глубокое убеждение, что школа должна быть аполитична и что интересы ее должны быть выше личных симпатий и личных денежных выгод.

¹ **Сведения об авторе:** *Беляков Владимир Владимирович* – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории Востока ИВ РАН. E-mail: beliakov2007@yandex.ru

В кампах ведется агитация против меня, как директора Русской школы в Сиди Бишре. Говорят, что я большевик, вношу в школу политику, срывал флаги с театра, не имею знаний, негоден как преподаватель и т.д. Очевидно, есть желание взять школу в свои руки и вести дело по-иному.

Покорнейше прошу лиц, ведущих против меня агитацию, обращаться непосредственно ко мне, чтобы получить от меня совет и указания, как им навсегда от меня избавиться»².

Публикация произвела впечатление, критика директора школы ослабла.

В январском номере журнала «На чужбине» за 1922 г. П.Я. Добрыня-Конюхов опубликовал статью, посвященную 100-летию со дня рождения Ф.М. Достоевского. Она написана по-английски, причем с предисловием Бернарда Шоу: «Один из английских писателей сказал: держите пламя в алтаре все время горящим – и любое место, куда вы войдете, будет храмом». Статья иллюстрирована рисунком Ф.М. Достоевского, сделанным, видимо, самим автором. К сожалению, небольшой текст местами не впечатался, так что оценить можно лишь прекрасное знание П.Я. Добрыней-Конюховым английского языка³.

В начале 1920-х гг. некая русская графиня с немецкой фамилией, остановившаяся в Александрии по пути в Америку, оставила на хранение П.Я. Добрыне-Конюхову свою библиотеку в несколько тысяч книг и деньги на ее содержание. Тот снял для библиотеки в центре города хорошую квартиру. В середине 1920-х гг. в Каире прошли первые Дни русской культуры, а вскоре их стал устраивать и Добрыня-Конюхов.

Лекции-беседы в Русской библиотеке в Александрии проходили с 1926 г. Вход был бесплатным, слушатели не-

² На чужбине. №5, ноябрь 1921. С. 43.

³ На чужбине. №7, январь 1922. С. 5.

многочисленными. К сожалению, о первых двух Днях русской культуры информация отсутствует, как и о подготовленных для них лекциях. Сохранились лекции П.Я. Добрыни-Конюхова от 25 мая 1928 г. и 14 июня 1929 г.

Для выступления на Днях русской культуры Петр Яковлевич подготовил лекцию «Анализ борьбы идей». Она написана четким, аккуратным почерком. К теме лекции автор отнесся философски. «Дни русской культуры одни называют праздником, другие – поминками, – писал Добрыня-Конюхов. – Осторожные и честные, не радуясь и не печальясь, [пытаются] сделать попытку анализа и констатирования того, что было и к чему уже нет возврата по закону необратимости времени в условиях нашей жизни»⁴. Видимо, к «осторожным и честным» автор причислял и себя. Россию он представил как огромную стеклянную вазу.

«И вот кто-то – неведомый и непознаваемый – вдруг и внезапно страшным ударом нечеловеческой силы разбил Россию, и она рассыпалась на куски», – продолжил свою лекцию Добрыня-Конюхов⁵. Из сказанного лектор сделал вывод, предназначенный для слушателей: «Но, обреченные на законное замирание, мы должны найти в себе мужество замирать честно, мы должны нести на себе тот стиль, в котором была сделана разбитая ваза»⁶.

П.Я. Добрыня-Конюхов был одинок. Работал он в нефтяной компании, жил в маленькой квартирке на крыше дома. В ней был кухонный, он же рабочий стол, пара стульев и жесткая складная койка. Шкафа не было. У хозяина квартирки было только две смены белья. Одну он носил, другую ежедневно стирал. На стене – репродукции картин Левитана и Васнецова, иконка с прицепленным к

⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. р5850. Оп. 1. Д. 21. Л. 6.

⁵ Там же. Л. 8.

⁶ Там же. Л. 10.

ней Георгиевским крестом. Питался Петр Яковлевич очень скромно. Каждый день и летом, и зимой плавал в море. Держался чопорно. Лицо было загорелое, суровое, в глубоких морщинах. Губы были поджаты. За стеклами пенсне прятались испытующие глаза⁷.

«Жил П.Я. по графику, – вспоминал друживший с ним, значительно более молодой Н.А. Старковский. – После службы он отправлялся к своим книгам, чтобы их читать и приводить в порядок. Затем он покупал вечернюю газету “La Bourse egyptienne” и читал ее в трамвае по дороге домой. Приехавши, он складывал ее и возвращал на станции мальчику-газетчику, чтобы он продал ее и заработал лишний пиастр. Купивши по дороге хлеб и молоко, П.Я. взбирался на свой чердак, варил себе овсянку на примусе и заваривал чай. Во все, что он ни ел, он прибавлял каплю раствора йода»⁸.

Через год после первых Дней русской культуры, 14 июня 1929 г., П.Я. Добрыня-Конюхов продолжил свою лекцию «Анализ борьбы идей».

«Борьба между грабежом и жертвой – древняя и общемировая», – отмечал он⁹. И далее: «В России – среди изящных писателей, тонких художников и важных ученых, точно так же, как и среди безграмотных длиннобордых крестьян можно встретить вождей, теоретиков и практиков как одного, так и другого принципа; жизнь показала и ежечасно показывает, что родовитый аристократ может быть такой же продажной тварью, как и наглый потомок недавно освобожденного раба и наоборот»¹⁰. И, как вывод из сказанного: «Куда нам идти? Туда, куда подскажет нам

⁷ Горячкин Г.В. Русская Александрия. Судьбы эмиграции в Египте. 2-е издание. М.: Русский путь, 2012. С. 189-190. С. 189-190.

⁸ Там же. С. 190.

⁹ ГАРФ. Ф. р. 5850. Оп. 1. Д. 21. Л. 31. ¹⁰ Там же. Л. 32.

конструкция нашей души, холодный рассудок и наша совесть»¹¹.

П.Я. Добрыня-Конюхов поначалу пускал знакомых в свою библиотеку, но запрещал выносить оттуда книги. После пропажи 2-3 книг он вывесил на дверях имена нежеланных посетителей и вскоре закрыл библиотеку.

«В своих разлинованных тетрадах, собранных в объемистые тома, он рисовал и раскрашивал акварелью удивительные миниатюры, – вспоминал Н.А. Старковский. – В церкви висела икона Спасителя его руки, писанная так, что выражение его лика как бы менялось от настроения наблюдателя. После себя П.Я. оставил десяток таких томов, оригинальное пособие по химии и разборы художественной литературы... За чаем он говорил о России и ее культуре. Он изображал литературные типы так красочно, что вот-вот, казалось, будет стук в дверь и войдут Иван Карамазов или князь Мышкин. Его любимцами были Достоевский и из иностранцев Гете»¹².

Незадолго до смерти Петр Яковлевич обратился в советское посольство и попросил, чтобы все книги и его архив были переданы в Киевский университет. К сожалению, с сотрудниками посольства он не договорился, так что книги и архив были отданы Каирскому университету. После кончины Добрыни-Конюхова выяснилось: в сберкассе у него хранилась колоссальная сумма в 40 тысяч египетских фунтов (примерно 160 тысяч долларов). Это были деньги, оставленные на содержание библиотеки, к которым он прибавлял собственные сбережения¹³.

Внучатая племянница П.Я. Добрыни-Конюхова, Е.Л. Зеленина, отмечала: «Остается гордиться тем, что в нашей семье был такой неординарный человек, берегавший всю жизнь, даже на чужбине, лучшие духовные, нравственные, гражданские качества русского человека»¹⁴.

¹¹ ГАРФ. Ф. р. 5850. Оп. 1. Д. 21. Л. 31. 10 Там же. Л. 32.

¹² Горячкин Г.В. Указ. соч. С. 191. ¹³ Там же. С. 190-192.

¹⁴ Там же. С. 193.

Индонезия, Австралия и Новая Зеландия: берега обетованные

Глава 13. РОССИЯНЕ В ИНДОНЕЗИИ: ОТКРЫТИЯ ИСТОРИКА Е.И. ГНЕВУШЕВОЙ ¹

** Автор выражает признательность В.В. Сикорскому за возможность использовать хранящиеся у него архивные материалы Е.И. Гневушевой.*

Историк Елизавета Ивановна Гневушева, талантливый исследователь и педагог, прожила долгую и плодотворную творческую жизнь, в которой причудливым образом переплелись и ее собственная судьба, и судьбы тех

***Елизавета Ивановна
Гневушева (1991 г.)***

русских путешественников и исследователей Нусантары, включая Н.Н. Миклухо-Маклая, которыми она занималась.

Е.И. Гневушева родилась 10 февраля 1916 г. в Сураже Черниговской губернии. В 1941 г. окончила исторический факультет Московского государственного педагогического института им. В. Потемкина. Защитив в 1948 г. кандидатскую диссертацию на тему «Возникновение Всеиндийского национального конгресса», она преподавала историю в Курском педагогическом инсти-

¹ **Сведения об авторе:** Погадаев Виктор Александрович – кандидат исторических наук, преподаватель Дипломатической академии МИД РФ. E-mail: povial@yahoo.com

туте. По возвращении в Москву (1952) она работала в Московском институте востоковедения (1952–1953), затем на историческом факультете МГУ (1954–1956). С 1956 г. педагогическая и научная деятельность Е.И. Гневушевой тесно связана с ИВЯ при МГУ (ныне ИСАА при МГУ), где она более 30 лет проработала доцентом кафедры истории стран ЮВА и Дальнего Востока.

Увлечшись не без влияния своего учителя академика А.А. Губера Индонезией, Елизавета Ивановна посвятила изучению этой страны всю свою жизнь. Ею написано и издано более 70 работ, в том числе книги «В стране трех тысяч островов»² и «Академик Александр Андреевич Губер»³, обширные главы по Индонезии в ряде университетских учебников по истории стран Азии и Африки, многочисленные статьи, которые переводились также на иностранные языки и издавались в Англии, Голландии, Индонезии, Малайзии. Предмет особого интереса Е.И. Гневушевой – русские в Индонезии. Кропотливо работая в архивах, она открыла десятки имен русских людей, оказавшихся по воле судьбы в районе Малайского архипелага и незаслуженно забытых потомками. Идя по следам своих героев, Елизавета Ивановна забиралась в самые удаленные уголки нашей страны, изучала там церковные регистрационные книги, беседовала со старожилами, которые могли помнить, что происходило в этих местах в давние времена. Ее исследования вызывали неизменный интерес и у нас, и за рубежом.

Много сил и энергии отдавала Елизавета Ивановна общественной деятельности. Она была членом правления Общества дружбы России с Индонезией, принимала активное участие в работе Российского общества охраны

² Гневушева Е.И. В стране трёх тысяч островов. М.: Издательство восточной литературы, 1962.

³ Гневушева Е.И. Академик Александр Андреевич Губер / Отв. ред. акад. С.Л. Тихвинский. М.: Наука, 1988.

памятников и культуры, являлась одним из организаторов Губеровских чтений в ИСАА при МГУ. Неоценим ее вклад в дело распространения знаний об Индонезии: она выступала с докладами перед общественностью, по радио, в периодической печати.

Последние годы Елизавета Ивановна часто болела, но по-прежнему много работала. Ее перу принадлежит значительная часть первого тома коллективной монографии «История Индонезии» (1992). В планах было переиздание значительно расширенной и дополненной книги «В стране трех тысяч островов». Работа эта, к сожалению, осталась незавершенной – 11 мая 1994 г. Е.И. Гневушева ушла из жизни.

Елизавета Ивановна Гневушева принимает поздравления коллег по случаю своего 60-летия (1976 г.)

Миклухо-Маклай как подлинный гуманист

Особое место в исследовательской работе Е.И. Гневушевой занимала судьба Н.Н. Миклухо-Маклая, которым она восхищалась как талантливым ученым, путешествен-

ником и гуманистом, и знакомство с трудами которого еще в студенческие годы во многом повлияло на ее жизненный путь.

Елизавета Ивановна рассказывала, что как-то, просматривая собрание сочинений Н.Н. Миклухо-Маклая, изданное Академией наук в 1950–1954 гг., она обратила внимание на то, что там приведено сравнительно немного документов, извлеченных из Архива внешней политики России (бывшего архива Министерства иностранных дел царской России). А ведь ей было известно, что ученый, ходатайствуя о судьбе обитателей Новой Гвинеи путем установления протектората России над Берегом Маклая, писал письма в Министерство иностранных дел, министру и самому царю. Все это должно было осесть в архивах соответствующих канцелярий и министерств.

И вот она в Архиве внешней политики России. Описывая позднее это свое посещение архива в своей статье «Дело Миклухо-Маклая» (Гневушева 1962, 12), она отмечает, что работник архива был удивлен ее запросом и даже сказал о возможности отказа. Письма путешественника? Существуют ли они и где они могут быть? Но все-таки требование было принято, и вскоре перед Елизаветой Ивановной появилась объемная папка с тщательно выведенной надписью по старому правописанию «Дело Миклухо-Маклая». Это и письма ученого министру иностранных дел Н.К. Гирсу, и царю, и влиятельным лицам из окружения царя. Тут же докладные записки Гирсу от президента Русского географического общества; вырезки из газет и полностью газеты на русском и английском языках, где печатались статьи и заметки как самого Николая Николаевича, так и о нем; переписка Министерства иностранных дел с Военным министерством по вопросу, поднятому Миклухо-Маклаем; ответы немецкого посольства в Петербурге на запросы Министерства иностранных дел России; протоколы «Особого комитета, высочайше утвержденного для рассмотрения предложений Н.Н. Миклухо-

Маклая»; доклады царю; письма частных лиц Гирсу; визитные карточки путешественника с его беглыми, но важными для него заметками. Все документы Миклухо-Маклая из его «Дела» посвящены одной-единственной цели: защитить обитателей Новой Гвинеи от европейских колонизаторов. Как отмечает Е.И. Гневушева, пример тасманийцев и аборигенов Австралии убеждал русского ученого в губительности для коренного населения Новой Гвинеи той «цивилизации», которую несли им колонизаторы из Европы – потомки конкистадоров⁴.

Читаешь статью Елизаветы Ивановны, основанную на архивных данных, и видишь, как настойчиво и целеустремленно пытается Н.Н. Миклухо-Маклай убедить власти вмешаться и «предотвратить от папуасов пагубное для них влияние английской колонизации»⁵. И соглашаешься с ней в том, что наверняка некоторые черты своего характера – силу воли, настойчивость, а также блестящие способности к наукам знаменитый путешественник унаследовал от своего отца, Николая Ильича Миклухо-Маклая. По окончании Нежинского лицея он, не имея средств, пешком добрался из своего родного города Стародуба до столицы, продолжил образование по совсем новой в России специальности – инженера путей сообщений, участвовал в строительстве одной из самых первых в России железной дороги, соединявшей Петербург с Москвой, был первым начальником Московского вокзала столицы.

Настойчивость ученого, его увлеченность идеей была такова, что даже Александр III в конце концов дрогнул и уступил, начертав на очередном прошении синим карандашом: «Его просьба скромна, и мне, кажется, следует поддержать его»⁶. Обстоятельства, однако, как известно, были против Миклухо-Маклая. Вступать в конфликт с

⁴ Гневушева Е.И. В стране... С. 14.

⁵ Там же. С. 15.

⁶ Гневушева Е.И. В стране... С. 28.

другими державами по поводу далекой Новой Гвинеи русское правительство не было расположено. Не поддержал ученого и Особый комитет, который должен был решить вопрос о возможности создания русских поселений на Тихом океане. Все перипетии этого дела четко просматриваются в документах, которые обильно цитирует Е.И. Гневушева в своей статье. Здесь же и выдержки из письма Гирса Миклухо-Маклаю от 18 декабря 1886 г., содержащее обоснование отказа на предложение русского ученого создать поселение на тихоокеанских островах⁷. Но это не все – Елизавета Ивановна обращает наше внимание еще на один архивный документ – письмо крестьянина из села Кинделин Кунгурского уезда Пермской губернии М.А. Новоселова, который изъявил желание быть в числе первых пионеров страны и переселиться на Берег Маклая. Он писал, что вместе с ним готовы поехать на Новую Гвинею его родственники и соседи, интересовался докладами и сообщениями Миклухо-Маклая об острове, тем, как можно войти в «личные отношения» с ним⁸.

Елизавета Ивановна сочувствует русскому ученому, указывает, что «Дело Миклухо-Маклая» волнует и нас, его потомков⁹. Но больше всего ее трогает чистота и благородство помыслов нашего великого соотечественника. Разве можно не согласиться с тем, что она пишет в конце статьи: «Его ошибки понятны, его наивность не вызывает улыбки, его резкость извинительна. То чувство признательности и восхищения, которое возникает при первом знакомстве с Миклухо-Маклаем еще в годы детства при чтении книг о его путешествиях, не исчезает; напротив, это чувство укрепляется по мере знакомства с ним самим – его дневниками, трудами, письмами. Его имя стало сино-

⁷ Гневушева Е.И. В стране... С. 39.

⁸ Там же. С. 40.

⁹ Там же. С. 42.

нимом человечности, преданности высокой идее помощи слабому и подлинно героического служения этой идее»¹⁰.

Еще раз с Н.Н. Миклухо-Маклаем мы встречаемся в статье Е.И. Гневушевой, специально написанной для сборника «Встречи с Малайзией», который вышел в Куала-Лумпуре в 1974 г. на английском языке¹¹. В нем описывается путешествие русского ученого по Малаккскому полуострову, подчеркивается его вклад в наши познания о людях, его населяющих, и в то же время о добром отношении к путешественнику со стороны местного населения. Помощь ему оказывалась повсеместно, а султан Джохора Абубакар, проникнувшись важностью научной миссии Миклухо-Маклая, даже снабдил его рекомендательными письмами и помог организовать поездки в самые удаленные уголки полуострова. Результат экспедиции, отмечает Е.И. Гневушева, превзошел все ожидания: ученый смог собрать богатый антропологический и этнографический материал и записал несколько диалектов вымирающих племен. И вновь она обращает внимание на высокие моральные принципы, которых придерживался Миклухо-Маклай, на его стремление защитить от посягательств колонизаторов местных аборигенов, отстоять их право на независимость¹².

Конечно, творческое наследие Е.И. Гневушевой, посвященное Н.Н. Миклухо-Маклаю, может показаться скромным. Ведь о нем столько написано! Но кто знает, может быть, занявшись изучением его жизни и написав на основе архивов статьи, она тем самым спасла от забвения некоторые уникальные архивные материалы. Как-то, побывав в очередной раз в архиве для уточнения необходимых деталей, она в ужасе поделилась со мной: «Подумать

¹⁰ Гневушева Е.И. В стране... С. 42-43.

¹¹ Gnevusheva E.I. Russians in Malaya and on Malaya // Meetings with Malaysia. Kuala Lumpur, 1974.

¹² Ibid. P. 7.

только, нужного документа на месте не оказалось. Он просто исчез!» И возможно теперь единственный его след – в статьях Е.И. Гневушевой¹³.

Не следует упускать из виду и того обстоятельства, что Елизавета Ивановна одной из первых занялась исследованием хранящегося в Архиве внешней политики России «Дела Миклухо-Маклая» и таким образом помогла увидеть в нем не только талантливого ученого и неутомимого путешественника, но и подлинного гуманиста, который, говоря словами А. де Сент-Экзюпери, считал себя «навсегда в ответе за всех, кого приручил».

Российские ученые и Бейтензоргский ботанический сад

Многие российские ученые работали в знаменитом Бейтензоргском (Богорском) ботаническом саду в Индонезии, и их деятельность тоже привлекла внимание Е.И. Гневушевой. Среди этих ученых она выделяет профессора Харьковского университета А.Н. Краснова (1862–1915), сына генерала Н.И. Краснова и брата писателя П.Н. Краснова и белого генерала П.Н. Краснова. Он изложил свои впечатления о поездке в Индонезию в 1892 не только в ряде научных статей, но и в книгах: «По островам Дальнего Востока»¹⁴ и «Под тропиками Азии»¹⁵. Двухмесячный опыт в Богоре был для него полезен, потому что в 1912 г. он стал директором Батумского ботанического сада и интродуцировал некоторые из растений, привезенных из Богорского ботанического сада, в Россию¹⁶.

¹³ Погадаев В.А. Н.Н. Миклухо-Маклай в судьбе историка Е.И. Гневушевой // Человек из легенды. К 150-летию со дня рождения Н.Н. Миклухо-Маклая. М.: Красная Гора, 1997.

¹⁴ Краснов А.Н. По островам Дальнего Востока. СПб.: Недели. Тип. Н.А. Лебедева, 1895.

¹⁵ Краснов А.Н. Под тропиками Азии. М.: Географгиз, 1956.

¹⁶ Гневушева Е.И. В стране... С. 72.

Однако до конца 1890-х годов поездки российских ученых осуществлялись на собственные средства. Только позже Российская академия наук представила специальный грант для двух лучших ботаников или зоологов страны для двухлетнего пребывания в Бейтензоргском (Богорском) ботаническом саду. Первым бейтензоргским стипендиатом стал ученик К.А. Тимирязева биолог Сергей Гаврилович Навашин. С 9 декабря 1898 г. до 6 апреля 1899 г. он жил и работал в Бейтензорге, а затем через Европу вернулся в Россию. Он занимался главным образом пальмами и собрал полный материал по истории развития цветка пальм. С.Н. Навашин совершил много экскурсий по Яве, побывал на крупнейших чайных и кофейных плантациях. Елизавета Ивановна отмечает, что в своем отчете Академии наук он указывал, что описал эти плантации в дневнике, но, к сожалению, отыскать дневник ей не удалось¹⁷.

Другим бейтензоргским стипендиатом был зоолог Константин Николаевич Давыдов (1877–1960), потомок героя Отечественной войны 1812 года Дениса Давыдова. В 1902 г. он посетил не только Яву, но и другие острова Индонезии (Бали, Ломбок, Сулавеси, Амбоина, Серам, Ару). Во время подготовки к путешествию он даже изучал малайский язык. В 1909 г. за описание Малайского архипелага и свою научную работу он получил специальную академическую награду¹⁸.

Кстати, Давыдов оставил нам описание ядовитых деревьев, которые жители острова Вакам архипелага Ару называли «какал момотин». Вот как описывает этот эпизод

¹⁷ Гневушева Е.И. В стране... С. 87.

¹⁸ Давыдов К.Н. По островам Индо-Австралийского архипелага. Впечатления и наблюдения натуралиста. Часть II. Молуккский архипелаг. Глава VI. От Сурабайи до Амбоины. Бали, Ломбок и Макаassar // Известия Императорской Академии Наук, 1905. Апрель и май. V серия. Т. XXII, № 4/5.

Елизавета Ивановна: «Он увидел трупы двух кабанов возле деревьев; возможно, они съели корни или молодые побеги дерева. Местные жители, отмечает ученый, далеко обходят эти деревья, и только племена бродячих лесных охотников умели обращаться с ними. “Достаточно пройти мимо этого дерева, чтобы умереть”, – предупреждал Давыдова староста деревни, рассказав, что жители одного селения полностью извели своих соседей, с которыми враждовали, заразив реку кусками «какал момотина»¹⁹.

Рассказ Давыдова перекликается со свидетельством английского ботаника Румфиуса (1627–1702), который жил в Малайе и сталкивался с ядовитым деревом, которое здесь называется «ипох». Он свидетельствовал:

«Под самым деревом не растут ни другие деревья, ни кусты, ни травы – не только под его кроной, но даже на расстоянии брошенного камня: почва там бесплодна, темна и словно обуглена. Ядовитость дерева такова, что садящиеся на его ветви птицы, наглотившись отравленного воздуха, одурманенные падают на землю и умирают, и их перья устилают почву. Все, чего коснутся его испарения, гибнет, так что все животные его избегают, и птицы стараются не летать над ним. Ни один человек не осмелится приблизиться к нему, разве что руки, ноги и голова будут защищены толстой тканью... Мне осторожно вынесли и дали поддержать в руках закрытый бамбуковый цилиндр, в котором находилась веточка ядовитого дерева. Я ощутил лёгкое покалывание, схожее с реакцией переохлаждённой ткани на тепло»²⁰.

Это является еще одним подтверждением того, что «анчар» А.С. Пушкина растет не в пустыне, а в тропиках.

Давыдов предполагал, что ядовитость дерева сильно преувеличена, и хотел привезти с собой его листья и

¹⁹ Гневушева Е.И. В стране... С. 120.

²⁰ Растения-хищники. URL: <http://nplit.ru/books/item/f00/s00/z0000067/st168.shtml>.

цветы²¹. Но он отложил это намерение до следующего раза, который так и не наступил: на других островах Ару, посещенных ученым, такое дерево либо не росло, либо было известно аруанцам под иным названием, а на Вокаме Константину Николаевичу пожить больше не удалось.

К сожалению, исследование Е.И. Гневушевой, посвященное пребыванию Давыдова в Индонезии, было опубликовано лишь частично, в ее книге «В стране трёх тысяч островов»²², так как ее рукопись «Путешествие в страну под экватором русского ученого-зоолога К.Н. Давыдова в 1902 г.», предложенная в 1961 г. редакции книг научно-популярной серии АН СССР, была отклонена как якобы «не соответствующая профилю и задачам этой серии»²³.

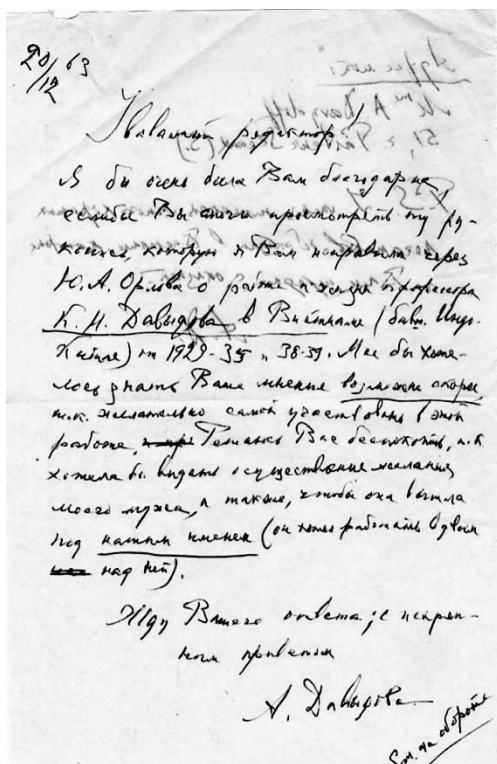
В архиве Е.И. Гневушевой имеется машинописная рукопись жены К.Н. Давыдова А.Ю. Давыдовой «К.Н. Давыдов в Индокитае (воспоминания)» с ее письмом от 20 декабря 1963 г. к редактору просмотреть рукопись и сообщить свое мнение о возможности ее публикации. К.Н. Давыдов работал в странах бывшего Французского Индокитае в 1929–1935 гг. и в 1938–1939 гг. В постскрипту к письму А.Ю. Давыдова добавляет, что у нее есть много хороших негативов о жизни во Вьетнаме, которые она готова передать с охотой. Здесь же положительное заключение рецензента, который предлагает опубликовать рукопись вместе с отчетом самого К.Н. Давыдова о его путешествии в Индонезию в 1902 г. Рецензент отмечает, что «рукопись читается с интересом, написана хорошо», а

²¹ В малайзийском городе Ипо, получившем свое название от этого ядовитого дерева, одно такое дерево сохраняется перед городским железнодорожным вокзалом. А чтобы никто не отравился, дерево окружено забором (Pogadaev 2003).

²² Гневушева Е.И. В стране... С. 97-145.

²³ Гневушева, архив – материалы личного архива Е.И. Гневушевой, хранящиеся у В.В. Сикорского.

«сам К.Н. Давыдов – личность весьма примечательная, ... он не только ученый-зоолог, но и умный наблюдатель жизни местного населения, умеющий поэтически описать все, что он видит». Рецензия датирована 17 февраля 1964 г. и подписана, но подпись не расшифрована. Неясно также, к редактору какого издательства обращалась вдова со своим письмом.

Письмо А.Ю. Давыдовой.
Из архива Е.И. Гневушовой

Следующим после Давыдова бейтензоргской стипендией воспользовался в 1904 г. молодой ученый-ботаник Михаил Ильич Голенкин. В его научную задачу входило исследование мхов и магнолиевых растений. Кроме того, отмечает Елизавета Ивановна, он ставил своей целью собирание коллекций вообще для Московского университета и низших грибов для Ботанического музея Академии наук. М.И. Голенкин был московским ученым, и все собранные им

коллекции (за исключением мхов) были переданы Ботаническому саду Московского университета. И до сих пор в

МГУ, как утверждает Е.И. Гневушева, пользуются материалами, привезенными Голенкиным²⁴.

С июля 1906 г. в Ботаническом саду Бейтензорга работал стипендиат Академии наук зоолог Петр Павлович Иванов (1878–1942). Он же был первым иностранным ученым, который работал на открывшейся морской зоологической станции в Батавии (Джакарте). Он собрал огромный материал: на его обработку ушло около 26 лет. Лекции П.П. Иванова об Индонезии были увлекательны. Он привез огромное количество диапозитивов (их он использовал в своих лекциях) и живых экспонатов, в том числе и маленького крокодилчика, который долгое время жил в ванне, а потом ученый передал его в зоопарк. Намерение написать книгу о своем пребывании в Индонезии он не выполнил, а все его дневники и записи погибли во время блокады Ленинграда²⁵.

Очень успешной, по мнению Елизаветы Ивановны, была научная поездка в Индонезию в 1908 г. харьковского ботаника профессора Владимира Митрофановича Арнольди (1871–1924), который использовал опыт К.Н. Давыдова и намеренно повторил его маршрут (острова Ява-Ару), чтобы выявить изменения за прошедшее годы. В своей работе «На островах Малайского архипелага» (1911 и 1923)²⁶ он дает лучшее в России описание Богорского ботанического сада, уделяя также большое внимание оригинальной яванской культуре (описание обрядов, народного театра, памятников древней архитектуры и т. д.). В этом, кстати, его отчет, по мнению Елизаветы Ивановны, значительно отличается от сугубо научных отчетов других российских ученых²⁷.

²⁴ Гневушева Е.И. В стране... С. 147.

²⁵ Гневушева, архив...

²⁶ Арнольди В.М. По островам Малайского архипелага. М.-Пг.: Гос. изд-во, 1923.

²⁷ Гневушева Е.И. В стране... С. 148.

Русского ботаника не просто пленили яванские тропики – они его поглотили. Он сам признается, что вся его жизнь до Явы ему представлялась сном, сумеречным и бесцветным. Ступив на яванскую землю, он как бы пробудился от этого сна. Особенно покорили его сердце индонезийцы, которых он называет малайцами: «Малайцы – очень симпатичный народ и должны быть отнесены к богато одаренным расам, которых ожидает лучшая будущность сравнительно с настоящим их подчиненным положением»²⁸.

Российский молдаванин на стороне восставшего индонезийского народа

Индонезия привлекала внимание не только ученых, но и некоторых российских искателей приключений. Большой интерес вызывает судьба гражданина России молдавского происхождения Василия Пантелеймоновича Малыгина (Мэмэлигэ или Мамалыга). В 1892 г. он прибыл в Индонезию через Сингапур и вскоре стал советником раджи Ломбока и главным начальником артиллерии. До этого он несколько лет жил в Китае. В 1894 г. помогал индонезийцам в антиголландском восстании на острове. После того, как восстание было подавлено, Малыгин был взят в плен. В 1896 г. он был приговорен батавским судом к 20 годам лишения свободы, но в 1898 г. амнистирован и отправлен домой под негласный надзор полиции. Однако в 1901 г. он снова приехал в Сингапур, нанявшись поваром на российский пароход «Диана» в Одессе. Очень скоро был вовлечен в борьбу малайского султаната Келантан против Сиама. Там его следы теряются, и дальнейшая судьба Малыгина неизвестна.

Впервые он под именем Парыган упоминается в 1894 г. в донесениях российского консула в Батавии М.М. Бакунина, адресованных в министерство иностран-

²⁸ Арнольди В.М. Указ. соч. С. 41.

ных дел, и затем в его книге «Тропическая Голландия. Пять лет на острове Ява»²⁹. Но приоритет в обстоятельном и подробном описании жизни и приключениях Малыгина принадлежит Е.И. Гневушевой, которая использовала не только центральные российские и местные молдавские архивы, но и государственный архив Нидерландов через своих голландских друзей, в том числе профессора Вима Вертхейма (1907–1998), с которым состояла в переписке. Как отмечает сама Елизавета Ивановна, «только в сочетании с материалами голландских архивов и прессы можно восстановить, хотя и не полностью, страницы жизни этого незаурядного человека»³⁰.

Кроме того, она лично посетила места в Молдавии, связанные с ее «героем», в частности село Пашканы бывшей Бессарабской губернии, где он родился. Российский ученый В.В. Сикорский, который в то время тоже проявлял интерес к личности Малыгина, в беседе с автором этой статьи вспоминал, как разминулся с Е.И. Гневушевой при посещении с. Пашканы, где она пыталась узнать, что жители села помнят о своем легендарном земляке. Он сам, побывав там, отговаривал ее от поездки из-за тяжелой дороги. Но она поехала: «Не побывать на родине этого удивительного человека!» – воскликнула она.

И ее поездка оказалась полезной: Елизавета Ивановна, в частности, встретила там с 90-летней Зиновией Пантелеймоновной Дониц и Георгием Александровичем Флори 1895 г. рождения, которые помнили Василия Малыгу и его рассказы после возвращения на родину перед второй поездкой³¹. Но все они утверждали, ссылаясь

²⁹ Бакунин М.М. Тропическая Голландия. Пять лет на острове Яве. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1902.

³⁰ Гневушева Е.И. В.П. Малыгин – возмутитель спокойствия в Нидерландской Индии // Вопросы истории. № 12, 1969.

³¹ Гневушева, архив...

на слова Малыгина, что тот был в Китае и работал там на чайной фабрике.

«Ну, что ж, – заключает Елизавета Ивановна, – хоть и мало сведений, но кое-какие выводы сделать можно. Бесспорным представляется, что о своем пребывании в Нидерландской Индии Мамалыга говорил своим землякам мало и как-то глухо, а если что и говорил о своей жизни в далеких краях, то больше о Китае. Очевидно, его деятельность в Китае ни с какой стороны не могла рассматриваться предосудительной. А стань он рассказывать о том, что видел и особенно, что делается в Нидерландской Индии, тут ведь можно и поскользнуться. Василий Пантелеймонович был человек предусмотрительный. Негласный надзор в царской России осуществлялся такими способами, что Мамалыга не мог не знать о нем, но он, по-видимому, не посвящал в это своих односельчан. И еще один факт, который приоткрывает завесу на отношение жителей села Пашкан и к Василию Мамалыге, и к власти. О том, что он уехал в Кишинева, знали многие в селе, но полицейские и жандармы узнать не смогли. “Скрылся в неизвестном направлении” – писалось в донесениях. Односельчане, очевидно, понимали, что надо укрыть своего земляка и на вопросы отвечали незнанием»³².

Исследования Е.И. Гневушевой о Малыгине опубликованы на разных языках: русском³³, молдавском³⁴, индонезийском³⁵ и голландском³⁶. При этом наиболее полно

³² Гневушева, архив...

³³ Гневушева Е.И. В.П. Малыгин...

³⁴ Гневушева Е. История унуй молдован // Ниструлб анул XXXII, N 11, 1963.

³⁵ Gnewusyeva Ye.I. Ikut Berdjuang untuk Kemerdekaan Indonesia // Negeri Sovjet, Jakarta. N 2, 1962.

³⁶ Gnewoesjewa E.I. De levensgeschiedenis van W.P. Mamalyga (Malygin) - Rustverstoorder" in Nederlandsch-Indië // Bijdragen tot de Taal-, Land- en Volkenkunde van Nederlandsch-Indië. Deel 121, afl. 3, 1965.

они вышли на голландском языке. Естественно, что наибольший интерес они вызвали в Индонезии. В архиве Елизаветы Ивановны хранятся письма, которые она получала от индонезийских читателей, спрашивавших ее о дальнейшей судьбе Малыгина. Сотрудники советского посольства в Индонезии рассказывали, что советского (с 1991 г. российского) посла Валерия Владимировича Малыгина, который работал в Индонезии с 1990 по 1995 гг., нередко спрашивали, а не родственник ли он того самого Малыгина, что помогал индонезийцам бороться с голландскими колонизаторами.

Работы Е.И. Гневушевой послужили также писателю Руфину Гордину (1920–2006) основой для написания приключенческого романа «Возвращение Человека – тайны»³⁷. В подаренной Е.И. Гневушевой книге ее автор сделал такое посвящение: «Дорогой Елизавете Ивановне – вдохновительнице и организатору этой книги и автору – с великой признательностью и искренним желанием писать лучше. 22 февр. 68 г.». В послесловии отмечается также: «Книга закончена. Я посвящаю ее моим соавторам, и в первую очередь Елизавете Ивановне Гневушевой»³⁸.

Отталкиваясь от того же сюжета, Елена Чекулаева написала романтическую повесть «Малиган и Кардила», в которой она, по её собственным словам, «рисковала соединить жизнь» героя «с судьбой бесстрашной девушки с острова Суматра»³⁹. В процессе поисков материала она посетила Институт востоковедения в Москве, где встретила историка Льва Демина, рассказавшего ей о трудах Е.И. Гневушевой: «Гневушева! – вспомнил он. – Конечно же, она! Удивительный ученый, кропотливый исследова-

³⁷ Гордин Р.Р. Возвращение Человека-тайны. Историческая повесть. Кишнев, 1967.

³⁸ Гордин Р.Р. Указ. соч. С. 380.

³⁹ Чекулаева Е. Малиган и Кардила. М.: Редакция журнала «Вокруг света», 1994.

тель. Елизавета Ивановна много лет посвятила именно Малыгину»⁴⁰.

Вместе с тем трактовка Е.И. Гневушевой личности Малыгина как человека, который «всегда стоял на стороне угнетенных» и «во всех поступках руководствовался убеждением, что люди имеют право быть свободными»⁴¹ была оспорена Б.Б. Парникелем, который в своей статье «Василе Мэмэлигэ в российской дискурсивной практике» писал: «Нельзя не придти к выводу, что привлечение архивных и полученных из Нидерландов материалов на голландском языке, стремление по-своему подойти к уже известным фактам, наконец, поездка на родину В. Мэмэлигэ по существу не вывели исследовательницу за рамки дискурса, определявшегося неизменной в 60-х гг. советской эпистемой»⁴².

«Я верный сын великого народа...»

Е.И. Гневушева открывала имена и тех россиян, которые в результате исхода из России после Октябрьской революции 1917 г. волей судьбы оказались в Индонезии и прожили несколько лет, работая в этой стране, до возвращения на родину.

Среди них инженер Иван Терентьевич Благов (1881–1943), который бежал из Владивостока в июне 1918 г., когда японцы захватили город. В конечном счете, он оказался на Яве, где прожил около трех лет. Он был автором ряда проектов, частично им выполненных, как-то: гидросооружения на реке Кали-Брантас для ликвидации последствий

⁴⁰ Чекулаева Е. Человек-загадка // Вокруг света. №1 (2676), 1997.

⁴¹ *Gniewoesjewa E.I. De levensgeschiedenis...* Р. 348-349; Гневушева Е.И. В.П. Малыгин... С. 210.

⁴² Парникель Б.Б. Василе Мэмэлигэ в российской дискурсивной практике // Малайско-индонезийские исследования. Выпуск XI. Составитель и редактор Б.Б. Парникель. Выпускающий редактор В.А. Погадаев. М.: Общество «Нусантара», 1998. С. 42–59. С. 48.

извержения вулкана; портового города Танджунг-Перак в Сурабае, таможи с механизированным транспортом главных мастерских в порту, а также дорожных мостов, канализации и водопровода портового города в Сурабае, различных видов портовых сооружений на море в Сурабае, на реках Явы и др. Инженерная мысль И.Т. Благоев, отмечает Е.И. Гневушева, воплотилась в Индонезии в нужные людям сооружения и постройки⁴³.

*Благоев И.Т.
Из архива Е.И. Гневушевой*

За участие в сборе средств в помощь голодающим России, который организовала газета «Шанхайская жизнь», был выслан на родину. По пути домой, в Берлине, в 1923 г. он организовал издательство современной русской литературы. Он и сам был автором фантастического романа «В сто восьмом году», в котором нарисовал индустриальное социалистическое общество будущего. В 1924 г. он – главный инженер строительства ирригационных сооружений в Туркмении, в 1928 г. был

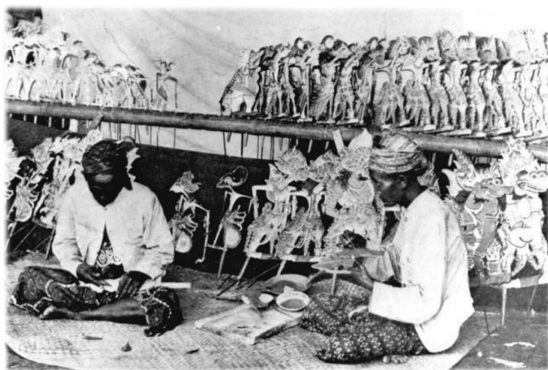
переведен в Москву и работал старшим научным сотрудником и главным инженером. Работал в Народном комиссариате путей сообщения: ему принадлежат несколько фундаментальных работ и много статей по гидростроению и ирригации. Но в октябре 1941 г. был арестован и

⁴³ Гневушева Е.И. Строитель Сурабайского порта [И.Т. Благоев] // Страны и народы Востока. Выпуск XXIV. Страны и народы бассейна Тихого океана. Книга 5. М.: Наука, ГРВЛ, 1982. С. 110-126.

сослан в Красноуфимск. Реабилитирован посмертно в 1958 г.

В своих записках о Яве И.Т. Благов отметил некоторые черты колониальной политики голландцев. Он восхищался самобытной культурой яванцев, шедеврами древней архитектуры. Его дневник (27 июля 1922 г. – 29 августа 1922 г.) и индонезийские альбомы фотографий хранятся у родственников и, по мнению Е.И. Гневушевой, имеют значение исторического источника⁴⁴.

На фотографиях вулканы, растительность, узкие длинные лодки прау, рисовые поля, хижины на сваях, рыбаки, народные представления. В альбомах запечатлены также памятники древней архитектуры, их художественные фрагменты и барельефы, руины древних сооружений. Один из альбомов посвящен Новой Гвинее. В нем собраны изображения папуасов, их хижины, селения, лодки, мужчины, возвращающиеся с удачной охоты, новогвинейские тотемы.

Изготовители плоских кожаных кукол теневого театра ваянг за работой (фото И.Т. Благова. Из архива Е.И. Гневушевой)

А.Н. Узянов в отзыве на статью Е.И. Гневушевой, написанной об И.Т. Благове, отмечал:

«Считаю, что статья должна увидеть свет и у нас, и в Индонезии. По существу, она открывает первую страницу

⁴⁴ Гневушева, архив...

истории неофициальных советско-индонезийских отношений сразу после Октябрьской революции в условиях колониального режима в Индонезии и отсутствия дипломатических отношений Советской России с метрополией. Не имеет большого значения то, что Благов был частным лицом и в Сурабае оказался по иронии судьбы. Важно другое: русский инженер Благов строил для индонезийцев и всей душой был на стороне советской власти»⁴⁵.

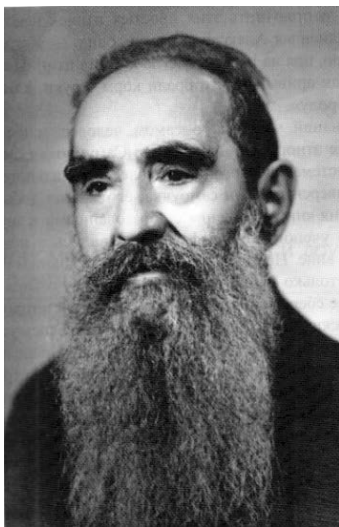
Следует отметить, что статья в переводе на индонезийский язык была распространена 2 января 1979 г. национальным информационным агентством Индонезии «Антара» и перепечатана всеми центральными и многими региональными газетами страны⁴⁶.

Наконец, нельзя обойти роль Е.И. Гневушевой в увековечении памяти Александра Самуиловича Эстрина (1889–1981) и его супруги Анны Яковлевны Смотрицкой (1981–1967), которые в 1919–1922 гг. волею судьбы оказались в Индонезии, где А.С. Эстрин работал электросварщиком на судовой верфи батавского порта Танджунг-Приок, а супруга давала уроки музыки. Они много ездили по стране и собрали значительную этнографическую коллекцию (более 600 предметов), которую чудом привезли на родину (через Голландию) и безвозмездно передали ее в Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук в Петрограде. Любопытно, что в судьбе Эстриных принял участие писатель Максим Горький, в результате вмешательства которого Эстрины смогли получить бесплатные билеты и погрузить свои коллекции на советский пароход в Берлине⁴⁷.

⁴⁵ Гневушева, архив...

⁴⁶ *Gnewusyeva Ye.I.* Insinyur Rusia dalam Pembangunan Pelabuhan Surabaya // *Antara Spektrum*, 2.1.1979. P. 18–19.

⁴⁷ *Гневушева Е.И., Трисман В.Г.* Об Эстриных и их коллекции; Письма В.Г. Трисман, Е.И. Гневушевой и других Эстриным и о них // Индонезия начала XX века в коллекции и воспоминани-

*Александр Самуилович
Эстрин*

Узнав от сотрудника музея В.Г. Трисман о коллекции, Елизавета Ивановна приложила немало усилий, чтобы встретиться с А.С. Эстриным, который после войны оказался в Москве, записать и расшифровать его воспоминания, оставшиеся в ее архиве неопубликованными до 2018 г.⁴⁸. Кроме того, по ее настоянию была написана совместно с В.Г. Трисман большая монографическая статья «Об Эстриных и их коллекции»⁴⁹. Переписка, сохранившаяся в архиве Е.И. Гневушевой, дает возможность проследить за всеми перипетиями

этой поистине титанической работы ученого⁵⁰.

И Благов, и Эстрины были большими патриотами своей страны, и их чувства разделял еще один наш соотечественник вулканолог В.И. Петрушевский (1891–1961), который, как и герои Е.И. Гневушевой, в 1920 г. покинул Россию и в поисках работы добрался до Индонезии, где в 1921 г. поступил на службу в отдел геологии Горного де-

ях А. Эстрина и А. Смотрицкой. Сост. С. Твердислова, Г.А. Эстрина. М.: Восточная литература, 2018. С. 5-138. С. 68.

⁴⁸ Там же; *Эстрин А.С.* Воспоминания (записано с его слов Е.И. Гневушевой) // Малайско-индонезийские исследования. Выпуск XX. К 50-летию Малайско-индонезийских чтений (1967-2017). Редакторы-составители В.А. Погадаев, В.В. Сикорский. М.: Общество «Нусантара», ИВ РАН, 2018. С. 304-321.

⁴⁹ *Гневушева Е.И.* Этнографические коллекции А.С. Эстрина в МАЭ // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. 9. 1982 (в соавт. с В.Г. Трисман).

⁵⁰ *Гневушева Е.И., Трисман В.Г.* Об Эстриных и их коллекции...

партамента. Здесь он изучил голландский и малайский языки и, пройдя последовательно все ступеньки служебной лестницы, закончил свою профессиональную деятельность начальником службы разведки вулканов. Принял участие в 280 экспедициях по исследованию вулканических районов на Яве, Суматре, Сулавеси, Калимантане, Бали, других островах. Деятельность Петрушевского получила признание среди его коллег-ученых: на послевоенном конгрессе геологов в Осло он был объявлен «чемпионом», так как единственным в мире спустился на дно 68 кратеров, и получил звание геолога «honoris causa». Один из вулканов на о. Ломблен (Малые Зондские острова) был назван в его честь: «Петруш» – так звали его местные жители. Петрушевский написал пять книг по вулканологии, участвовал во многих научных конференциях и съездах, выступал с докладами. Он был глубоко религиозным человеком и в течение долгих лет исполнял в Индонезии обязанности старосты одного из приходов Русской православной церкви заграницей.

Помимо занятий вулканологией, Петрушевский был известен как поэт. В своем творчестве он выражал любовь к России, тоску по ней, думы о ее возрождении. В частности, он писал:

Я часть Руси,
Которую невзгода,
Как мяч забросила за море-океан,
Я верный сын великого народа...
(*Русское зарубежье* 1997, 494-496)

В заключение хотелось бы отметить, что значение исследований Е.И. Гневушевой бесспорно: они позволяют выявить роль россиян, которые внесли весомый вклад в развитие далекой страны и способствовали созданию там положительного имиджа России, а также заложили основы будущих дружественных связей между Россией и Индонезией.

Глава 14. РОССИЙСКИЕ АНЗАКИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ: ПРОСОПОГРАФИЯ И ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ ¹

Столетний юбилей окончания Первой мировой войны позволяет не только подвести некоторые итоги связей между Австралией и Россией, но и задуматься о памяти, об осмыслении прошлого. Для россиян эта война, почти стертая с лица истории в советский период, стала открытием, воссоединением с прошлым своих предков, источником гордости в мире, в котором произошла массовая переоценка прежних исторических аксиом. Для Австралии эта война являлась одним из ключевых моментов ее истории на протяжении всего этого столетия. Она всегда была Великой войной, как для россиян великой была Великая Отечественная. Слово «анзак» – аббревиатура наименования Австрало-новозеландский армейский корпус – для австралийцев понятие священное, как для русских – «ветеран». Оно стало популярным в дни первых кровопролитных боев австралийцев в Галлиполи в апреле 1915 г. Тогда же начала слагаться «легенда анзаков», воспевающая единство, стойкость и братство молодой австралийской нации.

Вместе с тем в Австралии, пожалуй, никогда не было удушения исторического события многопудьем бронзы. День Анзак, день высадки в Галлиполи 25 апреля, всегда носил камерный, очень интимный характер. Это, говоря по-русски, был день поминовения, а не торжества, когда люди, «как к обедне ранней», в предрассветных сумерках сходились у кенотафов в городских парках и поминали своих земляков, которые навечно молодыми полегли в

¹ **Сведения об авторе:** *Говор Елена Викторовна* – PhD, научный сотрудник Австралийского национального университета (Adjunct Research Fellow at College of Arts & Social Sciences, Australian National University). E-mail: elena.govor@anu.edu.au

землю в далеких краях. Память о войне в Австралии никогда не была помпезно-официозной, героизация прошлого шла в ключе маленького человека на войне, идей товарищества, непокорности и силы духа.

Австралийская история ныне очень строго переоценивает прошлое, но, в то время как многие элементы этой истории выбыли из обоймы героического прошлого, – например, романтика первопроходцев и первопоселенцев, – «легенда анзаков» жива и по сей день. Каждое следующее поколение «взрослеющей» австралийской нации переосмысляет ее и обогащает новыми фактами подлинной истории. Опыт Первой мировой войны ныне помогает нам уйти, например, от этноцентрических стереотипов. Ведь еще со времен австралийской официальной истории Чарльза Бина было аксиомой, что в годы Великой войны этнически австралийская армия была почти исключительно англо-кельтской, британской. Традиционно считается, что австралийский мультикультурализм начался гораздо позже, после Второй мировой войны, когда Австралия распахнула свои двери перемещенным лицам из Европы. В действительности массовая иноэтническая иммиграция в Австралию началась как раз накануне Первой мировой войны. Среди анзаков обнаружались и австралийские аборигены, и немецкие переселенцы, и индийцы, и китайцы. Но самую большую национальную группу (свыше 1000 человек) не англо-кельтского происхождения составляют выявленные мной выходцы из Российской империи, которых можно назвать русскими, или, вернее, российскими анзаками.

Оговорка эта существенна, так как Российская империя была многонациональной страной, в которой русские составляли всего половину населения, и среди россиян, оказавшихся в Австралии к началу войны, можно насчитать около двух десятков этносов. Это нашло отражение и в этническом составе анзаков. Славяне (русские, украинцы,

беларусы, поляки) среди них насчитывали около 30%; уроженцы Прибалтики (эстонцы, латыши, литовцы, прибалтийские немцы) – около 24%; финны – почти 29%; евреи – 14%; и примерно по 2% приходилось на коренных жителей Кавказа и западных европейцев, родившихся на территории Российской империи. Таким образом, многие из них не были этнически русскими и, более того, часто покидали свои родные края из-за религиозного, этнического и политического преследования, которому они подвергались в Российской империи. По иронии судьбы, оказавшись в Австралии, они в глазах австралийских властей и широких кругов населения оказывались «русскими», и одной из задач моего исследования было выяснить этническое происхождение и этнокультурную самоидентификацию каждого из этих «русских» анзаков.

Наши анзаки были различны, как были различны и пути, которые привели их в Австралию. Значительный процент финнов, латышей и эстонцев среди россиян объяснялся повышенной мобильностью уроженцев этих мест, которые часто еще в юности покидали родину в качестве моряков, а «вычислить» их морское прошлое помогают детальные описания татуировки в их военных служебных досье. Были моряки и среди славян, но самую значительную группу среди последних составляли разнорабочие, входившие в волну эмигрантов, хлынувших в Австралию накануне Первой мировой войны с Дальнего Востока. Большинство из них ехали в Австралию на заработки, зачастую без семей, но начавшаяся война не позволила им вернуться на родину. В Австралии они в основном работали в шахтах, на постройке железных дорог, грузчиками в порту, в сезон рубили сахарный тростник на севере Квинсленда. К этой же группе трудовых временных мигрантов принадлежала и довольно значительная когорта осетин, ехавшая, в отличие от славян, в Порт-Пири в Южной Австралии, где они работали на предприятиях, занимавшихся выплавкой цветных металлов из руды. Эмигра-

ция евреев также имела свои особенности; она началась еще в конце XIX в. вследствие погромов и притеснений и представляла собой цепную миграцию в широком смысле слова, когда земляки или родственники следовали друг за другом на протяжении нескольких лет. Для евреев была характерна двухступенчатая миграция – часть из них ехала с Дальнего Востока и Харбина, другая – из Палестины, а вот третьи прибывали в Австралию, проведя детство и юность в Англии или Америке. Не удивительно, что в последнем случае они были в значительной степени ассимилированы. В отличие от трудовых мигрантов евреи обычно ехали в Австралию навсегда и при первой возможности натурализовались.

Процент фермеров, ремесленников и лиц интеллигентных профессий был очень небольшим, что отчасти объяснялось особенностями рынка рабочей силы в Австралии в то время. Вместе с тем анализ служебных досье анзаков позволяет сказать, что революционный характер ранней русской эмиграции в Австралии, который стал притчей во языцех в работах и русских, и австралийских исследователей, был явно преувеличен. Большинство россиян составляли отнюдь не профессиональные революционеры, а трудовые мигранты и моряки. Конечно, многих из них подтолкнула к эмиграции неудовлетворенность состоянием дел в России, будь то условия службы в армии или еврейские погромы.

Несмотря на то, что Австралийская армия была добровольческой, в нее вступил каждый пятый россиянин из числа находившихся в Австралии, то есть каждый третий-четвертый мужчина призывного возраста, причем надо отметить любопытный факт, что многие из наших героев незадолго до того дезертировали из российской армии или сбежали из Российской империи накануне призыва на обязательную военную службу. Причины такого массового вступления в австралийскую армию были разные.

Еврейские и русские юноши, приехавшие в Австралию детьми, как и их австралийские ровесники, рвались на фронт в поисках приключений. Иммигранты постарше шли воевать за Австралию, ставшую для них домом. «Он вступил в Австралийскую армию, потому что считал, что если страна стоит того, чтобы в ней поселиться, то она стоит и того, чтобы за нее сражаться» – убежден, например, Джордж, сын Устина Гуляева².

Однако главными факторами массового вступления в армию были причины экономического и политического характера. Одной из самых важных в этом ряду стало давление русского консула Александра Абазы, который заявил австралийским властям, что все уроженцы Российской империи призывного возраста и даже их взрослые дети, родившиеся в Австралии, обязаны вступить в армию, а иначе будут считаться дезертирами. Он же добился разрешения на зачисление их в Австралийскую армию без натурализации. Австралийские власти тоже проявили инициативу – в октябре 1915 г. министерство иностранных дел объявило, что они прекращают натурализацию россиян в возрасте от 18 до 50 лет для того, чтобы заставить их вступать в армию. Запрет на натурализацию тяжело ударил по россиянам в Австралии: без нее они не могли, например, вступить во владение участком земли; теперь все они должны были регистрироваться в полиции как чужеземцы, получать там разрешение на переезд на новое место, а с 1918 г. им запретили выезд из страны. Но, самое главное, подозрительное отношение к ним росло, им все труднее становилось находить работу. А вот в армию их брали без всяких документов и натурализации, достаточно было просто заявить, что ты «русский». По иронии судьбы именно это и сделали многие российские немцы, вступавшие в Австралийскую армию как русские.

² Gooliaeff, George. Интервью 28.08.2001 // Архив Елены Говор, Канберра, Австралия.

Надо сказать, что воевали эти немцы на совесть и многие из них сложили головы за Австралию.

Надо отметить, что, несмотря на давление консульства, в русских общинах Австралии были сильны голоса противников войны: так, Союз русских эмигрантов, объединявший сотни австралийских россиян, в отношении войны стоял на позициях международной солидарности рабочего класса и осуждал участие своих членов в братоубийственной войне.

Выявление всех россиян, вступивших в Австралийскую армию, было не простым делом. Первым натолкнул меня на их поиски бывший фронтовик Петер Метсер, уроженец о-ва Саарема (Эзель) у побережья Эстонии. В 1919 г., жалуясь премьер-министру Англии Ллойд-Джорджу на притеснения, которым подвергаются россияне в Австралии после войны, он, в частности, писал: «Мы, русские жители Австралии, проявили больше патриотизма по отношению к Британской империи, чем любая другая иностранная нация: мы послали 27% наших соотечественников сражаться в Великой войне и свыше 22% из них пали в Палестине, Египте, Галлиполи и Франции и уже никогда не будут наслаждаться теми свободами, за которые они отправились воевать»³. Сначала мне это показалось полемическим преувеличением. Но о том же свидетельствовал и другой австралийский фронтовик, Вальтер Калашников, уроженец городка Остров под Псковом: «Большое количество их [русских эмигрантов] ушло добровольцами на фронт, некоторые отдали свою жизнь, другие вернулись увечными и ранеными, и все они храбро сражались за демократию и свободу для всего мира. В сражении за Позииере целая секция славного 9 батальона состояла из русских, и едва ли найдется хоть одно подразделение в Австралийской армии, в котором бы не было

³ Национальный архив Австралии = National Archives of Australia (NAA). A 981/4. CONS 240.

хотя бы нескольких русских добровольцев»⁴. Дальше – больше. Оказалось, что Хаим Самойлович Платкин из Рогачева, в Белоруссии, по профессии театральный антрепренер, которого судьба забросила в Австралию, даже вел переговоры с австралийскими военными о создании специальной русско-австралийской части в составе Австралийской армии, однако эти идеи не реализовались, и россияне небольшими группами были разбросаны по всем армейским подразделениям. Русских было особенно много в квинслендских пехотных батальонах, осетин – в южно-австралийских, евреев – в мельбурнских.

Сейчас можно подвести некоторую статистику. Общее число россиян, вступивших в Австралийскую армию (формально она называлась Австралийские имперские силы) для участия в войне составляло 1 047 человек. Из них 804 человека участвовали в боевых действиях за рубежом, остальные были оставлены на службе в депо или вскоре отчислены по медицинским показаниям или из-за недостаточного знания английского языка. Среди участников боевых действий 48 человек были награждены специальными боевыми медалями за доблесть и 167, или каждый пятый, остались лежать на полях сражений⁵.

Боевым крещением Австралийской армии стала Галлиполийская операция. При высадке в Галлиполи и во время последующих кровопролитных боев Австралия потеряла тысячи солдат и восемь месяцев спустя была вынуждена вывести свои войска с полуострова, так и не осуществив поставленных задач. Но жертвы не были напрасными. Во время трагических боев на Галлиполи родилась «легенда анзаков», воспевающая простых австралийских парней, которые, отправившись к дальним берегам вое-

⁴ Kallashnikoff, W. A Russian Protest // Daily Mail. Brisbane. 27 August 1918. P. 2.

⁵ Russian Anzacs. Statistics. URL: <https://russiananzacs.net/statistics/> (дата обращения: 30.07.2019).

вать за Британскую империю, осознали, что они уже не британцы, а другой народ – австралийцы. От утесов Галлиполи до полей Фландрии и пустынь Аравии они пронесли идеи равенства и братства, стойкости и отваги. Именно эти качества стали теми краеугольными камнями, на которых формировалось самосознание молодой австралийской нации.

Мое исследование истории российских анзаков во многом касается их интеграции в этот мир австралийского армейского братства. Если в 1912 г. русские на страницах «Эха Австралии», газеты, издававшейся в Брисбене, жаловались, что хотя они и живут рядом с австралийцами, они никак с ними не смешиваются, теперь, вступив в армию, они оказались в самой гуще австралийского народа. Например, в Галлиполийской операции участвовало около ста шестидесяти уроженцев России, а в самой высадке, которую вся Австралия отмечает каждый год 25 апреля, – 36 человек. Но хотя россияне и носили теперь форму австралийского солдата, которая, казалось бы, всех нивелировала, они не могли стать австралийцами за одну ночь. Процесс превращения в анзаков был долгим и трудным, и чести получить звание «mate» они добились далеко не сразу, в результате участия в совместных боях.

...Знаменитая картина фронтового художника Элиаса Силаса «Поверка» написана вскоре после высадки и кровопролитных боев 9 мая 1915 г. Одно за другим звучат имена, а в ответ – тишина. Прототипом командира, проводящего переключку, стал Лазарь Марголин, командир 16-го западноавстралийского батальона, а в прежней жизни – воспитанник белгородской гимназии и виноградарь колонии Реховот в Палестине. О нем Зеев Жаботинский писал: «у себя в батальоне [он был] и царь, и отец, и брат для своих boys». И действительно, несмотря на его рус-

ский акцент, солдаты любили Марголина как родного отца и называли «Старина Марджи»⁶.

Об этом боевом братстве русских и австралийцев рассказывают и фотографии. Например, Александр Карелин, покидая Галлиполи вместе с бойцами 9-го батальона, расписался на знаменитой фотографии высадки в Галлиполи, дав, таким образом, присягу на верность Галлиполийскому братству анзаков. 17-летний Уильям Аверков приехал в Австралию с родителями еще ребенком. Здесь, после гибели отца в результате несчастного случая, он стал главным кормильцем большой семьи, в которой было еще пятеро младших детей. Но ничто не могло удержать его от вступления в армию, и, накинув себе два года, он отправился на фронт, где погиб в первом же бою. Его фотографии тоже рассказывают об этом братстве. На одной он вскоре после вступления в армию со своими русскими друзьями, а на другой – он уже со своими австралийскими товарищами, с тщательно выписанным именем каждого – очевидно, что его австралийские друзья важны для него.

Благодаря открытости австралийских архивов в центре моего внимания были не только герои, но и те, чья служба сложилась трагически – отказавшиеся воевать, отчисленные из армии, попавшие под подозрение как «шпионы», покончившие с собой, осужденные военно-полевыми судами, – и таких было немало. Среди них – история Альфреда Марковича, культурного образованного поляка. Он вступил в армию в первые дни войны и участвовал в высадке в Галлиполи. В хаосе первых дней после высадки его знание языков, мужество и инициатива помогли предотвратить захват их позиций противником. Но вместо награды, его через несколько дней арестовали и

⁶ Говор Е.В. Белгород – Австралия – Галлиполи: История Лазаря Марголина // Курская губерния и куряне в Первой мировой войне. Курский военно-исторический сборник. Вып. 14. Курск, 2014. С. 43-49.

отправили под конвоем в Австралию, где службы безопасности подвергли его допросам. «Улики» против него были смехотворны. Например, в его деле имеется донос такого характера: «Хотя Маркович якобы не жил во Франции, а учил французский язык в школе, знать язык так, как знает он, можно только живя в Париже, а поскольку он прожил шесть лет в Австралазии, на это надо обратить внимание». Хотя против него ничего не нашли, Маркович был уволен с формулировкой «Дисциплинарные причины». В его деле после этих слов стоит приписка карандашом: «Не преступление. Сомнительное имя»⁷. Эта история легла темным пятном на его судьбу. Когда, после войны, будучи членом Лиги ветеранов, он боролся за права фронтовиков и разоблачал злоупотребления военных бюрократов, военные опять вытащили на свет историю его увольнения из армии. В 1935 г. он покончил с собой.

После Октябрьской революции и выхода России из войны часть русских анзаков была отчислена из армии «по причине русской национальности», другие попадали под подозрение как «шпионы», радикалы или лица с немецкими корнями.

Не просто складывалась жизнь наших анзаков и после войны, по возвращении в Австралию. Для нескольких из них жизнь в Австралии была так тяжела, что они предпочитали вернуться на родину, в Советский Союз. Среди оставшихся некоторые стали последним поколением поселенцев, осваивавших суровую австралийскую землю в солдатских поселениях. Другие бродили по сельским дорогам как «свегмены» – сезонные рабочие, идущие от фермы к ферме со свегом (скаткой) за плечами. Третьи продолжали строить дороги, работать грузчиками в портах и моряхами, рубить сахарный тростник. И тут надо отметить, что первыми, кто протянул руку помощи анза-

⁷ NAA. B2455, Markowicz Alfred Jan De Topor; B741, V/8883.,

кам в послевоенные годы, стали английские и австралийские, русские и еврейские женщины, которые выходили замуж за российских анзаков и вместе с ними строили новую жизнь в новой стране. Они врачевали не только их физические раны, но и душевные, помогали им освоить английский язык и стать «своими» в австралийском обществе. Их дети росли австралийцами и доблестно сражались за Австралию в годы Второй мировой войны. Но у этой ассимиляции была и обратная сторона – молчание. Отцы не рассказывали своим детям ни об ужасах, пережитых ими на войне, ни о своем прошлом в России, они не учили детей своему родному языку, а внуки часто и не подозревали, что их «русский» дед был осетином или украинцем. Они не сохраняли свою этническую культуру в современном смысле этого слова, не возводили русских или эстонских церквей, не создавали свою «русскую Австралию», как делали это иммигранты последующих волн.

Но они не растворились бесследно в австралийском этносе. На их долю выпала иная миссия – возвести храм в душах окружавших их людей, открыть для австралийцев простые истины – что можно быть анзаком и говорить с акцентом, что можно быть русским, но не большевиком. Именно наследие русских анзаков стало тем фундаментом, на котором в 1960-х годах выросло здание современного австралийского мультикультурализма. А язык и культура, утраченные, казалось бы, навсегда, ныне возвращаются к потомкам русских анзаков. Внуки и правнуки их воссоединяются со своими русскими родственниками, связь с которыми прервалась почти столетие назад, и открывают землю своих предков.

Мое исследование российских анзаков, начатое в 2000 г., позволило поименно назвать каждого из них и обрисовать их судьбы прежде всего в социальном аспекте, причем задумано оно было не как этническая история, а как составной элемент австралийской истории. Это нашло отражение в заглавии книги, вышедшей в 2005 году: «Рос-

сийские анзаки в австралийской истории»⁸. Вместе с тем тот факт, что исследование велось в рамках просопографической истории, которая изучает жизнь группы людей, объединенных сходной судьбой, сходными жизненными вехами – в данном случае рождение в Российской империи в конце XIX в., эмиграция в Австралию, вступление в армию – предопределило и другие особенности моей работы.

Главной среди них стала установка на отсутствие целенаправленной выборки тех, кто соответствует априори поставленной задаче поисков положительного героя и создания героической военной истории в целом. Ведь традиционно с войной мы ассоциируем понятие «героизм», называем участников войны героями, ставим во главу угла их военные подвиги. Будет ли в таком случае правомерным назвать данный подход де-героизацией военной истории? Нет, это тоже было бы упрощением. Богатейший первичный материал, выявленный по жизни наших анзаков – архивные документы, воспоминания, прижизненные газетные репортажи – помогает понять, что героизм это не только военные подвиги анзаков, но и сама обыденная жизнь, которая выпала на долю их поколения. Это истории тысяч изувеченных физически и психически солдат, пытавшихся найти свое место в новой стране, становившейся их домом, найти себя в послевоенном мире. Подобная же интерпретация «героизма» была представлена в моей последней книге «Падающие звезды: История анзаков Украины», вышедшей в 2017 г.⁹.

Исследование истории российских анзаков продолжилось и после выхода книги «Российские анзаки в австралийской истории». Для этого еще в 2004 г. был создан

⁸ Govor E. Russian Anzacs in Australian History. Sydney: UNSW Press & NAA, 2005.

⁹ Govor E. Falling Stars: The story of Anzacs from Ukraine. Canberra: Alcheringa Press, 2017.

вебсайт <http://russiananzacs.narod.ru/>, где были размещены биографические и служебные сведения о каждом анзаке. Уже этот ранний опыт показал, что подобный сайт является полезным инструментом поиска родственников анзаков, которые могут поделиться с автором материалами семейных архивов и в то же время получить от него неизвестные им документы из государственных архивов. Во время празднования столетия Первой мировой войны (2014–2018 гг.), сайт был полностью переработан и перенесен на новую платформу по адресу <http://russiananzacs.net/>. По мере обновления сайта обновлялась биографическая информация и источниковедческая база о каждом анзаке. Оцифровка документов, произошедшая в Австралии за последние 15 лет, поражает воображение. Если при работе над книгой в начале 2000-х гг. информация о большинстве анзаков ограничивалась лишь сведениями в их служебных досье времен войны, то ныне электронные ресурсы позволяют проследить судьбу человека на протяжении всей его жизни в Австралии. По каждому анзаку было проделано новое детальное исследование с добавлением уточненных биографических данных, портретов, фотографий мемориальных панелей и надгробий. Кроме того, было добавлено множество ссылок на оцифрованные документы архивов Австралии и других стран, помещены электронные копии австралийских газетных статей, ссылки на генеалогические сайты, блоги и публикации; создана интерактивная карта с местами жизни анзаков до и после войны¹⁰. Проделанная работа представляет собой попытку продолжающегося исторического исследования, проводимого в современных условиях массовой оцифровки первичных источников, делающей лабораторию историка доступной для последующих исследователей и позволяющей пользователю самому участвовать в

¹⁰Russian Anzacs' Lives on the Map. URL: <https://russiananzacs.net/map/> (дата обращения: 30.07.2019).

исследовании через анализ первичных оцифрованных материалов.

Такой глобальный охват материала стал возможен благодаря тому, что в последние 15 лет Австралия широко открыла двери своих архивов и книгохранилищ для всех желающих и успешно провела ряд беспрецедентных проектов оцифровки. К примеру, все основные военные документы оцифрованы Национальным архивом Австралии¹¹ и Австралийским военным мемориалом¹² и доступны для бесплатного просмотра на их сайтах. А документов такого рода немало. На каждого военнослужащего в Австралийской армии заводилось личное дело, содержащее детальные сведения о месте рождения, подданстве, ближайших родственниках, религиозной принадлежности. В этом же деле содержалась информация о служебных перемещениях и наградах, запросы родственников, а после войны – и самого военнослужащего и его потомков, что часто дает возможность проследить всю его жизнь. Национальный архив Австралии в настоящее время открывает доступ к досье департамента репатриации, которые позволяют проследить жизнь человека и после войны. Из других архивных документов можно отметить такой ценный источник как дела военно-полевых судов, в документах которых личность россиянина, попавшего в переплет, часто раскрывается в полной мере. Интересны и досье Красного Креста с материалами опросов сослуживцев об их русских товарищах, пропавших без вести, или с письмами военнопленных россиян. Последние оцифрованы Австралийским военным мемориалом и доступны для просмотра на его сайте. Кроме того, для всех иммигрантов в Национальном архиве хранятся дела о военной реги-

¹¹ National Archives of Australia. URL: <http://www.naa.gov.au/> (дата обращения: 30.07.2019).

¹² Australian War Memorial. URL: <https://www.awm.gov.au/> (дата обращения: 30.07.2019).

страции или натурализации. В некоторых случаях они также попадали в орбиту интересов Австралийской службы безопасности и копии с их писем сохранялись, например, в донесениях цензоров.

Новым источником, появившимся в последнее десятилетие, являются материалы австралийских газет. Это 20 миллионов оцифрованных и распознанных газетных страниц на сайте Национальной библиотеки Австралии¹³. События из жизни большинства жителей Австралии, в том числе и российских эмигрантов, постоянно находили отражение на страницах местных газет. Конечно, при работе с ними надо учитывать, что газеты больше писали о лицах, попадавших в какие-то переделки, чем о добропорядочных обывателях, но несколько упоминаний в газетах можно найти почти о каждом человеке. Важным источником являются и материалы генеалогического характера, такие как записи о рождении, браке и смерти, переписи населения, пассажирские списки. Они также в значительной степени оцифрованы и представлены на таких генеалогических сайтах как ancestry.com и myheritage.org. Нередко на этих сайтах можно найти и генеалогии анзаков и установить контакт с их родственниками. Проводится также массовая оцифровка кладбищенских надгробий, в том числе и наших анзаков. И, наконец, к столетию войны многие библиотеки Австралии оцифровали коллекции фотографий, хранившихся в их фондах, установив личности изображенных на них военнотружеников.

Теперь с большой долей уверенности можно сказать, что, если человек жил в Австралии столетие назад, его жизненный путь можно проследить сидя за компьютером, даже не выезжая в библиотеки и архивы. Национальная библиотека Австралии постоянно архивирует интернет-

¹³ Digitised newspapers and more. URL: <https://trove.nla.gov.au/newspaper/> (дата обращения: 30.07.2019).

ные вебсайты, связанные с Австралией и, в частности, вебсайт «Российские анзаки».

За 19 лет исследования истории российских анзаков многое изменилось и в австралийском обществе. К чести австралийцев, надо сказать, что анзаки наши не забыты. Имена всех павших в боях увековечены на стенах Австралийского военного мемориала. Среди них и 167 наших земляков погибших во время войны. Их имена, произносимые австралийскими школьниками, постоянно звучат над мемориальными панелями. На протяжении четырех лет празднования столетия Великой войны имя каждого павшего анзака высвечивалось несколько раз в году на фасаде мемориала, то есть почти каждый вечер там загоралось на несколько секунд имя одного из россиян. Нескольким из них была посвящена персонализированная церемония Last Post (Поминование на вечерней заре). Истории российских анзаков используются Военным мемориалом и в образовательных программах Anzac Diversity, рассказывающих о военнослужащих различного этнического происхождения.

История русского анзака Петра Чирвина, покончившего с собой на борту корабля, вошла в золотой фонд 100 честных историй о войне, подготовленных молодыми историками из Университета Монаша, отличающимися нонконформизмом¹⁴. Они представили истории-презентации, которые помогают современному читателю не просто восторгаться героизмом или оплакивать молодого погибшего солдата, а дают зримый портрет времени и морального выбора, стоящего перед человеком. Читая эти истории, мы осознаем, что выбор этот не ограничен только войной, он пронизывает все общество до нашего настоящего. Чирвин, простой русский парень с Дальнего Восто-

¹⁴ Monash University website. URL: <https://www.monash.edu/news/articles/online-course-celebrates-100-stories-project> (дата обращения: 30.07.2019).

ка, приехавший в Австралию на заработки, прошел всю войну, от Галлиполи до Западного фронта, и был награжден боевой Военной медалью за героизм, когда он, рискуя своей жизнью, выносил раненых с поля боя. В Австралию он возвращался вместе с австралийскими войсками в апреле 1919 г., как раз, когда русские в Брисбене устроили демонстрацию под красными флагами, требуя отмены наложенных на них ограничений и разрешения на возвращение на родину. Когда новости о Брисбенских событиях дошли до солдат, прибывших в Австралию на корабле с Чирвиным, молодые австралийские ребята связали в одно целое выход России из войны, большевизм и единственного известного им русского... Они и затравили Чирвина, обзывая его большевиком. За день до высадки он покончил с собой. Официальное дознание о его смерти не нашло виновных. А медаль его, посланная его матери на Сахалин, была украдена на почте. И австралийские военные поступили строго по инструкции – вычли два с половиной шиллинга из денег Чирвина, которые должны были быть переведены его матери, и заказали новую медаль. Вот об этих двух шиллингах и была история. Чирвин в своем предсмертном письме написал, что остается верен Австралии, и он не выдал своих обидчиков¹⁵. На следующий день они отправились по домам. И мы не узнаем их имен. Но то, что фигурально говоря их внукам, австралийским историкам, подготовившим этот сайт «Сто историй» важна эта трагедия русского солдата и они за нее каются, показывает, насколько зрелым стало нынешнее австралийское общество в осмыслении своего прошлого. Недавно русская община Сиднея провела поминальную службу на месте упокоения Чирвина на Карантинном кладбище у входа в Сиднейский залив.

¹⁵ "True to Australia". A Russian's death // Northern Star. Lismore. 23 April 1919. P. 5.

Помнят российских анзаков и их австралийские потомки. Александр Егоров покинул свое родное село Бес-тужево на Рязанщине в 1909 г. и, в поисках лучшей жизни, через Сибирь добрался до Австралии и вступил в армию. Он рассказывал своим родным, что «ему приходилось спать снаружи, а не в окопе, потому что австралийские солдаты говорили ему, что в самом окопе для него нет места. Он заворачивался в одеяла и спал снаружи. Шел снег и руки у него были совсем заоченевшие, когда он просыпался». Его внучка Барбара, рассказав эту историю, тактично уточняет: «Может быть это было потому, что он был русским, но точно мы этого не знаем»¹⁶. Действительно, он никогда не говорил своим детям о причинах этого, может быть потому, что он, сам дважды раненый на западном фронте, простил это своим товарищам. В 1930-х гг., когда он уже жил в Пламтоне, под Сиднеем, и с утра до вечера работал на своем участке земли – на его плечах лежала забота о десяти детях – у него был особый день раз в году, День Анзака. Тогда он доставал свой лучший костюм и отправлялся в Сидней на встречу ветеранов своего 17 батальона. К нему подходили солдаты, которых он когда-то вынес с поля боя как санитар, они узнавали его, хотя он сам часто не мог припомнить их лиц. И они пили вместе. А формальные слова прощения были ни к чему. К 1930-м годам Александр перестал переписываться со своими родственниками в России, чтобы не навредить им, и почти забыл русский язык. Большой кожаный портфель с русскими фотографиями и письмами исчез после его смерти. Когда я познакомилась с его детьми, они не знали даже, что их фамилия по-русски произносится не Игороф, а Егоров, но так сильна была их мечта узнать о своих русских корнях, что я взялась за поиски их родственников, оставшихся в России, и вот уже через несколько месяцев

¹⁶ Fox, Barbara. Интервью 1.10.2001 // Архив Елены Говор. Канберра, Австралия.

по цепочке добрых людей наше письмо добралось из Бестужево до Москвы, и Андрей, внук брата анзакса Александра, писал: «Я готов опять, как в детстве, поверить в новогодние чудеса – 12 декабря родственники из Бестужево приехали к нам в Москву с Вашим письмом. Мой дедушка Иван Алексеевич Егоров... долгие годы безуспешно искал своих братьев Александра и Гавриила»¹⁷. Год спустя русские Егоровы приехали в Австралию, чтобы познакомиться со своими австралийскими родными, которых уже около 150 человек. Они устроили «семейный сбор» всех ветвей семьи в роскошном поместье в Голубых горах, в доме одной из внучек Александра. После австралийского барбекю (с бараниной и креветками) на огромном экране плазменного телевизора мы смотрели видео, снятое Андреем в Бестужево – проселки, старая крестьянская изба, полуразрушенная церковь, заброшенное кладбище... Переводя комментарии Андрея, я вглядывалась в лица австралийских Егоровых – поймут ли они все это? И на моих глазах происходило чудо – два мира сливались в один, они открывали русские истоки, которые до поры до времени дремали в их душах и которые, как оказалось, были им нужны. А через год Барбара и ее семья отправились в Россию – на поиски своей русской души. А в Австралии память о русском анзаксе они увековечили в мемориальном парке, разбитом на месте их прежней фермы. Он так и называется «парк Александра Егорова».

Эти непростые судьбы – тоже часть многомерной австралийской военной истории той далекой войны, в которой наши страны были союзницами.

¹⁷ Коваленко А. Письмо Барбаре Фокс, 25.12.2001 // Архив Елены Говор. Канберра, Австралия.

Глава 15. ИСТОРИЯ РОССИИ В ПОЭЗИИ ГАЛИ ПЛИСОВСКОЙ¹

*С глубокой благодарностью Никите Серебрякову,
познакомившему меня с поэзией Г.Е. Плисовской.*

*Гали Плисовская, 1985 г.
Фото Лидии Ястребовой*

Этот очерк – дань памяти замечательной, но очень мало известной на родине, русской поэтессы Галины Евгеньевны Плисовской. Волею судеб она оказалась в Австралийском Союзе (АС), где никогда не забывала того, что ей довелось пережить. Ее стихи – художественное отражение непростой истории России в XX в.

О ней практически никто не писал в нашей стране. Даже в монографиях о русской диаспоре в Австралии их авторы не упоминали ее имени². Не попала Плисовская и в 4-х томную Антологию поэзии русского зарубежья³. Лишь отдельные статьи, посвященные Гали (так ее называли в Ав-

¹ Сведения об авторе: *Скоробогатых Наталья Сергеевна* – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании ИВ РАН. E-mail: arhip2212@yandex.ru.

² *Петриковская А.С. Российское эхо в культуре Австралии.* М., ИВ РАН, 2002; *Петриковская А.С. Культура Австралии XIX–XX вв.* М.: Восточная литература РАН, 2007; *Кравцов А.Н. Русская Австралия.* М.: Вече, 2011.

стралии), выходили в русской периодике в АС. В частности, в журнале «Австралиада. Русская летопись» в 1997 г. была помещена статья о Г.Е. Плисовской, написанная одной из ее подруг Лидией Ястребовой⁴. Есть упоминание о ней и в сборнике «История Русских в Австралии» том 2, которой посвящен русскому языку в АС и издан в 2008 г. Важнее, однако, то, что в 1995 г. в Сиднее увидели свет ее стихи: и отдельным изданием⁵, и в разделе «Антологии русских поэтов Австралии», изданной в 1998 г. редакцией журнала «Австралиада»⁶.

Но эти издания оценили, наверное, только близкие поэтессы и подлинные ценители классического стиха. В недавних интернет публикациях, посвященных австралийской русскоязычной поэзии встречалось лишь простое упоминание ее имени. В пространном обзоре Н. Крофтс ее стихи отнесены к разряду «несколько интересных находок; в том числе – яростные, запоминающиеся строки Гали Плисовской о событиях 1917 года»⁷. Т. Бонч-Осмоловская, анализируя прошедший в 2006 г. в Сиднее Первый австралийский фестиваль русской традиционной и экспериментальной литературы «Антиподы», упоминала все ту

³ *Мы жили тогда на планете другой...* Антология поэзии русского зарубежья. 1920–1990. В 4-х томах / Под ред. Витковский Е.В. М.: Московский рабочий, 1994–1997.

⁴ *Ястребова Л.* Гали Плисовская: «Я горький путь – изгнание избираю» // Австралиада. 1997, №14. С. 28-30.

⁵ *Плисовская, Гали.* Стихи. Сидней: Unification Printers & Publishers Pty. Ltd., 1995.

⁶ *Плисовская, Гали (Галина) Евгеньевна.* Стихи // Антология русских поэтов Австралии / Гл. ред. Н. Мельникова / Отв. ред. Л. Ястребова / Науч.-ред. совет: Л. Осьмакова / Предисл. А. Кареля / Вступит. статья от ред.-ра. Сидней: Австралиада, 1998. С. 60-61.

⁷ *Крофтс Наталья.* В краю эвкалиптов. О русской литературе Австралии. URL: <http://litteratura.org/criticism/870-natalya-krofts-v-krayu-evkaliptov.html> (дата обращения: 14.02.2019).

же «Антологию русских поэтов Австралии», куда вошли произведения сорока шести авторов. Здесь творчество Г.Е. Плисовской было определено как «стихи, близкие по сути к человеческим документам, впечатляющие своим мужеством», и процитировано ее «Никому»⁸. В еще одной своей статье о «статусе австралийской русской литературы» Бонч-Осмоловская фактически продублировала анализ «Антологии русских поэтов Австралии» и вновь использовала так полюболюбившееся ей пронзительное стихотворение Гали. В остальном автору литературного обзора гораздо интереснее показалась поэзия современная⁹. Третья статья и вовсе содержит только упоминание имени Плисовской в скобках: на сайте Русский Каунас в рамках знакомства со сборником «Планета поэтов» в разделе, посвященном истории России, «предсталинское время» представлено именно ее стихами; но об их авторе ничего не сказано вообще¹⁰. Так что о Гали написано до обидного мало.

Все это легко объясняется, если обратиться к тем, кто, собственно, составлял эти обзоры. Биографии их очень схожи. Так, Наталья Викторовна Крофтс (Першакова) родилась в Херсоне в 1976 г., училась в Москве и Оксфорде, побывала во многих странах и осела в Сиднее, где пишет

⁸ Бонч-Осмоловская Татьяна. Торжественное обращение к кукабарре: праздник русской литературы в Австралии. Опубликовано в журнале: НЛО. 2007, №86. URL: <http://www.zh-zal.ru/nlo/2007/86/bo25.html> (дата обращения: 14.02.2019).

⁹ Бонч-Осмоловская Татьяна. На краю красной пустыни. Русская литература в Австралии. 25.08.2008. Знамя. 2008, №6. URL: <http://www.litkarta.ru/rus/dossier/na-krayu/> (дата обращения: 14.02.2019).

¹⁰ Суодене Эяна. На планете поэтов - 4. URL: http://ruskaunas.lt/index.php?option=com_content&view=article&id=60:-4&catid=68:2009-11-13-10-29-10&Itemid=93 (дата обращения: 14.02.2019).

стихи и ведет передачи и отделы литературы в русскоязычных СМИ в АС.¹¹ Татьяна Борисовна Бонч-Осмоловская чуть постарше – 1963 г.р. – родом из Симферополя, филолог, переводчик, организатор культурных проектов и живет все в том же Сиднее. Она глава ассоциации «Антиподы. Русская литература в Австралии» и организатор австралийских фестивалей русской литературы «Антиподы» (Сидней 2006, 2008, 2010–2011), а также член Союза Российских писателей (2009), Международной Академии Зауми, Крымского геопоэтического клуба.¹² Литературоведу не заметить Плисовскую трудно, но ее творчество оказалось на периферии интересов нынешнего потока русскоязычных иммигрантов. Просматривая актуальные литературные интернет публикации, приходишь к выводу: представители новейшей волны иммиграции в АС – благополучные люди, свободно въехавшие туда по собственной воле и живущие на две, а то и более страны. Им куда ближе поэтические экзерсисы современников, увлекающихся по преимуществу игрой слов, перипетиями амурных историй или шуточными рифмованными безделницами. Именно такая развлекательная тематика находится в центре их внимания. Гали Плисовская не из этой категории, ее поэзия – отражение глубокой сердечной боли человека, на себе испытавшего такие лишения и ужасы, какие нынешним стихотворцам и не снились.

В Российской Федерации ее работы трудно достать. Стихотворный сборник Плисовской числится в каталоге Библиотеки Дома русского зарубежья им А.И. Солженицына в Москве, однако учреждение, отвечая на запрос об этой книжке, указывает, что ни одного ее экземпляра в

¹¹ О ней см.: http://artkavun.kherson.ua/natasha_crofts.htm (дата обращения: 14.02.2019).

¹² О ней см.: <https://www.peoplelife.ru/39557> (дата обращения: 14.02.2019).

наличии нет.¹³ Только в 2017 г. на сайтах Смоленской области появились заметки о жизни Гали Плисовской в связи с передачей ее книги в дар землякам, но они фактически дублируют краткое вступление к сборнику стихов Плисовской и друг друга.

Все эти доступные мне материалы, собственно, и стали основой для данного очерка о Г.Е. Плисовской.

Ее биография – плоть от плоти истории России в XX в., и, как и судьба нашей страны, ее жизнь очень сложна и трагична. Старинный город Поречье в Смоленской губернии, первое упоминание о котором относится к концу XV в., в 1918 г. был переименован в Демидов в честь одного из местных революционеров. Сейчас он известен в основном как родина знаменитого актера Ю.В. Никулина и нескольких героев Великой Отечественной войны. Здесь 2 августа 1922 г. в семье настоятеля Благовещенской церкви митрофорного протоиерея о. Евгения Маркова родилась дочь Галина. Семья была не просто православная, но и наследственно священническая: немудрено, что Галина Евгеньевна была глубоко верующим человеком, ведь она была еще и внучкой благочинного протоиерея о. Евгения Воробьева¹⁴.

Судьба ее не баловала с самого начала: происхождение было не подходящее, не советское. Ее отец, Евгений Степанович Марков, 1880 г.р. (по другим данным, он родился в 1882 г.), главной виной которого были его духовный сан и вера, после бесчисленных арестов, допросов, судов 5 ноября 1937 г. был расстрелян в Смоленске или в

¹³ См.: Плисовская, Гали. Библиотека Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. URL: <http://elibrary.domrz.ru/absopac/index.php?url=/auteurs/view/32578/source:default> (дата обращения: 14.02.2019).

¹⁴ «Я горький путь-изгнание выбираю» 15.03.2017. URL: <http://demidov.library67.ru/news/-ya-gorkij-put-izgnane-vybirayu-2/> (дата обращения: 19.08.2018).

Катыни (точно установить не удалось). На одном из сайтов, правда, и дата указана иная: в 1917 г. [Гали]. Но, скорее всего, это ошибка: в 1917 г. большевикам было еще не до духовенства – тогда они еще только рвались к власти. Да и в стихах Галины Евгеньевны есть упоминание о том, что в начале 1930-х гг. ее отец был в тюрьме, куда его жена и дочь приносили ему передачи. Впрочем, все источники сходятся в одном: за период 1918–1940 гг. погибли почти все родственники о. Евгения и его супруги¹⁵. Кого-то арестовали, сослали на стройки советских пятилеток или уничтожили как «классово чуждый элемент»; кто-то трагически погиб, как ее младший брат. Запуганный ярлыком сына «врага народа», он не мог отказаться от участия в школьных спортивных соревнованиях, но слабое от рождения сердечко мальчика не выдержало, и он умер прямо на лыжной трассе¹⁶.

Перед войной Галина успела окончить десятилетку. Ее вспоминали как высокую и очень серьезную девушку (по словам встречавших ее в те годы людей, она никогда не улыбалась), с тяжелой косой – предметом восхищения знакомых¹⁷. Гитлеровские войска захватили Демидов уже в начале июля 1941 г., и в результате боев он был почти полностью уничтожен; 800 дней город находился в оккупации, потеряв за это время почти более 2/3 своего населения. В военное лихолетье вместе с матерью, которая была очень слабого здоровья, Галина вынуждена была оставить свой разоренный дом. Они ушли из родного города и два с половиной года скитались по селам и дорогам Смоленщины и Беларуси в поисках хоть какого-нибудь прибежища или заработка, чтобы не умереть с голоду. В

¹⁵ «Судьба и творчество Гали Плисовской (Марковой)». 30.10.2017. URL: <http://reg67.ru/65618-sud-ba-i-tvorchestvo-gali-plisovskoy-markovoy/> (дата обращения: 14.02.2019).

¹⁶ Ястребова Л. Указ. соч. С. 29.

¹⁷ Там же.

Польше немцы забрали их на работу в Германию, где они считались «остарбайтерами»¹⁸. По окончании войны мать и дочь Марковы чудом избежали репатриации. Галина вышла замуж за Михаила Плисовского, сына священника, ветерана Финской и Второй мировой войн. Любовь к нему она пронесла сквозь годы и на склоне лет посвятила ему проникновенные строки: «Мише»:

«В душе моей проносятся как тени,
Далекие, цветущие сады,
И шум лесов и дикий вой метели,
Любовь твоя и снова ты и ты...

Семнадцать лет сгорели не напрасно:
Смотри, какой у нас с тобою сын!
И жизнь опять нам кажется прекрасна,
И нипочем нам серебро седин!» (с.67).¹⁹

В 1949 г. она с матерью, мужем и маленьким ребенком эмигрировали в Австралию; там родились еще два ее сына²⁰. Попытки связаться с родными, оставшимися в СССР, успехом не увенчались; письма Галины Евгеньевны к ним, видимо, оседали где-то по пути – судя по тому, что серьезные товарищи интересовались у ее племянницы, нет ли у нее известий из-за границы. Известий не было.

Но память о пережитом не отпускала, и Гали охотно и много рассказывала о жизни в СССР новым знакомым в Австралии: и о положении «лишенцев», и нехватке тетрадей в школе – для ее слушателей, русских иммигрантов из Манчжурии, это были немыслимые ситуации²¹. Энергичная, стройная женщина, любительница музыки и живописи

¹⁸ «Судьба и творчество...

¹⁹ Здесь и далее, за исключением особо выделенных случаев стихотворения Г. Плисовской цитируются с указанием в круглых скобках страниц по: *Плисовская, Гали. Стихи...*

²⁰ «Я горький путь...

²¹ *Ястребова Л.* Указ. соч. С. 28.

си, она активно участвовала в жизни русской общины и Русского клуба в Сиднее, сочиняла стихи и поддерживала молодые таланты во время фестивалей русских поэтов в АС. Последние восемь лет своей жизни она тяжело болела и умерла 29 августа 1994 г. в возрасте 72 лет в Сиднее, более половины жизни проведя в далекой и спокойной Австралии.

Стихи стала писать еще в ранней юности, но сборник ее произведений был издан уже после ее ухода двумя близкими подругами Г.Е. Плисовской – Н.Н. Баич и С.В. Петровской. Они же, выполняя ее волю, отправили несколько экземпляров этой книги на родину Гали – в Демидов. И в этих стихах – все то, что глубоко она носила в душе; комментаторы отмечали: «В сборнике собраны стихотворения, создающие картину жизни Галины Евгеньевны»²². Поэзия была ее стихией. Когда спустя много лет ее спросили о природе ее творчества, ответ был тоже стихотворный:

«"Кто научил вас писать
Эти стихи,... такие?" –
Молча гляжу: что сказать?
Думаю: жизнь и Россия.

"Кто научил тосковать?" –
Зимние снежные вьюги,
Солнца восход над стеной
Недруги и подруги.

.....

Всплески немолчной реки,
Звон ввечеру колокольный.
Вот и приливы тоски –
Русь моя! Я твой невольник»²³.

²² «Судьба и творчество...

²³ Плисовская, Гали. Стихи... С. 88.

В более шутиливом тоне она обратилась к этому вопросу в строфах «Как я пишу стихи» – и из почти бытовой рутины вдруг вырисовывается анатомия творчества:

«Не умею и не стану
Я стихов писать по плану:
Это ведь не пятилетка!
Нет порою ни пометки
И ни рифмы, шутки ради,
В голубой моей тетради.
... День проходит, год, четыре,
Вдруг, в далеком скрытом мире
Что-то тихо оживает,
И кружится и витает,
Чувство странное тревожит
Днем и ночью, кличет, множит
Слов и звуков сочетанье...
... День проходит, ночь ложится,
Нет покою, нет, не спится...
Как в жестокой лихорадке,
Позабыв обед и грядки,
Звуки слышу, шорох, слово...
Нет, не то! И снова, снова
Вьется лента кружевная
Чувств каких-то, но не знаю,
Что придет... и ... мирен, тих
Вдруг на лист ложится стих»²⁴.

Ее поэтическое наследие обширно: от лирики до стихов публицистического звучания – и отражает все события, свидетелем которых она стала. Тематика ее творчества – все впечатления долгой жизни; но его лейтмотивом можно назвать строки из стихотворения «Плач»:

«Ох, ты Русь моя, Русь родимая,
Моя родина несчастливая,

²⁴ Плисовская, Гали. Стихи... С. 89-90.

На чужбине жизнь коротать дано,
А судьба скорбит по тебе зело.
Улетит душа птицей вольною
В древний отчий храм с колокольною...»²⁵.

Свою книгу она предварила словами: «Светлой памяти моего отца, Священников, священнослужителей, молитвенников и исповедников веры Христовой и Церкви Православной п о с в я щ а ю»²⁶. И это вполне понятно: детство в доме, наполненном традициями православия, покой, уют и тишина семейной жизни, глубокая любовь ребенка к своим родителям были самыми счастливыми моментами ее ранних лет. О них она вспоминала на склоне лет: «Из письма к подруге»:

«Сладко грезилась мне наяву
Молодые, далекие годы,
На Богдановом милом Углу
Дорогие навек небосводы.

И кладбищенских тихих берез
Нежный шепот ко мне доносился,
И любимый до боли, до слез
Отчий Храм мне в виденьи явился.

Дымка ладана, свод голубой,
Тускло блещет икон позолота,
Благовещенья ветвь и родной
Лик склоненный отца у киота.

И бродила душа по полям,
Обошла и Большак и Шпырки,
В Пересветово шла во ветвях
Через ельник, болотистый, зыбкий»²⁷.

²⁵ Плисовская, Гали. Стихи... С. 7.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. С. 46-47.

Те же картины безмятежного детства встречаются в посвящении «Няне. 1932». В них все, что глубоко запало в душу и память ребенка:

«Теплые красные блики лампы,
Будто бы в детстве далеком моем,
В детстве, у старого тихого сада
С белой сиренью над низким окном...

... Старенькой няни дрожащие руки,
Блики лампы на темной стене,
Шепчут береза и няня "принуки",
Может быть, папу увижу во сне?

... Ветви сирени, сиреневой, белой,
Низко склонились к кровати моей,
Будто бы знали – в судьбе оголтелой
Больше не будет их нежных ветвей.

Тернами высланы жизни дороги,
Высланы злыми шипами пути –
Дальние, торные. Камни, пороги...
Время ли, нет ли? Далеко ль идти?»²⁸.

Но таких мирных воспоминаний мало – чаще это страшные картины страданий народных. Начало всем им – революция 1917 г., так жестко охарактеризованная в стихотворении «Святая смерть»:

«В зловещем круге
Метались вьюги,
Метались вьюги по всей земле;

Умы бродили,
Умы блудили,
Скрывалась злоба в холодной мгле.

²⁸ Плисовская, Гали. Стихи... С. 27.

....

К "безумству храбрых"
Взывали песни,
Зловещий реял-вился кумач.

Кипели страсти,
Менялись власти,
Рубили снасти древнейших мачт».

После холодного февраля – свержения монархии – «тучей черной пришел Июль», положивший начало братоубийственным событиям конца 1917 г. А в итоге:

«Угасло Сердце,
Померкло Солнце,
Взвился над Миром высоко меч!

И кровь Святая,
Там пролитая,
Течет поныне и будет течь»²⁹.

Резкий, рубленый ритм подчеркивает жуткую, безжалостную суть произошедшего. Но еще страшнее продолжение; и горько голосит душа по невинно убиенным – и стиль стиха меняется на причитания русских женщин, изливающих тоску и боль в надрывном поминальном стоне. «Плач» – это реквием по целым поколениям людей, попавшим под страшный каток сталинских репрессий: там все ее родные и близкие, безвестно сгинувшие в Сибири, на войне:

«Кости чистые Беломор-канал
Под водою скрыл, чтоб никто не знал,
Как безвинные надрывались,
С жизнью горькою расставались.

²⁹ Плисовская, Гали. Стихи... С. 9-10.

На Смоленщине, да под Катынью
И поляк и росс в земле мяконькой
Полегли рядком. Плачь, Отечество!
Не забудь о них, Человечество!

И летят года бесконечные,
И поют ветра память вечную,
Воскресения ждет Отечество:
Помолись за Русь, Человечество!»³⁰.

Голод и ужас сиротства пронизывают строки «1932 год»: маленькая девочка осталась один на один с миром, в котором все родное ей уничтожено. Живая зарисовка взрослых отношений глазами ребенка дается в лучших традициях русской классики и стилистике Н.А. Некрасова – от этого становится пронзительно живой и рвущей душу:

«Дедушка, миленький, хлебца немножечко,
Папа в тюрьме, передать..."
...Светит коптилка, замерзло окошечко,
Дед не спешит отвечать.

"Чья ты, касатка?" – "Евгения младшего.
Мама больна, ну, а мы вот... и брат...
Голодно, дедушка, холодно, страшно!
Папа, вернется назад?"

"Бог не без милости. Божией волею
Все мы на свет рождены.
Вишь, гололедица, вымерзнет полюшко,
Кабы дожждаться весны!"».

Но не все жалеют сироту – своих горестей хватает у всех, никому в округе не легче, и порой вместо сочувствия ребенку – резкая отповедь бродяжке-попрошайке:

³⁰ Плисовская, Гали. Стихи... С. 7-8.

«Молча от хаты до хаты... Дорожка
С каждой минутой длинней и длинней.
"Дяденька, тетенька, хлебца немножечко!"
Хлещет поземка сильней и сильней.

"Нету, родимая, нынче колхозы,
Раньше была хоть своя полоса,
Кони, скотина. Ходили в извозы,
Пуни полнехоньки, вдоволь овса."

"Выдь, непутевая, много вас шляется!"
С треском захлопнулась дверь.
Зимняя темная ночь надвигается,
Воеет и плачет дорогой метель»³¹.

Судьба человека в ее стихах прослеживается буквально по годам, становясь отражением всех страданий, что выпали на долю совсем маленькой девочки: «1938», «1939»... Впоследствии («Сумерки») Галина Евгеньева признавалась, что все живо в памяти и никогда не оставит ее:

«Будто б вчера все пылало, кипело,
В юности дума моя поседела
Там, у кирпичной тюремной стены,
Где в безнадежности грезились сны.
Где расставались с родными навеки –
Кровью невинною наполнились реки ...»³².

А впереди еще страшнее – война, которая начиналась почти буднично. Как и для миллионов советских людей, беда пришла внезапно, посреди обыденных дел: «Полдень»:

«В этот полдень, в этот полдень,
Вился летний зной.

³¹ Плисовская, Гали. Стихи... С. 11-12.

³² Там же. С. 38.

Я с базара возвращалась.
Тихо шла домой...
На углу на перекрестке
Почта. У столба
Вижу: слушает безмолвно
Радио толпа.
Лица серы, взгляды хмуры
Т и ш и н а
... Объявили, что сегодня
Началась война...
.....

Разогнали гулом танки
Лета тишину
И легла беда вторая
На мою страну...
Запылали, загорелись
Наши города,
Унесли и жизнь и юность
Н а в с е г д а...
... И текла-струилась речка,
Что звалась Гобзой,
От рассвета, с Воскресенья
Кровью и слезой...»³³.

Годы военного лихолетья и в 1977 г. звучали для нее так же явственно, как и в дни отступления советских войск. Читатель словно сам слышит, видит и ощущает безнадёжность людей перед мощью наступающего врага: «Эхо войны»:

«Лес шумит в Обероне,
не выдавший огня.
...Эхо! Голос знакомый:
"Пристрелите меня..."

³³ Плисовская, Гали. Стихи... С. 14.

...Злится гром канонады,
рвется, стонет земля,
Рушит елей громады
вихрь шального огня.
Взрывы! Крики! Проклятья!
и приказ: "Отступать...!"
"Братья, смилуйтесь, братья..." -
просит голос опять»³⁴.

Военная судьба родного Демидова стала ответом на стихи Е. Долматовского: «Любимый город может спать спокойно, И видеть сны, и зеленеть среди весны...». Но в противовес поэту-песеннику и его оптимистичному настрою 1939 г., перед глазами встает ужасающая картина двойного разрушения и полного бездушия по отношению к простым жителям российской глубинки – и со стороны захватчиков, и, что самое ужасное, со стороны тех, в ком люди должны были видеть защитников:

«Тебя сожгли при отступлении,
Мой древний город дорогой,
В порыве страха, бегства, мщенья,
Правители, своей рукой.

Бой ночью был. Мосты взорвали,
Собор – курился дым над ним...
И люди в панике бежали,
Тела на улице лежали,
Лишь редкий дом был невредим.
....

Упали липы вековые,
В садах умолкнул детский гам,
И люди страшные, чужие,
Грозили смертью всюду нам».

³⁴ Плисовская, Гали. Стихи... С. 15.

Аресты, виселицы, кошмар оккупации и еще одно разорение и массовое убийство – уже при изгнании фашистов:

«Цепями воины лежали
Вокруг... простерты на снегу...
И ярко улицы пылали,
Как в страшном сне или в бреду...»

Такое забыть невозможно – и в душе автора все так же живы воспоминания о родине, о Демидове, которые остались с ней навсегда:

«... Прошли года, с тоской, любовью,
Летят к тебе, мой город, сны...»³⁵.

В пронзительном и горьком «Маме. Зима 1942» звучит отчаяние обездоленных людей, вынужденных спастись от смерти: нет ни страха и ни надежды – только путь вперед:

«Этой страшной, грохочущей, снежной зимой
Мы покинули дом опустевший, родной.
Как чужие, по улице молча шли,
Обнаженной от взрывов не видя земли.
За плечами котомки, без мысли глаза –
Ни твоих, ни моих не коснулась слеза,
....

А душа говорила: пустое, мечты!
Не боюсь ничего – пустоты, черноты!
Лишь бы вместе с тобою уйти из кольца,
Лишь бы вместе идти до конца. До конца!»³⁶.

Скитания двух несчастных женщин по Белоруссии не могли пройти бесследно для Гали и уже в 1979 г. вылились в картину военной поры, где тихая природа вступает

³⁵ Плисовская, Гали. Стихи... С. 23-24.

³⁶ Там же. С. 17.

в такой резкий контраст с лихолетьем военных бед:
«Беларусь»:

«Вы мне напомнили песню
Тихого, бедного края,
Скудные земли Полесья,
Птиц перелетные стаи.
Запах весеннего поля,
Аистов гнезда над кровлей.
Край, где в лихую недолю
Жизни спасали любовью...
Леса немые громады,
Запах ольхи и березы,
Стены, налеты, засады,
Скрытые женские слезы...
Там, где когда-то лихая
Юность со смертью играла,
Пламя войны, полыхая,
Белую Русь обнимало...
Милыми не были были,
Милыми были не стали,
Только доселе мне снятся
Птиц перелетные стаи...»³⁷.

Не страх, не отчаяние звучат в стихах Плисовской – стойкая ненависть к врагу, пришедшему в родной край в ту «страшную осень, бездушные дни». «Оккупация» – это не только свидетельство очевидца военных преступлений, это и свидетельство силы духа людей, переживших этот ужас:

«Нагло смеются:
"Вы храбро дрались!
Мы до Москвы
без труда добрались!
Любы просторы нам

³⁷ Плисовская, Гали. Стихи... С. 16.

ваших полей,
Вы нам обязаны
волей своей."
Молча, как прежде,
без слез и борьбы
Мы принимаем
превратность судьбы...
Дальше и дальше
несутся года...
В прахе селенья,
горят города...
Пашни, дороги
и души в крови –
Ненависть хлещет
и тени петли
Мерно качаются
ночью и днем...
Жить суждено нам
опять со зверьем.
Тщетно нам грезятся
помощь и мир:
Правит захватчик
победный свой пир.
Вера! Надежда?
Не видно ни зги!
Мерно и гулко звучат сапоги...»³⁸.

И уже в 1982 г. горький, наотмашь, ответ К. Симонову на его приглаженное, в духе патриотической пропаганды «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины», который Гали издала со своим посвящением «ПОТОМКАМ МОИМ И АЛЕШИ»:

³⁸ Плисовская, Гали. Стихи... С. 18-19.

«Я помню, Алеша, дороги Смоленщины,
Голодных, оборванных, хмурых солдат,
Не крынки прохладные вынесли женщины,
А хлеба кусок... от голодных ребят...».

Приговором власти и ее полководцам звучат строки, описывающие военные действия, где действует только железная логика войны, и нет места людям, которых безжалостно размалывают ее жернова:

«Я помню рассветы, Днепра переправу –
Струился поток ее кровью людской,
Бомбили, как будто себе на забаву,
И те и другие, со злобой лихой.

Без боя отдали деревни, селенья,
Пустые винтовки сжимая в руках,
И горек и страшен был путь отступленья,
И ненависть зрела, кипела в сердцах.

Погибли, Алеша, за правое дело
С врагами в боях миллионы людей,
Страну защищая лишь собственным телом,
По глупости, трусости злобных вождей!»

Самое страшное в этих стихах – не зверства гитлеровцев (на то они и враги), а фактическое предательство народа бездарной и злобной кликой, которая управляла страной в те годы. Никто в СССР не мог даже заикнуться о том, что видели глаза этой женщины, и открыто сказать то, что она думала о вершителях судеб своей родины. А если кто-то и позволял себе лишнее, с точки зрения официоза, то платил за храбрость сполна. В Австралии это было проще – и она сказала, не будучи в состоянии оставаться равнодушной:

«Я помню, Алеша, кресты и погосты –
Не смел даже Симонов правду сказать,

Что армию нашу предали прохвосты,
Чтоб дальше и злее народ распинать!

Я помню, Алеша! Уж смерть на пороге,
И годы изгладили много следов,
Но горькие мысли идут по дороге,
Смоленской дороге тех страшных годов»³⁹.

И эта картина войны, ставшей в советской истории Великой Отечественной, разительно отличалась от той, что рисовали деятели искусства, творившие в рамках социалистического реализма в СССР. Сполна хлебнув горя от сталинского бесчеловечного режима, в 1947 г. Гали бросает в лицо свой ответ «Правителям Советского Союза после прочтения "амнистии": "Возвращайтесь домой! Родина вас простила!"»:

«Я ваши "милости" с презреньем отвергаю,
Не я, но вы виновны предо мной!
Я вас в предательстве, в измене обвиняю,
За весь народ, за весь мой Край Родной!»

В ее глазах отношение к людям мало отличалось и у захватчиков, и у большевиков. Она все понимала – и не от пустой злобы, а от непереносимой боли душевной ставила на одну доску озверелость гитлеризма и сталинщины:

«Нас в рабство страшное увез насильник дерзко:
Хватал на улицах, в домах, на площадях,
Пытал и жег, травил и бил, как вы по-зверски,
Ни возраста, ни средств, ни жизней не щадя!
И гибли пленные, невинные. В застенках
Глумился враг над всем, как и глумились вы!
Мир не прозрел еще: у них своя оценка.
Но лучше смерть, чем "рай", что строили и мы.

³⁹ Плисовская, Гали. Стихи... С. 21-22.

Казалось мне, что я совсем простила
И злую смерть отца, и брата злую смерть,
Любя народ, нет, никому не мстила,
Но ненавистью к вам за все горю теперь!

И ваши "милости" с презрением отвергаю!
Тираны! Вы не властны больше надо мной!
Я страшный, горький путь – изгнание избираю,
Свободной в первый раз, но гневною душой!»⁴⁰.

Тоска скитаний в строчках, оставленных автором без названия, стала отражением того, уже на грани обреченности, почти безытного состояния человека, которому уже нечего терять:

«Ну, что же, походные дроги
Пора мне готовить опять –
Привычные сборы в дорогу,
Немного теперь паковать.
Сложу свою грусть и надежды,
Безбрежную горечь тоски,
Души моей странно-мятежной
Порывы и думы мои.

....

Кровавые тени бывшего
Под сенью печальных берез,
На кладбище Храма родного
Предам погребенью без слез.
С собою возьму только крестик,
Щепотку землицы родной,
Иконку, как встречи предвестник,
Надежду на вечный покой»⁴¹.

В эмиграции, когда жизнь, наконец, наладилась, и никто больше не угрожал ее семье, в глубине души все

⁴⁰ Плисовская, Гали. Стихи... С. 26.

⁴¹ Там же. С. 20.

равно оставалась жить та самая «горечь тоски», от которой уйти было невозможно. Ею пропитаны стихи – посвящения близким. Перекликается с пронизанным болью до слез «Маме. Зима 1942» посвящение ей же, ушедшей в мир иной на чужбине: «Маме»:

«Молча с тобою мы шли по дорогам,
пыльным, кровавым, объатым войной,
Слушали молча грома канонады,
бомбы и взрывы считали с тобой.
Молча делили и голод и холод,
слезы скрывали одна от другой,
Молча ходили по узкой тропинке
между могилами, рядом с тюрьмой...
Молча этапы с зарей провожали,
молча молились о душах родных,
Молча родные поля покидали,
молча грустили на землях чужих.
Молча стою я у свежей могилы –
маленький холмик с покровом из роз,
Молча закрыла я веки родные,
милые веки, покорно, без слез...»⁴².

Это повторение – рефрен слова «молча» – придает особую, чеканную по форме и глубоко трагическую окраску этим стихам. Видимо, в такие минуты расставания с близкими особенно остро ощущалась и горечь чужбины – даже в спокойной Австралии Галина Евгеньевна ощущала душевное одиночество, ставшее ее тяжким крестом:

«Чашечка кофе, дымок сигареты...
Мир бесконечен, бездушен, далек.
Прошное – было ли? Радость – но где ты?
Грезится близкий душе островок.

⁴² Плисовская, Гали. Стихи... С. 25.

Говор прохожих, машины, движение –
Путь под окном у порога пролег...
Нет утомленной душе утешенья:
Разум в борьбе и тоске изнемог.

Чашечка кафе, дымок сигареты...
Несколько быстро написанных строк.
Прошное – было ли? Радость – но где ты?
Мир равнодушен, безбрежен, далек»⁴³.

Эта неизбежная грусть не покидала Гали – видимо, память о страшной молодости наложила свой отпечаток на ее натуру. Задумчивые и проникновенные строки посвящала она друзьям («Художнице Лике Груздевой», «Художнику Павлу Химину»), картины австралийской природы («Южная ночь») соседствуют с элегическими зарисовками, которые она часто оставляла без названия. Философскими размышлениями о смысле жизни наполнены «Сумерки», где воспоминания о пережитом переплетаются с природной стихией – как бы олицетворяя перипетии человеческой жизни:

«Сумерки. Тихо. В сиреновом свете
Шторы колышет осенний ветер,
Тонкие стены на бархате кресел –
Маленький мир мой уютен и тесен ...

Кто я? Зачем я живу на свете?
Мечутся тучи и спорит ветер,
Бьются о скалы и пенятся волны,
Грустью, упреком и холодом полны ...
...

Прошное – это зовется теперь!
Годы шагают в открытую дверь ...

⁴³ Плисовская, Гали. Стихи... С. 30.

Шторы колышет осенний ветер,
Блики пожарищ в сиреновом свете ...

....

Боже, как холодно жить на свете!
Мечутся тучи и спорит ветер,
Бьются о скалы и пенятся волны,
Грустью, упреком и холодом полны ...»⁴⁴.

Своего рода грустной и горькой аллегорией нелегкой человеческой жизни и нестигаемого упорства всего живого звучат простые по форме, но берущие за душу строки о лошаденке, ставшей прообразом жизненного пути и самой Плисовской, и многих ее современников:

«Бежала лошадёнка по Вздохову мосту,
Упала и сказала: «Вот встану и... свезу».
Всю жизнь свою поклажу тяжелую везла,
Брыкалась временами, строптивая была.
Погоды не боялась, плохой дороги тож,
По кочкам и ухабам, в жару и в холод, в дождь.
Погонщики менялись, телеги да покладь,
Бежала лошадёнка — старалась угождать.
Стегал кнутом и словом хозяин на ходу,
Терпела лошадёнка, всё думала — дойду!
Пинки не любят счёта, поклажи веса нет:
Угодливой лошадке вали хоть целый свет.
Направо и налево, вперёд и даже вспять
Погонщики лошадку сумели погонять.
Всё думала лошадка: вот скоро... довезу,
Тогда немножко стану, чуточек отдохну.
Водицы из колодца дадут тогда испить,
Дадут овса и сена в покое теревить.
И тут не так-то было: поклажа тяжелей,
И кнут острей и хлеще, дороженька длинней;

⁴⁴ Плисовская, Гали. Стихи... С. 38-39.

Ухабы чаще, глубже, что день, то хуже кладь.
И всё-таки лошадке хотелось добежать.
Бежала и упала на Вздоховом мосту,
И, падая, твердила: вот встану и свезу!⁴⁵.

До конца жизни преследовали ее ностальгия и тоска, и тема одиночества просматривается все чаще в последние годы жизни: в 1990 г. уже на склоне лет она вновь и вновь возвращается к наболевшим вопросам бытия:

«Звонят цикады, звонят цикады,
Застыли грозно домов громады,
На пыльных ветках притихли птицы
И зной на землю, как яд, струится.

Звонят цикады, звонят цикады,
Чего вам надо? Чему вы рады?
На сердце буря, на сердце выюга:
Как далеки мы здесь друг от друга.

Как одиноки в глухую полночь,
Как безысходностью мир наполнен!
Наш мир богатый, здесь на чужбине,
Большой и людный. И как в пустыне»⁴⁶.

По-своему знаменательно то, что одно из самых трагических стихотворений об одиночестве обращено к «НИКОМУ» – именно его отстраненность от конкретики и сублимация человеческой душевной боли так приглянулись нынешним литературным критикам:

«Приласкай меня, успокой,
Проведи по руке рукой,
Поседевших волос коснись,
Тихо ласково улыбнись.
Словом добрым меня согрей

⁴⁵ Плисовская, Гали. Стихи... С. 80.

⁴⁶ Там же. С. 62.

И мечтою, надеждой обвей
Хоть на что-нибудь, просто так...
Разгони этот жуткий мрак,
Одинокого сердца стынь,
Безнадежного горя полынь.
Приголубь меня, успокой,
Проведи по руке рукой,
Поседевших волос коснись,
Над душою усталой склонись...
Пустота вокруг – ни души,
Только сердце кричит в тиши,
Просто так кричит, никому,
В беспросветную, черную тьму»⁴⁷.

Объяснение этому жуткому состоянию Гали дала сама – это выпавшая на ее долю горькая «Жизнь»⁴⁸:

«Истерзала,
ЖИЗНЬ
Истерзала,
 в клочки изорвала,
 измучила,
Растоптала,
 тоской наплатала
 горечью
И то, что когда-то,
 иль может во сне,
 называлось душой,
И то, что витало
 прекрасной и нежной
 мечтой.
Истерзала,
 в клочья изорвала,
 измучила,

⁴⁷ Плисовская, Гали. Стихи... С. 64.

⁴⁸ Стихотворение цитируется по: [Гали].

Взамен отдала
беспросветного мрака
излучины
И звенящую боль пустоты...».

Только лишь спустя много лет, в 1983 г. душевная травма от пережитого в юности стала утихать и вылилась в стихи – распевные и примиряющие со всем, что было:

«Я отвылась, откричалась и отплакалась,
Все что жизнь судила – случилось, перешла,
И в душе запечатлелись одинаково
И лихие и хорошие дела.

Но довольно, сколько можно горе сказывать!
Дайте мне теперь хоть солнце разглядеть,
Поглядеть на небо тучками разряженном,
На утесе синя моря посидеть.

....

Утолить тоску-печаль мою безбрежную –
Милых внуков на коленях покачать,
Думы горькие, строптивые, мятежные
И прошедшее забвению предать»⁴⁹.

И уже на больничной койке, на грани нового бытия пришло некое успокоение – в одних из самых последних, кратких, как последний вздох, строчках, все так же без названия, с грустной ремаркой автора «в госпитале, август 1994 г.»:

«Жизнь прошла,
Жизнь окончилась...
Полумрак, полусумерки
И видения горькие

⁴⁹ Плисовская, Гали. Стихи... С. 75.

И видения милые
Побледнели и сгладились...»⁵⁰.

Важно отметить и то, что и здесь, на другом краю земли, Галина Евгеньевна сохранила не только неизбежную любовь к родине, но и свою культуру и религию, которые слились в ней неразрывно. Православной верой она жила всю свою жизнь. Тихой материнской лаской и любовью к сыну пронизано «Юрию. Вербная суббота»: старший сын попросил принести ему освященную вербу.

«Я скорей, за вербой сыну,
в церковь ближнюю схожу.
У божницы – свет лампы,
у божницы выются тени,
И сурово смотрят лики,
лики смотрят на меня,
И "Осанна в вышних" – к Богу
льются звуки песнопений,
И ликуя и скорбя ...
...

Теплый красный свет лампы,
тускло светит позолота,
И с икон святы лики
строго смотрят на меня ...
На душе светло и тихо,
праздник, радость и забота
Принести осанну-вербу,
сын любимый, для тебя»⁵¹.

Здесь, в православном храме на другом краю света, она как бы вновь обретала то с детства родное и дорогое состояние душевного покоя – и в стихах идет явственная

⁵⁰ Плисовская, Гали. Стихи.... С. 93.

⁵¹ Там же. С. 41-42.

переключка с воспоминаниями далекого прошлого: «Христос Воскрес»:

«Господь глядит задумчиво с киота – строг и тих,
И благостно, и трепетно витает в сердце стих,
Как благовест умолкнувших навек колоколов,
Далеких, призывающих, летящих голосов ...

Христово Воскресение – мерцает Южный Крест!
Христово Воскресение – Христос, Христос Воскрес!»⁵².

Трепетное ощущение христианской радости Великого праздника переплетается с реалиями новой страны и в то же время сохраняет высокий дух православия: «Пасха в Австралии»:

«Пасха! Листья роняют сады,
Отцветают пугливые астры,
Ароматные ветви моей резеды,
И грустит эвкалипт понапрасну.

Пасха! Мир затаился, затих,
На востоке луна золотится
И великая Тайна – Святая Святых
Над вселенной незримо струится.

Пасха! Южный мерцающий Крест
На вершине ночного эфира –
И ликует дыхание ночи – Воскрес
Иисус – во спасение Мира»⁵³.

В 1958 г., тоскуя по оставленной родине, она обращалась к молодому поколению уже австралийских русских, видя в них свое продолжение, как бы передавая им эстафету своей любви к России и веры: «Скаутам»:

⁵² Плисовская, Гали. Стихи... С. 43.

⁵³ Там же. С. 44.

«И в эти минуты тоски и сомненья
Прошлого горький и поздний упрек,
У вас, Соколята, ищу утешенья,
На ваш "журавлиный" спешу огонек.

В лесу австралийском потока журчанье,
Серые скалы хранят тишину,
Лишь стяги застыли под горна рыданье,
И пламя стремится в вечернюю мглу.

Печально склонились знамена бывшего
Памяти славной павших борцов,
Памяти Родины, края святого,
Памяти дедов, братьев, отцов.

...

Горна рыданье все дальше, все тише,
Тускло мерцают и гаснут огни ...
Скауты, вы в этом суетном мире
Веру, Надежду, Любовь сберегли!»⁵⁴.

И до самого конца жизни в ее сердце остались милые образы, которые на склоне дней переплетались в ее душе с христианским всепрощением:

«Пойду зажгу лампаду и тихо помолюсь
За Папу и за Маму, и за родную Русь,
За узников, схороненных в гробах и без гробов,
В лесах и перелесочках – за милых и врагов,
За души многострадные, витающие вокруг –
Все грешные, все равные, и бывший враг и друг,
За братьев и сестричек я тихо помолюсь,
За Нянюшку, за Дедушка и за родную Русь»⁵⁵.

⁵⁴ Плисовская, Гали. Стихи... С. 49-50.

⁵⁵ Там же. С. 78.

По прочтении стихов Г.Е. Плисовской на ум невольно приходят знаменитые строки А.С. Пушкина, в которых сформулировано одно из глубоких проявлений истинного русского патриотизма:

«Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

На них основано от века
По воле Бога самого
Самостоянье человека,
Залог величия его».

Пересказать и растолковать стихи нельзя, их надо читать. Так же невозможно и объяснить удивительное чувство ностальгии. Казалось бы, как можно тосковать по стране, где на твою долю досталось столько страданий? И где тосковать – в благополучной и спокойной Австралии! Это можно, конечно, определить глубочайшей душевной травмой, причиненной разрушением счастливого мира ребенка и т.д., и т.п. Но такая тоска по утраченной родине характерна была для многих представителей первых волн русской эмиграции, где бы они ни оседали в конечном итоге. И в этом плане творчество Г.Е. Плисовской приобретает особую значимость, вырастая до обобщенного психологического портрета целого поколения русских людей, прошедших через схожие испытания.

Помимо того, ее стихи – это великолепный русский язык, бережно сохраненные традиции классической русской поэзии, богатство жанрового стиля, искренность чувств и целомудренность души автора. Она стала неким отражением духовного мира послевоенной волны иммиграции – поэтому была так близка и дорога ее современникам. И хотя многих из ее друзей и знакомых уже нет, в среде русской общины АС ее не забывают и ныне: спустя

20 лет после ее ухода газета «Единение» опубликовала подборку стихов из книги Г. Плисовской «Стихи» 1995 г. и сборника «Антология русских поэтов Австралии» 1998 г.

И как завещание автора звучат теперь строки еще одного ее безымянного стихотворения:

«Живи мой стих, пленяя людей
Правдивой песнею своей,
Ответь печалью на печаль,
Разлуки горестную даль
Ты нежным словом улади
И в душу робкую вдохни
Надежны семя, и взойдет,
И сладкий плод ей принесет,
Как ты принес мне, милый стих.

Живи на полках между книг,
Написанных другой рукой,
В стране прекрасной, но чужой.

Живи, когда уйду и я,
Забудут дети и друзья
Мой странный голос, строгий лик,
Но будет жить в веках язык,
Которым Тютчев говорил,
Страна, где Пушкин пел и жил,
Язык стихов, язык мечты.

Живи мой стих, мой верный стих,
Живи живой, в сердцах живых!»⁵⁶.

Впрочем, возврат этой замечательной поэтессы в Россию ограничился, главным образом, Смоленщиной. Творчество Г.Е. Плисовской земляки помнят: в 2012 г. ее стихи о войне прозвучали в статье В.Е. Афонинной, посвященной 90-летию юбилею старейшей жительницы Демидова

⁵⁶ Плисовская, Гали. Стихи... С. 91.

А.А. Кординой⁵⁷. В 2017 г. в Демидовской центральной районной библиотеке, на литературном вечере, организованном совместно с приходом Покровского храма, в День Православной книги состоялось знакомство с книгой Гали Плисовской (Марковой) «Стихи», изданной в 1995 г. в Австралии. Название вечера дало стихотворение «Я горький путь – изгнание выбираю». Выступавшие на вечере отметили, что перед ними, по сути дела, забытые на родине страницы жизни ее горячей патриотки, оказавшейся в изгнании, но душой, остававшейся в России⁵⁸. И знаменательно, и отрадно то, что книга ее вернулась в итоге в родные края поэтессы.

Однако вряд ли ее стихи в ближайшее время большими тиражами опубликуют на родине. Мы, увы, отвыкаем от чтения высокой поэзии. А нынешнему политическому классу нужна причесанная, пафосная, рафинированная история с «шоколадными мужиками» (Г.И. Успенский), какой нет и следа в стихах Г.Е. Плисовской, пропущенных через страшный жизненный опыт и неравнодушные сердце и душу. Ее стихи – выстраданное, честное и поэтически-художественное отражение судьбы простого человека в непростой истории России XX в., а эта тема ныне популярна не у всех.

⁵⁷ Поречанка. 27.04.2012. № 33/34. С. 2.

⁵⁸ Демидовская библиотека отметила День православной книги. Источник информации: Смоленская митрополия. 14.03.2017. URL: <https://благо-демидов.рф/2017/03/14/демидовская-библиотека-отметила-де/> (дата обращения: 14.02.2019).

Глава 16. ЕВРЕЙСКИЕ ЭМИГРАНТЫ ИЗ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В РАННЕЙ ИСТОРИИ НОВОЙ ЗЕЛАНДИИ¹

Новая Зеландия расположена в крайней точке юго-западной части Тихого океана и является одной из самых удаленных от всего мира стран. В период 1840–1907 гг. эта страна являлась колонией Великобритании; с 1907 г. – ее же доминионом и только в 1931 г. она стала независимым государством. Кроме того, до 1901 г. Новая Зеландия и Австралия были одним государством-колонией. Хронологические рамки понятия «ранняя история Новой Зеландии» в настоящем исследовании ограничены колониальным периодом истории этой страны и последующим за ним небольшим отрезком времени до начала Первой мировой войны. В соотношении с периодизацией российской истории, эти рамки соответствуют дореволюционному периоду (до 1917 г.).

Объектом внимания настоящей работы является еврейская эмиграция из Российской империи в Новую Зеландию. Тема еврейской эмиграции этого периода на материалах различных стран исследовалась многими авторами². Вместе с тем, «пострановая» изученность пока неравномерна. Особенно мало известно о дореволюционных еврейских иммигрантах из России в Новой Зеландии. Специальные исследования этой группы иммигрантов и в отечественной, и в зарубежной литературе отсутствуют. Поэтому основной целью автора является восполнение

¹ Сведения об авторе: *Рудникова Елена Викторовна* – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дальневосточного отделения РАН. E-mail: elena.rudnikova@mail.ru

² Еврейская эмиграция из России. 1881–2005. Сб. ст. / Отв. ред. Будницкий О.В. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008.

данного пробела. Для ее достижения привлекаются различные статистические и архивные данные, мемуарная и справочная литература, попутные материалы и выводы зарубежных (англоязычных) и отечественных исследований. Задачами исследования являются создание объективной картины переселения российских евреев в Новую Зеландию и общая характеристика этой группы.

Этнические евреи были в числе самых первых участников европейской колонизации новой британской колонии в южных морях. Это были переселенцы из Великобритании. Самое первое еврейское сообщество в Веллингтоне, например, было основано в 1843 г. британским гражданином Абрахамом Хортом, который отправил туда еще в 1840 г. на парусном судне «*Oriental*» своего сына вместе с двумя другими евреями. Сохранились имена евреев, работавших на золотых приисках 1860-х гг. Из числа ранних еврейских переселенцев впоследствии вышли видные государственные деятели этой страны³. Между 1850–1860 гг. в Новой Зеландии начинает формироваться еврейская диаспора. Самые первые синагоги появились в небольших городках Хокитика, Нельсон и Тимару. До конца XIX в. синагоги появились во всех крупных европейских поселениях страны – первая в г. Окленде еще в 1843 г., затем в Крайстчерче, Данидине и Веллингтоне. В Окленде в 1858 г. появилось отдельное еврейское кладбище⁴.

С 1870-х гг. в Новой Зеландии появляются небольшие группы поляков и евреев, имевших ранее российское

³ *Goldman L.M.* The history of Jews in New Zealand. Wellington [N.Z.]: A.H.&A.W. Reed, 1958; «Jews», from An Encyclopedia of New Zealand, edited by A.H. McLintock, originally published in 1966. Te Ara – The Encyclopedia of New Zealand. URL: <http://www.TeAra.govt.nz/en/1966/jews> (accessed on: 01.06.2019).

⁴ *Levine, Stephen I.* Jews – 19th-century immigration. Te Ara – The Encyclopedia of New Zealand. URL: <http://www.TeAra.govt.nz/en/iews/page-1> (accessed on: 01.06.2019).

подданство. Несколько таких иммигрантов появились поодиночке еще ранее. Например, в 1851 г. в Новую Зеландию как участник субсидируемой эмиграции из Великобритании въехал торговец Александр Джэксон / Alexander I. Jackson. Он прибыл на парусном судне «Герцог Портленда» в качестве пассажира первого или второго класса, занимавшего отдельную каюту. Судно вышло из Лондона 10 июня 1851 г. (*Прим. - здесь и далее в тексте точные даты даются по старому стилю*), через неделю совершило заход в Портленд и уже оттуда 19 июня взяло курс на Новую Зеландию. Всего на борту был 151 пассажир – все были в статусе эмигрантов, намеревавшихся поселиться на Южном острове в округе Кэнтбери. Через три месяца – столько в среднем длился в то время переход из Европы в эту часть мира – судно вошло в гавань Литтелтона. Скорее всего, Джэксон был не один: 16 сентября, за неделю до окончания перехода, пассажиры первого класса написали благодарственное письмо капитану. Среди 26-ти подписавших его человек есть фамилии трех «Джэксонов»: Александра, Роберта и Марии (Alexander I. Jackson, Robert S. Jackson, Mary Jackson). Подписи расположены рядом, из чего следует, что переезжала семья или родственники⁵.

В довольно заметном количестве евреи стали прибывать сюда в последнее десятилетие XX века. Причинами были подавление польских восстаний за независимость и внутренние притеснения еврейского населения в России. К концу XVIII в. Российская империя стала страной с самым большим еврейским населением в мире. Это произошло после трех разделов Польши тремя государствами – Пруссией, Россией и Австрией (1772, 1793, 1795 гг.). После этого независимое польское государство исчезло с карты мира вплоть до окончания Первой мировой войны. В 1800 г. еврейское население России составляло почти

⁵ Shipping intelligence // The «New Zealander» newspaper. 25.10.1851. P.2.

четверть (22,8%) от *общей* численности евреев в мире; после присоединения к империи Герцогства Варшавского (1814) – уже 49,6%, в 1850 г. – 50%, в 1880 г. – 53,4%. С 1870-х гг., евреи, стиснутые в «черте оседлости», начали перебираться во внутренние российские губернии или в западные страны, где таких ограничений для них уже не существовало. 1881 год ознаменовался еврейскими погромами на юге России, продолжавшимися в разных местах до 1884 г. Эти события стали главной причиной начала массовой еврейской эмиграции из России, начиная с 1881 г. За период 1881–1914 гг. империю покинули 1 млн 980 тысяч евреев. И хотя большинство из них (1 млн 557 тысяч или 78,6%) эмигрировали в США⁶, заметное число еврейских эмигрантов из России появилось и в Южном полушарии. Многие из них осели в Австралии⁷, но некоторые добрались и до Новой Зеландии.

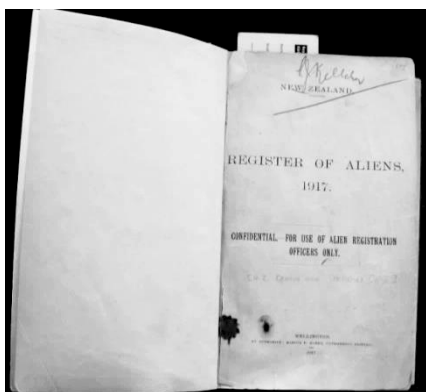
Вследствие массового исхода евреев из России, первая волна российской эмиграции и в Австралию, и в Новую Зеландию этнически была преимущественно еврейской. Красноречивые доказательства этому представлены в официальном Списке иностранцев и лиц небританского происхождения, выявленных новозеландской полицией по заданию правительства. Сюда были включены даже те, кто уже сменил до 1917 г. российское подданство на британское. Общий перечень «иностранцев» занимает более

⁶ Будницкий О.В. Век эмиграции // Еврейская эмиграция из России. 1881-2005. С. 9-10.

⁷ В Австралии, по данным переписи 1891 г., численность выходцев из России составила 2 881 чел. и «преимущественно это были представители так называемой инородческой эмиграции из юго-западных и прибалтийских областей России, главным образом евреи, что было обусловлено национальной политикой царского правительства» (См.: Каневская Г.И. «Мы еще мечтаем о России ...». История русской диаспоры в Австралии (конец XIX в. – вторая половина 80-х гг. XX в.). Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2010. С. 15).

восьмисот страниц. Этот документ носил строго конфиденциальный характер и был предназначен только для «служебного пользования». В настоящее время Список находится в открытом доступе; его копии хранятся в Национальной библиотеке и Национальных архивах Новой Зеландии⁸.

Все указанные лица перечисляются в алфавитном порядке и в соответствии с местом своего постоянного проживания (по схеме административно-территориального деления страны того времени). Сведения обо всех иммигрантах включают в себя их фамилии и имена, дан-

*Рис. 1. Титульная страница
Списка регистрации ино-
странных 1917 г. Фото авто-
ра, Веллингтон, 2011 г.*

ные по полу, возрасту на начало 1917 г., месту рождения (страна), длительности проживания в Новой Зеландии (в целых годах), роду занятий и адресу постоянного проживания в стране на момент регистрации. В последней графе Списка дана ссылка на номер соответствующего иммиграционного дела каждого из иммигрантов. Имена переселенцев даются только в англоязычной транскрипции. С од-

ной стороны, это затрудняет «обратный» перевод, но с другой – это точный ориентир для дальнейшего выяснения судьбы того или иного иммигранта. Именно в этой транскрипции в дальнейшем происходил официальный документооборот.

⁸ Register of Aliens in New Zealand, 1917. Wellington [N.Z.]: Margus F. Marks, Government printer, 1917.

**Рис. 2. Одна из страниц
Списка регистрации ино-
странцев 1917 г., иллюстри-
рующая характер содержа-
щейся в нем информации.
Фото автора, Веллингтон,
2011 г.**

Точная численность выходцев из России в Новой Зеландии в дореволюционный период до сих пор остается неясной⁹. Российские авторы, затрагивающие этот вопрос, обычно ссылаются на мнение последнего генконсула Российской империи в Австралии и Новой Зеландии – с 1910 по 1918 гг. – А.Н. Абазы (1872-1925). В феврале 1914 г. Абаза отправил в российский МИД донесение, в котором – в связи с его предложением о расширении консульских представительств во вверенном ему округе – он писал об одной тысяче

россиян в Новой Зеландии. Общая численность русской колонии во всей Австралазии определялась им тогда в 12 тысяч человек. По Новой Зеландии генконсул распределял выходцев из России следующим образом: в Веллингтоне и Окленде – 200 чел., в «прочих городах» – 300 чел., «разбросано по деревням и фермам» – 500 чел. В то же время он признавал, что «... действительная численность русской колонии в Австралии скорее превышает указанное мною число, нежели его не достигает, так как, даже по

⁹ См.: Рудникова Е.В. Выходцы из Российской империи в Новой Зеландии в период Первой мировой войны: источники и материалы // Дальний Восток России и страны Восточной Азии накануне и в годы Первой мировой войны. Владивосток: Изд-во «Рея», 2016. С. 108-115.

официальным статистическим данным, уже в начале 1911 г. в Австралии было 4 456 русских, а в Новой Зеландии – 778, усиленная же иммиграция сюда русских началась лишь после этого времени»¹⁰.

Абаза был единственным среди российских генконсулов, лично посетившим Новую Зеландию. К началу поездки, состоявшейся в феврале-марте 1912 г., Абаза уже более года исполнял обязанности российского генконсула. По прибытию в Веллингтон он заявил репортеру столичной газеты «Доминион» о том, что прибыл сюда с официальным визитом. Однако неизвестно об его контактах с властями страны или приемах в его честь, оформленных документами о намерениях, об организованных встречах с русскими переселенцами и т.п. Эта явная «неофициальность» визита российского генконсула косвенно подтверждается и его странными оценками численности русских в Новой Зеландии. В день прибытия, на первом же интервью он сообщил, что информация о количестве российских граждан в Новой Зеландии в примерно 300 человек была получена им в ходе бесед с теми его согражданами, кто посещал страну до его визита. На третий день он уже говорил о 658 россиянах, заявив при этом, что «в течение трех дней я к своему удивлению не встретил здесь ни одного русского»¹¹.

Один из предшественников Абаза на этом посту – Р.Р. Унгерн-Штерберг – в донесении из Мельбурна в апреле 1896 г. указывал общую численность «русских уроженцев в австралийских колониях согласно всеобщей ав-

¹⁰ Российская консульская служба в Австралии, 1857-1917 гг. Сб. документов. Составители и авторы вводных статей и комментариев Массов А.А. и Поллард М. М.: Международные отношения, 2014. С. 296-297.

¹¹ Russian Consul in New Zealand / The «Dominion» newspaper. 22.02.1912. P.2; Local and General / The «Evening Post» newspaper. 24.02.1912. P.4.

стралийской переписи 1891 г.» в 320 чел. для Новой Зеландии (289 мужчин, 31 женщина). В июньском донесении того же года он уточнял: «Лиц, родившихся в России, оказалось 365; мужского пола – 350, а женского – 35. Принадлежавших же к православной церкви – всего 116 душ: 99 мужского и 17 женского пола (*Курсив мой.* – Е.Р.)»¹².

Упомянутый выше Список иностранцев 1917 г. также не может дать точную цифру по численности иммигрантов из России, так как особенностью официального учета населения в Новой Зеландии в тот период являлось указание места рождения того или иного лица без упоминания об его прежнем гражданстве. Поэтому, выборка бывших российских подданных из этого Списка может осуществляться только по косвенным признакам. В их числе – место рождения, возраст и время выезда из Российской империи. При необходимости, судьбу отдельных иммигрантов можно проследить по более поздним документам – иммиграционным делам или по специфическим официальным переписям. Среди последних, например, есть обширный Перечень лиц небританского происхождения, натурализованных в Новой Зеландии к 1948 г.¹³.

В Списке же 1917 г. прежде всего обращает на себя внимания тот факт, что среди нескольких сотен лиц, родившихся на территории Российской империи, перечислены в основном именно евреи – русско-и/или польско-говорящие. Например, Scheiljis George (прибыл в 1891 г.), Spits Louis (1897), Burton Elfreda (1883), Behersing Julius (1877), Lewenberg Nicholas (1894), Deckston Max (1897), Solomon Soli (1896), Wast Abraham (1877), Blitz Jessie (1884), Cohen Abraham Solomon (1892), Finkelstein Annie Rachel (1897), Goldberg Samuel (1899) и многие другие. Нередки были ситуации, когда кто-либо из семьи, въехавший в Но-

¹² Российская консульская... С.131-132, 147.

¹³ Miscellaneous – Register of Persons Naturalized in New Zealand before 1948 year. Wellington: Government publishing, 1948.

вую Зеландию ранее, потом оформлял въезд своим близким родственникам. Например, к Schneidelman Samuel, прибывшему сюда в 1908 г., через два года присоединились его мать и сестра. Или Shenkin William, въехавший в страну в 1912 г. и через год вызвавший к себе жену Еву. Еще ранее – в 1911 г. здесь появился Shenkin Hyman. Семья Шиманских, например, воссоединилась только через 13 лет: первым сюда прибыл в 1871 г. глава семейства Schimansky Matthew, в 1873 г. к нему приехала жена Annie, в 1884 г. к ним присоединился Michael – судя по его возрасту, являвшийся его братом.

С 1900-х гг. и до начала Первой мировой войны евреи из России продолжали прибывать семьями и поодиночке во вполне сравнимом с ранним периодом количестве, несмотря на ужесточение иммиграционных законов именно в их отношении. В упомянутом выше Списке указаны, например, супруги Lutzki Annie и Max (прибыли в 1908 г.), Cohen Isaak и Fanny (1902), Elpidey Anna Joseph и George Albert (1914), Bernstein Edward David (1905) и др. Многие из них уже имели британское гражданство; некоторые прибыли сюда через третьи страны. Например, еврейская семья Lees: супруги David и Lena с сыном Simon прибыли сюда одновременно в 1909 г. из Великобритании, где после выезда из России они со временем получили британское гражданство. Несмотря на смену подданства, вся эта семья фигурирует в новозеландском Списке иностранцев по причине того, что первое гражданство у них было российское.

Особой группой выходцев из Российской империи дореволюционного периода были этнические поляки. Первые из них появляются здесь уже в 1860-ые гг. Характерной чертой этих иммигрантов является высокий уровень этнического самосознания. Например, при ответе на вопрос о месте рождения они указывали не Российскую империю, а именно Польшу или «Российскую Польшу».

Это было присуще и более поздним полякам-эмигрантам, несмотря на факт их рождения именно в границах Империи¹⁴.

Социальный состав еврейских переселенцев из России был довольно пестрым. Среди них были владельцы и работники торговых лавок, портные, реже – фермеры или разнорабочие, встречаются даже ювелиры. Женщины чаще всего были домохозяйками. Из среды дореволюционных «российских» евреев, в отличие от «британских» евреев, не вышли видные государственные деятели Новой Зеландии. Хотя и среди них со временем появились известные в этой стране люди. Одним из таких является, например, «российский еврей» Абрахам Маной, поселившийся здесь в 1870-е гг. вместе с женой-австралийкой Марией Мосс. Через некоторое время Маной стал владельцем вино-спиртовой лавки, а в начале 1900-х гг. – хозяином хорошо известной в стране деловой и торговой сети «А. Маной и сыновья». После его смерти в 1913 г. бизнесом стали

¹⁴ *Pobog-Jaworowski F.W.* History of the Polish Settlers in New Zealand 1776-1987. Warsaw: CHZ Ars Polona, 1990; Перечень ранних польских переселенцев. URL: <https://polishhistorynewzealand.org/list-of-early-polish-settlers/> (accessed on: 01.06.2019). В одной из работ, посвященной ранней польской эмиграции в провинцию Отаго, приводится текст очень характерного в этом аспекте диалога между неким этнографом и сапожником из одной литовской деревни, расположенной недалеко от Каунаса, в 1885 г.: «What tribe do you belong to?- I am a Catholic. - That's not what I mean. I'm asking you whether you are a Pole or a Lithuanian. - I am a Pole, and a Lithuanian as well. - That is impossible. You have to be either one or the other. - I speak Polish, the shoemaker said, and I also speak Lithuanian. - And that was the end of the interview». Обращается внимание на то, что хотя Литва стала частью Российской империи почти сто лет назад, сапожник, владея русским языком, совершенно не считает себя «россиянином» (См.: *Baily, Mark.* Assisted Polish migrants to Otago, The 1870s. Dunedin (N.Z.): University of Otago, 2010. P. 29).

управлять его сыновья – Генри/Гарри (1879–1954) и Лионель (1881–1960). Бизнес стал называться «Братья Маной». Дети А. Маноя владели магазином, мясным и кондитерским предприятиями, имели фруктовый сад и ферму. Этот бизнес сохранился до 1986 г. Братья были уважаемыми людьми и оставили добрый след в памяти жителей городка Мотуэки, где жили долгое время¹⁵.

В августе 1876 г. на берег Новой Зеландии сошел один из пассажиров новозеландского судна «Ocean Mail», следовавшего из Лондона в Веллингтон, бывший подданный Российской империи Адольф Лурье. В новозеландских газетах его почему-то называли известным путешественником. Лурье въехал в страну вместе с женой. Судя по некоторым деталям, был довольно обеспеченным человеком. Например, в багаже его жены перечисляются многочисленные платья и драгоценности. Из Веллингтона чета Лурье направились в Окленд. Через несколько лет Лурье один переехал из столицы в провинцию Вайкаито, в городок Кэмбридж. Переезд объяснялся близостью Лурье к богатой новозеландской семье Торнтонов, которые вели в тех краях хозяйство и интересовались торговлей с Россией. В 1881 г., во время стоянки в Окленде русского военного корабля «Африка», Лурье предлагал местным властям свои услуги переводчика. Во время пребывания русского путешественника Э.Р. Циммермана в Новой Зеландии в 1883 г. встречался с ним, а тот собирался даже прислать ему на рецензию книгу своих впечатлений о стране. По-видимому, после переезда в Кэмбридж у Лурье не пошли дела и к тому же он заболел. Жизнь Лурье закончилась трагически: в 1887 г. он совершил самоубийство. Незадолго до своей смерти он жаловался на бессонницу и го-

¹⁵ См.: Рудникова Е.В. Указ. соч. С.114-115.

ворил, что не спит неделями. В предсмертном распоряжении он указывал и на проблемы с бизнесом¹⁶.

После 1905 г. в Новой Зеландии стали появляться евреи, называвшие себя беглыми революционерами. Несколько человек из их числа остались здесь на постоянное жительство. Сведения по их пребыванию в Новой Зеландии показывают, что некоторые из них были авантюристами, рассчитывающими получить материальную выгоду из искреннего интереса новозеландцев к событиям в России. Одним из таких людей был, например, некий «доктор Лео Баранов», известный также под именами «Dr Boranoff», «Leo Arthur Coplan Boranoff», «Альберт Бернштейн»/ Albert Bernstein, «М.Р. Koonin». Он прибыл в 1909 г. и два года разъезжал по стране с публичными лекциями. Имел оглушительный успех у местных обывателей, рассказывая им об ужасах жизни в царской России и своих страданиях в тюремном заключении. Представлялся членом некой организации, собирающей средства для переселения российских евреев в свободные страны. Он довольно часто попадал в поле зрения новозеландских полицейских по мелким уголовным делам вроде кражи и мошенничества. Только через десять лет,

*Рис.3. «Доктор Баранов»,
1909 г. Источник: Dr.
Boranoff, the Russian exile,
who Lectured in the Wel-
lington Opera House on
Sunday Night // New Zea-
land Free Lance newspaper.
12 June 1909.*

¹⁶ Barrat G. Russophobia in New Zealand. 1838-1908. Palmerston North: The Dunmore Press, 1981. P. 120-121.

в 1919 г. обнаружилось его криминальное прошлое до въезда в страну. Опираясь на данные полиции, газеты сообщали, что Баранов был в очередной раз арестован, но теперь уже и за ... большевистскую пропаганду: «Его пребывание в Новой Зеландии может быть описано коротко – был в заключении или находился в его ожидании». Последнее упоминание его «подвигов» в местной прессе датируется 1924 г.¹⁷.

В начале 1990-х гг. одним из самых известных дореволюционных еврейских иммигрантов в стране стал фотограф из столичного региона Иеремия Вениаминович Гарвич (1892–1990). В 1982 г. 90-летний Гарвич был еще полон жизненных сил: он собирался вновь проходить водительский тест и писал мемуары о своей жизни. 16-летним юношей в 1908 г. он покинул родительский дом в Восточной Сибири и отправился за образованием в Японию. Но, прибыв в Нагасаки, вместо изучения японского языка Гартвич решил освоить английский, а затем пробрался «зайцем» на судно, направляющееся в Австралию. По прибытию в Сидней, он был направлен местными властями в качестве рабочего на одну из государственных ферм, но задержался там ненадолго. Услышав о бесплатном обучении в Новой Зеландии, он нашел способ добраться в 1909 г. и до этой страны. Здесь, в небольшом городке Петон, расположенном недалеко от Веллингтона, Гартвич прожил почти всю свою жизнь. Род его занятий предопределили родители, подарив ему в 12 лет фотокамеру. Он

¹⁷ A chequered career // The «Taranaki daily news» newspaper. 30.08.1919; NANZ: Leo Arthur Arnold Coplan Boranoff, alias Bernstein, to appear at Court, Christchurch, on 4.10.12. Inspector Kiely asks for file. File FPB 377/09 attached. See also P [Police file] 15/670 and P 19/1291 and HCR 4/302. (R22342268). 1909-1914. Canterbury Conviction file - Leo Arnold Arthur Copeland Boranoff (R7898917) 1912-1912. Timaru Supreme Court Trial - Criminal - Leo Arthur Arnold Copeland BORANOFF aka J L ARTHURS (R23596587), 1915.

проработал детским фотографом до 78 лет. Среди его детей и внуков - стоматолог, инженер, учитель, артист и архитектор. В 1953 г. Гартвич был натурализован¹⁸.

Дореволюционную еврейскую диаспору в Новой Зеландии всегда отличала высокая степень консолидированности, выразившейся в том числе, в единой позиции по разным вопросам. Например, в 1869 г. новозеландские евреи собирали деньги, чтобы помочь евреям, живущим в России. Мобилизация ими общественного мнения в стране по вопросу положения евреев в Российской империи привела к беспрецедентному голосованию в Парламенте страны. 30 июля 1891 г. член палаты представителей сэр Джордж Грэй заявил, что Новая Зеландия могла бы занять свое место среди других стран мира и передать петицию русскому царю с требованием сострадания к пяти-миллионной общине евреев в России. Петиция была принята и отправлена в адрес царского двора. Примерно через год в парламент пришел краткий официальный ответ из России, в котором говорилось, что русский царь не принимает петиций от других стран, касающихся внутренних дел России. Автором ответа был адъютант российского императора генерал-лейтенант П. де Рихтер / P. De Richter. Из текста ответного письма, написанного на «дипломатичном французском» языке, очевидно, что до главного адресата новозеландская петиция так и не дошла¹⁹. В 1905 г. вопрос о положении евреев в России вновь обсуждался властями страны²⁰.

¹⁸ McGill D. The other New Zealanders. Wellington [N.Z.]: Mallinson Rendel, 1982. P.77-84; NANZ, R24523312: Naturalisation - Application for - Garvitch, Jeremy Venjamin; Garvitch, Kathleen Elizabeth (Mrs), 1928-1955.

¹⁹ McGill, D. Ibid. P.83; Goldman L.M. Ibid. P.140.

²⁰ NANZ, R24528128: Date 15 November 1905 Subject: Massacres of Russian Jews, 1905.

Тем не менее, в реальности новозеландские власти совсем не приветствовали еврейскую иммиграцию из России в свою собственную страну. Например, всего через два года после отправки упомянутой выше петиции, те же члены Парламента инициировали принятие запретительной резолюции в отношении выезда 500 российских евреев в Новую Зеландию. Эта группа эмигрантов, находящаяся под опекой англо-еврейской ассоциации Лондона, уже была готова покинуть Англию. Когда об этом стало известно в Новой Зеландии, по всей стране начались протесты, в основе которых лежали не только экономические возражения, но и расистские предубеждения. Определенную роль здесь сыграла и плохая информированность населения: некоторые полагали, что ожидается въезд не менее полумиллиона российских евреев²¹.

В конце последнего десятилетия XIX в. этнический состав российской эмиграции начал меняться: поражение России в русско-японской войне, революция 1905–1907 гг. и столыпинская аграрная реформа привели к заметному увеличению в ее составе численности этнических русских, выезжавших на временные заработки или в эмиграцию в южно-тихоокеанский регион. Это была трудовая или экономическая эмиграция, которую составляли в основном безземельные крестьяне, ремесленники и неквалифицированные рабочие. Но евреи по-прежнему оставались одной из самых больших этнических групп, составляя более 40% от общей численности эмиграционного потока из России²². Для Новой Зеландии эта цифра еще выше – по совокупности имеющихся данных можно утверждать, что российские евреи составляли не менее 70% среди всех выходцев из Империи к началу Первой мировой войны. Вы-

²¹ Goldman L.M. Ibid. P. 141–142.

²² Ионцев В.А., Лебедева Н.М., Назаров М.В., Окорочков А.В. Эмиграция и репатриация в России. М.: Попечительство о нуждах российских репатриантов, 2001. С. 29–33.

раженной особенностью их адаптации является быстрая потеря связи с Россией и российской культурой. Тем не менее, в историю Новой Зеландии эта группа переселенцев вошла под названием именно «русские/российские евреи» и рассматривается в качестве первых этнических беженцев из Российской империи.

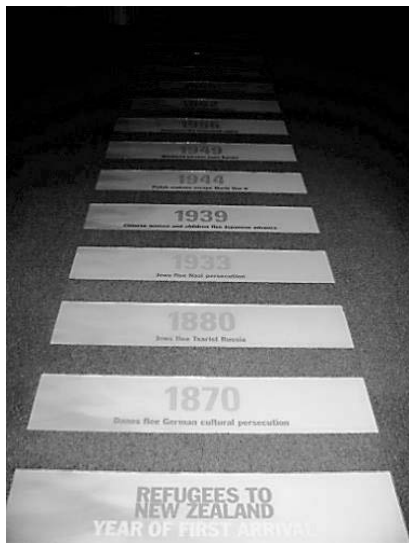

Рис.4. Упоминание о приеме «российских евреев» в качестве этнических беженцев в Национальном Музее Новой Зеландии Те Рапа в Веллингтоне: 1880 – «Jews flee Tsarist Russia». Фото автора, 2011 г.

Abstract

China as the Centre of the Russians' Scientific and Cultural Life in the East

Chapter 1. Graduates from the Eastern Institute Who Were Abroad (to the 120th Anniversary of the Institute Foundation)

About the author: Kanevskaya Galina Ivanovna, Doctor in History, Senior Fellow, Science Laboratory of the International Institutes of Multilateral Cooperation of the APR. Eastern Institute – School of Regional and International Studies of the Far Eastern Federal University, Vladivostok. E-mail: gkanevskaya@mail.primorye.ru

In 2019, the Far Eastern Federal University (FEFU) celebrates a double anniversary – 120 years of higher education in the Far East and 10 years since the creation of FEFU (the former Far Eastern State University). FEFU conducts its history from the foundation in 1899 of the Eastern Institute (VI), whose graduates from the very beginning were trained to work outside Russia. In the post-revolutionary period, many of them became immigrants. The paper analyses main lines of work and achievements among those graduates from the Eastern Institute who find themselves abroad.

Keywords: *Eastern Institute in Vladivostok, graduates of the Eastern Institute, Russian emigration*

Chapter 2. William Oskarovitch von Klemm (1861-1938). Letters of Russian Diplomat, Posted in the Orient

About the author: Zagorodnikova Tatiyana Nikolaevna, PhD in History, Leading Fellow, Centre of Indian Studies, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow. E-mail: TNZAG@mail.ru

William Oskarovitch von Klemm all his life took up different posts in Russian diplomatic missions in the Orient or in

different departments of the Ministry of Foreign Affairs. He became one of ranking diplomatic officials. After the 1917 Revolution he emigrated to China. He worked as a translator from different languages, as tutor and at last took up an appointment of an accountant in an international charitable institution. Three letters from William Oskarovich von Klemm to Ivan Alexandrovitch Perciani, his former colleague, who lived in Serbia, are attached to the article.

Keywords: *Political Agency in Bukhara, Consulate General of Russian Empire in Bombay, Lokamanya Tilak, Chinese Eastern Railway, W.O. von Klemm, I.A. Perciani*

Chapter 3. Artist Makary Fedorovich Domrachev – "A Soviet Emigrant" in China

About the author: Krotova Maria Vladimirovna, Doctor in History, Professor, Department of International Relations, Medialogy, Political Science and History, St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg. E-mail: mary_krot@mail.ru

The article is devoted to the famous theater artist Makary Fedorovich Domrachev (1887 – 1958), who lived in China from 1924 to 1945. He remained a Soviet citizen and belonged to a special category of the Russian Diaspora in China – the so-called “Soviet emigrants”, whose life was closely connected with the dramatic events of Russian and Chinese history. M.F. Domrachev intended to briefly leave Leningrad for Harbin in 1924 to work at the CER theatre, but stayed in China for 20 years, full of fruitful work – several dozen decorated performances of famous directors in Harbin and Shanghai, tours to Japan and other countries, teaching at the National Institute of Arts in Hangzhou. Returning to the USSR in February 1945, M.F. Domrachev continued his work as a theatre artist. The article is based on archival materials from the funds of Central state archive of literature and art of St. Petersburg (TsGALI SPb), the study of which revealed the details of the artist’s life and work in China, the circumstances of his return to the USSR and attempts to “integrate” into Soviet life.

Keywords: *Makariy Fedorovich Domrachev, theater artist, "Soviet emigrants", China, Harbin, Shanghai*

Chapter 4. Materials of the Tokyo Process as a Source on the History of Russian Emigration in China, 1931-1945

About the author: Chernikova Larisa Petrovna, PhD in History, Senior Researcher, Department of China, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow. E-mail: larisache@mail.ru

The International Military Tribunal for the Far East (MVTDV) in Tokyo worked from 1946 to 1948, otherwise called the Second or Far Eastern Nuremberg. The tribunal was attended by representatives of the USSR, the USA, the UK, China, France, Australia, Canada, New Zealand and the Netherlands. Then India and the Philippines joined the agreement. Powers were engaged in the punishment of Japanese war criminals. Each country participating in the tribunal identified additional lawyers as additional prosecutors. Representatives of the USSR in this process were General I.M., a member of the Military Collegium of the Supreme Soviet of the USSR. Zaryanov, corresponding member of the USSR Academy of Sciences S.A. Golunsky, state advisers of justice A.N. Vasiliev, L.N. Smirnov. Colonel of Justice S.Ya. Rosenblit, Gen. Leith. K.N. Derevyanko and others were also appointed as additional prosecutors. The materials of the process became one of the sources when working on a topic on the history of Russian emigration to China.

Keywords: *International Tribunal in Tokyo, Tokyo process, materials, history of Russian emigration, Japanese aggression, Japanese criminals, revision of historical realities*

The Middle East: Crossroad of Fates

Chapter 5. Representatives of Slavonic Peoples and Guardian Troops in Countries of Moslem East: History and Modern time

About the author: Kadyrbaev Aleksandr Shaidatovich, Doctor in History, Professor, Leading Research Fellow, Centre of Oriental History, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow. E-mail: kadyr_50@mail.ru

The article is devoted to the history of elite troops or guards formed from the Slavonic peoples, known in the Muslim world as “Sakaliba”, including Russians, in empires and states of the medieval Moslem East, as well as of the New Age. Then the representatives of Slavic peoples played a significant role in the history of Muslim countries from the country of Andalus on the Iberian Peninsula to India and Central Asia. Although the guards of Muslim rulers were formed from Sakaliban slave warriors, their representatives sometimes reached the pinnacles of power in Islamic countries and the fate of these countries depended on their deeds. Representatives of the Slavic countries have not lost this role in modern times until the present time, although their social status has changed, but in a number of countries, and not only Muslim ones, they continue to be a component of elite troops.

Keywords: *Slavonic peoples, Moslem East, guardian troops, Islam, Mamlukes, Warriors-Slaves, Ottoman empire, Sultanat, Russians, Rus’*

Chapter 6. Our Compatriots in Israel – Who Are They?

About the author: Semenchenko Nina Abramovna, Senior Research Fellow at the Department of Israel and Jewish Communities, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow. E-mail: semnina2008@yandex.ru

In recent decades the frames of the studied processes of Russian emigration have expanded significantly. Quite a few

studies are devoted to our compatriots. The notion of "compatriots", as we see it, comprises the largest stratum of Russians that live abroad, who at different times and for various reasons left the territory of Russia, the Russian Federation, the USSR and the CIS.

Historically it happened so that quite a few of representatives of our compatriots live in the territory of such a small country as Israel. They moved to Palestine and found themselves in the territory, which later became part of the State of Israel, others emigrated to the already created state of Israel.

The Jews that moved to Israel in the 90-s from the USSR/CIS, as well as the Russians and representatives of other peoples that emigrated as part of mixed families can all be called our compatriots in the modern Israel. Among our compatriots we consider the Azerbaidjanian, Georgian, Tatar communities, as well as the Cherkessian, Chechen, Armenian communities that have lived in this territory since the XIX-th century.

Keywords: *compatriots, emigration, Russia, CIS, Palestine, communities in Israel*

Chapter 6. Mechanics Fleeing Communism: Russian Refugees in Iran and their Resettlement in Australia, 1930-1955

About the author: Marcus James, PhD, Research Scholar, Centre for Arab and Islamic Studies (Central Asia and the Middle East), ANU College of Arts and Social Sciences, Australian National University, Acton Australian Capital Territory 2601, Australia. Email: marcus.james@ANU.edu.au

This paper provides an overview of the experience of the Russian refugee diaspora in Iran between 1930 and 1960. Unlike other waves of the post-Revolution Russian diaspora (i.e. those ending up in Europe and the Far East), this group of Russians has not been the subject of scholarly attention. Most of these refugees arrived in Iran between 1928 and 1932 fleeing

the upheavals attendant on Collectivisation and Dekulakisation in the Soviet Union. These 'stateless Russians' lived in Iran for two decades, long enough to raise a generation of children speaking both Russian and Farsi and, during the Second World War, to make a valuable contribution to the delivery of Lend Lease Aid to Russia through the 'Persian Corridor'. After the War, in the face of rising Iranian nationalism, the oil nationalisation crisis, and incipient Cold War rivalry between Britain and the United States and the Soviet Union, these refugees and other stateless Europeans were increasingly unwelcome. By 1955, with the help of the United Nations High Commissioner for Refugees, and Western governments and refugee relief agencies including the Tolstoy Foundation, most of these Russians were able to leave Iran to resettle in Australia and the United States.

Central Asian Mosaic

Chapter 8. The Cossacks of Russia and Kazakhstan: History and Modern times

About the author: Kadyrbaev Aleksandr Shaidatovich, Doctor in History, Professor, Leading Research Fellow, Centre of Oriental History, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow. E-mail: kadyr_50@mail.ru

This article is devoted to an essential issue concerning early and modern History of Russian Cossacks in the territory of modern Russia, mainly in the Don and the North Caucasus, and Kazakhstan, namely, the Don, Kuban, Terts and Semirek Cossacks. The Cossacks played a controversial role in the history of Russia and Kazakhstan. On the one hand they defended the borders of the Russian State and took part in all Russian Empire's wars against European and Asian states. On the other hand, they were a restless element, often putting Russia on the brink of war with its neighbors due to their raids and riots or shaking the foundation of Russian imperial statehood. In

modern times, the Cossacks became an instrument of the authorities of the Russian Empire in conducting colonial policies in the national periphery. After October revolution many Cossacks came forward against Soviet communist regime and Cossacks troops were abolished from the state structure. The revival of the Cossacks today has raised an essential question: Are Cossacks an ethnic group or an ethnographic group of the Russian people?

Keywords: *Cossacks, Russia, Kazakhstan, Caucasus, troops, empire, Ottomans, Nomads, Turkic and Slavonic peoples*

Chapter 9. Episodes of Russian Migration to Central Asia: Based on the Prose of Nicholas Karazin

About the author: Shafranskaya Eleonora Fyodorovna, Doctor in Philology, Assistant Professor at the Russian Literature Department, Moscow City Pedagogical University, Moscow. E-mail: shafranskayaef@mail.ru

Basing on the material of prose by Nikolay Karazin, Russian writer of the 19th century, we recreate the picture of the introduction of Russians into Central Asia: soldiers, peasants, entrepreneurs, among whom there were not only adventurers, «The Tashkenters Clique», but ascetics. Karazin, the participant of the military conquest of Turkestan region, was devoted to it, loved it, left many interesting observations. Today they have not only ethnographic but also historical value.

Keywords: *Turkestan region, Nikolay Karazin, Russian, sheep, Pervushin, Zakho, Filatov, Khmurov*

Chapter 10. The Formation of the Russian Language Personality in the Situation of Trilingualism in Kazakhstan: A Synchronous Aspect

About the author: Smirnova Yulia Georgievna, PhD in Pedagogical Sciences, Assistant Professor, Linguistic Knowledge Department at the University of Energetics and Communication, Alma-Ata. Email: yulia19780402@gmail.com

The paradigm that determines the role of a language in the life of society and the country has changed in Kazakhstan over the past 25 years. Accordingly, the language situation changed the factors influencing the linguistic situation and native speakers changed. There have been new interesting trends in this sphere in the last 3 years, which this paper is devoted to.

Keywords: *linguistic situation, Russian, Kazakh, English, trilingualism, Kazakhstan, Central Asia*

North Africa: Thoughts and Sentiments of the Russian Emigrants

Chapter 11. Specifics of the Journal Periodicals of Russian Émigré in North Africa in the Beginning of the 1920s: Russian Historiography of the Problem

About the author: Antoshin Aleksey Valerievich, Doctor in History, Professo, Sub-department of Oriental Studies, Ural Federal University, Ekaterinburg. E-mail: alex_antoshin@mail.ru

This article examines the history of Russian émigré press in Northern Africa at the beginning of the 1920-s. At the center of attention are magazines published by Russian refugees in Tunisia and Egypt. “Morskoy sbornik” published by Russian maritime officers in Bizerta was paid special attention to. The author shows how the content of this magazine evolved in 1921–1922 due to the gradual change of situation in Russian colony in Tunisia. He also shows great influence of France on situation in Russian diaspora. Publishing projects organized in Tunisia by the representatives of Russian émigré youth were also at the center of attention. The author shows that “Zhilybyli” magazine had literature-art image; young poets, writers, artists were its authors. This paper analyses publishing projects among Russian emigres in Egypt. The projects were organized by Russian young military émigrés and Russian intel-

ligentsia. The author proves that these projects had social resonance and were interesting for Russian émigrés in France.

Keywords: *Russian military émigrés, Russian squadron, Russian diaspora in Tunisia, Russian émigrés in Egypt*

Chapter 12. Days of Russian Culture in Alexandria

About the author: *Belyakov Vladimir Vladimirovich, Doctor in History, Leading Fellow in the Centre for Oriental Studies, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow. E-mail: beliakov2007@yandex.ru*

Russian emigrants who arrived in Egypt at the beginning of 1920 held Days of Russian culture in Cairo and Alexandria. In northern capital of Egypt, they were organized twice – in 1928 and 1929. Responsible for them was a person named Pyetr Yakovlevich Dobrinya-Konyukhov, a unique representative of Russian emigrants in Egypt. The short story tells about his life in Egypt and the organization of Days of Russian culture in Alexandria.

Keywords: *Egypt, Alexandria, Days of Russian culture, Sidi Bishr, P.Ya. Dobrinya-Konyukhov*

Indonesia, Australia and the New Zealand: A Land of Milk and Honey

Chapter 13. Russians in Indonesia: The Discoveries of the Historian E.I. Gnevusheva

About the author: *Pogadaev Viktor Aleksandrovich, PhD in History, Professor, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow. E-mail: povial@yahoo.com*

The historian Elizaveta Ivanovna Gnevusheva (1916–1994), who was a student and biographer of academician A.A. Huber worked for more than 30 years as an Associate Professor at the Department of History of Southeast Asia and the Far East of the Institute of Oriental Languages at Moscow

Lomonosov State University (now ISAA). She read a course on the history of Indonesia, wrote numerous articles and sections on Indonesia in the history books of Asian and African countries, articles and books about A.A. Huber. However, her main interests were related to the search for Russians who visited Indonesia in the 19th and early 20th centuries with some scientific purposes or by chance, found themselves and lived there for some time. Among them are both famous scientists and travelers (N.N. Miklukho-Maklai, A.N. Krasnov, K.N. Davydov, V.N. Arnoldi, etc.) and Russians of whose presence in Indonesia she managed for the first time to find out during her painstaking work in the Russian and Soviet archives (V.P. Malygin, who participated in the anti-colonial uprising in Lombok in 1894; I.T. Blagov, who in the 1920-s participated in the building of the Surabaya port and others). Her work in the archives was followed by fieldwork. Considerable attention was paid by E.I. Gnevusheva to the fate of A.S. Estrin and his ethnographic collections, which he brought from Indonesia. Some of her findings are described in her works, including the book "In the Country of Three Thousand Islands" (1962) and numerous articles published also in foreign languages. Some remained unpublished and are kept in her archive. The value of works by E.I. Gnevusheva is indisputable: they make it possible to reveal the role of the Russians, who significantly contributed to the development of this country and created a positive image of Russia there, and also laid the foundations for future friendly relations between Russia and Indonesia.

Keywords: *E.I. Gnevusheva, Russians in Indonesia, Russian-Indonesian relations*

Chapter 14. Russian Anzacs of the First World War: Prosopography and Electronic Resources

About the author: Govor Elena Viktorovna, PhD, Adjunct Research Fellow at College of Arts & Social Sciences, Australian National University, Canberra, Australia.

E-mail: elena.govor@anu.edu.au

The article describes the participation of Russian natives in the Australian and New Zealand Army Corps (ANZAC) in the First World War and summarises the author's studies over the past nineteen years. The study is based on a variety of primary sources – documents from Australian archives, memoirs, interviews with descendants, and newspaper publications. The paper also explores the role played by the author's 'Russian Anzacs' website, which contains biographical and service information about each serviceman and links to digitized archival materials and newspapers of the time. This approach is a mode of ongoing prosopographic research beyond the book form, conducted in contemporary conditions of mass digitization of primary sources, making the historian's laboratory accessible to a wide range of users.

Keywords: *Russian diaspora in Australia, Australia and the First World War, Anzacs, digitization of archival documents in Australia*

Chapter 15. History of Russia in the Poetry of Gali Plisovskaya

About the author: Skorobogatyh Natalia Sergeevna, PhD in History, Senior Fellow, Centre for South-East Asia, Australia and Oceania Studies, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow. E-mail: arhip222@yandex.ru

The paper analyzes the creativity of Galina Evgenievna Plisovskaya who is almost unknown in Russia, but is a very talented poetess. Her biography is closely connected with the Russian history of the 20 century, and, like the fate of our country, her life is very complex and tragic. She was born in 1922 in Demidov, Smolensk region, in the family of a priest who was shot during the repressions in 1930-s. In the Second World War period Galina and her mother were taken to work in Germany, and in 1949, with her mother, husband and young son, she emigrated to the Commonwealth of Australia, where she lived the rest of her life. She began to write poetry in her early youth, and she never forgot what had been hap-

pening to her. Her poetic heritage is extensive and reflects all the events she had witnessed.

Keywords: *Commonwealth of Australia, Demidov, G. E. (Gali) Plisovskaya, Eugene S. Markov, Mikhail Plisovsky, Russian diaspora in Australia*

Chapter 16. Jewish Immigrants from the Russian Empire in the Early History of New Zealand

About the author: Rudnikova Elena Viktorovna, PhD in History, Senior Fellow, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Far Eastern Department of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok. E-mail: elena.rudnikova@mail.ru

The first wave of Russian emigration to New Zealand in its ethnic composition was predominantly Jewish and Polish. In the second half of the 18th century, after three partitions of Poland by Prussia, Russia and Austria, the Russian Empire became the country with the largest Jewish population in the world. A century later, the Polish struggle for independence and internal oppression of the Jewish population in Russia led to mass departure abroad of the Russian Jews and Poles. A noticeable number of them appeared in new British colonies in the South Seas – in Australia and New Zealand. This story is little-known in both Russian and foreign historiography. The aim of the research is to fill this gap in the picture of pre-revolutionary emigration from Russia. The author uses various statistics, memoirs, reference literature, archival data, materials and conclusions of English-language researches and some Russian studies.

Keywords: *the Jewish immigrants, the Poles, early history of New Zealand, the Jewish emigration from the Russian Empire, ethnic refugees*

Библиография

- Абашин С. Аккаунт Сергея Абашина на facebook, запись от 5 октября 2017 г. URL: <https://www.facebook.com/sergey.abashin/posts/1115044558626182>.
- Абдуллаев Е. История Ташкентского Свято-Успенского кафедрального собора // Восток свыше. Вып. 33–34. Ташкент, 2011.
- Абдуллаев Е. Туркестан, Розанов, Заратустра // Русский журнал. 01.09.2011. URL: <http://www.russ.ru/pole/Turkestan-Rozanov-Zaratustra>.
- АВП РИ – Архив внешней политики Российской империи. Ф. 147. Оп. 485. Д. 539.
- АВП РИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 541.
- АВП РФ – Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 146. 1946 г. Оп. 35-а. Пап. 117. Д. 2. Организация и деятельность Международного Трибунала для Дальнего Востока;
- АВП РФ. Ф. 0146. 1947 г. Оп. 31. Пап. 292. Д. 36. 2-й Дальневосточный отдел. Ч. 1-я. Организация и деятельность Международного Военного Трибунала в Токио. 240 л.
- АВП РФ. Ф. 0146. 1947 г. Оп. 31. Пап. 292. Д. 37. Организация и деятельность Международного Военного Трибунала в Токио. 217 л.
- АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 30. Пап. 282. Д. 28. Референтура по Японии. 1946 г. Организация и деятельность Международного Трибунала для Японии. 340 л.
- АВП РФ. Ф. 146. 1946 г. Оп. 35-а. Пап. 117. Д. 3. Ч. 1. 423 л. Организация и деятельность Международного Трибунала для Дальнего Востока.
- АВП РФ. Ф. 146. 1946 г. Оп. 35-А. Пап. 117. Д. 3. Ч. 2. Организация и деятельность международного трибунала для Дальнего Востока. Референтура по Японии. 1946 г.
- Армянская община Израиля. URL: <https://www.meronq.com/threads/4666-Армянская-община-Израиля>.
- Арнольди В.М. По островам Малайского архипелага. М.–Пг.: Гос. изд-во, 1923. 307, [1] с.: ил.
- Бакунин М.М. Тропическая Голландия. Пять лет на острове Яве. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1902. 455 с. и XII с. приложения. 6 карт.

- Балашов Ю.А., Камраков А.А., Рыжов И.В.* Роль этнических меньшинств, этноконфессий, диаспор и разделенных народов в политическом процессе государств Ближнего и Среднего Востока. / Под. ред. О.А. Колобова. Нижний Новгород – Арзамас: Изд-во АГПИ, 2007. 128 с.
- Баранчук Н.* Православный крест среди финиковых пальм // Эхо планеты. 1998. № 6. С. 34–35.
- Бартольд В.В.* Халиф и султан. Сочинения. Т. VI. М.: Наука, 1966. 785 с.
- Баскаков В.Н.* Каразин Николай Николаевич // Русские писатели. 1800-1917: Биографический словарь. Т. 2. Г–К. Гл. ред. П.А. Николаев. М.: Большая Российская энциклопедия, 1992. С. 468–469.
- Баскаков Н.А.* Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». М.: Наука, 1985. 211 с.
- Бахрушин С.В.* Научные труды. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 3. Ч. 1. 375, [1] с.
- Белов Е.А.* Взгляды и деятельность барона Унгерна фон Штернберга // Восточный архив. 2001. № 6-7. С. 48–49.
- Беляков В.В.* «К берегам священным Нила...» Русские в Египте. М.: Гуманитарий, 2003. 303 с.
- Биографический словарь.* Т. 2: Г–К / Гл. ред. П.А. Николаев. М.: Большая Российская энциклопедия, 1992. 640 с.
- Бонч-Осмоловская, Татьяна.* На краю красной пустыни. Русская литература в Австралии. Знамя, 2008. № 6. 25.08.2008. URL: <http://www.litkarta.ru/rus/dossier/na-krayu/>
- Бонч-Осмоловская, Татьяна.* Торжественное обращение к кукабарре: праздник русской литературы в Австралии // НЛО (журнал), 2007. № 86. URL: <http://www.zh-zal.ru/nlo/2007/86/bo25.html>
- Будницкий О.В.* Век эмиграции // Еврейская эмиграция из России. 1881-2005. Сб. ст. / Отв. ред. Будницкий О.В. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. С. 9–17.
- Вагизова В.* Татары за Израиль. URL: <http://maof.rjews.net/organization/10-2009-07-22-07-05-36/12257>
- Валиханов Ч.Ч.* О контайше. Собрание сочинений в 5 томах. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1985. Т. 2. 416 с.

- Ван Чжичэн А. Карта русской культуры в Шанхае / под ред. Л.П. Черниковой. Шанхай: Изд-во «Бриллиант», 2010. 158 с.
- Варенцов Н.А. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 848 с.
- Васильев А.А. Русский Китай // Русский Китай. Из коллекции Александра Васильева и Государственного музея Востока. Каталог выставки. М.: ГМВ, 2011. 172 с.
- Величко В.Л. Кавказ. Русское дело и междуплеменные вопросы. СПб.: Тип. Артели Печатного дела, 1904. Т. 1. 1 л. фронт., 8, 216, 26 с.
- Винберг А., Рахлин А., Розенблит С. Криминалистика. Руководство для военных юристов. Ч. 1 (Общая). / Под ред. диввоен-юриста А. Кузнецова. М., 1941. 176 с.
- Выставка к 120-летию Восточного института открыта в музее ДВФУ. URL: https://www.dvfu.ru/news/fevu-news/exhibition_dedicated_to_the_120th_anniversary_of_the_oriental_institute_opened_in_the_museum_of_the_university/
- Г.К. Институт ориентальных и коммерческих наук // Политехник. Сидней, 1979. №10. С. А-6.
- ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5758. Оп. 1. Д. 2. Вырезка из газеты «Сегодня» (Рига).
- ГА РФ. Ф. 6964. Оп. 1. Д. 22.
- ГА РФ. Ф. р5850. Оп. 1. Д. 21.
- Гали Плисовская. Стихи. URL: <http://rdiaspora.narod.ru/zabugra24.htm>.
- ГАПК – Государственный архив Приморского края. Ф. 115. Оп. 1. Д. 201.
- ГАХК – Государственный архив Хабаровского края – Маслаков, Матвей Платонович (?-1949). Член Российской фашистской партии (союза) в Харбине. Белоэмигрант, адъютант К.В. Родзаевского. Документы - личное дело БРЭМ (1935-1949). Количество листов 14. URL: https://gakhk.khabkrai.ru/projects/brem/36309/?sphrase_id=54142.
- Гельман З. «Русская улица» Израиля / Эхо планеты, 2012, № 41/42. С. 10-13. URL: https://mnenia.zahav.ru/articles/1969/russkaya_ulica_idet_cherz_israel.
- Гельман З. «Черкес» в Израиле звучит гордо / Адыгэ Хэку. 10.08.2012. URL: <https://aheku.net/news/diaspora/3144>.

- Генис В.Л. Вступление к публикации: Вильям фон Клемм Очерк революционных событий в русской Средней Азии // Вопросы истории. 2004, № 12. С. 3-25.
- Гиляровский В.А. Избранное: В 3 т. М.: Моск. рабочий, 1961. Т. 3. 611 с.
- Гинс Г. Харбин, эмиграция и культура // Заря. 1938. 10 июля. № 180.
- Гительман Ц. Евреи и «неевреи» из бывшего Советского Союза // Израиль глазами «русских». М.: Изд-во «Наталис», 2008.
- Гневушева Е. История унуй молдован // Ниструлб анул XXXII, № 11, 1963.
- Гневушева Е.И. Академик Александр Андреевич Губер. Отв. ред. акад. С.Л. Тихвинский. М.: Наука, 1988. 240 с.
- Гневушева Е.И. В стране трёх тысяч островов. М.: Изд-во «Восточная литература», 1962. 222 с.
- Гневушева Е.И. В.П. Малыгин – возмутитель спокойствия в Нидерландской Индии // Вопросы истории. № 11 1969. С. 206–210.
- Гневушева Е.И. Первый «бейтензоргский» стипендиат Российской академии наук С. Г. Навашин на Яве в 1898-1899 гг. (По материалам неопубликованного дневника) // Страны и народы Востока. Выпуск XVII. Страны и народы бассейна Тихого океана. М.: Наука, ГРВЛ, 1975. С. 229-240 (совместно с В. А. Жаровым).
- Гневушева Е.И. Строитель Сурабайского порта [И.Т. Благов] // Страны и народы Востока. Выпуск XXIV. Страны и народы бассейна Тихого океана. Книга 5. М.: Наука, ГРВЛ, 1982. С. 110-126.
- Гневушева Е.И. Этнографические коллекции А.С. Эстрина в МАЭ // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. 9, 1982 (в соавт. с В.Г. Трисман). С. 128-140.
- Гневушева Е.И. и Трисман В.Г. Об Эстриных и их коллекции; Письма В.Г. Трисман, Е.И. Гневушевой и других Эстриным и о них // Индонезия начала XX века в коллекции и воспоминаниях А. Эстрина и А. Смотрицкой. Сост. С. Твердислова, Г.А. Эстрина. М.: Восточная литература, 2018. С. 5-138.

- Говор Е.В. Белгород – Австралия – Галлиполи: История Лазаря Марголина // Курская губерния и куряне в первой мировой войне. Курский военно-исторический сборник. Вып. 14. Курск, 2014. С. 43–49.
- Голендер Б.А. Коммерсанты старого Туркестана // Б.А. Голендер. Мои господа ташкентцы: История города в биографиях его знаменитых граждан. Ташкент: Infocom. Uz, 2007. 265 с.
- Гончаров Ю. Донской кадетский корпус в Египте // Африка глазами эмигрантов. Россияне на континенте в первой половине XX века. М., 2002. С. 18–22.
- Гордеев А.А. Золотая Орда и зарождение казачества. М.: Изд-во «Страстной бульвар», 1992. 176 с.
- Гордин Р.Р. Возвращение Человека-тайны. Историческая повесть. Кишинев, 1967.
- Горячкин Г.В. Русская Александрия. Судьбы эмиграции в Египте. М.: Русский путь, 2012. 336 с.
- Грибоедов А.С. Соч.: В 2 т. М.: Правда, 1971.
- Гундогдыев О.А., Шеремет В.И. Текинский конный полк в боях первой мировой войны (Новые архивные сведения). // Восточный архив. № 4-5. М., 2000. С. 33–43.
- Гуревич Б.П. Международные отношения в Центральной Азии в XVIII – первой половине XIX вв. М.: Наука, 1983. 308 с.
- Гут А. «Почему Израиль остановил выбор на Азербайджане». The Jerusalem Post. 07.09.2017. URL: <https://www.jpost.com/Blogs/News-from-Arye-Gut/Why-did-Israel-choose-Azerbaijan-504474>.
- Давыдов К.Н. По островам Индо-Австралийского архипелага. Впечатления и наблюдения натуралиста. Часть II. Молуккский архипелаг. Глава VI. От Сурабаи до Амбоины. Бали, Ломбок и Макаassar // Известия Императорской Академии Наук, 1905. Апрель и май. V серия. Т. XXII, № 4 и 5.
- Дальневосточный государственный университет. История и современность. 1899-1999. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1999. 704 с.
- Данные о Казахстане UNESCO. URL: <http://uis.unesco.org/country/KZ>.
- Демидовская библиотека отметила День православной книги. Источник информации: Смоленская митрополия.

- 14.03.2017. URL: <https://благо-демидов.рф/2017/03/14/демидовская-библиотека-отметила-де/>.
- Деникин А.И. Очерки русской смуты. М.: Мысль, 1991. 202 с.
- Добросмыслов А.И. Ташкент в прошлом и настоящем: Исторический очерк. Ташкент: Тип. Порцева, 1912. 279 с.
- Домбровский Ю. Хранитель древностей. Роман.
URL: <http://lib.ru/proza/dombrowskij/keeper.txt>.
- Домбровский Ю. Факультет ненужных вещей. Роман.
URL: <http://lib.ru/proza/dombrowskij/faculty.txt>.
- Домрачев Макарий Федорович. URL: <http://artrz.ru/1804783564.html>.
- Еврейская эмиграция из России. 1881–2005. Сб. ст. / Отв. ред. Будницкий О.В. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. 447 с., илл.
- Ежегодная конференция соотечественников в Израиле / Русский Мир. URL: https://www.russkiymir.ru/fund/nam_pishut/157415/
- Ежова Ф.А. «Мусульмане против ислама». Кто такие «Татары за Израиль»? // Народ. №36. 31.05.06–06.06.06.
- Ермолин А.П. Революция и казачество. М., 1980.
- Зарипова З.З. Место и роль татарской диаспоры в развитии отношений между Татарстаном и Израилем. Доклад на круглом столе «Израиль, Татарстан и Палестина: история отношений и перспективы сотрудничества» в рамках работы международного научно-практического симпозиума «Арабо-израильский конфликт и роль России в его урегулировании» (14–15 мая 2010 г.). Казань.
URL: <https://rusk.ru/st.php?idar=23340>.
- Зуев Ю.А., Кадырбаев А.Ш. Поход Ермака в Сибирь: тюркские мотивы в русской теме // Вестник Евразии - Acta Eurasica, № 3 (10), М.: ИВ РАН, 2000. С. 38–61.
- Иванов Н.А. Османское завоевание арабских стран. 1516–1574. М.: Восточная литература, 2001. 287 с.
- Издание Военно-учёного комитета Главного штаба. Санкт-Петербург, 1888. С. 1-7. URL: http://starienigri.info/Zhurnaly/SMA/SMA_33.pdf
- Иммигранты из бывшего Советского Союза сильно изменили Израиль / «Соотечественники», 25.08.2011.
URL: <https://www.russedina.ru/ctrany-i-regiony/dalnee->

- zarubezhe/izrail/immigranty-iz-byvshego-sovetskogo-soyuza.html. Оригинальная статья: Israel's former Soviet immigrants transform adopted country / By Harriet Sherwood. The Guardian, 17.08.2011.
URL: <https://www.theguardian.com/world/2011/aug/17/israel-soviet-immigrants-transform-country>.
- Ионцев В.А., Лебедева Н.М., Назаров М.В., Окорочков А.В. Эмиграция и репатриация в России. М.: Попечительство о нуждах российских репатриантов, 2001. 490 с.
- Karazin N.N. In the Distant Confines / Translated with an introduction by Antony W. Sariti. Bloomington, Indiana: Author House, 2007. 456 p.
- Кадырбаев А.Ш. Русские в Туркестане. Казачье войско «Семи рек». URL: <http://uverenniy.ru/tezisi-i-dokladi-suhov-nikolaj-vadimovich-v2.html?page=3>.
- Казахстан. Индекс грамотности взрослого населения 15+. Мировой атлас данных Кноема. URL: <https://knoema.ru/atlas>.
- Казкенова А., Жиренов С. Самостоятельное развитие и взаимное влияние казахского и русского языков в Республике Казахстан // PRZEGLĄD WSCHODNIOEUROPEJSKI, 2015. № VI/1. С. 143-152.
- Каневская Г.И. «Мы еще мечтаем о России ...». История русской диаспоры в Австралии (конец XIX в. – вторая половина 80-х гг. XX в.). Владивосток: Изд-во Дальневосточного гос. университета, 2010. 370 с.
- Каневская Г.И. Один из первых российских японоведов (выпускник Восточного института Л.А. Богословский) // Вестник ДВО РАН, 2014. № 6. С. 160-169.
- Каневская Г.И. Оправдавший надежды Приамурского генерал-губернатора // Известия Восточного института дальневосточного государственного университета, 2001. № 6., С. 19-27.
- Каневская Г.И., Павловская М.А. Деятельность выпускников Восточного института в Харбине // Известия Восточного института ДВГУ, 1994, № 1. С. 72-77.
- Каразин Н.Н. Амударьинская ученая экспедиция // Нива, 1874. № 36. С. 566-567.
- Каразин Н.Н. Атака собак под Ургутом // Нива, 1872. № 38. С. 598-601.

- Каразин Н.Н.* В камышах // Н.Н. Каразин. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб.: Изд. П.П. Сойкина, 1905. Т. 13. 173 с.
- Каразин Н.Н.* Джигитская честь // Н.Н. Каразин. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб.: Изд. П.П. Сойкина, 1905. Т. 9. 227 с.
- Каразин Н.Н.* Налъ // Н.Н. Каразин Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб.: Изд. П.П. Сойкина, 1905. Т. 5. 224 с.
- Каразин Н.Н.* Погоня за наживой // Н.Н. Каразин. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб.: Изд. П.П. Сойкина, 1904. Т. 2. Ч. 1. 152 с. Т. 3. Ч. 2-3. 153–416 с.
- Каразин Н.Н.* С севера на юг // Н.Н. Каразин. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб.: Изд. П.П. Сойкина, 1905. Т. 7. Ч. 1. 271 с. Т. 8. 273–520 с.
- Каразин Н.Н.* Три дня в мазарке // Н.Н. Каразин. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб.: Изд. П.П. Сойкина, 1905. Т. 9. 227 с.
- Караулов М.А.* Терское казачество в прошлом и настоящем. М.: Вече, 2008. 320 с.
- Катасонова Е.* Токийский Нюрнберг. Депонированная рукопись: 01.09.2016. // Материалы интернет-портала Минобороны России. URL: http://mil.ru/winner_may/history/more.htm?id=12101798@cmsArticle
- Кенигштейн М.* Чужие среди своих? Иммигранты - неевреи в Израиле // «Русское» лицо Израиля: черты социального портрета. Иерусалим-Москва: Гешарим, 2007. С 218–250.
- Кириченко А.А.* Дело № 16-052. Японская разведка против СССР. М.: Вече, 2016. 320 с. – (Гриф секретности снят).
- Клемм В., фон.* Денежное обращение в Индии. // Сборник консульских донесений [Министерства иностранных дел России]. Год 5-й. Вып. 6. СПб., 1902. С. 431–472.
- Клемм В., фон.* Торговля керосином в Индии // Сборник консульских донесений [Министерства иностранных дел России]. Год 7-й. Вып. 2. СПб., 1904. С. 87–108.
- Клемм В., фон.* Торговля сахаром в Индии // Сборник консульских донесений [Министерства иностранных дел России]. Год 5-й. Вып. 4. СПб., 1902. С. 311–334.
- Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье. СПб.: Петербургское Востоковедение («Orientalia»), 2000. 320 с.
- Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Казахстан – летопись трех тысячелетий. Алма-Ата: Рауан, 1992. 378 с.

- Кнорринг Н. День в Сфаяте // Африка глазами эмигрантов. Россияне на континенте в первой половине XX в. М., 2002. С. 23–32.
- Коваленко А. Письмо Барбаре Фокс, 25.12.2001 // Архив Елены Говор, Канберра, Австралия.
- Комитет по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан. URL: <http://stat.gov.kz/>.
- Кормазов В.А. Рост населения в Харбине и Фуцзядяне // Вестник Маньчжурии (Харбин). 1930. №7. С. 51-59.
- Кошкин А.А. «Кантокуэн» – «Барбаросса» по-японски. Почему Япония не напала на СССР / А.А. Кошкин. Москва: Вече, 2011. 380, [1] с., [8] л. фотографий. – (Военные тайны XX века).
- Кошкин А.А. Крах стратегии «Спелой хурмы». Военная политика Японии в отношении СССР, 1931–1945 гг.: автореферат дис. ... доктора исторических наук: 07.00.03 / Ин-т воен. истории. Москва, 1989. 51 с.
- Кошкин А.А. Крах стратегии «Спелой хурмы»: Военная политика Японии в отношении СССР, 1931-1945 гг.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.03 / Ин-т воен. истории. Москва: Мысль, 1989. 272 с.
- Кошкин А.А. Крах стратегии «Спелой хурмы»: Воен. политика Японии в отношении СССР, 1931-1945 гг. / А.А. Кошкин. М.: Мысль, 1989. 271,[1] с.
- Кошкин А.А. Курильский пинг-понг. 100 лет борьбы за острова. СПб.: Питер, 2018. 238 с.
- Кошкин А.А. Партитура Второй мировой. Гроза на Востоке / Фонд ист. перспективы; [авт.-сост. А.А. Кошкин]. Москва: Вече, 2010. 462, [1] с.
- Кошкин А.А. Россия и Япония. Узлы противоречий / А.А. Кошкин. Москва: Вече, 2010. 475, [4] с., [8] л. ил., портр., цв. ил., портр.
- Кошкин А.А. Японский козырь Сталина: От Цусимы до Хиросимы / А.А. Кошкин. Москва: Вече, 2011. 476, [3] с., [8] л. ил., портр.
- Кравцов А.Н. Русская Австралия. М.: Вече, 2011. 304 с.
- Краснов А.Н. По островам Дальнего Востока. СПб.: Недели. Тип. Н.А. Лебедева, 1895. 443 с.
- Краснов А.Н. Под тропиками Азии. М.: Географгиз, 1956. 262 с.

- Кронгауз М.* Кто отвечает за русский язык. URL: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2011/10/k10.html>.
- Крофтс Наталья.* В краю эвкалиптов. О русской литературе Австралии. URL: <http://litteratura.org/criticism/870-natalya-krofts-v-krayu-evkaliptov.html>.
- Кузьменко Л.В.* Жизнь русских в Китае // Русский Китай. Из коллекции Александра Васильева и Государственного музея Востока. Каталог выставки. М.: ГМВ, 2011. 172 с. С. 84-133.
- Ламздорф В.Н.* Дневник. 1886-1890. М.: ГИЗ, 1926. 395 с.
URL: <http://library6.com/index.php/9523/item/782111>.
- Ланда Р.Г.* В стране Аль-Андалус через тысячу лет. М.: Наука, 1993. 179,[2] с., [8] л. ил.
- Ланда Р.Г.* Ислам в истории России. М.: Восточная литература, 1995. 312 с.
- Левашко С.С.* Деятельность русского художника Макария Домрачева в Китае в 1920-1940-е гг. и его культурное наследие // Русский Харбин, запечатленный в слове. Вып. 5. Благовещенск, 2012. С. 216-225.
- Левашко С.С.* Русский художник М.Ф. Домрачев в Китае и его опыт исследований китайской национальной архитектуры // Вопросы всеобщей истории архитектуры. Вып. 4. М., 2012. С. 385-399.
- Лесков Н.С.* Собр. соч.: В 11 т. / Под ред. В.Г. Базанова и др. М.: Худож. литература, 1957. Т. 6. 635 с.
- Лесков Н.С.* Собр. соч.: В 12 т. М.: Правда, 1989. Т. 7. 464 с.
- Лешко О.* Русские в Маньчжугу. Шанхай, 1937. 144 с.
- Листер, Энрике.* Наша война (из истории национально-революционной войны испанского народа). Мемуары. М.: Политиздат, 1969. 327 с.
- Литературная энциклопедия* / Ред. коллегия: П.И. Лебедев-Полянский И.Л. Маца, И.М. Нусинов и др. / отв. ред. А.В. Луначарский. М.: Комакадемия, 1931. Т. 5. [IV] с., 784 стб.: ил.
- Личный архив Е.И. Гневушевой* (хранится у В.В. Сикорского)
- Луконин Ю.В., Новиков С.С.* Россияне в Тунисе // Российская диаспора в Африке. 20-50-е гг. М.: Восточная литература, 2001. С. 70-90.

- Лю Лицю. Выпускник Восточного института (г. Владивосток) И.Г. Баранов: Вехи биографии URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vypusknik-vostochnogo-instituta-g-vladivostok-i-g-baranov-vehi-biografii>.
- Малукало А.И. Кубанское казачье войско в 1860-1914 гг. Краснодар: Кубанькино, 2003. 216 с.
- Марико Асано Таманоу. Политика памяти: японские крестьяне-переселенцы вспоминают о своей жизни в Маньчжурии // Дальний Восток России – Северо-Восток Китая: исторический опыт взаимодействия и перспективы сотрудничества: Материалы междунар. Науч.-практ. Конф. (Хабаровск, 1-3 июня 1998 г.) / Дальневост. Гос. Науч. Б-ка. Хабаровск: Издат. дом «Частная коллекция», 1998. 320 с.
- Мартынов В.Е. (Историко-архивный поисковый центр Судьба). Итоги войны // Электронный научно-образовательный журнал «История», № 52. М.: Изд-во: ООО «Интеграция: Образование и Наука», 2015. 18 с.
- Милашевский В.А. Вчера, позавчера...: Воспоминания художника. М.: Книга, 1989. 2-е изд., испр. и доп. 400 с.
- Миллер Г.Ф. История Сибири. М.-Л.: АН СССР, 1937. Т.1. 607 с.
- Министерство внутренних дел Республики Казахстан. Мемориал. URL: <http://mvd.gov.kz/portal/page/portal/mvd/MVD/Memorial>.
- Мишин Д.Е. Сакалиба. Славяне в исламском мире. М.: ИВ РАН, Изд-во «Крафт+», 2002. 368 с.
- Мозохин О.Б. Совершенствование специальных служб Японии, URL: <http://mozohin.ru/article/a-203.html>
- Моин Вю, Кривош Л., Кенигштейн М. «Русское» лицо Израиля: черты социального портрета. Москва: Мосты культуры. – Иерусалим: Гешарим, 2007. 503 с.
- Молодяков В.Э. Россия и Япония: меч на весах. Неизвестные и забытые страницы российско-японских отношений (1929–1948). М.: АСТ, Транзиткнига, Астрель, 2005. 384 с.
- Молодяков В.Э., Молодякова Э.В., Маркарьян С.Б. История Японии. XX век. М.: ИВ РАН, Крафт+, 2007. 528 с.
- Морозова М.К. Мои воспоминания // Московский альбом: Воспоминания о Москве и москвичах XIX-XX веков. М.: Наше наследие, 1997. С. 180-213.
- Музыкальный Харбин поздравляет «Зарю» с 20-летним юбилеем // Заря. 1940. 6 октября. Мы жили тогда на планете

- другой... Антология поэзии русского зарубежья. 1920–1990. В 4-х томах. Ред. Витковский Е.В. М.: Московский рабочий, 1994–1997. 1600 с.
- Назарьян Р.Г. Самаркандская старина: Документальные очерки: Кн. 1. СПб.: Нестор-История, 2010. 212, [1] с.: ил.
- Невский Н. Хитросплетения Токийского процесса // Wargaming. Net. 12 ноября 2015 г. Сетевой журнал Warspot. 2014–2018. URL: <https://warspot.ru/4420-hitrospleteniya-tokiyskogo-protssesa>.
- Недзельский Е. Мемуары лагерей // Африка глазами эмигрантов. Россияне на континенте в первой половине XX в. М.: Восточная литература, 2002. С. 120–137.
- Никитин П. Ташкентские рыцари (Повести и рассказы Н.Н. Каразина. Иллюстрированное издание) // Дело. 1874. № 11. Современное обозрение. С. 1–20.
- Николаев А.Н. Токио: суд народов. М.: Юрид. лит., 1990. 416 с.
- Носенко-Штейн Е.Э. Евреи в современном мире: диаспора, конфессиональное меньшинство, этническая группа? // Труды Института востоковедения РАН. Вып. 3: Культура и политика: проблемы взаимосвязи/ отв. Ред. Ю.В. Любимов; составитель С.В. Прожогина М.: ИВ РАН, 2017. 344 с. С. 230–243.
- Об утверждении плана мероприятий по реализации Государственной программы развития образования и науки Республики Казахстан на 2016–2019 гг. URL: <https://egov.kz/cms/ru/law/list/P1600000243>.
- Опрос: переход казахского языка на латиницу. Demoscope. URL: <http://medialaw.asia/posts/02-05-2017/93025.html>.
- Отчет Желсоба за 1927 год. Харбин: Типолитография Л.М. Абрамовича, 1928. 28 с.
- Отчет Харбинского Желсоба за 1923 г. Харбин, 1923. 27 с.
- Очерки истории Алма-Аты URL: <http://vernoye-almaty.kz/a-z/o1.shtml>.
- Павловская М.А. Харбинская ветвь российского востоковедения (Начало XX в. – 1945 г.) Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Специальность отечественная история 07.00.02 – Отечественная история. Владивосток, 1999. URL: <http://cheloveknauka.com/v/11088/d#?page=1>.

- Павловская М.А. Харбинская ветвь российского востоковедения (начало XX в. – 1945 г.): дисс. ... канд. ист. наук. Владивосток, 1999. 327 с.
- Паничкин Ю., Щипачев Н. Рюриковичи и Романовы. Рязань, 2015.
- Парникель Б.Б. Василе Мэмэлигэ в российской дискурсивной практике // Малайско-индонезийские исследования. Выпуск XI. / Составитель и редактор Б.Б. Парникель. Выпускающий редактор В.А. Погадаев. М.: Общество «Нусантара», 1998. С. 42–59.
- Парониани Н. Горские и грузинские евреи – схожесть судеб. Исторические связи. URL: https://stmegi.com/posts/14978/gorskie_i_gruzinskie_evrei_skhozhest_sudeb_6914/.
- Первое заседание Международного трибунала.
URL: <http://www.kremnik.ru/node/455178>.
- Петриковская А.С. Культура Австралии XIX–XX вв. М.: Восточная литература РАН, 2007. 253 с.
- Петриковская А.С. Российское эхо в культуре Австралии. М.: ИВ РАН, 2002. 199 с.
- Пивоваров А. «Донские казаки». Краткий сборник рассказов из военной Жизни Донцов, о их храбрости, находчивости в бою, преданности долгу и пр. Новочеркасск: Донская тип., 1892. 300 с.
- Письма отца Георгия из Африки // Африка глазами эмигрантов. Россияне на континенте в первой половине XX в. М., 2002. С. 82–89.
- Плисовская Гали (Галина) Евгеньевна. Стихи // Антология русских поэтов Австралии / Гл. ред. Н. Мельникова / Отв. ред. Л. Ястребова / Науч.-ред. совет: Л. Осьмакова / Предисл. А. Кареля / Вступит. статья от ред-ра. Сидней: Австралиада, 1998.
- Плисовская Гали. Стихи. Сидней: Unification Printers & Publishers Pty. Ltd., 1995. 96 с.
- Плоских В.М. Россия и кыргызы: развитие политических взаимосвязей (XVIII–XIX вв.). Тюркологический сборник, 2002. М., 2003. 415 с. С.29–50.
- Погадаев В.А. Н.Н. Миклухо-Маклай в судьбе историка Е.И. Гневушевой // Человек из легенды. К 150-летию со дня рождения Н.Н. Миклухо-Маклая. М: Красная Гора, 1997. С. 33–38.

- Подалко П.Э. Япония в судьбах россиян: Очерки истории царской дипломатии и российской дипломатии в Японии в конце XIX–начале XX века. М.: ИВ РАН; Крафт+, 2004. С. 210–213.
- Полян, Павел. Эмиграция: кто и когда в XX веке покидал Россию. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2006/0251/analit01.php>.
- Предварительный поисковый список востоковедов, покинувших Россию в XIX вв. URL: http://www.bfrz.ru/data/rus_nayk_zar_slovar_sorokina/rus_nayk_zar_slovar_sorokina_vostokov.edu.pdf.
- Примаков В.М. Записки волонтера. Гражданская война в Китае. М., 1966.
- Пушкин А.С. История Пугачева. Собрание сочинений в 10 т. Т. 7. М.: ГИХЛ, 1962. 463 с.
- Рагинский М.Ю. Милитаристы на скамье подсудимых. По материалам Токийского и Хабаровского процессов. М.: Юридическая литература, 1985. 365 с.
- Рансимен С. Падение Константинополя в 1453 году. Пер. с англ. Предисл. И.Е. Петросян [так] и К.Н. Юзбашьяна. М.: Наука 1983. 200 с.
- Растения-хищники. URL: <http://nplit.ru/books/item/f00/s00/z0000067/st168.shtml>.
- Рачинская Е. Перелетные птицы. Воспоминания. Посвящается Харбину и харбинцам. – San Francisco: Globus Publishers, 1982. 261 с.
- РГА ВМФ – Российский государственный архив Военно-Морского флота. Ф. 19. Оп. 1. Ед. хр. 168. Абхазская экспедиция, 1833 г. Список судов Черноморского флота, готовых к перевозке десанта. Фонд А.С. Меншикова (начальника главного Морского штаба Российской империи).
- РГА ВМФ. Ф. 205. Оп. 1. Ед. хр. 1631. О задержании корветом «Месселврия» и бригантиной «Нарцисс» трех турецких судов около берегов Абхазии. Канцелярия главного Морского штаба. 15 февр. 1834 г.
- РГА ВМФ. Ф. 167. Оп. 1. Ед. хр. 9. О высадке десанта для занятия Шапсухо. Фонд «Всеподданнейшие отчеты по флоту и морскому ведомству»
- РГА ВМФ. Ф. 19. Оп. 2. Ед. хр. 125. О сражении люгера «Глубокий» под командованием лейтенанта Шпаковского с чер-

- кесами у берегов Абхазии. Фонд А.С. Меншикова (по письмам М.Ю. Лермонтова). 19 июля 1837 г.
- РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Ед. хр. 3170. О действиях судов в Абхазской экспедиции. Фонд управления Главного командования Черноморского флота и портов Черного моря. 12 янв. 1834 г.-6 марта 1835 г.
- РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Ед. хр. 3571. О получении из русского посольства в Турции сведений о враждебных замыслах абхазцев против России, проникновении на восточное побережье Черного моря двух английских офицеров. Фонд А.С. Меншикова (по письмам М.Ю. Лермонтова). 1 октября - 23 дек. 1837 г.
- РГА ВМФ. Ф. 283. Оп. 1. Ед. хр. 2957. О награждении личного состава Морского ведомства, проявленное в боях с горцами у берегов Абхазии. Фонд инспекторского департамента, 1833 г.
- РГА ВМФ. Ф. 283. Оп. 1. Ед. хр. 4149. О плавании для перевоза с Константиновского мыса войск в Сухум-кале и раненых в Редут-кале. Фонд Инспекторского департамента, 1837 г. «Агатополь» - фрегат «Азов» Черноморского флота.
- РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 2655. Оп. 1. Д. 487.
- РГИА – Российский государственный исторический архив. Ф. 323. Оп. 3. Д. 37.
- Розенблит С.Я.* Дознание в Красной Армии: Руководство для дознавателей / Под ред. В.И. Носова. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1942. 58, [2] с.
- Розенблит С.Я.* Методика расследования дел о дезертирстве из Красной Армии / Под ред. чл.-корр. АН СССР проф. М.С. Строговича. М.: Изд-во НКЮ СССР, 1945. 32 с.
- Розенблит С.Я.* Методика расследования дел о невыполнении боевых приказов. М.: ВЮА, 1945. 43 с.
- Розенблит С.Я.* Методика расследования дел о хищении и разбазаривании военного имущества должностными лицами / Под ред. ген.-лейт. юстиции Н.П. Афанасьева; М.: Центральная тип. МВС СССР им. К.Е., 1948. 80 с.
- Розенблит С.Я.* Методика расследования летных происшествий / Под редакцией начальника Управления анализа лётных происшествий и безопасности полётов ВВС ВС Союза ССР гвардии полковника Н.И. Малышева. М.: ВЮА, 1948. 79 с.

- Розенблит С.Я. Расследование дел о «несчастных случаях». М.: ВЮА, 1944. 24 с.
- Розенблит С.Я. Расследование дел о нарушениях уставных правил караульной службы. М.: ВЮА, 1948. 24 с.
- Российская консульская служба в Австралии, 1857–1917 гг. / Сб. документов. Составители и авторы вводных статей и комментариев Массов А.Я. и Поллард М. М.: Международные отношения, 2014. 327 с.
- Ротенберг В. Еще один серьезный аспект «Закона о возвращении». URL: <http://vsrotenberg.rjews.com/11p.html#.XYqJ-ygzbct>.
- Рудникова Е.В. Выходцы из Российской империи в Новой Зеландии в период Первой мировой войны: источники и материалы // Дальний Восток России и страны Восточной Азии накануне и в годы Первой мировой войны. Сб. научн. ст.: ФГБУН «ИИАЭ ДВО РАН». Владивосток: Издательство «Рея», 2016. С. 108–115.
- Русская колония в Тунисе. 1920–2000. // Сборник. Составитель К.В. Махров. М.: Русский путь, 2008. 496 с.
- Русский Китай. Из коллекции Александра Васильева и Государственного музея Востока. Каталог выставки. М.: ГМВ, 2011. 172 с.
- Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь. Под общей редакцией В.В. Шелохаева. М.: РОССПЭН / Российская политическая энциклопедия, 1997. 748 с.
- Русско-индийские отношения в 1900–1917 гг. Сборник архивных документов и материалов. М.: Восточная литература РАН. 1999. 527 с.
- Рябова В.И. Российская эмиграция в Африке в 1920–1945 гг. М.: Макс Пресс, 2005. 192 с.
- Рябова В.И. Студенты-эмигранты в Северной Африке в 20-е гг. XX в. М.: Изд-во МГОУ, 2004. 54 с.
- Рязановский В.А. Современное гражданское право Китая: Вып. 1. Харбин: Заря, 1926. 197 с. (Английский перевод: The modern Civil Law of China. Part 1, 2. Harbin, 1927–1928).
- С.В. [Вологодский С.Г.] Иммиграция и земельный вопрос в Австралии // Записки Русского кружка изучения Австралии в Сиднее. Сидней, 1940. № 1. С. I–VII.

- Сазоновъ С.Д. Воспоминания. Парижъ-Берлинъ: книгоиздательство Е.Сяльской, 1927. 400 с.
- Саков Б. Алматы или Алма-Ата? URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0183/analit07.php>.
- Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч.: В 20 т. М.: Худож. литер., 1970. Т. 10. 837 с.
- Саноян Д. Армяне Иерусалима: прошлое и настоящее // Израиль глазами «русских». ИВ РАН, М.: Изд-во «Наталис», 2008.
- Саноян Д. Мы можем стать свидетелями полного исчезновения армянского Иерусалима // Ноев Ковчег. № 20 (203). Ноябрь (1-15) 2012. URL: <https://noev-kovcheg.ru/mag/2012-20/3529.html>.
- Сац Н.И. Новеллы моей жизни. URL: https://dom-knig.com/read_53797-227.
- Северный Кавказ в составе Российской империи. Серия Historia Rossica. / Под ред. О.В. Бобровникова, И.Л. Бабич. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 460 с.
- Семенченко Н. Потерянные русские // Диаспоры. № 1, 2005. С. 124–152.
- Семенченко Н.А. Русская община в Палестине после Первой мировой войны // Восточный Архив № 1 (25) 2012. М.: ИВ РАН. С. 53–62.
- Семенченко Н.А. Черкесы в Израиле: религиозно-этническая община // Исламский фактор в истории и современности. ИВ РАН. М.: Наука, 2011. С.456–465.
- Сибирские летописи. СПб.: Импер. Археографическая комиссия, 1907. 464 с.
- Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск: Наука, 1982. 258 с.
- Славинский Б.Н. Пакт о нейтралитете между СССР и Японией: дипломатическая история, 1941-1945 гг. М.: Новина, 1995. 336 с.
- Смирнов Л.Н., Зайцев Е.Б. Страницы Токийского процесса // Вопросы истории, № 1. Январь, 1977. С. 107–121.
- Смирнов Л.Н., Зайцев Е.Б. Суд в Токио. М.: Воениздат, 1980. 544 с.
- Совастеев В.В. Очерки истории Японии. От Токугава Иэясу до Хасимото Рютаро. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2008. 296 с.

- Список репрессированных лиц, архивные уголовные дела которых хранятся в КНБ РК. URL: <https://e-history.kz/ru/Repression/list/440>.
- Степанов П.П. Военные преступления, совершенные на территории СССР // Союз криминалистов и криминологов, №№ 1-4. М.: Изд-во ООО «НБ-Медиа», 2016. С. 133-143.
- «Судьба и творчество Гали Плисовской (Марковой)». 30 октября 2017. URL: <http://reg67.ru/65618-sud-ba-i-tvorchestvo-gali-plisovskoy-markovoy/>
- Сулейменова Э.Д. Политика языкового ренессанса в Казахстане: к теории возрождения и витальности языка // Вестник КазНУ имени аль-Фараби. Серия филологическая. № 4. 2003. С. 144-150.
- Суодене, Эляна. На планете поэтов – 4. URL: http://ruskaunas.lt/index.php?option=com_content&view=article&id=60:-4&catid=68:2009-11-13-10-29-10&Itemid=93.
- Супотницкий М.В., Супотницкая Н.С. Очерки истории чумы. В 2 кн. Глава XXXIV «Чума от дьявола (Китай 1933-1945)». М.: Вузовская книга, 2006. 468 с. + 696 с.: ил.
- Тарле Г.Я. История русского зарубежья: Термины, принципы периодизации // Культурное наследие российской эмиграции: 1917–1940. Кн. 1. М., 1994. С.16–24. (Перепечатано с сайта: «Русская эмиграция», разработанного Центром по изучению русского зарубежья Института политического и военного анализа).
- Телегина Р. Кармен // Советская Сибирь. 1945. 4 августа.
- Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада. 1879-1921 гг. М.: ИВ РАН, 2012. 352 с.: ил.
- Тишков В.А. Исторический феномен диаспоры // Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX-XX вв. Сб. ст. под ред. Ю.А. Полякова и Г.Я. Тарле. М.: ИРИ РАН, 2001. С. 9–44.
- Тольц В. «Собственный Восток России»: Политика идентичности и востоковедение в позднеимперский и раннесоветский период. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 332 с.
- Устав Харбинского железнодорожного собрания. Харбин: электро-типография «Трудовое товарищество», 1921. 40 с.
- Федеральный закон от 24.05.1999 N 99-ФЗ (ред. от 23.07.2013) «О государственной политике Российской Федерации в от-

- ношении соотечественников за рубежом». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=150465&fld=134&dst=100182,0&rnd=0.05333636803290798#041046212420197203>.
- Федотов А.С. Российская эмиграция и Русское зарубежье (к вопросу о дефинициях) // Тезисы докладов научной конференции: Роль русского зарубежья в сохранении отечественной культуры. М.: Институт российской истории РАН, 1993. URL: https://www.russkiymir.ru/fund/nam_pis_hut/157415/.
- Фельдман Э. «Русский» Израиль: между двух полюсов. М.: Маркет ДС, 2003. 534 с.
- Фомин В.Л. Книга и мечта о книге // Невский библиофил. СПб.: Изд-во «Сударыня», 2000. С. 161–171.
- Фомин В.Л. Макарий Домрачев – русский театральный художник в Китае // Культурное наследие российского государства. Вып. V. Ч. I. Ученые, политики, журналисты и церковные деятели об историческом и культурном достоянии: Сб. статей. СПб: ИПК «Вести», 2010. С. 315–324.
- Хаскин А. Иммигранты не-евреи в Израиле: формирование еврейской и израильской идентичности // Золото Галута. Духовная и культурная интеграция русских евреев в Израиле. Москва-Иерусалим, 2009.
- Хотко С.Х. Очерки истории черкесов от эпохи киммерийцев до Кавказской войны. СПб.: СПУ, 2001. 431 с.
- Хохлов А.Н. Иннокентий Серышев в Австралии. (Из истории востоковедения Русского зарубежья) // Страны Южных морей: прошлое и современность. Тезисы докладов XXIII научной конференции по изучению Австралии и Океании. М., 1997. С. 48–53.
- Хохлова В.П. Журнал «Жили-Были» (Тунис, 1921–1922) // Африканцы и россияне на перекрестках истории. М.: Институт Африки РАН, 2010. С. 143–155.
- Хренков А. Тунис: русская диаспора // Азия и Африка сегодня, 1997. № 11. С. 29–30.
- ЦГАЛИ СПб – Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга. Ф. 78. Оп. 3. Д. 149.
- ЦГАЛИ СПб. Ф. 260. Оп. 1. Д. 342.
- ЦГАЛИ СПб. Ф. 260. Оп. 1. Д. 560.
- ЦГАЛИ СПб. Ф. 260. Оп. 3. Д. 1239.

- ЦГАЛИ СПб. Ф. 260. Оп. 3. Д. 200.
- ЦГАЛИ СПб. Ф. 410. Оп. 1. Д. 57. Л. 13, 39.
- ЦГАЛИ СПб. Ф. 410. Оп. 1. Д. 40.
- ЦГАЛИ СПб. Ф. 410. Оп. 1. Д. 41.
- ЦГАЛИ СПб. Ф. 410. Оп. 1. Д. 43.
- ЦГАЛИ СПб. Ф. 410. Оп. 1. Д. 51.
- ЦГАЛИ СПб. Ф. 410. Оп. 1. Д. 53.
- ЦГАЛИ СПб. Ф. 410. Оп. 1. Д. 54.
- ЦГАЛИ СПб. Ф. 410. Оп. 1. Д. 55.
- ЦГАЛИ СПб. Ф. 410. Оп. 1. Д. 56.
- ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-260. Оп. 1. Д. 816.
- ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-283. Д. 1458.
- ЦГАЛИ СПб. Ф. 110. Оп. 1. Д. 157.
- ЦГИА СПб – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 184. Оп. 3. Д. 1183.
- ЦГИА СПб. Ф. 1280. Оп. 4. Д. 462.
- Центральная Азия в составе Российской империи. Серия *Historia Rossica*. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 464 с.
- Центральный архив ФСБ РФ. Следственное дело Н-18765 в отношении Семёнова Г.М., Родзаевского К.В. и др. 1946. Т. 22. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Приговор_Военной_коллегии_Верховного_суда_СССР_по_делу_атамана_Г.М._Семёнова,_К.В._Родзаевского_и_других.
- Чекулаева Е. Малиган и Кардила. М.: Редакция журнала «Вокруг света», 1993. Июль-август. URL: <http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/1542/>; <http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/1784/>.
- Чекулаева Е. Человек-загадка // «Вокруг света», №1 (2676), 1997. URL: <http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/876/>.
- Черникова Л.П. Мост в прошлое везунчика-барона: (штрихи к портрету русского писателя Павла Северного. Уфа: Вагант, 2011. 118 с.
- Чиняков М.К. Еще раз о русских солдатах в Северной Африке (1918-1920 гг.) в свете новых источников // Африканцы и россияне на перекрестках истории. М.: Институт Африки РАН, 2010. С. 129-142.
- Чиркин С.В. Двадцать лет службы на Востоке. Записки царского дипломата. М.: Русский путь, 2006. 368 с.

- Ширинская А.А. Бизерта. Последняя стоянка. М.: Воениздат, 1999. 244, [2] с., [12] л. ил., портр.
- Шовунов К.П. Калмыки в составе Российского казачества (вторая половина XVII-XIX вв.). Элиста: КИОН РАН, Союз казаков Калмыкии, 1992. 319 с.
- Шталь В.А. Малые войны 1920-1930-х годов. М.: АСТ, 2003. 544 с.: ил.
- Штендаль У. Черкесы в Израиле. Нальчик, 2000.
- Энциклопедия «Алма-Ата» / под. ред. М.К. Козыбаева. Алма-Ата: «Казахская советская энциклопедия», 1983. 607 с.
- Эстрин А.С. Воспоминания (записано с его слов Е.И.Гневушевой) // Малайско-индонезийские исследования. Выпуск XX. К 50-летию Малайско-индонезийских чтений (1967-2017). Редакторы-составители В.А. Погадаев, В.В. Сикорский. М.: Общество «Нусантара», ИВ РАН, 2018. С. 304-321.
- Яблоновский А. Письма эмигранта // Африка глазами эмигрантов. Россияне на континенте в первой половине XX века. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2002. С. 9-17.
- Якимова Е.А. Еврейская община современной Литвы: проблемы возрождения и интеграции в европейскую среду // Евреи России, Европы и Ближнего Востока: история, культура и словесность. Материалы международной конференции 14 апреля 2019 г. Санкт-Петербург, 2019.
- Якимова Е.А. Исторические предпосылки современной дипломатии Израиля в отношении стран СНГ и Прибалтики. URL: <http://www.gramota.net/materials/3/2014/3-2/62.html>.
- Якимова Е.А. Процесс институционализации Азербайджано-израильских отношений // Вестник РУДН, Серия международные отношения, 2014. № 4.
- Ястребова Л. Гали Плисовская: «Я горький путь – изгнание избирая» // Австралиада, 1997, №14. С. 28-30.
- «Я горький путь-изгнание выбираю» 15.03.2017.
URL: <http://demidov.library67.ru/news/-ya-gorkij-put-izgnane-vybirayu-2/>.
- VII конгресс Коммунистического Интернационала, борьба против фашизма и войны. Сборник документов. М.: «Политиздат», 1975. 527 с.

- 36 «White Russians» arrive from Iran // New York Times. 10 November 1949.
- A chequered career / The «Taranaki daily news» newspaper. 30.08.1919.
- Abrahamian, Ervand.* A History of Modern Iran. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 228 p.
- Abrahamian, Ervand.* Iran Between Two Revolutions. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1982. 561 p.
- Alexopoulos, Golfo.* Stalin's Outcasts: Aliens, Citizens and the Soviet State, 1926-1936. Ithaca and London: Cornell University Press, 2003. 256 p.
- Amanat, Abbas.* Iran: A Modern History. New Haven and London: Yale University Press, 2017. 1000 p.
- Andreeva, Elena.* Russia and the Great Game: Travelogues and Orientalism. London and New York: Routledge, 2007. 288 p.
- Andreeva, Elena and Nouraei, Morteza.* Russian Settlements in Iran in the Early Twentieth Century: Initial Phase of Colonization. Iranian Studies. Vol.46, Issue 3, 2013. P. 415-442.
- Andreyev, Catherine and Savicky, Ivan.* Russia Abroad: Prague and the Russian Diaspora, 1918-1938. New Haven and London, 2004. xxiv, 246 pp.
- Andropov Simon and Joan.* A Pair of Shoes. Unpublished memoir of life of Dyatloff and Andropov families in Russian and Iran. Melbourne, Australia, n.d. (personal library).
- Australiada Editorial Board. Russians in Australia. Sydney: Australiada, 2012.
- Baily, Mark.* Assisted Polish migrants to Otago, the 1870s. A dissertation submitted for the degree of PGDip (Arts) at the University of Otago. Dunedin (N.Z.), 2010. 62 p.
- Barrat G.* Russophobia in New Zealand. 1838-1908. Palmerston North: The Dunmore Press, 1981. 180 p.
- Barry, James.* Armenian Christians in Iran: Ethnicity, Religion and Identity in the Islamic Republic. Cambridge: Cambridge University Press, 2018.
- Belov, Fedor.* The History of a Soviet Collective Farm. London: Routledge & Kegan Paul, 1956. xiii, 237 p.
- Chiasson, Blaine R.* Administering the Colonizer: Manchuria's Russians under Chinese Rule, 1918-29. Vancouver, British Columbia: UBC Press, 2010. 285 p.

- Christa, Boris.* The Great Bear and the Southern Cross: the Russian Presence in Australia // Russian and the Fifth Continent. / Ed. by John McNair and Thomas Poole. St. Lucia: University of QLD Press, 1992. Pp. 81-109.
- Cronin, Stephanie.* Deserters, Converts, Cossacks and Revolutionaries: Russians in Iranian Military Service, 1800-1920. // Iranian-Russian Encounters: Empires and Revolutions Since 1800. London and New York: Routledge, 2012. Pp. 143-185.
- Cronin, Stephanie.* Soldiers, Shahs and Subalterns in Iran, 1921-1941. Oxford: Oxford University Press, 2010.
- Denisenko, Mikhail.* Historical and Current Trends in Emigration from Russia / Russian Council.ru. August 14, 2013.
URL: https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/historical-and-current-trends-in-emigration-from-russia/?sphrase_id=705758.
- Fatemi, Faramarz S.* The USSR in Iran. South Brunswick and New York: A.S. Barnes & Company, 1980. 210 p.
- Faustova, Milena.* Russian Orthodoxy in Iran / Voice of Russia, March 9, 2012. URL: www.johnsanidopolous.com/2012/03/russian-orthodoxy-in-iran.html.
- Fawcett, Louise d'Estrange.* Iran and the Cold War: the Azerbaijan Crisis of 1946. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. 239 p.
- Fitzpatrick, Sheila.* Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930-s. Oxford: Oxford University Press, 1999. x, 227 p.
- Fitzpatrick, Sheila.* Stalin's Peasants: Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivisation. New York: Oxford University Press, 1994. xx, 386 p.
- Gnevusheva E.I.* Russians in Malaya and on Malaya // Meetings with Malaysia. Kuala Lumpur, 1974.
- Gnewoesjewa E.I.* De levensgeschiedenis van W.P. Mamalyga (Malygin) – Rustverstoorder Nederlandsch-Indië // Bijdragen tot de Taal-, Land- en Volkenkunde van Nederlandsch-Indië. Deel 121, afl. 3, 1965.
- Gnewusyeva Ye.I.* Ikut Berdjuang untuk Kemerdekaan Indonesia // Negeri Sovjet, N 2. Jakarta, 1962.
- Gnewusyeva Ye.I.* Insinyur Rusia dalam Pembangunan Pelabuhan Surabaya // Antara Spektrum. 2.1.1979. Pp. 18-19.

- Goldman L.M.* The history of Jews in New Zealand. Wellington [N.Z.]: A.H.&A.W. Reed, 1958. 272 p.
- Govor, Elena.* Falling Stars: The Story of Anzacs from Ukraine. Canberra: Alcheringa, 2017. vi, 239 p: ill., facsimilies, 1 map, portraits.
- Govor, Elena.* Russian Anzacs in Australian History. Sydney: University of New South Wales Press, 2005. ix, 310 p.: ill.
- Grossman, Atina.* Soviet Jewish refugees in Soviet Central Asia, Iran and India // Shelter from the Holocaust: Rethinking Jewish Survival in the Soviet Union / Ed. by Mark Edele, Sheila Fitzpatrick and Atina Grossman. Detroit: Wayne State University Press, 2017. P. 1-27.
- Hardwick, Susan Wiley.* 1993, Russian Refuge: Religion, Migration and Settlement on the North American Pacific Rim. Chicago and London: University of Chicago Press, 1993. 252 p.
- Jackson, Ashley.* Persian Gulf Command. New Haven and London: Yale University Press, 2018.
- Jernakov V.N.* Aleksei Pavlovich Hionin // Monograph series under the general editorship of Nina Christesen. Russians in Australia. - University of Melbourne, 1973. No. 4. 5 p.
- «Jews» // Te Ara – An Encyclopedia of New Zealand / Ed. by A.H. McLintock, originally published in 1966.
URL: <http://www.TeAra.govt.nz/en/1966/jews>.
- Johnston, Robert H.* New Mecca, New Babylon: Paris and the Russian Exiles, 1920-1945. Kingston and Montreal: McGill-Queen's University Press, 1988. ix, 254 p.
- Kallashnikoff, W.* A Russian Protest // Daily Mail, 27 August 1918. Brisbane. P. 2.
- Keddie, Nickie R.* Modern Iran: Roots and Results of Revolution. Updated Edition. New Haven and London, 1981. 379 p.
- Kononova, Margarita.* The Participation of Russian Pre-Revolutionary Diplomats in the Cultural life of the Russian Emigration // Russian Émigré Culture: Conservatism or Evolution? Newcastle: Cambridge Scholars Publishing, 2013. Pp. 28-29.
- Lenczowski, George.* Russia and the West in Iran, 1918-1948: A Study in Big-Power Rivalry. Ithaca and New York: Cornell University Press, 1949. xv, 383 p.

- Levine, Stephen.* «Jews – 19th-century immigration». Te Ara – The Encyclopedia of New Zealand. URL: <http://www.TeAra.govt.nz/en/iews/page-1>
- List of Early Polish Settlers. URL: <https://polishhistorynewzealand.org/list-of-early-polish-settlers/>.
- Local and General // The «Evening Post» newspaper. 24.02.1912. P.4.
- Loescher, Gill.* Beyond Charity: International Cooperation and the Global Refugee Crisis. New York and Oxford: Oxford University Press, 1993. 260 p.
- Malakhoff, Alexander.* Growing up in Iran. Bloomington: Author House, 2009. 388 p.
- McGill D.* The other New Zealanders. Wellington [N.Z.]: Mallinson Rendel, 1982. 160 p.
- Miscellaneous – Register of Persons Naturalized in New Zealand before 1948 year. Wellington: Government publishing, 1948. 426 p.
- National Archives of Australia (Australian Capital Territory. NAA) : Series No.: A1/15. Item No: 1935/7255. Item Title: S. G. Volodsky. – Naturalization Certificate.
- NAA. A 981/4. CONS 240.
- NAA. B2455, MARKOWICZ ALFRED JAN DE TOPOR.
- NAA. B741, V/8883.
- National Archives of New Zealand, Wellington (Wgtn.) office (NANZ)
- O'Dell, Emily Jane.* Iranian-Russian Cinematic Encounters // Iranian-Russian Encounters: Empires and Revolutions since 1800. / Edited Stephanie Cronin. London and New York: Routledge, 2013. Pp. 324-336.
- Persia Annual Report 1933 – British Consulate. Copy in National Archives of Australia, Series A981. Per 9, Part. 1.
- Pobog-Jaworowski F.W.* History of the Polish Settlers in New Zealand, 1776-1987. Warsaw: CHZ Ars Polona, 1990. 228 p., ill.
- Pogadaev, Viktor.* Penvair Agung Rusia Pushkin dan Dunia Timur. Monograph Series. Centre for Civilisation Dialogue. University Malaya. N. 6, 64, 2003. (на мал. яз. Великий русский поэт Пушкин и мир Востока). Москва, 1997.
- Ravandi-Fadai, Lana.* Reconstructions of a Native in Exile: Cossack Brigade Fighter and Architect of Tehran – Nicolai L'Vovich Markov (1882-1957) // Russians in Iran: Diplomacy and the

- Politics of Power in the Qajar Era. / Ed. by Rudee Matthew and Elena Andreeva. London and New York: I.B. Tauris, 2017. 336 p. Pp. 334-354.
- Register of Aliens in New Zealand, 1917. Wellington [N.Z.]: Margus F. Marks, Government printer, 1917. 824 p.
- Reynolds, Quentin. The Curtain Rises. London: Cassell and Co, 1944. 291 p.
- Rezun, Miron*. The Soviet Union and Iran: Soviet Policy in Iran from the Beginnings of the Pahlavi Dynasty until the Soviet Invasion in 1941. Geneva: Institut Universitaire de Hautes Etudes Internationales, 1981. xi, 425 p.: ill.
- Ristaino, Marcia Reynders*. Port of Last Resort: The Diaspora Communities of Shanghai. Stanford: Stanford University Press, 2001. xviii, 369 p.
- Robinson, Paul*. The White Russian Army in Exile, 1920-1941. Oxford: Oxford University Press, 2002. 268 p.
- Russian Consul in New Zealand / The «Dominion» newspaper. 22.02.1912. P. 2.
- Russian Orthodox Church Outside Russia 1945-1970 – Papers of St Nicholas Church, Teheran, ROCOR Synod Archives, New York, New York State.
- Russians in Iran: Diplomacy and the Politics of Power in the Qajar Era / Ed. by Matthee, Rudi and Andreeva, Elena. London and New York: I.B. Tauris and Co., 2017. 336 p.
- Sackville-West, Vita*. Passenger to Teheran. 2nd Edition, originally pub. 1926. Heathfield: Cockfield Press, 1990. 160 p.
- Saikal, Amin*. The Rise and Fall of the Shah; Iran from Autocracy to Religious Rule. New Jersey: Princeton University Press, 1980. 279 p.
- Schayegh, Cyrus*. Recent Trends in the Historiography of Iran under the Pahlavi Dynasty, 1921-1979. // History Compass. 6/6, 2008. P. 1400-1406.
- Shipping intelligence / The «New Zealander» newspaper. 25.10.1851. P. 2.
- Ships Nominal Rolls 1950-1951 – National Archives of Australia. Shipping Arrivals and Immigration and Naturalisation records, Canberra, Australia.

- Sternfeld, Lior B.* Between Iran and Zion: Jewish Histories of Twentieth-Century Iran. Stanford: Stanford University Press, 2018. 208 p.
- Tolstoy, M.H. and Yakimoff, Feodor.* Life and Fate: Exiles from Russia: A Russian Family in Iran (1900-1980), Three Generations. Nansen Papers 2012. St Petersburg Institute of History, St Petersburg, 2014.
- Tolstoy Foundation Administrative Records 1952-1979 - Middle East Cabinets, Valley Cottage, New York State.
- «True to Australia». A Russian's death / «Northern Star» newspaper, 23 April 1919. Lismore. P. 5.
- Viola, Lynne.* Peasant Rebels Under Stalin. Oxford: Oxford University Press, 1996. xii + 312 p.
- Viola, Lynne.* The Second Coming: Class Enemies in the Soviet Countryside, 1927-1935. // Stalinist Terror: New Perspectives / Ed. by J. Arch Getty and Roberta T. Manning. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. Pp. 65-69.
- Volkov, Denis V.* Russias Turn to Persia: Orientalism in Diplomacy and Intelligence. Cambridge: Cambridge University Press, 2018.
- Volodarsky, Mikhail.* The Soviet Union and its Southern Neighbours: Iran and Afghanistan, 1917-1933. Ilford Essex: Frank Cass and Co., 1994. xii. 196 p.
- Vozchikov V.A.* Mihail Spassovsky. Architect and Artist. Facts and Life in Teheran // New Look. International Scientific Newsletter, Issue 8. Novosibirsk: Altai State Humanitarian and Pedagogical University, 2015 (in Russian).
- Williams, Robert C.* Culture in Exile: Russian Emigres in Germany, 1881-1941. Ithaca and London: Cornell University Press, 1972. xx, 404 p.
- Zarkashev, Abbott Alexander.* Russian Orthodox Church in Persia-Iran (1597-2001). Saint Petersburg, 2002 (in Russian).
- Zarkeshev, Abbott Alexander.* History of Russian Orthodoxy in Iran'. Interviewed by Anna Lisichkina. 2014.
URL: <http://ricolor.org/rz/mp2/>.

Для заметок

Для заметок

Научное издание

**ВОСТОЧНЫЕ ВЕТВИ
РОССИЙСКОЙ ДИАСПОРЫ
Том 2.
СКВОЗЬ ВЕКА И СТРАНЫ
коллективная монография**

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН*

Редактор Д.С. Панарина
Корректор Е.М. Астафьева
Верстка, обложка Е.М. Астафьева

Подписано 09.04.2020
Формат 60х90/16 Бумага офсетная
Усл. печ. л. 28,25 Уч.-изд. 18,9
Тираж 500 экз. Заказ № 416

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук
107031 Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский отдел
Зав. отделом И.В. Федулов
E-mail: izd@ivran.ru

Отпечатано в ПАО «Т8 Издательские технологии»
г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корп. 5